PG 3453
.A93 N3

1871

THE LIBRARY OF CONGRESS

В. Г. АВСѢЕНКО

НА РАСПУТЬИ

Романъ въ двухъ частяхъ.

Исправленное изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
—
1871.

PG34
.A93W3
1871

1028
291

НА РАСПУТЬИ.

Arsenko, Vasilii Grigorievich

В. Г. АВСѢЕНКО

Na rasputi'i

НА РАСПУТЬИ

Романъ въ двухъ частяхъ.

Исправленное изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Юлія Андр. Бокрама, по Большой Московской, № 4.

1871.

PG3453
.A93N3
1871

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Десятка два экипажей загораживали довольно широкую для губернскаго города Бѣлогорска улицу передъ домомъ помѣщика Михайла Ильича Рыбоѣдова. Свѣтъ скупо проникалъ сквозь вспотѣвшія стекла и ложился пятнами на покрытой грязными лужами мостовой. У подъѣзда дремалъ верхомъ на лошади жандармъ, поставленный не столько для порядка, такъ какъ съѣздъ былъ не великъ, сколько для почета: Михайло Ильичъ былъ тузъ.

Онъ занималъ оба этажа большаго дома, который въ городѣ, не то въ насмѣшку, не то серьезно, называли не иначе, какъ „замкомъ“. Впрочемъ, жизнь въ этомъ „замкѣ“ велась теперь далеко не съ прежнимъ широкимъ розмахомъ, и впечатлѣніе чего-то блеклаго лежало отпечаткомъ на всей обстановкѣ барскаго жилья; замѣчались признаки запустѣнія и нѣкоторой, хотя мелкой, неряшливости, обличавшей или равнодушіе хозяина къ прежнимъ затѣямъ, или упадокъ денежныхъ средствъ. Ненынѣшнія, толстыя, точно вросшія въ землю стѣны, украшенныя лѣпною работою крѣпостнаго художника, оставались почти единственнымъ памятникомъ прежняго

великолѣпія. Неуклюжую старинную мебель Михайло Ильичъ давно выбросилъ; новая меблировка, весьма дорогая и изящная, успѣла полинять и потускнѣть, и вмѣстѣ съ выцвѣвшими ливреями и отощавшими физіогноміями слугъ только усиливала впечатлѣніе блеклости, замѣчавшееся при внимательномъ осмотрѣ „замка“.

Въ этотъ день здѣсь собралось избранное общество— та часть губернской знати, которую сама губернаторша завистливо называла crême de la société, и которая считала себя вправѣ быть недовольною эманципаціей и земствомъ, съ тѣхъ поръ, какъ это недовольство сдѣлалось у насъ въ нѣкоторыхъ сферахъ признакомъ хорошаго тона. Къ этому обществу всей душой принадлежалъ и Михайло Ильичъ Рыбоѣдовъ, хотя, будучи лицомъ офиціальнымъ и занимая нѣкоторый важный постъ въ губерніи, принужденъ былъ приглашать къ себѣ иногда и людей постороннихъ — obligé de recevoir tout le monde, какъ выражался онъ самъ, извиняясь передъ интимнѣйшими пріятелями.

Хозяинъ былъ доволенъ, чувствуя себя на этотъ разъ между людьми своего круга, и гости казались довольными по той же причинѣ, хотя это и не мѣшало всѣмъ и каждому испытывать то особенное, похожее на слабую зубную боль ощущеніе скуки, которое составляетъ атмосферу нѣкоторыхъ домовъ. Говоря правду, желательнѣе было бы, чтобъ общество было шумнѣе, многочисленнѣе и смѣшаннѣе; гораздо пріятнѣе было бы сом-

кнуться „своимъ кружкомъ“ посреди робкой толпы губернскихъ разночинцевъ, и ежеминутно млѣть въ припадкѣ самыхъ аристократическихъ ощущеній. А тутъ все свои, и нѣтъ этой темной массы, которая такъ отлично оттѣняетъ избранныя существованія...

Скучно было даже въ гостиной, хотя тамъ присутствовала Настасья Петровна, дама происхожденія степнаго. но тѣмъ не менѣе высоко-аристократическаго. Она всегда знала втрое больше сплетенъ, чѣмъ сколько ихъ было въ городѣ, и имѣла привычку, пріѣхавъ куда нибудь въ домъ, заглянуть въ шкафы, въ коммоды, даже подъ кровати, даже въ кострюли, если ей удавалось проникнуть на кухню; по призванію она была кухарка или гадальщица, но вдругъ, внезапно почувствовавъ себя viéille-roche, укоренилась и была всѣми признана въ этомъ званіи; и ее не только уважали, ея боялись въ городѣ—боялись ея высоко-аристократическаго grand-train и ея злословія, отдававшаго запахомъ кочевой кибитки и толкучаго рынка. Не могла разсѣять скуки и сама хозяйка дома—маленькая, толстая женщина, въ молодости исполнявшая роль губернской Мессалины, а теперь пристрастившаяся къ литературѣ и находившаяся незадолго передъ тѣмъ два года въ бѣгахъ съ золотушнымъ редакторомъ губернскихъ вѣдомостей; она также чувствовала себя viéille-roche, но, не обладая дарованіями Настасьи Петровны, только пучилась и спазматически поводила глазами въ ожиданіи, пока раскроютъ

карточные столики. Ея дочь, восемнадцатилѣтняя дѣвица, высокая, съ отдутлыми щеками (до того отдутлыми, что, какъ говорили губернскіе остряки, лицо m-lle Рыбоѣдовой можно было видѣть не только спереди, или сбоку, но и сзади) напряженно щипала бахрому своей кофточки, и когда съ ней заговаривали, то какъ-то странно ёжила свой маленькій носикъ, жалостливо пріютившійся между щеками. Тутъ же поминутно появлялся и исчезалъ извѣстный цѣлой губерніи Иванъ Ивановичъ Рябчиковъ, котораго подвижная, точно гуттаперчевая фигурка, съ прыгающими глазками, маленькимъ, вздернутымъ, нюхающимъ носомъ, неслышной походкой (онъ носилъ постоянно какіе-то тихо-шуршащіе сапоги безъ каблуковъ) такъ и спрашивала: не могу ли я быть вамъ чѣмъ нибудь пріятенъ? Онъ зналъ на каждый день всѣхъ имянинниковъ въ городѣ, любилъ занять крупную сумму денегъ, называлъ себя ограбленнымъ на выкупномъ договорѣ и выписывалъ на счетъ присутственнаго мѣста, въ которомъ считался членомъ, экземпляръ газетки, выдающей себя за аристократическую. Не смотря однакожь на такой независимый и даже оппозиціонный образъ мыслей Рябчикова, о немъ разсказывали вещь почти неправдоподобную, а именно: будто нѣсколько лѣтъ назадъ, въ кабинетѣ его, между очень порядочной мебелью, появился вдругъ какой-то старый, ободранный диванъ, поставленный однакожь на очень видномъ мѣстѣ. „Что это такое?“ спрашиваютъ его знако-

мые. „Это, это... достопримѣчательность, монументъ“ отвѣчаетъ Рябчиковъ шопотомъ, подымаясь на цыпочкахъ къ самому уху любопытствующаго. „Да что же такое?“ Оказалось, что на этомъ диванѣ, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, будто бы родился бѣлогорскій губернаторъ. Такъ этотъ монументъ и стоялъ въ кабинетѣ, пока начальство само не внушило убрать его на чердакъ.

Въ половинѣ одинадцатаго пріѣхалъ губернаторъ и прошелъ, пріятно покачиваясь на своихъ коротенькихъ и тучныхъ ножкахъ, черезъ всю залу; за нимъ тотчасъ внесли ломберные столики, и вечеръ вступилъ въ свое обычное теченіе.

Среди этого избраннаго общества, среди этихъ „сливокъ“, можно было бы однакожь замѣтить нѣсколько лицъ, попавшихъ сюда случайно, не столько въ силу своего родоваго или служебнаго превосходства, сколько благодаря крайней смутности симпатій и понятій, обнаруживаемой обыкновенно ва Руси разными „избранными“ обществами. Тутъ былъ напримѣръ чрезвычайно осанистый и вылощенный какими-то рѣдкими снадобьями баринъ, заѣхавшій изъ Петербурга для покупки имѣнія, никому неизвѣстный и со всѣми перезнакомившійся. Онъ кланялся всѣмъ съ такимъ свободнымъ и какъ будто даже брезгливымъ достоинствомъ, такъ равнодушно прицѣнялся къ самымъ огромнымъ имѣніямъ въ губерніи, такъ обязательно принималъ приглашенія на обѣдъ и

на балъ, такъ довѣрчиво проговаривался о своей интимности въ мало-доступныхъ петербургскихъ сферахъ, что очарованный Бѣлогорскъ, принявшій его за самаго блестящаго представителя крупнаго землевладѣнія, былъ несказанно скандализированъ распространившейся въ скоромъ времени вѣстью, будто петербургскій гость таинственно выѣхалъ изъ города на перекладной, такъ какъ его щегольской дормезъ задержанъ за долги хозяиномъ гостиницы. Тутъ же фигурировалъ маленькій, еще не вполнѣ отъѣвшійся человѣкъ, съ острыми и нѣсколько хищными чертами лица, по фамиліи Берлинскій, единогласно признаваемый за самаго богатаго въ губерніи человѣка и умнѣйшую коммерческую голову; онъ появлялся въ гостиной только на минуту, говорилъ мало, смотрѣлъ на дамъ съ такимъ видомъ, какъ будто прицѣнялся къ ихъ брилліантамъ, и спѣшилъ укрыться въ кабинетѣ, гдѣ ему была приготовлена тарелочка съ финиками, которые онъ чрезвычайно любилъ. Въ сторонѣ отъ другихъ, въ уголкѣ гостиной сидѣли двое, попавшіе сюда очевидно также случайно, хотя и не имѣвшіе ничего общаго ни съ петербургскимъ гостемъ, ни съ умнѣйшею коммерческою головою. Сидѣлъ, впрочемъ, только одинъ изъ нихъ — высокій, плечистый блондинъ лѣтъ двадцати восьми, съ лицомъ довольно красивымъ, голубыми глазами и длинной, мягкой, русой бородой; его обвѣтренное и не смотря на ранюю весну уже загорѣлое лицо, и несовсѣмъ свѣжій фракъ, обличали въ немъ

деревенскаго жителя, заѣзжаго. Другой, низенькій, сухощавый, чрезвычайно смуглый человѣкъ, съ быстрыми, угловатыми движеніями, поминутно вскакивалъ съ мѣста, вытягивалъ шею, точно высматривалъ кого-то, взмахивалъ руками и опять внезапно падалъ на стулъ; разговоръ, который онъ велъ съ пріятелемъ, увлекалъ его, и его маленькіе, желтые глазки безпокойно бѣгали подъ густыми, черными бровями. Блондинъ съ большой бородой прозывался Ѳедоромъ Петровичемъ Рѣшетиловымъ и служилъ мировымъ посредникомъ въ ближайшемъ уѣздѣ; у Рыбоѣдовыхъ появлялся онъ рѣдко, и его мало знали въ большомъ губернскомъ свѣтѣ. Пріятель его, Иванъ Сергѣичъ Чакольскій, состоялъ при губернаторѣ, которому доводился дальней родней.

— Ну, какъ же ты спрашиваешь, для какого чорта мы сюда пришли? говорилъ маленькій черненькій господинъ, развивая начатую тему.—Развѣ не поучительно поглядѣть, напримѣръ, на этихъ тружениковъ зеленаго поля: играютъ они по маленькой, страсти никакой; засиживаются не потому, чтобы увлекались азартомъ, а потому, что ихъ умишки вполнѣ удовлетворяются интересомъ, заключающимся въ самомъ процессѣ игры, въ комбинаціяхъ копѣечнаго преферанса. Ты не подумай, прибавилъ онъ, усмѣхнувшись, будто я говорю такъ со злости, оттого, что мнѣ не предложили играть—обнесли карточкой, какъ обносятъ за столомъ блюдомъ....

— А вѣдь обнесли? подстрекнулъ его Рѣшетиловъ.

— Плевать я на нихъ хочу, проворчалъ Чакольскій.— Я имъ даже признателенъ за то, что они застряли за картами: это все таки лучшее, чего отъ нихъ можно ожидать. А вотъ, полчаса назадъ, я былъ въ кабинетѣ и слушалъ оппозиціонное краснорѣчіе Михайла Ильича и его пріятелей: ругались они всѣ страшно, огульно, и не такъ, какъ мы съ тобой ругаемся, а съ старческимъ шипѣніемъ, съ озлобленіемъ, съ угроженіемъ розгой; распинались изъ-за принциповъ, которыхъ или никогда не существовало, или которыхъ никто не трогалъ; бранили администрацію, бранили какихъ-то гласныхъ, какую-то партію, путая при этомъ Монтескье съ отечественнымъ публицистомъ г. Бланкомъ. Подумаешь, вотъ какая органическая борьба закипѣла, какія стихійныя силы всколыхались на Руси! А вѣдь все это вздоръ, доморощенная ложь и шелуха, и только и было во всемъ этомъ неподдѣльнаго, что каждый изъ нихъ поминутно озирался, не идетъ ли губернаторъ. А ты еще тычешь мнѣ въ глаза отрицаніемъ: ищи, дескать, положительныхъ сторонъ жизни. Гдѣ же онѣ, эти положительныя стороны, я тебя спрашиваю? И что тутъ остается еще дѣлать, какъ не отрицать и отрицать?

Рѣшетиловъ, который слушалъ желчныя рѣчи пріятеля, слегка улыбаясь въ бороду и поглаживая ее своею широкой ладонью, переложилъ ногу на ногу и усмѣхнулся добродушно и почти ласково.

— Ты, стало быть, и земство отрицаешь? спросилъ онъ.

— Земство! слово-то какое! и произнести-то его просто не умѣютъ, а точно священнодѣйствуютъ! воскликнулъ Чакольскій, энергически дернувъ себя ладонью по волосамъ.—А почему бы мнѣ и не отрицать его, ваше пресловутое земство? Что оно сдѣлало кромѣ того, что въ эти нѣсколько лѣтъ сдѣлалось бы само собою, естественнымъ ходомъ вещей и времени? Знаешь ли ты, кому и для чего нужно это земство? Вотъ—онъ указалъ рукою на молодаго человѣка щеголеватой наружности, позировавшаго въ дамскомъ кружкѣ—полюбуйся на этого птенца изъ породы тѣхъ будто бы серьезныхъ и образованныхъ юношей, которыхъ такъ много развелось у насъ въ послѣднее время, и которые свое неисправимое бездѣльничество прикрываютъ тенденціей, купленной за двѣнадцать рублей съ пересылкой въ редакціи газетки, спекулирующей на ихъ тупоуміе. Онъ дѣйствительно не можетъ нарадоваться счастливой перемѣнѣ, постигшей его тунеядное существованіе. Въ самомъ дѣлѣ: прежде, когда его заставали за шлифованіемъ ногтей или повязываніемъ галстуха, всякій зналъ, что предается онъ этимъ занятіямъ вслѣдствіе своей совершенной негодности ни къ чему другому; а теперь эти шлифованные ногти—знамя, и самъ онъ—дѣятель!

Рѣшетиловъ и эту тираду пропустилъ безъ возраженія—ему все это начинало казаться скучнымъ и ненужнымъ. О чемъ тутъ толковать, спорить, когда все это ему ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко чуждо, и не воз-

буждаетъ въ немъ ни сомнѣній, ни колебаній? Онъ оставилъ далеко позади себя пору безпорядочныхъ стремленій, шатаній по чужимъ мыслямъ, исканія опоры; онъ давно ужь носилъ внутри себя взрослаго человѣка. Онъ какъ бы нехотя, чтобъ только добраться до конца разговора, проговорилъ:

— Ну, а крестьянская реформа, надѣлъ землею—ты и въ этомъ видишь одну отрицательную сторону?

Чакольскій сорвался со стула.

— Ужь не думаешь ли ты поддѣть меня на этой пресловутой волѣ? вскричалъ онъ. — Да ты пробовалъ ли дать себѣ отчетъ, къ какому результату ведетъ нашъ хваленый надѣлъ? Общинное владѣніе, подворное пользованіе—ха-ха-ха! Даже одной общей мѣры не могли придумать!

Въ эту минуту появленіе новаго лица прервало разговоръ. Въ гостиную входила молодая, изящно одѣтая дама; возрастъ ея относился къ тому періоду первой зрѣлости, который наступаетъ для однихъ раньше, для другихъ позже, и въ которомъ чрезвычайно трудно бываетъ опредѣлить точныя лѣта женщины. Разговоръ въ гостиной притихъ при ея появленіи; что-то даже въ родѣ замѣшательства произошло между гостями, такъ какъ провинціальное злословіе, обыкновенно вращающееся около отсутствующихъ знакомыхъ, въ эту минуту было обращено именно на нее: входя въ комнату, она должна была слышать свое имя, недоброжелательно произ-

несенное въ разговорѣ. Но ниодна черта ея лица не обнаружила чувства неловкости или неудовольствія. Тихо шурша своимъ шелковымъ платьемъ, прошла она между креслами, точно „пронося“ передъ гостями равнодушно-привѣтливую улыбку на молодомъ, красивомъ лицѣ, подхватила на лету какую-то фразу и быстро отвѣтила на нее; тутъ же бросила какой-то вопросъ и, не ожидая отвѣта, перешла на другой конецъ комнаты; замѣтила Чакольскаго, съ снисходительной короткостью кивнула ему головой и уронила взглядъ на его пріятеля.

— Кто это? спросилъ послѣдній, вскинувъ глазами на вошедшую. Чакольскій, какъ будто повеселѣвшій съ ея приходомъ, встрепенулся.

— Танищева, Вѣра Павловна, отвѣтилъ онъ. Она всего нѣсколько мѣсяцевъ въ Бѣлогорскѣ, хотя въ здѣшней губерніи ея имѣніе; но она постоянно жила въ Петербургѣ, или за-границей.

— Что жь, она вдова, или замужемъ?

— Замужемъ, но живетъ одна; кажется, мужъ ея порядочный негодяй, и она несчастлива съ нимъ. Но главное то, что она не похожа на другихъ женщинъ, и за это ее не любятъ здѣсь.

— Будто? недовѣрчиво отозвался Рѣшетиловъ. Онъ, поглаживая бороду своей широкой ладонью, внимательно поглядывалъ въ сторону, гдѣ помѣстилась Танищева.

— Развѣ ты не замѣтилъ долгаго, испытующаго

взгляда, которымъ ее окинули при входѣ въ гостиную? Этотъ взглядъ всегда сопровождаетъ ея появленіе въ обществѣ.

Чакольскій помолчалъ, и взглянувъ еще разъ въ сторону Танищевой, продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Я ненавижу это подозрительное, соглядатайское вниманіе, и однакожь, я его понимаю—и какъ бы выразиться — прощаю его. Такая женщина, какъ Вѣра Павловна, не можетъ не возбуждать его. Ты тотчасъ чувствуешь, что она не похожа на другихъ женщинъ, хотя—странное дѣло—ты затруднился бы опредѣлить, выше она ихъ, или ниже; она вноситъ съ собою какую-то прозрачную, неуловимую атмосферу, всю проникнутую загадочною прелестью лукавства и чего-то такого, что невольно возбуждаетъ и участіе, и любопытство, и подозрѣніе... да, именно подозрѣніе, потому что по всему существу ея пролита неуловимая струя лжи...

Рѣшетиловъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на Чакольскаго и улыбнулся.

— Вотъ, милѣйшій, какимъ ты вдругъ языкомъ заговорилъ... ужь не зацѣпила ли она тебя, эта замѣчательная женщина? произнесъ онъ.

Чакольскій какъ-то неловко усмѣхнулся и пожалъ однимъ плечомъ.

— Нѣтъ, братъ, не къ лицу мнѣ, проговорилъ онъ.— Впрочемъ, если хочешь, она меня интересуетъ, и я частенько къ ней хаживаю. Я люблю съ ней говорить,

хотя не могу отдѣлаться отъ какого-то страннаго недовѣрія, которое внушаютъ мнѣ ея разговоръ, ея взгляды, ея голосъ; притомъ, когда я говорю съ ней, какое-то неопредѣленное и словно жуткое ощущеніе овладѣваетъ мною, точно я вхожу въ красивую, очень нравящуюся мнѣ роль, и на меня самого распространяется атмосфера, полная красокъ, блеска и чего-то похожаго на ложь, которую окружена она сама...

Рѣшетиловъ съ возраставшимъ недоумѣніемъ поглядѣлъ на пріятеля.

— Это она не сама ли растолковала тебѣ? проговорилъ онъ.—А вѣдь держу пари, что она постоянно съ тобой говоритъ о себѣ, и все въ самыхъ удивительныхъ выраженіяхъ...

Чакольскій еще разъ пожалъ плечомъ и ничего не отвѣтилъ. Онъ выждалъ минуту, когда глаза его встрѣтились съ скучающимъ взглядомъ Вѣры Павловны, и подошелъ къ ней.

II.

— Здравствуйте, сказала ему Танищева, протягивая узкую, худенькую руку и указывая мѣсто подлѣ себя.— Я васъ мелькомъ замѣтила...

Тучный баринъ, посапывавшій подлѣ нея на диванѣ, остался у нея за плечомъ, и догадавшись, что на него больше не обращаютъ вниманія, скоро отошелъ. Вѣра

Павловна усѣлась поудобнѣе, поправила платье и остановила на Чакольскомъ спокойный, почти дружескій взглядъ, съ какимъ смотрятъ на хорошаго знакомаго, съ которымъ и посидѣть, и поболтать не скучно.—Ну, разскажите же, что вы подѣлывали—я васъ давно не видала?—прибавила она.

— Что я подѣлывалъ? переспросилъ Чакольскій, опускаясь подлѣ нея на диванъ.—Но вѣдь вы знаете, что дѣла у меня никакого нѣтъ, и я, какъ многіе порядочные люди, имѣю привычку ничего не дѣлать.

— Право? въ чемъ же порядочные люди проводятъ время? спросила, улыбаясь, Вѣра Павловна.

— Если не ошибаюсь—злятся, коротко объяснилъ Чакольскій.

— И шутятъ? добавила весело Вѣра Павловна — и нельзя было понять, шутитъ ли она сама, или смѣется надъ Чакольскимъ. Между ними вообще существовали странныя и не совсѣмъ ясныя для обоихъ отношенія: Вѣра Павловна оживлялась, когда говорила съ Чакольскимъ, и цѣнила въ немъ хорошаго собесѣдника; притомъ, она съ нимъ не стѣснялась и не находила нужнымъ маскировать свое пренебреженіе къ людямъ, съ которыми оба ежедневно встрѣчались, и которыхъ она на своемъ интимномъ языкѣ называла „жалочью“, производя это слово отъ „жалкій“, какъ „мелочь“ происходитъ отъ „мелкій“. Но Чакольскому иногда казалось, что часть пренебреженія, которое Вѣра Павловна вно-

сила въ эти разговоры, падала на его собственную долю, и что и самъ онъ въ сущности былъ для нея не болѣе, какъ шутка...

— Кто этотъ блондинъ съ бородой—вы съ нимъ сидѣли тамъ въ углу? спросила Вѣра Павловна, на лицѣ которой опять появилось разсѣянное и какъ будто скучающее выраженіе. — У него такое хорошее лицо, прибавила она.

Чакольскій объяснилъ, отозвавшись о пріятелѣ, какъ о человѣкѣ серьезномъ и преданномъ своему дѣлу.— „Но это, вы знаете, не по моей части“, поспѣшилъ онъ сгримасничать.

— Познакомьте меня съ нимъ, сказала Вѣра Павловна и взглянула внимательнѣе прежняго на Рѣшетилова, который въ это время, подойдя къ столу, съ равнодушнымъ видомъ перебрасывалъ толстые листки какого-то альбома.

Чакольскій хотѣлъ что-то возразить, но передумалъ и отправился за Рѣшетиловымъ. Тотъ немного поморщился.

— За что такая честь? ужь не навралъ ли ты чего про меня? отозвался онъ. Впрочемъ, онъ не сопротивлялся, но очень холодно и молча поклонился Танищевой, которая оглядѣла его неторопливымъ и какимъ-то настойчивымъ взглядомъ, и выразила удивленіе, что до сихъ поръ не встрѣчалась съ нимъ.— Но вы очень заняты, вамъ недосугъ посвящать себя обществу... прибавила она.

— Дѣйствительно, у меня много работы, отвѣтилъ Рѣшетиловъ.

— По службѣ?

— Да, и по службѣ, да и своимъ имѣніемъ тоже нужно бываетъ заняться. Притомъ, я вѣдь не живу постоянно въ городѣ.

— Я слышала, вы очень дѣятельный мировой посредникъ? продолжала Вѣра Павловна.

— Иванъ Сергѣичъ, въ качествѣ пріятеля, находитъ во мнѣ всевозможныя достоинства, отвѣтилъ Рѣшетиловъ. Вѣра Павловна опять взглянула на него, и на этотъ разъ въ ея глазахъ выразилось что-то въ родѣ недоумѣнія.

— Что вы не сядете? произнесла она.—Рѣшетиловъ молча опустился подлѣ нея на стулъ.

„Надо его тронуть съ другой стороны“, подумала Танищева и спросила, не у него ли въ участкѣ ея имѣніе? Рѣшетиловъ отвѣчалъ утвердительно и прибавилъ, что это одно изъ очень хорошихъ имѣній въ уѣздѣ, и что прикащикъ ея „знаетъ толкъ“. Вѣрѣ Павловнѣ было очень пріятно это слышать, потому что сама она какъ-то нерѣшительно относилась къ тому обстоятельству, что имѣньемъ ея управлялъ не агрономъ и вообще не нѣмецъ, а простой русскій мужикъ, Тихонъ Петровичъ.

— А вы его знаете? спросила она.

— Мы съ нимъ пріятели, отвѣтилъ Рѣшетиловъ.

Вѣра Павловна немного удивилась, но тотчасъ поду-

мала: „почему же, впрочемъ, ему и не быть пріятелемъ съ Тихономъ Петровичемъ“—и слегка покосилась на него.

— Скоро я собираюсь сама въ деревню, сказала она.—Я уже давно тамъ не была, и мнѣ даже совѣстно—такъ я отстала отъ хозяйства.

Рѣшетиловъ поморщился: у него только что налаживалось съ Тихономъ Петровичемъ добровольное разверстаніе, и онъ боялся, чтобы Вѣра Павловна своимъ вмѣшательствомъ не испортила дѣла.

— Въ деревнѣ вы соскучитесь, сколько я могу судить, замѣтилъ онъ.—Вѣра Павловна улыбнулась.

— А почему вы можете такъ судить? произнесла она, и искоса, снизу взглянула на него.—Вы вотъ постоянно живете въ деревнѣ и не скучаете...

— Я не живу—я дѣло дѣлаю, отвѣтилъ Рѣшетиловъ. Вѣра Павловна помолчала и опять обвела взглядомъ крупныя, почти рѣзкія черты его лица.

— Конечно, это очень важно... протяжно произнесла она, и подумала: „пожалуй, оно въ самомъ дѣлѣ похоже на то“.—И вы совершенно поглощены этимъ... дѣломъ? спросила она громко.

— Насколько меня хватаетъ—да, отвѣтилъ Рѣшетиловъ.

Оба опять помолчали.—Во всякомъ случаѣ, вы доставите мнѣ удовольствіе видѣть васъ у меня въ деревнѣ? произнесла Вѣра Павловна.

Рѣшетиловъ какъ-то неопредѣленно пошевелилъ плечами и наклонилъ голову.

— Въ случаѣ надобности, вамъ слѣдуетъ только дать мнѣ знать, и я немедленно явлюсь, отвѣтилъ онъ.

— Какъ это вы еще не сказали: „въ первую очередь“? возразила Вѣра Павловна, разсмѣявшись.—Ну, а безъ „случая надобности“, по простому знакомству, вы не подаете мнѣ надежды видѣть васъ?

И Вѣра Павловна продолжала улыбаться, тогда какъ ея глаза остановили на Рѣшетиловѣ покойный и медленный взглядъ. Рѣшетилову показалось, какъ будто онъ до той минуты не замѣчалъ сидѣвшей передъ нимъ женщины. И вдругъ, въ каждой чертѣ ея лица, полузакрытаго тѣнью отъ мягкихъ, льнущихъ къ щекѣ волосъ, въ неподвижномъ изгибѣ губъ, въ самомъ поворотѣ ея головки—онъ почувствовалъ что-то властительное, что-то стоявшее въ разрѣзъ съ свѣтски-шутливымъ тономъ ея словъ. Какое-то жуткое ощущеніе, похожее на внезапно проснувшуюся потребность самохраненія, шевельнулось въ немъ...

Поднявъ глаза, онъ увидѣлъ прямо передъ собою незнакомаго господина, который только что вошелъ въ гостиную и, замѣтивъ Вѣру Павловну, остановился и съ видимымъ удивленіемъ, почти въ упоръ, глядѣлъ на нее. Онъ казался среднихъ лѣтъ и обладалъ очень пріятною, немного самоувѣренною наружностью; въ немъ замѣчался отпечатокъ порядочности и даже щепетиль-

ности, нѣсколько на заграничный манеръ; только тонкій оттѣнокъ лѣни, не то артистической, не то просто барской, безошибочно указывалъ въ немъ русскаго и провинціала. Все это какъ-то сразу бросилось въ глаза Рѣшетилову; и въ ту же минуту онъ замѣтилъ, какъ смущеніе, похожее на испугъ, внезапно пробѣжало по лицу Вѣры Павловны и согнало съ него властительное и будто каменное выраженіе, поразившее его за минуту назадъ; у нея даже брови чуть-чуть дрогнули, и она сильно сжала пальцами кружевной платокъ, который мяла въ рукѣ.

— Васъ ли я вижу, Вѣра Павловна? произнесъ незнакомый господинъ съ глубокимъ поклономъ, въ которомъ Рѣшетилову показалось какъ будто что-то ироническое.—Какая неожиданная встрѣча!

Вѣра Павловна протянула ему руку, спрятала платокъ въ карманъ и поправила складки своего платья.

— Неожиданная? повторила она смущенно; — но я знала, что вы иногда бываете въ Бѣлогорскѣ, и расчитывала васъ встрѣтить. — Такъ вы очень удивлены, что видите меня? прибавила она весело, и спокойная, свѣтски-привѣтливая улыбка уже лежала на ея губахъ.

— Конечно, я... очень пріятно удивленъ, произнесъ незнакомый господинъ тономъ, въ которомъ Рѣшетилову опять послышалась не то иронія, не то скорѣе какая-то двусмысленность.—Тѣмъ болѣе, продолжалъ онъ, что,

уѣзжая изъ этихъ мѣстъ, вы выражали такое неуклонное намѣреніе никогда болѣе не посѣщать ихъ...

У Вѣры Павловны опять какая-то тѣнь пробѣжала по лицу, и уголки губъ чуть замѣтно дрогнули. Но она тотчасъ разсмѣялась.

— Будто я это говорила? произнесла она.—Впрочемъ, какія наши намѣренія прочны и неуклонны!—Что жь, вы находите большія перемѣны во мнѣ, Валеріанъ Николаичъ? я постарѣла, подурнѣла? прибавила она.

— Старымъ знакомымъ не идетъ дѣлать комплименты, отвѣтилъ Валеріанъ Николаичъ.—И вы давно опять въ этихъ мѣстахъ, Вѣра Павловна?

— Нѣсколько мѣсяцевъ, Валеріанъ Николаичъ.

— И надолго?

— Не рѣшаюсь вамъ сказать: вы уже знаете, какъ я непостоянна въ своихъ намѣреніяхъ.—Но pardon, вы прервали очень интересный разговоръ съ m-r Рѣшетиловымъ.—Хотите пройти въ залу? обратилась она, вставая, къ Ѳедору Петровичу: здѣсь жарко.—Я васъ еще не отпускаю, Валеріанъ Николаичъ; я вернюсь въ гостиную, прибавила она.

И кивнувъ ему головой, она вышла съ Рѣшетиловымъ въ залу и молча прошла съ нимъ до конца комнаты. „Неладно у нея съ этимъ бариномъ“, подумалъ Рѣшетиловъ, слѣдя за ея торопливой походкой и смущенными, тревожными тѣнями, быстро скользившими по ея измѣнчивому лицу. Слабая, вспугнутая женщина

шла съ нимъ рядомъ; „слабая... и лживая“, подумалъ онъ, почему-то вспомнивъ слова Чакольскаго.

— На чемъ это мы съ вами остановились? спросила Вѣра Павловна, замедляя шаги и обмахиваясь кружевомъ.—Ахъ, да, мы говорили о деревнѣ. Ну, такъ вы обѣщаете навѣщать меня въ моемъ одиночествѣ?

Рѣшетиловъ отвѣчалъ поклономъ, котораго Вѣра Павловна даже не замѣтила.

— Я боюсь, что человѣкъ, такъ мало жившій въ обществѣ, какъ я, едва ли можетъ быть для васъ пріятнымъ знакомымъ, замѣтилъ Рѣшетиловъ.

Вѣра Павловна быстро повернула къ нему лицо и тряхнула головой.

— Почему же именно для меня? возразила она съ живостью.—Вы, конечно, считаете меня свѣтской женщиной и, можетъ быть, даже въ самомъ ходячемъ смыслѣ этого слова; я и не стану опровергать васъ. Ну да, я свѣтская женщина, потому что люблю свѣтъ—хотя, напримѣръ, въ этомъ самомъ обществѣ, среди котораго мы съ вами разговариваемъ, нѣтъ никого, къ кому бы я могла питать уваженіе. Но я люблю свѣтъ, какъ стихію, а до отдѣльныхъ личностей мнѣ мало дѣла.

— Это, однакожь, противорѣчіе, возразилъ Рѣшетиловъ.

— Можетъ быть—согласилась Вѣра Павловна;—но вѣдь безъ противорѣчій можно только думать, а не жить. При томъ, я люблю свѣтъ также и за то, что онъ строго

соблюдаетъ условія, изъ которыхъ слагается... какъ бы сказать?... внѣшняя красота жизни.

У Рѣшетилова вдругъ мелькнула въ головѣ не совсѣмъ добрая мысль.

— Эта условность помогаетъ иногда выпутываться изъ затруднительныхъ положеній, сказалъ онъ и прямо взглянулъ въ глаза Вѣрѣ Павловнѣ.

У нея еще разъ уголки губъ чуть-чуть дрогнули, но тотчасъ окаменѣли въ равнодушномъ изгибѣ.

— Вы правы; въ свѣтѣ даже нескромность принуждена выражаться условно—отвѣтила она.

Разговоръ опять оборвался. „Барынька постоитъ за себя“, подумалъ Рѣшетиловъ съ какимъ-то смущеннымъ и какъ будто досаднымъ чувствомъ: — „но ей нравится преимущественно легкая сторона жизни, и она никогда изъ нея не вырвется“. А Вѣра Павловна, покосившись на него, подумала: „этотъ образцовый мировой посредникъ, называющій себя пріятелемъ Тихона Петровича, чуть не гордится тѣмъ, что говоритъ женщинамъ однѣ дерзости. Тѣмъ не менѣе, онъ не глупъ и... дерзокъ“, повторила она, относя это замѣчаніе къ какому-то неясному недоразумѣнію, мелькнувшему въ ея послѣднемъ разговорѣ.

Къ ней подошли двѣ пожилыя и по всѣмъ признакамъ очень важныя особы; Рѣшетиловъ воспользовался этимъ случаемъ и отошелъ въ сторону. Было уже поздно; на многихъ столикахъ окончилась игра; гости, въ ожи-

даніи ужина, какъ-то притихли и ловили многозначительные взгляды, которыми хозяйка обмѣнивалась съ дворецкимъ. Рѣшетиловъ отыскалъ шляпу и, прислонившись къ притолкѣ, выжидалъ удобную минуту, чтобъ незамѣтно оставить вечеръ.

— Знаешь, кто этотъ Валеріанъ Николаичъ? вдругъ неожиданно спросилъ его Чакольскій, внезапно очутившійся подлѣ него. И прежде, чѣмъ Рѣшетиловъ могъ что нибудь отвѣтить, объяснилъ, что фамилія его Косовицынъ, что по имѣнію онъ ближайшій сосѣдъ Вѣры Павловны, что онъ богатъ и образованъ, что одно время онъ выдавалъ себя за артистическую натуру, потомъ сталъ корчить англомана, спортсмена и хозяина, но что „вообще онъ должно быть глупъ и ветошка страшная, да еще крѣпостникъ на придачу". И тутъ же, съ какою-то стремительностью, отличавшею всегда его рѣчи, разсказалъ очень подробно о слухахъ, ходившихъ на счетъ близкаго, по свидѣтельству бѣлогорской хроники, знакомства Вѣры Павловны съ Косовицынымъ, когда она была еще въ дѣвушкахъ, и о томъ, что это обстоятельство было даже причиною ея поспѣшнаго выхода замужъ за Танищева, который ни въ какомъ отношеніи ей не пара. Рѣшетиловъ слушалъ его съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ, и припоминая неуловимое, интригующее выраженіе лица Вѣры Павловны, ея какъ будто лгущій голосъ, ея красивыя, выработанныя движенія,—начиналъ думать, что все это непремѣнно должно быть такъ, и

что за этими внѣшними, слишкомъ обыденными фактами должно скрываться еще много такого, что недоступно и непонятно губернской наблюдательности, и потому не вошло въ ходячую сплетню...

А Вѣра Павловна въ это время, отдѣлавшись отъ важныхъ особъ, желавшихъ размять въ разговорѣ съ нею свои завявшіе за пулькой языки, быстро подошла къ сидѣвшему въ углу гостиной Косовицыну. Онъ всталъ при ея приближеніи и пошелъ вслѣдъ за нею къ глубокому окну, полузакрытому тяжелой драпировкой.

— Я надѣюсь, вы не будете искать случая встрѣчаться со мною? произнесла Вѣра Павловна отрывисто, взмахнувъ на него своими длинными рѣсницами.

— Я знаю, что не могу разсчитывать на ваше снисхожденіе, хотя, можетъ быть, и заслуживаю его, проговорилъ Косовицынъ, потупляясь.

— Дѣло не въ этомъ, возразила съ нетерпѣливымъ жестомъ Вѣра Павловна. Вы понимаете, что мнѣ не зачѣмъ, не къ чему... что мнѣ наконецъ не желательно встрѣчаться съ вами? Но живя въ одномъ обществѣ, мы постоянно рискуемъ неожиданностями... въ родѣ сегодняшней. Я не намѣрена стѣснять вашей свободы, не буду требовать, чтобы вы для меня отказались отъ общества,—но вы должны дать слово, что не будете нарочно искать случая видѣться со мною, не будете меня преслѣдовать.

Она замолчала и, не переводя дыханія, смотрѣла на

Валеріана Николаича, который какъ будто нарочно медлилъ отвѣтомъ. Въ его маленькихъ, нѣсколько прищуренныхъ глазахъ мелькалъ какой-то подозрительный блескъ.

— Мнѣ, напротивъ, такъ бы хотѣлось видѣть васъ, передать вамъ такъ много существеннаго, важнаго, интимнаго... произнесъ онъ съ тѣмъ неопредѣленнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ, который вырабатывается у людей, привыкшихъ много и сознательно лгать. Вѣра Павловна нетерпѣливо, почти злобно тряхнула головой.

— Но понимаете ли, что для меня не можетъ быть ничего существеннаго, важнаго, интимнаго въ томъ, что вы мнѣ скажете? Понимаете ли, что вы не имѣете права даже мечтать о томъ, чтобы я стала васъ слушать?— Га! вы, кажется, все воображаете, что передъ вами глупая дѣвчонка, воспитанница m-lle Эрнестинъ, и что урокъ, dont je vous rend justice, можетъ понадобиться еще? О, вы такой мастеръ на эти уроки, что одного совершенно достаточно, совершенно достаточно!

Она проговорила это, почти не владѣя собою, порывисто выдыхая изъ груди стѣснившійся воздухъ. Эта сцена не была въ ея привычкахъ, это раздраженіе, эти слова, кажется, удивили ее самое—такъ далеко они были отъ ея обычнаго, свѣтски-ровнаго, размѣреннаго и полупрезрительнаго отношенія къ людямъ. Инстинктъ свѣтской женщины заговорилъ въ ней, и она продолжала гораздо спокойнѣе:

— Вамъ должно быть очень весело любоваться теперь моимъ раздраженіемъ? Что жь,—есть случаи, когда чувство непремѣнно должно прорваться наружу... и это одно изъ доказательствъ, что намъ не слѣдуетъ, не зачѣмъ встрѣчаться. Еслибъ вы стали меня преслѣдовать, я бы уѣхала отсюда; еслибы я согласилась на ваши просьбы и дала бы вамъ случай видѣться со мною—все, что бы вы ни сказали, въ чемъ бы вы ни старались меня увѣрить -- было бы ненужно и безполезно, потому что *то* все кончено, оторвано и брошено (она быстро, однимъ поворотомъ головы, взглянула на Косовицына и ущипнула кружевную оборку своего платья). Мнѣ кажется, я даже не поняла бы васъ. Случалось ли вамъ когда нибудь начать читать сказку, не кончить, и потомъ много лѣтъ спустя, опять приняться за нее? тотъ же вымыселъ перестаетъ увлекать васъ, и тѣ же краски кажутся блѣднѣе и дешевле...

Вѣра Павловна отошла отъ окна и, не оглядываясь на Косовицына, въ какомъ-то покорномъ молчаніи слѣдовавшаго за ней, прошла нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Она не замѣтила Рѣшетилова и, проходя мимо, задѣла его платьемъ.

— Вы очень откровенны, Вѣра Павловна, произнесъ Косовицынъ въ ту минуту, какъ они поровнялись съ Рѣшетиловымъ.

— А неужели вы приняли бы отъ меня что нибудь, кромѣ откровенности? возразила Танищева, и быстро

вскинула на Косовицына своими глубокими, не пропускавшими свѣта зрачками.

Рѣшетилову, поймавшему этотъ взглядъ, почувствовалась за нимъ большая, неоконченная драма...

III.

На другой день Рѣшетиловъ съ утра захлопотался: ему надо было побывать передъ отъѣздомъ въ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ и повидаться кое съ кѣмъ въ городѣ. Допивая простывшій чай, онъ присѣлъ къ столу, чтобы привести въ порядокъ бумаги и замѣтить, гдѣ и что нужно сдѣлать. Прошло около получаса въ этихъ занятіяхъ; ему показалось, что онъ работаетъ въ это утро не такъ спокойно, какъ всегда, и что ему какъ будто трудно сосредоточиться надъ дѣломъ. Ему припоминался вчерашній вечеръ, безличныя физіогноміи гостей, вся шелуха показной и ничѣмъ не наполненной жизни, и въ этой сѣренькой атмосферѣ изящный образъ Вѣры Павловны, мягко обвѣянный блескомъ. Какое-то неясное и смѣшанное чувство, похожее на обманутое обаяніе, протекло по немъ. „Надо однако порѣже бывать въ городѣ; эта разсѣянная жизнь мѣшаетъ мнѣ“, рѣшилъ онъ. Наконецъ онъ собралъ бумаги, одѣлся и вышелъ.

Возвращаться домой ему пришлось мимо городскаго сада. Онъ вошелъ въ растворенныя настежь ворота и

внезапно почувствовалъ въ себѣ приливъ веселаго, свѣжаго чувства, точно онъ первый привѣтствовалъ весну. Деревья только что одѣлись въ мелкую, еще липкую зелень; на усыпанныхъ красноватымъ пескомъ дорожкахъ виднѣлись кое-гдѣ одинокіе слѣды. Блѣдное, еще холодное небо бѣлѣло большими лоскутами сквозь жидкій переплетъ вѣтвей; за стволами сверкалъ ярко-зелеными клиньями молодой, росистый дернъ. Гуляющихъ почти не встрѣчалось; Рѣшетиловъ шелъ, въ какомъ-то восхищеніи озираясь по сторонамъ, и съ каждымъ шагомъ чувствовалъ, что его болѣе и болѣе, всею силою тянетъ вдаль, въ поле, въ ту неприбранную, неподстриженную природу, гдѣ въ эту минуту рождается и нагрѣваетъ настоящая весна... И ему тутъ же казалось, что не одна природа, не одна весна тянетъ его, а тянутъ какіе-то живые, человѣческіе интересы, какое-то осмысленное дѣло... И еще страннѣе, еще непріятнѣе звучали въ его ушахъ какіе-то диссонансы, полные обмана и непониманія, которые то за будутся, то нѣтъ-нѣтъ—и опять прозвенятъ среди накопившейся въ душѣ его тишины...

Вдругъ онъ услышалъ стукъ медленно-ѣдущаго экипажа и, оглянувшись, узналъ Вѣру Павловну. Она шла въ нѣсколькихъ шагахъ за нимъ, вся свѣжая, улыбавшаяся, вся обвѣянная весной; коляска шагомъ слѣдовала за ней. Еслибъ Рѣшетиловъ не видѣлъ ея лица, онъ узналъ бы ее по походкѣ, немножко крадущейся,

какъ будто она хотѣла пройти тайкомъ, или боялась запачкать ботинки въ сыромъ пескѣ. Онъ остановился, она поровнялась съ нимъ, и оба пошли рядомъ. Имъ предстояло пройти всего сотни три шаговъ до воротъ; они обмѣнялись нѣсколькими незначущими замѣчаніями о вчерашнемъ раутѣ, о губернскомъ обществѣ, о погодѣ; Вѣра Павловна, обращаясь съ какимъ нибудь вопросомъ къ Рѣшетилову, поворачивала голову и приподнимала вуалетку, закрывавшую ей половину лица. Это какъ-то странно безпокоило Рѣшетилова, и его взглядъ льнулъ къ ея таліи, облитой немнущимися бархатными складками, и двумъ полуразвившимся локонамъ, падавшимъ назади изъ-подъ шляпки. Онъ испытывалъ затрудненіе продолжать разговоръ: о чемъ заговорить, когда еще какая нибудь сотня шаговъ, и они разойдутся? Онъ пропустилъ двѣ-три фразы, сказанныя Вѣрой Павловной, и вдругъ желая поправиться, заговорилъ о веснѣ, о природѣ, угловато разводя руками и куда-то указывая. У Вѣры Павловны улыбка чуть-чуть скользнула по лицу и гдѣ-то пропала въ глазахъ.

— Какъ вы умѣете восхищаться—я и не подозрѣвала, проговорила она.

— Да вѣдь это весна! съ нѣсколько забавною наивностью возразилъ Рѣшетиловъ. — „Еще минуты двѣ“, подумалъ онъ.

— А многіе не любятъ весны, и я тоже, продолжала Вѣра Павловна.—Отчего, скажите, въ романахъ всегда

влюбляются весною? мнѣ кажется, это немножко грубо. Любить должно быть лучше зимою.

— Отчего? спросилъ въ свою очередь Рѣшетиловъ. Вѣра Павловна помолчала и опустила вуалетку.

— Какъ вамъ сказать? мнѣ кажется, зимою любовь вноситъ въ жизнь больше комфорта: ее пріучаешься цѣнить, какъ растопленный каминъ, какъ мягкую мебель... Вотъ мы и дошли, m-r Рѣшетиловъ; надѣюсь видѣть васъ у себя?

„Что это—цинизмъ, или зрѣлость чувства?“ подумалъ Рѣшетиловъ, и забылъ подсадить Вѣру Павловну въ коляску.

Онъ скорыми шагами пошелъ по улицѣ. Ему досадно было на эту встрѣчу, и какое-то тревожное ощущеніе шевелилось въ немъ, какъ будто кто-то нарочно дразнилъ его. Онъ наскоро пообѣдалъ и сталъ собираться къ отъѣзду. До дому ему было около сорока верстъ, и ему хотѣлось пріѣхать засвѣтло. Кучеръ Евстигнѣй, человѣкъ окладистый и разсудительный, понесъ черезъ весь дворъ корявую шлейку, которую онъ съ самаго утра медленно налаживалъ, ковыряя шиломъ все по одному мѣсту; хозяйка, женщина худая и вялая, жаловавшаяся постоянно на какія-то хроническія боли въ желудкѣ, заглянула къ Рѣшетилову узнать, на долго ль уѣзжаетъ и будетъ ли опять квартировать у нея — и послѣ ея ухода долго еще стоялъ въ комнатѣ крѣпкій постный запахъ.

— Ну, Евстигнѣй, скоро ли ты? понукалъ Рѣшетиловъ, успѣвшій уже уложить чемоданъ и отъ скуки вышедшій на дворъ.

— Не балуй, дура! крикнулъ вмѣсто отвѣта Евстигнѣй на пристяжную, которую хозяйскій дворникъ, вылѣзшій поглазѣть на сборы, ткнулъ для чего-то кулакомъ подъ брюхо.

Наконецъ лошади были запряжены, чемоданъ уложенъ, Евстигнѣй обмоталъ руки возжами, и не смотря на то, что баринъ былъ на дворѣ, подкатилъ къ крыльцу. Дома, заборы, вывѣски запестрѣли по обѣимъ сторонамъ; гдѣ-то въ концѣ проулка мелькнулъ выщипанный до корней выгонъ; изъ раскрытыхъ дверей кабачка донеслись смѣшанные, не то злобные, не то веселые голоса; сѣдой дьяконъ, медленно всходившій на церковную паперть, остановился, обернулся и съ любопытствомъ оглянулъ проѣзжаго изъ-подъ измятыхъ полей своей шляпы; тутъ же прошла партія плотниковъ, въ тулупахъ на распашку, и потянуло знакомымъ, крѣпкимъ запахомъ нагрѣтой овчины. „Весна—а они въ тулупахъ“ подумалъ съ нетерпѣливымъ упрекомъ Рѣшетиловъ. Еще два-три поворота, и все стало пустыннѣе, безлюднѣе. Вотъ этапъ на краю конной площади, вотъ домишко съ заколоченными окнами, въ которомъ въ прошломъ году вырѣзали цѣлое семейство; вотъ низенькая, подслѣповатая избушка, куда бѣлогорскія дамы ѣздятъ къ гадальщицѣ; вотъ пахнуло перепрѣлымъ воздухомъ съ городскаго оврага.

— Тпрру! тпрру! раздается съ облучка, и Евстигнѣй слезаетъ прямо въ грязь, поднять неизбѣжно-оброненный кнутъ. „Поскорѣй бы ужь за городъ!“ думаетъ Рѣшетиловъ, и всматривается вдаль, и еще не вдыхаетъ, но ужь чувствуетъ теплый, сырой и мягкій воздухъ недавно оттаявшихъ и еще грязныхъ полей.

На двадцатой верстѣ надо было остановиться, чтобъ дать вздохнуть заморившейся тройкѣ. „Вишь, дорога-то тяжелая“, замѣтилъ повеселѣвшій отъ ѣзды Евстигнѣй, утирая полой взлохматившуюся отъ пота пристяжную. Деревенская улица зашевелилась: мужики, завидѣвшіе „посредственника“, кланялись, останавливались поглазѣть, или отходили подальше и „галдѣли“; мальчишки съ визгомъ кидались къ подворотнѣ; кто-то съ хохотомъ вытолкнулъ изъ кабака горланившаго во всю мочь мужика, но другіе тотчасъ опять втолкнули его и прихлопнули дверь.

Старшина выбѣжалъ на крыльцо, торопливо оправляя жилистыми пальцами кушакъ, туго стягивавшій его окладистую фигуру; на ходу онъ раза два обернулся къ волостной избѣ, изъ дверей и оконъ который доносился смѣшанный говоръ, и на кого-то прикрикнулъ.

— Ѳедору Петровичу наше нижайшее! съ пріѣздомъ, счастливо пожаловать—заговорилъ онъ, мигая маленькими глазками, успѣвшими уже кинуть быстрый начальственный взглядъ по обѣ стороны улицы. — Не ждали, не гадали нонеча... Дорожка-то не очень хороша!

Рѣшетиловъ поднялся на невысокое крылечко и вошелъ въ правленіе. Въ большой чистой комнатѣ, украшенной царскимъ портретомъ, кумачевыми занавѣсками на окнахъ, шкафомъ съ книгами и множествомъ таблицъ, правилъ и объявленій, вдѣланныхъ въ картонныя рамки, нѣсколько человѣкъ толпилось въ углу, продолжая шопотомъ видимо интересную бесѣду, прерванную появленіемъ мироваго посредника.

— Что за народъ? спросилъ Рѣшетиловъ.

— Изъ нашихъ, изъ хозяевъ, пояснилъ старшина, выразительно жестикулируя и перемигиваясь у него за спиной.—Самоварчикъ прикажете? мигомъ будетъ,—прибавилъ онъ, подавшись къ Рѣшетилову и сдѣлавъ знакъ писарю, съ вытянутыми по швамъ руками стоявшему за столомъ.

Рѣшетиловъ отказался; у него были свои симпатіи и антипатіи въ мірѣ волостныхъ старшинъ, старостъ, писарей и управляющихъ. Здѣшній старшина не пользовался его расположеніемъ. Не любилъ его Рѣшетиловъ преимущественно за тотъ путь, которымъ онъ вышелъ въ люди. Прохора Демьяныча Ѳерапонтова долгое время совсѣмъ не знали въ деревнѣ, куда онъ заглядывалъ рѣдко, промышляя въ ближнихъ губернскихъ городахъ мелочною торговлей; но лѣтъ пять назадъ онъ неожиданно вернулся въ село и поселился на постоянномъ жительствѣ. Прогорѣлъ ли онъ въ торговлѣ, имѣлъ ли какіе нибудь особенные виды, или просто наскучило ему

наконецъ бездомовное житье, никто хорошенько не зналъ; но только Прохоръ Демьянычъ въ короткое время сталъ лицомъ замѣтнымъ и для всякаго нужнымъ. Мужикъ онъ былъ сметливый, и его маленькіе плутоватые глазки, постоянно мигавшіе съ тѣхъ поръ, какъ параличъ испортилъ ему вѣки, умѣли вычитать все, что нужно въ смятой физіогноміи мужика, пришедшаго къ нему „за помочью“. Деньги всегда при немъ водились, и потолковавъ съ мужикомъ и развѣдавъ о немъ всю подноготную, онъ не прочь былъ купить у него хлѣбъ на корню, или ссудить подъ залогъ лошадки или коровки, которая обыкновенно тутъ же и загонялась на широкій и чистый дворъ Ѳерапонтова. Не отказывался Ѳерапонтовъ помочь мужику и совѣтомъ, въ особенности, когда дѣло шло объ интересѣ всего общества, и на сходкахъ умѣлъ говорить складно и тихо, помавая подмигивающей головой и деликатно и убѣдительно разводя руками. Когда начальство стало особенно налегать на недоимки, Ѳерапонтовъ не отказался выручить старшину съ обществомъ, внеся заимообразно значительную сумму денегъ; но только изъ этого обстоятельства возникли послѣдствія, мало ожиданныя для старшины и міра. Какъ только, послѣ пополненія недоимки на Ѳерапонтовскій счетъ, скопилась у старшины сотня-другая рублей изъ первыхъ сборовъ, Ѳерапонтовъ присталъ къ нему, какъ съ ножемъ къ горлу—отдай да отдай деньги: понадобились онѣ ему, дескать, до зарѣзу. Старши-

нѣ, мужику усердному, но недалекому, несправедливымъ показалось отказать человѣку, добровольно выручившему міръ изъ бѣды: твои деньги, возьми—рѣшилъ онъ въ свою голову. Ѳерапонтовъ деньги взялъ, а вскорѣ послѣ того пошли въ обществѣ толки, что въ волостныхъ суммахъ недочетъ. Ѳерапонтовъ, когда съ нимъ заговаривали объ этомъ, загадочно помалчивалъ, намекая подъ рукою, что дескать „сами можете узнать—для того учетъ есть". Общество, настроенное этими толками, въ самомъ дѣлѣ потребовало учета, и когда оказалась недостача какъ разъ той суммы, которую поторопился взять Ѳерапонтовъ, и старшина угодилъ подъ судъ, мірской голосъ рѣшилъ, что кромѣ Прохора Демьяныча выбрать на его мѣсто некого. Прохоръ принялъ избраніе со смиреніемъ, и потихоньку, не шумя и не торопясь, прибралъ міръ къ рукамъ; недоимка въ его волости не заводилась, наборъ отбывался въ образцовомъ порядкѣ, приказанія начальства исполнялись безотлагательно, и начальству нравились его тихія рѣчи и заискивающая обходительность каждаго движенія; а у самаго у него, какъ говорили односельчане, рублевики прибывали да прибывали въ кубышкѣ.

Рѣшетиловъ сбросилъ на столъ свою дорожную фуражку съ прямымъ козырькомъ, раскурилъ папироску и подошелъ къ окну посмотрѣть, какъ Евстигнѣй, заткнувъ за поясъ полы кафтана, тащитъ подъ-уздцы коренника къ обглоданнымъ яслямъ, тутъ же приткну-

тымъ къ провалившемуся колодцу. Дальше, за только что взрытыми огородами, поля тянулись впередъ, точно подымались въ гору; еще блѣдное небо какъ будто дышало холодомъ. Рѣшетиловъ съ какою-то ласковою задумчивостью взглядывался въ эту несложную перспективу, и чувствовалъ, какъ пахнуло на него здоровымъ деревенскимъ воздухомъ, атмосферой дѣла, труда, жизни. Ферапонтовъ, воспользовавшійся минутой, чтобы пошушукаться съ мужиками, продолжавшими жаться кучкой на другомъ концѣ комнаты, подошелъ къ мировому посреднику, деликатно ступая на носкахъ, отчего все туловище его подавалось впередъ.

— А мы вашей милости, признаться сказать, поджидали: дѣльцо тутъ у насъ выходитъ одно... заговорилъ онъ мягко, проведя рукою по лоснящейся головѣ, съ широкимъ проборомъ по серединѣ.

Рѣшетиловъ обернулся.

— Что такое? спросилъ онъ.

— Да на счетъ магазина... Изволите знать, яровые третій годъ у насъ лежатъ, и теперича хоша ихъ пересыпали, а все зерно не то выходитъ. Особенно какъ нынѣшняя зима была сырая, такъ оно и замѣчается...

— Портится, что ли? спросилъ Рѣшетиловъ.

— Портится, отвѣтилъ старшина, съ легкимъ движеніемъ головы, выражавшимъ и соболѣзнованіе его о такомъ обстоятельствѣ, и совершенную его непричастность.—То-есть, чтобы такъ вашей милости сказать,

порчи настоящей еще не примѣтно, а все перемѣнить бы слѣдовало.

— Перемѣнить всегда лучше, отозвался кто-то изъ мужиковъ, слегка крякнувъ и, подобно старшинѣ, шевельнувъ бородою.

— Вы объ этомъ-то толковали тутъ, что ли? спросилъ Рѣшетиловъ, не совсѣмъ довѣряя тому, что говорилъ Ѳерапонтовъ.

— Да, какъ дѣло значитъ свое, хозяйское... отозвался старшина.

— То-то: свое, хозяйское! заговорилъ Рѣшетиловъ, подходя вмѣстѣ съ нимъ къ мужикамъ.—Я вѣдь вамъ осенью говорилъ, что весь хлѣбъ перемѣнить надо—отчего тогда не слушались? А теперь, какъ вы мѣнять будете? яровые самимъ на посѣвъ нужны...

— Это точно... посѣвъ... со вторника сѣять будемъ... загалдѣли мужики.

— Что жь: посѣвъ, посѣвъ? зерно не порченное, сѣять можно... возразилъ одинъ, съ короткой бородой и усами, лезшими въ ротъ, и взмахнулъ руками такъ, что вся кучка пошевелилась.

— Чего болтаешь? развѣ спрашиваютъ? прикрикнулъ на него Ѳерапонтовъ, которому почему-то не нравилось это замѣчаніе.—Тутъ, я вашей милости доложу, такое дѣло выходитъ... заговорилъ онъ своимъ обыкновеннымъ, деликатно-тихимъ голосомъ, повернувшись всѣмъ тѣломъ къ Рѣшетилову,—еслибы только разобрать хлѣбъ

по дворамъ, да засыпать свѣжаго, мы бы вашей милости и не безпокоили, сами бы сдѣлали: по осени не перемѣнили, нашъ грѣхъ. А дѣло такое выходитъ: изволите знать нашего шинкаря Гершеля?

— Ну?

— Третій годъ кабакъ держитъ, теперь тоже постоялый дворъ заводитъ. Вотъ этотъ самый Гершель желаетъ взять весь хлѣбъ изъ магазина, а по осени изъ нонѣшняго урожая свѣжаго засыпать сполна. Онъ и залогу рубль на рубль предоставляетъ. Ему потому и выгодно выходитъ, что какъ постоялый дворъ затѣваетъ, такъ хлѣба-то ему и надобны.

Теперь Рѣшетилову ясно стало, почему Ѳерапонтову понадобилось освѣжить хлѣбъ.

— Пойдемъ въ магазинъ, сказалъ онъ ему.—Я посмотрю зерно. — Да гдѣ староста? пусть и онъ идетъ.

Ѳерапонтовъ, все также ступая на носкахъ, суетливо бросился къ дверямъ, расталкивая мужиковъ и на ходу отдавая приказанія. Смотритель магазина, у котораго были ключи, жилъ на концѣ села, и долговязый писарь пустился за нимъ бѣгомъ, развѣвая по вѣтру длинныя полы своего нанковаго казакина. Рѣшетиловъ, поджидая ключей, вышелъ на крыльцо и присѣлъ въ тѣни на скамейку, подъ раскрытымъ окномъ. Тихая, ласковая забывчивость опять повѣяла на него, и мысли неспѣшно бродили въ головѣ, нагоняя дремотную тишину. Вдругъ онъ услышалъ оживленный говоръ между

оставшимися въ волостной избѣ мужиками; два громкіе голоса толковали о чемъ-то, перебивая одинъ другаго и изрѣдка перебраниваясь. Нѣсколько пойманныхъ на лету словъ привлекли вниманіе мироваго посредника.

— Ой-ли? неужто и взаправду вычиталъ? допытывался одинъ изъ разговаривавшихъ.

— Ужь вѣрь мнѣ, милый человѣкъ, коли сказываю:— отвѣтилъ другой голосъ, хриплый и какъ будто немного пьяный.—Не то, что вычиталъ, а съ самаго начала это намъ извѣстно; мы вѣдь положеніе-то все равно какъ „отче нашъ“ знаемъ, потому у насъ безъ этого нельзя. Три года писаремъ былъ, знаешь небось, всей этой манципаціей ворочалъ, вотъ что. Такъ я тебѣ, милый человѣкъ, сказываю, въ самомъ положеніи пропечатано.

— Значитъ, какъ шесть годовъ прошло, такъ и шабашъ?

— Первое дѣло, я тебѣ говорю, два года, а по этимъ двумъ годамъ шесть лѣтъ; значитъ, отъ первой отъ самой воли считай восемь годовъ. Вотъ, милый человѣкъ, въ эти восемь годовъ помѣщикъ вашимъ братомъ какъ хочешь, такъ и верти; а какъ восемь годовъ прошло — и шабашъ. Это я не то, что тебѣ, а семипольскимъ мужикамъ вѣ-какъ растолковалъ. Статью показалъ, вотъ что.

Рѣшетиловъ быстро поднялся со скамейки и заглянулъ въ окно: въ глубинѣ комнаты двое мужиковъ сидѣли на лавкѣ, а третій, спустивъ съ плеча тулупъ, покачивался

подлѣ нихъ на одной ногѣ, опираясь локтемъ о стѣну. Передъ ними, въ полуоборотъ къ окну, стоялъ человѣкъ средняго роста, съ одутлымъ лицомъ нездороваго желтаго цвѣта, толстыми и нѣсколько оттопыренными губами и крупными ростками бороды, которую онъ очевидно не хотѣлъ запустить, а часто брить лѣнился. На немъ былъ надѣтъ коричневый казакинъ того страннаго покроя, который представляетъ нѣчто среднее между сюртукомъ и кафтаномъ, и встрѣчается только въ глухой провинціи. Голова его была низко острижена, и какой-то широкій синеватый шрамъ загадочнаго происхожденія перерѣзывалъ выпуклость лба. Говоря, онъ оттопыривалъ губы, вытягивался и подносилъ къ самому носу того, съ кѣмъ разговаривалъ, широкую ладонь съ короткими и толстыми пальцами.

— Ну братъ, Максимъ Иванычъ, коли не врешь, такъ идемъ въ кабакъ, тамъ при всемъ народѣ разскажешь! воскликнулъ вдругъ одинъ изъ мужиковъ, вскакивая съ лавки и не попадая въ рукавъ спущеннаго съ плеча кафтана.

— Ой ты, чортъ, Тереньтьичъ, неужели поставишь? подхватилъ другой, а всѣ четверо, заламывая шапки и подталкивая другъ друга, бросились къ дверямъ.

— Стой! крикнулъ Рѣшетиловъ, какъ только они показались ни крыльцѣ.—Что́ за человѣкъ? обратился онъ къ стриженному.

Всѣ остановились и поскидали шапки; стриженный,

подобравъ губы, забѣгалъ глазами изъ подъ припухлыхъ желтоватыхъ бровей, и качнулся на ногахъ.

— Я тебя спрашиваю, что за человѣкъ? повторилъ Рѣшетиловъ.

— Максимъ Ивановъ, хрипло и громко отвѣтилъ стриженный.

— Откуда?

— Города Козьмодемьянска мѣщанинъ.

— Чего жь ты здѣсь шляешься?

— По собственнымъ надобностямъ, а равно по неимѣнію опредѣленныхъ занятій.

— Писаремъ былъ?

Допрашиваемый изъ-подлобья, подозрительно взглянулъ на Рѣшетилова и какъ-то странно задвигалъ бровями и волосами на головѣ, точно напускалъ на лицо тучу.

— Точно такъ, отвѣтилъ онъ мрачно.

— Въ какой волости?

— Въ таганецкой волости.

— Прогнали оттуда?

Лицо Иванова омрачалось болѣе и болѣе, и кожа на головѣ опять пришла въ странное движеніе. Однако онъ отвѣтилъ:

— Точно такъ.

— Мошенничалъ? продолжалъ Рѣшетиловъ, все съ большимъ любопытствомъ всматриваясь въ крупную физіогномію допрашиваемаго.

Туча окончательно надвинулась на лицо бывшаго пи-

саря, брови и складки надъ бровями припухли, а глаза совсѣмъ ушли въ глубину.

— Никакъ нѣтъ, прохрипѣлъ онъ сурово.

— За что жь тебя прогнали?

— По недоразумѣнію, объяснилъ Ивановъ и съ глуповатой развязностью ухмыльнулся въ отвѣтъ на улыбку, отъ которой не могъ удержаться Рѣшетиловъ.

— А про какіе это восемь лѣтъ ты толковалъ имъ? строго спросилъ послѣдній, кивнувъ на мужиковъ, которые слушали весь этотъ разговоръ, переминаясь и переглядываясь съ такимъ выраженіемъ, какъ будто спрашивали другъ друга: „подождать, что будетъ, аль стречка дать?“ Изъ окна волостнаго правленія выглянуло встревоженное лицо Ѳерапонтова.

Ивановъ, все также мрачный, молча и уже совсѣмъ глуповато взглянулъ на Рѣшетилова. Тотъ повторилъ вопросъ.

— Что прикажете? встрепенулся допрашиваемый.

По лицу Иванова и намѣренно-глуповатому выраженію, сопровождавшему его послѣдній отвѣтъ, Рѣшетиловъ понялъ, что на всѣ дальнѣйшіе вопросы онъ получитъ историческое „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, и не хотѣлъ, чтобъ эта фраза, сказанная въ присутствіи единственныхъ свидѣтелей происшествія, дала дѣлу съ самаго начала то рутинное направленіе, которое въ результатѣ могло привести только къ такому же рутинному и совершенно безполезному исходу. Ему хотѣлось

прежде всего узнать, какъ далеко разошлись до настоящей минуты толкованія Иванова, и въ особенности, какой успѣхъ имѣли они въ Семипольи, гдѣ настроеніе крестьянскаго общества, въ виду предстоящаго разверстанія, получало въ его глазахъ двойное значеніе. А пока все это обнаружится и разъяснится, ему казалось достаточнымъ немедленно отнять у бывшаго волостнаго писаря возможность къ какимъ либо сношеніямъ съ крестьянами. Поэтому онъ приказалъ старшинѣ тотчасъ отправить Иванова подъ надзоромъ въ ближайшую къ его деревнѣ волость и сдать на руки тамошнему старшинѣ, на расторопность котораго онъ могъ вполнѣ положиться.

Бывшій волостной писарь выслушалъ это распоряженіе все съ тѣмъ же глуповато-мрачнымъ видомъ, не подымая глазъ и теребя короткими и грязными пальцами истерзанную фуражку.

— Только, ваше высокоблагородіе, явите милость— не прикажите долго держать; потому не за что,—произнесъ онъ отчетливо и строго, уходя.

Рѣшетиловъ, сопровождаемый старшиной, писаремъ, внезапно явившимся откуда-то старостой и нѣсколькими крестьянами, припутавшимися изъ любопытства, отправился черезъ широкую и грязную отъ растаявшаго снѣга площадь въ запасный магазинъ. Онъ удержался отъ всякаго объясненія съ Ѳерапонтовымъ, хотя эпизодъ съ Ивановымъ бросалъ на деликатнаго старшину очень

подозрительную тѣнь, и его сильно подмывало задать ему порядочную головомойку; но именно потому, что Ѳерапонтовъ казался ему подозрителенъ, онъ не хотѣлъ высказываться, пока не разъяснятся обстоятельства дѣла.

Осмотръ магазина занялъ не болѣе нѣсколькихъ минутъ. Мѣрные закрома были полны до верху, полъ и стѣны тщательно выметены—видно было, что Ѳерапонтовъ ожидалъ посѣщенія мироваго посредника и принялъ мѣры; впрочемъ, онъ какъ-то грустно и неодобрительно похаживалъ вслѣдъ за Рѣшетиловымъ между закромами и нѣсколько разъ, зачерпнувъ щепотку зерна и прикидывая его на ладони, повторялъ съ слабымъ вздохомъ:

— Легкое зерно, оченно легкое.

Хлѣбъ, однакожь, оказался такъ себѣ—не хорошъ и не дуренъ; порчи еще не замѣчалось, но мѣстами онъ слежался, и дождливая весна могла повредить ему. Рѣшетиловъ распросилъ старосту, велики ли запасы у крестьянъ и, получивъ въ отвѣтъ, что хлѣба до осени хватитъ безпремѣнно и даже излишекъ останется—объявилъ, что будетъ просить разрѣшенія продать хлѣбъ въ вольныя руки, такъ какъ цѣны стояли высокія, а магазинъ пополнить по уборкѣ жатвы, и ожидаемыя отъ этой операціи выгоды причислить къ мірскому капиталу. Ѳеропонтову этотъ планъ очевидно не нравился—сдѣлка съ Гершелемъ улыбаясь ему гораздо больше; но онъ не возражалъ и даже выразился, что этакъ обществу не въ примѣръ сходнѣе, но только врядъ ли разрѣшитъ гу-

бернское начальство. Нѣсколько смущенный происшествіемъ съ Ивановымъ, подробностей котораго онъ все еще не зналъ, онъ сталъ вообще очень сговорчивъ и еще деликатнѣе ходилъ вокругъ мироваго посредника на носкахъ и помававъ задумчивой, но покорной головой.

Выйдя изъ магазина, Рѣшетиловъ нашелъ Евстигнѣя уже на козлахъ, замѣтно повеселѣвшимъ отъ поднесеннаго женой Ѳерапонтова стаканчика, и потому умильно поглядѣвшимъ и на барина, и на старшину, и даже на лѣвую пристяжную, которую онъ недолюбливалъ за лукавство.

— Поѣдемте, баринъ, проговорилъ онъ безъ всякой надобности, когда Рѣшетиловъ уже сѣлъ въ бричку, и нѣсколько рукъ предупредительно рвались застегнуть на крючки кожаный фартухъ.

IV.

Блѣдный, едва тронутый первыми тѣнями свѣтъ былъ разлитъ въ воздухѣ, и поля еще росплись, когда Рѣшетиловъ подъѣзжалъ домой. Теплымъ паромъ тянуло со вспаханной и еще черной земли; грачи мелькали низко надъ дорогой; узловатыя вѣтви деревъ, обсыпанныя ранними, желтоватыми почками, сквозили по сторонамъ и густо темнѣли вдали; съ сѣренькой деревенской колокольни плыли негромкіе, тающіе звуки благовѣста...

Старый, но еще крѣпкій господскій домъ, построенный отцомъ Рѣшетилова передъ женитьбой, выглянулъ на встрѣчу хозяину своей темной кровлей съ слуховымъ окномъ, сквозной вышкой въ углу и вертящимся на ней пѣтушкомъ. Выглянули также сѣренькія, недавно обновленныя службы, и садъ, въ которомъ яблони уже выкинули свой ранній, блѣднорозовый цвѣтъ, тогда какъ кое-гдѣ около стволовъ бѣлѣли, какъ разбросанные лоскутки бумаги, остатки талаго снѣга.

Евстигнѣй форсисто вкатилъ во дворъ и осадилъ передъ широкимъ крылечкомъ, на которое успѣлъ уже выбѣжать благообразный старичекъ въ долгополомъ гороховаго цвѣта сюртукѣ, сработанномъ его собственными искусными руками. Щурясь на солнце и защищая рукою свои выцвѣвшіе съ красными жилками глаза, онъ давно уже, и вѣроятно самъ того не замѣчая, улыбался смятыми, безхарактерными губами и одобрительно покачивалъ маленькой, совершенно сѣдой, но не лысой головой. Какъ только бричка поровнялась съ крыльцомъ, онъ отнялъ отъ бровей приставленную зонтикомъ руку и, согнувшись, мелкими шажками сбѣжалъ по ступенькамъ и отдернулъ фартухъ.

— Здравствуй, Осипъ, какъ живешь? ласково опривѣтствовалъ его Рѣшетиловъ.

— Слава Богу, Господь милуетъ; благодарствуйте, батюшка, Ѳедоръ Петровичъ, съ пріѣздомъ! благополучно-ль изволили въ городѣ пожить? говорилъ нѣ-

сколько дребезжащимъ голосомъ старикъ, слѣдуя на полшага за барномъ.— Я еще изъ угольной въ окошечко васъ призналъ, да и выбѣжалъ.

Рѣшетиловъ прошелъ прямо въ кабинетъ. Послѣ смерти отца (мать его умерла, когда онъ былъ еще маленькимъ) онъ ничего не перемѣнилъ въ домѣ, хотя видъ пустыхъ и ненужныхъ комнатъ отчасти тяготилъ его. Самъ онъ устроился въ заднемъ углу дома, выходившемъ окнами въ садъ, сохранивъ въ остальныхъ комнатахъ ихъ старинную и нѣсколько неуклюжую меблировку, какая теперь рѣдко уже встрѣчается въ помѣщичьихъ усадьбахъ. Но въ своемъ собственномъ уголкѣ онъ позволилъ себѣ нѣкоторыя перемѣны и даже кое-какой комфортъ, напримѣръ: прорубилъ въ кабинетѣ широкую дверь въ садъ, обновилъ обои, выписалъ изъ города мягкую и новаго фасона мебель, и перенесъ изъ маленькой оранжереи, заведенной еще отцомъ, десятка два растеній, до которыхъ вообще былъ охотникъ. Изъ многочисленной домашней прислуги онъ большую часть распустилъ, оставивъ при себѣ только старика Осипа, всю жизнь неотлучно находившагося при его отцѣ, жену его, Михайловну, вынянчившую нашего героя и теперь заправлявшую всѣмъ его хозяйствомъ, кучера Евстигнѣя и старичка повара, когда-то большаго мастера своего дѣла, сохранившаго къ этому дѣлу и до сихъ поръ какое-то благоговѣйное пристра-

стіе и подававшаго кушанья съ украшеніями, какъ на старинныхъ помѣщичьихъ обѣдахъ.

Прислушиваясь къ неторопливымъ шагамъ и шуршанью Осипа, разбиравшаго въ сосѣдней комнатѣ чемоданъ, къ успокоительно-шлепающей походкѣ Михайловны, явившейся спросить, куда подавать чай, къ хрустящему шороху тонкихъ, черныхъ сучьевъ, по временамъ бившихъ въ окно, къ мѣрному и какъ будто сиплому чиканью старинныхъ часовъ гдѣ-то за стѣной, ко всѣмъ этимъ негромкимъ и немного грустнымъ звукамъ, терявшимся въ стѣнахъ большаго и на половину нежилаго дома, — Рѣшетиловъ почувствовалъ приливъ какого-то мирнаго, отрезвляющаго и бодрящаго тока, бившаго къ сердцу. Несложныя и даже незначительныя ощущенія, испытываемыя имъ въ тѣ минуты, походили на ощущенія человѣка, котораго долго жало и тѣснило надѣтое по необходимости неудобное платье, и который наконецъ сбросилъ его и накинулъ свой не совсѣмъ свѣжій, но привольный и уступающій каждому движенію архалукъ. Онъ чувствовалъ себя внезапно перенесеннымъ въ ту простую, мирную и дѣятельную среду, всѣ интересы которой были ему близки и въ которой онъ сознавалъ себя не чужимъ и не лишнимъ человѣкомъ; онъ ощущалъ подъ ногами русло жизни и зналъ, что какъ бы ни бурлила и ни мутилась вѣчно движущаяся поверхность рѣки—въ этой таинственной глубинѣ не замутится спокойное и сильное теченіе.

Онъ поджидалъ Тихона Петровича, за которымъ послалъ, какъ только пріѣхалъ—и даже съ нарочною медленностью прихлебывалъ чай, чтобъ еще выпить стаканчикъ-другой вмѣстѣ съ пріятелемъ.

Тихонъ Петровичъ, жившій всего въ нѣсколькихъ верстахъ, скоро явился. Это былъ мужикъ лѣтъ пятидесяти, крѣпкій, черноволосый, съ нагорѣвшимъ на лицѣ румянцемъ, густо и ровно покрывавшимъ и щеки, и носъ, и шею, и даже кончики ушей, выглядывавшіе изъ-подъ курчавившихся до сихъ поръ волосъ: только лобъ, низкій и морщинистый, поражалъ рѣдкою въ простонародьи бѣлизной. Несмотря на долгую привычку къ Рѣшетилову, Тихонъ Петровичъ всегда чувствовалъ неловкость, входя къ нему въ комнаты, и еще на порогѣ, перекрестившись на образъ, отвѣшивалъ всѣмъ своимъ крѣпкимъ тѣломъ низкій и неуклюжій поклонъ; протянутую ему руку онъ принималъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ и, вмѣсто пожатія, только прикасался къ ней большимъ и указательнымъ пальцемъ, какъ дѣлаютъ, когда хотятъ какой-нибудь предметъ переставить на другое мѣсто. Какъ многіе умные мужики, онъ лучше любилъ обыкновенныя, нѣсколько подобострастныя отношенія къ барамъ.

Минутъ десять спустя, они уже сидѣли другъ противъ друга, прихлебывая изъ стакановъ и неторопливо, степенно разговаривая. Съ Тихономъ Петровичемъ нельзя было иначе говорить, какъ степенно: шутка у него

какъ-то не выходила, и онъ самъ конфузился. Бесѣда зашла о предметѣ, близко интересовавшемъ обоихъ: о полюбовномъ разверстаніи въ Семипольи. Тихону Петровичу очень хотѣлось взять въ экономію крестьянскіе огороды, чернѣвшіе жирной полосой по самой срединѣ сѣренькихъ господскихъ полей; но не хотѣлось ему оставить за крестьянами принадлежавшее имъ право трехлѣтняго пользованія этими огородами. По этой-то причинѣ ему хотѣлось, вмѣсто обязательнаго разверстанія, достигнуть добровольнаго, хотя бы пришлось для того поступиться лишнимъ клиномъ земли. Объ этомъ предметѣ много уже было говорено между нимъ и Рѣшетиловымъ, и даже оба они пришли наконецъ къ обоюдному соглашенію; казалось, были согласны и крестьяне, однако съ приговоромъ не спѣшили.

— Народъ пуганый, вѣры не имѣетъ, жаловался Тихонъ Петровичъ, на всѣхъ пяти пальцахъ поднося блюдечко къ губамъ.—А то также, на сходкѣ порѣшатъ, согласятся, а потомъ кто-нибудь сдуру загалдитъ, міръ-то и попятится; иной и самъ не знаетъ, что такое галдитъ, а сумнѣніе тѣмъ манеромъ производитъ. Кабы одна голова была, можно бы было дѣло сдѣлать; а съ міромъ какъ согласиться? не сообразишь.

— Что-жь толкуютъ-то, однако? полюбопытствовалъ Рѣшетиловъ.

Тихонъ Петровичъ презрительно усмѣхнулся.

— Сами, Ѳедоръ Петровичъ, изволите знать, какое

изъ этихъ толковъ заключеніе можетъ быть? Я мужику тоже не обидчикъ, лишняго мнѣ ни съ кого не надобно. Сами вы это дѣло не хуже моего знаете: огороды посередь господскихъ полей, значитъ я всегда въ своемъ правѣ обмѣнить ихъ; а что я не хочу, чтобъони еще три года въ нихъ ковыряли, такъ вѣдь за то я имъ земли словно бы вдвое противъ ихней даю. Землицу-то изволили видѣть—похулить не за что. А первое дѣло, время у насъ теперь горячее: разъ, что весна, а другой—срокъ на исходѣ: восемь годовъ кончится, не размежеваться съ ними никакимъ манеромъ. Теперь еще обязательнаго разверстанія боятся, а тогда и не сговоришь совсѣмъ.

— Ахъ, да, перебилъ его Рѣшетиловъ: у васъ по поводу этихъ восьми лѣтъ уже подстрекательства разныя идутъ; я одного толкователя захватилъ по дорогѣ.

И онъ разсказалъ подробно приключеніе съ Ивановымъ. Тихонъ Петровичъ слушалъ, какъ-то печально уйдя глазами въ самого себя, и монотонно кивая головой въ тактъ разкащику.

— Слышно, слышно, что у насъ такъ толкуютъ, подтвердилъ онъ съ грустью.

— Однако, вѣдь это уже нелѣпо! вѣдь не могутъ же этому негодяю повѣрить! вскричалъ Рѣшетиловъ нѣсколько подзадоренный грустно-равнодушнымъ тономъ Тихона Петровича. Тотъ только вскользь ухмыльнулся.

— Не такимъ вѣрили, произнесъ онъ. Оба съ минуту помолчали.

— Трусите, Тихонъ Петровичъ, замѣтилъ Рѣшетиловъ, и убѣдившись, что безъ личной бытности въ Семиполи толкомъ ничего не разъузнаешь, перемѣнилъ разговоръ. Онъ любилъ цоговорить съ Тихономъ Петровичемъ насчетъ собственнаго хозяйства, цѣня въ немъ человѣка съ большими практическими свѣдѣніями и природной сметкой; за болѣе важныя и рискованныя предпріятія онъ и не принимался, не выслушавъ его мнѣнія, хотя и не всегда ему слѣдовалъ. На этотъ разъ, они много толковали о кирпичномъ заводѣ, который Тихонъ Петровичъ совѣтовалъ устроить Рѣшетилову, въ виду близости большого города, и особенно предполагаемой желѣзной дороги. Бесѣда незамѣтно затянулась дольше обыкновеннаго и приняла подъ конецъ какой-то даже задушевный характеръ. Тихонъ Петровичъ, что рѣдко съ нимъ случалось, пустился въ нѣсколько общія разсужденія.

— Главное, время теперь горячее, говорилъ онъ, пригнувшись къ Рѣшетилову и опираясь на ногу широкой ладонью.—Сегодня одинъ, а завтра десять явятся, пожалуй и не угонишься. Годъ на годъ не похожъ выходитъ. Первое время, какъ вышла воля, баре то словно бы совсѣмъ пораскисли: не попривыкли еще, да и оченно тоже обиду чувствовали. Ну, а теперича, какъ посмотрѣть, такъ у кого только голова есть, всѣ какимъ ни на есть дѣломъ позанялись. Словно бы послѣ пожару строиться стали—такъ можно сказать. Ужь на

что вотъ, къ примѣру, сосѣдъ нашъ Косовицынъ, какой былъ пустой баринъ, а и тотъ за умъ взялся. Изволили небось слышать, какую фабрику возвелъ? уже и ленъ на корню скупаетъ. Строители, право!

— Что жь, вѣдь это хорошо, Тихонъ Петровичъ? сказалъ Рѣшетиловъ, желая поощрить его на дальнѣйшій разговоръ.

— Какъ не хорошо—хорошо, отозвался прикащикъ,— коли только съ толкомъ за дѣло берутся. А то вѣдь вотъ, хоть бы этотъ самый Косовицынъ—фабрику построилъ, а она дѣйствовать не способна.

— Какъ не способна?

— Да такъ. Онъ вѣдь ее на прудѣ построилъ, а прудъ общій съ крестьянами. Станетъ мочить ленъ — скотинѣ изъ пруда пить нельзя; ну, а мужикамъ какъ же безъ водопою быть?

— Но вѣдь это чортъ знаетъ, какъ глупо! воскликнулъ Рѣшетиловъ.

— Какъ вамъ сказать—малая вещь, а тоже разсудка требуетъ, пояснилъ Тихонъ Петровичъ, поведя своей умной головой.—Привычки никакой нѣтъ, жизнь какъ бы сказать другая была. Въ прежнее время форсомъ все брали, а нынче словно бы это никому не надобно стало Хоть бы такъ сказать: сторона наша не бѣдная, господа въ прежніе годы страсть какъ живали, у иного собакъ больше, чѣмъ душъ хлѣбъ жрало, а нынче этихъ затѣй вовсе не видно.

— Падаетъ наше барство, Тихонъ Петровичъ! поддакнулъ ему Рѣшетиловъ. Но прикащикъ отрицательно тряхнулъ головой.

— Зачѣмъ ему падать—не падаетъ! возразилъ онъ.— Запасцу словно бы поубавилось — собраться надо. Я вамъ сказалъ, все равно какъ послѣ пожару строиться стали—это самое слово и есть! А отстроятся, дѣти спасибо скажутъ.

Страннымъ образомъ эта философія полуграмотнаго мужика попала въ таинственный токъ мыслей, который давно работалъ внутри Рѣшетилова, и только въ эту минуту сталъ ясенъ ему самому.

— Да, строители мы—строители дорогъ, по которымъ будущее поколѣніе повезетъ свои матеріальныя и нравственныя богатства! воскликнулъ онъ, и въ волненіи всталъ съ мѣста.—Только, горькая же наша роль, Тихонъ Петровичъ! заключилъ онъ, дружески ударивъ его по плечу.

Они разстались, а Рѣшетиловъ долго еще сидѣлъ въ раздумьи, и мысль Тихона Петровича, обобщаясь съ самыми отдаленными явленіями современной дѣйствительности, протекала передъ нимъ, влача за собою безотрадную и пеструю панораму.

Онъ съ недѣлю пробылъ въ деревнѣ и въ участкѣ, охваченный нетерпѣливымъ порывомъ къ дѣятельности, который обнаруживался въ немъ всегда при наплывѣ сколько нибудь серьезныхъ дѣлъ. Среди ежедневныхъ

разъѣздовъ, отписки по накопившимся бумагамъ. разбирательствъ у себя на дому, онъ успѣлъ объѣхать собственныя поля, распорядиться работами и даже кое-что сообразить и приготовить для кирпичнаго завода, на который окончательно рѣшился. Болѣе всего отнимало у него времени разверстаніе въ Семиполье, гдѣ онъ не встрѣтилъ успѣха, обратившагося для него почти въ привычку въ послѣдніе, сравнительно мирные годы его посреднической дѣятельности. Несмотря на всѣ его увѣщанія, крестьяне упорно выражали недовольство землей, которую имъ предлагали въ обмѣнъ; нѣкоторымъ, какъ видно, хотѣлось получить клочекъ лѣсу, которымъ ни за что не соглашался поступиться Тихонъ Петровичъ, а другіе толковали такой вздоръ, что и понять было невозможно. Очевидное вліяніе Иванова обнаруживалось въ нескладицѣ, какую представлялъ міръ: Рѣшетиловъ убѣдился, что прежде всего надо приняться за толкователя, и вызвалъ его къ себѣ на другой день; но наканунѣ онъ получилъ повѣстку на мировой съѣздъ, и потому, отложивъ семипольское дѣло до болѣе удобнаго времени, выѣхалъ въ Бѣлогорскъ.

Какъ всѣ люди, серьезно занятые какимъ-нибудь дѣломъ, Рѣшетиловъ не любилъ неожиданныхъ перерывовъ и вынужденнаго бездѣйствія; но на этотъ разъ, онъ какъ будто даже радъ былъ внезапному отъѣзду въ городъ. Онъ соображалъ, что очень полезно увидѣться съ Вѣрой Павловной, передать ей положеніе дѣла по

разверстанію и, можетъ быть, безъ труда получить отъ нея уступку, на которую не рѣшался прикащикъ; но несмотря на всю логичность этихъ соображеній, онъ ощущалъ въ себѣ присутствіе какого-то посторонняго побужденія, которое влекло его въ городъ. Среди дѣятельной суматохи, наполнявшей эти дни, онъ почти не вспоминалъ о Танищевой; о вдругъ, при первой мысли о городѣ, онъ ощутилъ толчекъ какого-то раздраженнаго и подмывающаго чувства... Съ невольной торопливостью собрался онъ къ отъѣзду, и даже самъ удивился разсѣянному равнодушію, съ какимъ отдавалъ послѣднія распоряженія по участку и по имѣнію.

Для отдыху онъ остановился опять у Ѳерапонтова. Поднявшись на крылечко, онъ еще въ сѣняхъ услышалъ быструю перебранку, шумъ и даже что-то похожее на драку: чей-то незнакомый, хриплый и повелительный голосъ кричалъ, заставляя дребезжать стекла:

— Каналья! хамы! съ. бл-лагороднымъ человѣкомъ такъ рразговаривать? Я вамъ покажу. мужицкое отродье! Я покажу!

И тотъ же голосъ, сопровождаемый отчаяннымъ ударомъ кулака по столу, добавилъ съ необычайнымъ и продолжительнымъ рокотаніемъ:

— Искрррровеню!

Распахнувъ дверь, Рѣшетиловъ увидѣлъ странную сцену: Ѳерапонтовъ, весь красный, съ выкаченными бѣлками, стоялъ, поднявъ какъ бы для защиты высоко

надъ головой локоть руки, и задомъ пятился къ дверямъ; на него съ стиснутыми кулаками наступалъ какой-то незнакомый господинъ лѣтъ тридцати пяти, съ красивой русой бородой и волнистыми бакенбардами, въ штатскомъ пальто и военной фуражкѣ. Долговязый писарь, блѣдный отъ страху, дрожалъ на второмъ планѣ, прикрываясь столомъ, а еще дальше выглядывали въ дверь не менѣе испуганныя женскія лица.

Деликатный старшина, едва ли не въ первый разъ въ жизни находившійся въ такомъ необычайномъ положеніи, только вскрикнулъ, увидя мироваго посредника, и залепеталъ несвойственнымъ ему прерывистымъ и почти всхлипывающимъ голосомъ:

— Батюшка, Ѳедоръ Петровичъ, ваше высокоблагородіе, помилосердствуйте, чтожь это такое? Защитите, моченьки нѣтъ—сколько лѣтъ живу, отроду не бывало. Чтожь это такое, разбой середь бѣла дня!

— Что случилось? спросилъ Рѣшетиловъ, обращаясь то къ нему, то къ незнакомому господину, который, видимо недовольный появленіемъ посторонняго лица, закинулъ голову и мѣрилъ его довольно нахальнымъ взглядомъ.

— Что вамъ угодно? повторилъ Рѣшетиловъ, обращаясь прямо къ нему.

— Лошадей мнѣ надо, чорртъ поберри! воскликнулъ незнакомый господинъ, напирая на букву *р*, которая выходила у него съ рокотаніемъ, видимо доставлявшимъ

ему большое удовольствіе.—А мѣшаться въ мои дѣла и задавать мнѣ вопросы никто не имѣетъ права! добавилъ онъ, стукнувъ по столу косточкой средняго пальца.

— По званію мироваго посредника, приглашаю васъ немедленно прекратить шумъ въ волостномъ правленіи, произнесъ Рѣшетиловъ и распахнулъ пальто, чтобъ выставить висѣвшій на груди знакъ его должности.

Оставной офицеръ презрительно скользнулъ взглядомъ по предмету, на который желали обратить его вниманіе, и однакожь что-то похожее на смущеніе пробѣжало по его красивымъ, полураскрытымъ губамъ.

— Какой же шумъ? я тутъ требую лошадей, а мнѣ чортъ знаетъ что отвѣчаютъ! заговорилъ онъ, и Рѣшетиловъ почувствовалъ сильный спиртный запахъ.—Этотъ старшина ужасно дерзокъ, господинъ мировой посредникъ! продолжалъ онъ уже съ заискивающей почти улыбкой, сверкнувъ передъ Рѣшетиловымъ щеголеватыми розовыми ногтями. — Я доѣхалъ изъ города на вольныхъ, теперь мнѣ надо въ Семиполье; не пѣхтурой же мнѣ тащиться, посудите сами...

— Помилосердствуйте, Ѳедоръ Петровичъ, какихъ же я имъ лошадей дамъ! словно здѣсь станція, заговорилъ Ѳерапонтовъ, отирая выступившій на лицѣ отъ этой передряги потъ. — Пріѣхали они этта сюда, извощика своего отпустили, да прямо въ правленіе. Я тѣмъ временемъ на селѣ былъ; прихожу въ комнату, а они уже за виномъ спосылали, закусываютъ. Позвольте, говорю,

ваша милость, тутъ этого нельзя, здѣсь мѣсто чистое. Какъ, говорятъ, нельзя—ты, сякой да этакій—самыми послѣдними словами обозвали; по швамъ, говорятъ, не видишь, кто передъ тобой? Да трахъ меня въ ухо, немного не свалился. При писарѣ все дѣло было, извольте спросить. А потомъ пошли насчетъ лошадей — да вѣдь не говорятъ по человѣчески, а съ кулаками все ближе къ лицу норовятъ.

— Составь обо всемъ этомъ актъ, распорядился Рѣшетиловъ.—А вы, милостивый государь, обратился онъ къ незнакомому господину, извольте немедленно отсюда итти; здѣсь никто не обязанъ давать вамъ лошадей; ищите на селѣ, когда хотите.

— Да развѣ я даромъ требую? вѣдь я заплачу имъ, подлецамъ, оправдывался отставной офицеръ, видимо струсившій, но по привычкѣ еще не переставшій ругаться. — Разбаловали ихъ, мерзавцевъ, мѣста своего не знаютъ, проворчалъ онъ уже вполголоса, перекидывая черезъ плечи тощій сакъ-вояжъ.—А актовъ вашихъ я не боюсь, хоть тысячу листовъ испишите; я самъ губернатору буду жаловаться — губернаторъ военный человѣкъ, онъ пойметъ мое положеніе.

— Не угодно ли вамъ записать ваши званіе, имя и фамилію, остановилъ его Рѣшетиловъ, подавая листъ бумаги.

Незнакомый господинъ проворчалъ что-то подъ носъ, однако исполнилъ требуемое, и затѣмъ неспѣшно и молодцовато вышелъ изъ правленія. На листѣ красивымъ

крупнымъ почеркомъ было написано: „Отставной штабсъ-ротмистръ Викторъ Ивановъ Танищевъ“.

Рѣшетиловъ прочелъ и только невольно развелъ руками.

— Ну, батюшка Ѳедоръ Петровичъ, этакой передряги ни въ жисть не видалъ! кабы вы не подоспѣли, не знаю, что бы и было—говорилъ все еще взволнованный Ѳерапонтовъ.

V.

Здѣсь мы должны прервать на нѣсколько страницъ нить нашего повѣствованія и обратиться къ обстоятельствамъ, предшествовавшимъ появленію Вѣры Павловны въ Бѣлогорскѣ.

Лѣтъ двадцать назадъ, въ одномъ изъ лучшихъ уѣздовъ губерніи, въ которой происходитъ дѣйствіе нашего разсказа, всякій зналъ богатое, нераздѣленное имѣніе Семиполье, принадлежавшее братьямъ Тихомировымъ. Владѣльцы жили постоянно въ Петербургѣ, гдѣ оба они, на различныхъ поприщахъ, быстро и счастливо „дѣлали“ свою карьеру. Старшій, Никаноръ Ларіоновичъ, служилъ по гражданской части и считался хотя не самымъ дѣльнымъ, но однимъ изъ самыхъ важныхъ сановниковъ. Онъ рано овдовѣлъ и былъ бездѣтенъ, характеръ его отличался сухостью и упрямствомъ, обращеніе поражало отчетливою краткостью движеній и тѣмъ отпечаткомъ государственности, которымъ бываютъ от-

мѣчены важные сановники, особенно по выходѣ въ отставку; въ сущности же онъ былъ неспособенъ и незамѣчателенъ; надъ нимъ смѣялись, но у него не было враговъ. Младшій, Павелъ, во многихъ отношеніяхъ представлялъ совершенную противоположность брату: натура невыдержанная, страстная, онъ былъ способенъ на самые удивительные поступки, одинаково какъ въ дурномъ, такъ и въ хорошемъ смыслѣ. Нѣсколько разъ судьба его висѣла на волоскѣ вслѣдствіе его собственной неосмотрительности и порывистаго, почти женскаго легкомыслія; но счастливая, побѣждающая наружность, связи, поддержка брата, спасали его. Онъ долго командовалъ однимъ изъ гвардейскихъ полковъ, потомъ былъ взятъ ко двору, гдѣ ему однако не удалось пріобрѣсти значенія. Подобно Никанору Ларіоновичу, онъ также рано овдовѣлъ, но отъ недолгаго брака у него осталась дочь Вѣра, которую онъ любилъ безумно и которою нисколько не занимался.

Отношенія братьевъ между собою никогда не отличались особенною близостью, а подъ конецъ служебнаго поприща между ними произошло даже охлажденіе, вслѣдствіе какой-то темной исторіи, въ свое время надѣлавшей много шуму въ Петербургѣ. Вскорѣ затѣмъ, въ судьбѣ братьевъ произошла существенная перемѣна: Никаноръ Ларіоновичъ долженъ былъ выйти въ отставку, по причинамъ, о которыхъ онъ избѣгалъ выражаться опредѣленно, и поселился въ деревнѣ, разорвавъ ра-

зомъ всѣ связи съ петербургскимъ свѣтомъ; Павелъ, лишенный могущественной поддержки брата, тотчасъ почувствовалъ тягость этого лишенія: многіе отъ него отвернулись, многіе о немъ забыли; разъ или два ему пришлось несолоно хлебнуть того отравленнаго напитка, который составляетъ муку и счастье извѣстныхъ сферъ. Раздраженный, озлобленный и безсильный, онъ выхлопоталъ себѣ продолжительный заграничный отпускъ; но, добравшись до Парижа, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ неожиданно умеръ. За часъ до смерти онъ чувствовалъ себя еще на столько въ силахъ, что могъ написать къ брату письмо, въ которомъ просилъ забыть всѣ прежнія недоразумѣнія и неудовольствія и не оставить сироту, которую онъ предоставлялъ его родственнымъ попеченіямъ, вмѣстѣ съ приходившеюся на ея долю частью Семиполья.

Молодая француженка, съ очень благороднымъ лицомъ и манерами, привезла Вѣрочку въ деревню къ дядѣ и поселилась вмѣстѣ съ нею въ боковыхъ комнатахъ большаго барскаго дома, выстроеннаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія дѣдомъ Вѣрочки, отставнымъ секундъ-маіоромъ Ларіономъ Ларіоновичемъ Тихомировымъ. Никаноръ Ларіоновичъ не очень этому обрадовался, но сознялъ необходимость принять къ себѣ въ домъ сироту-племянницу и опекать переходившую къ ней отъ отца часть Семиполья. Послѣднее было тѣмъ удобнѣе, что имѣнье состояло всегда въ нераздѣльномъ владѣніи,

и такъ какъ самъ онъ былъ бездѣтенъ, то по смерти его должно было перейти къ Вѣрочкѣ. Это обстоятельство нисколько, впрочемъ, не могло содѣйствовать сближенію старика съ племянницей: бездѣтному и самовластному Никанору Ларіоновичу непріятно было думать, что наслѣдница его состоянія оказывалась на лицо естественнымъ путемъ, независимо отъ его личнаго выбора; притомъ, все это напоминало о смерти. Разсуждая такимъ образомъ, брюзжа и досадуя, старикъ не зналъ, что состояніе его вовсе не было такъ громадно, какъ ему казалось. Долгое запущеніе, въ которомъ находилось хозяйство, ввѣренное усердію и распорядительности прикащика изъ дворовыхъ, невыгодно отозвалось на немъ: имѣніе было обременено долгами, и хозяйство, лишенное всякой организаціи, держалось единственно выносливой силой крѣпостнаго труда. Никаноръ Ларіоновичъ, „прибывъ“ въ деревню, вознамѣрился въ первое время заняться хозяйствомъ и начать съ повальной ревизіи, которую онъ представлялъ чѣмъ-то въ родѣ ревизіи присутственнаго мѣста; но ревизія не пошла на ладъ, запнувшись сразу на долгахъ, закладныхъ, векселяхъ и какихъ-то долгосрочныхъ, весьма сложныхъ контрактахъ, испещренныхъ словами, для Никанора Ларіоновича оказавшимися совершенно непонятными. Общая сумма долговъ, съ трудомъ уясненная изъ сбивчивыхъ отчетовъ прикащика, поразила владѣльца непріятною неожиданностью: оказалось, что долги эти дѣ-

лались и имъ, и покойнымъ братомъ, въ разное время, безъ яснаго отношенія на какую-нибудь часть имѣнія, такъ что не было никакой возможности опредѣлить, что̀ именно составляло въ настоящее время собственность Никанора Ларіоновича, и что̀ слѣдовало считать наслѣдствомъ покойнаго брата. Прикащикъ, стоя у притолки съ заложенною за спину лѣвою рукою, а правою деликатно прикрывая ротъ каждый разъ, какъ начиналъ говорить—отчитывался съ какою-то особенною неуловимостью, напирая больше на то, что „какъ владѣніе, значитъ, состояло завсегда въ нераздѣльности, то ихъ превосходительство покойной памяти Павелъ Ларіоновичъ, по своимъ надобностямъ, часто изволили наказывать на счетъ денегъ, потому, занимая ихнюю должность, и тоже при самомъ дворѣ; а впрочемъ, мы въ вашей волѣ, и ваше дѣло приказывать, а наше сполнять“. Въ результатѣ, Никаноръ Ларіоновичъ не добился ровно ничего и, успокоившись на часто повторяемомъ завѣрскіи прикащика, что „имѣніе въ лучшемъ видѣ“, и что „по эстакому богатству да теперича эти долги—ффю!“ кончилъ тѣмъ, что оставилъ все на рукахъ того же прикащика, не упустивъ впрочемъ предварительно высѣчь его крѣпко на собственныхъ глазахъ: безъ этого, по мнѣнію Никанора Ларіоновича, предпринятая имъ ревизія имѣла бы видъ чего-то неоконченнаго—l'air d'une mésure noncomblée.

Вслѣдъ за этимъ первымъ и единственнымъ актомъ

своей хозяйственной дѣятельности, Никаноръ Ларіоновичъ началъ сильно хирѣть. Онъ достигъ того періода, въ которомъ совершившіе свое служебное поприще и укрывшіеся въ Москвѣ или въ деревнѣ сановники в другъ начинаютъ относиться подозрительно къ самимъ себѣ, испытываютъ неловкость, когда имъ приходится показывать себя въ людяхъ, и ощущаютъ первые припадки подагры. Сосѣдніе помѣщики сначала сильно имъ интересовались и ждали его визита, но убѣдившись, что онъ и въ деревнѣ желаетъ держать себя сановникомъ, пожали плечами и оставили всякія покушенія завязать съ нимъ какія нибудь связи. Даже въ отношеніяхъ къ уѣзднымъ властямъ проявилось у Никанора Ларіоновича какое-то непріятное и неловкое недоразумѣніе. Одинъ изъ его дворовыхъ повѣсился; какъ водится, наѣхало временное отдѣленіе. Отставной сановникъ, и безъ того удивлявшійся, что ни исправникъ, ни становой къ нему до сихъ поръ не являлись, вознамѣрился помочь имъ поправить ошибку и велѣлъ звать всѣхъ чиновниковъ въ залу. Власти собрались, предполагая обыкновенную закуску. Никаноръ Ларіоновичъ долго не появлялся; чиновники, которыми овладѣло уже нѣкоторое недоразумѣніе, шушукали, переглядывались и пересмѣивались; исправникъ, соскучившись глупымъ ожиданіемъ и ощущая въ жалудкѣ червячка, ушелъ въ контору. Наконецъ обѣ половинки дверей распахнулись, и Никаноръ Ларіоновичъ, въ мундирѣ, со всѣми регаліями, показался

на порогѣ и величаво, слегка покачиваясь на подагрическихъ ногахъ, обутыхъ по-верхъ бѣлыхъ парадныхъ панталонъ въ теплыя гётры, выдвинулся на средину залы. Чиновники повернулись къ нему и молча поклонились. Привычное чутье сановника тотчасъ почувствовало въ этомъ молчаливомъ поклонѣ нѣчто ненадлежащее: исправнику слѣдовало выйти впередъ, представиться и представить остальныхъ. „Очень радъ съ вами познакомиться“, произнесъ Никаноръ Ларіоновичъ, останавливаясь въ извѣстной позѣ, съ закинутой немного взадъ головой и заложеннымъ за пуговицу большимъ пальцемъ правой руки. Чиновники опять молча поклонились. „Вы призваны содѣйствовать мнѣ въ охраненіи общественнаго порядка въ принадлежащихъ мнѣ владѣніяхъ“, произнесъ опять Никаноръ Ларіоновичъ, и немного качнулся впередъ. „Не сомнѣваюсь, что мы будемъ за одно стремиться къ водворенію закона и согласія въ моемъ... въ этомъ... въ названныхъ мною владѣніяхъ“, продолжалъ онъ, опустивъ глаза книзу, и вдругъ замѣтилъ у становаго, который одинъ держалъ руки по швамъ и такъ смотрѣлъ на сановника, какъ будто только ждалъ случая прыгнуть ему въ ротъ—разорванный бокъ сапога. Это значительно смутило нить мыслей Никанора Ларіоновича; онъ помолчалъ, и чиновники помолчали тоже.—„Довольны ли вы вашими подчиненными“? обратился онъ наконецъ къ толстому засѣдателю, котораго принялъ за исправника.

Засѣдатель, смотрѣвшій все время какъ-то въ бокъ и видимо конфузившійся за происходившее, перевелъ глаза на генеральскіе обшлага сановника и улыбнулся, широко раздавъ свои толстыя щеки.—„Напримѣръ, приставомъ здѣшняго стана“? продолжалъ Никаноръ Ларіоновичъ нѣсколько громче, желая вызвать мнимаго исправника на отвѣтъ, и кстати вспомнивъ о разорванномъ сапогѣ становаго.—„Я, ваше превосходительство, уѣздный засѣдатель“, проговорилъ наконецъ толстякъ и ковырнувъ въ носу, по привычкѣ непосредственно затѣмъ опустилъ руку въ карманъ. Никаноръ Ларіоновичъ поморщился и медленно обвелъ взоромъ стоявшія передъ нимъ невзрачныя фигуры, точно усиливаясь отыскать между ними настоящаго исправника.—„Господинъ исправникъ ушедши въ контору, надо полагать закусываютъ“ — вдругъ неожиданно-тонкимъ голосомъ объяснилъ становой, и при этомъ сильно дохнулъ на сановника чѣмъ-то кислымъ. Никаноръ Ларіоновичъ понялъ, что все испорчено, искажено, потеряно, и еще разъ обведя присутствующихъ безмолвнымъ и уже мутнымъ взглядомъ, поспѣшно удалился во внутренніе покои.

Нѣсколько лѣтъ затѣмъ медленно и скучно хирѣлъ онъ въ своемъ великолѣпномъ домѣ. Свалившаяся съ него мишура оставила его почти обнаженнымъ. Онъ вдругъ нашелъ, что жить самому по себѣ, внѣ служебнаго ритуала, который исполнялъ онъ десятки лѣтъ сряду—дѣло весьма трудное, что руководствоваться въ

этой жизни рѣшительно нечѣмъ, что и наполнить ее тоже нечѣмъ. Никаноръ Ларіоновичъ рѣшился строго уединиться, и понемногу создалъ въ своей затворнической жизни новый церемоніалъ, долженствовавшій наполнить день и методическимъ распредѣленіемъ часовъ замаскировать грызшую его скуку. Онъ сталъ позже вставать, дольше сидѣть за утреннимъ туалетомъ, и потомъ мѣнять его нѣсколько разъ въ день; завтракъ, обѣдъ и чай сдѣлались продолжительнѣе и обставились особеннымъ этикетомъ, имѣвшимъ цѣлью растянуть время и придать каждому дѣйствію импозантность. Отношенія Никанора Ларіоновича къ племянницѣ были довольно загадочны: его высокая съ сѣдой бородой фигура, закутанная въ теплое пальто и высокіе бархатные сапоги, никогда не появлялась на женской половинѣ; онъ встрѣчался съ Вѣрочкой только за обѣденнымъ столомъ, во время котораго его тяжелый, тусклый взглядъ часто устремлялся на хорошенькую головку дѣвочки съ выраженіемъ какого-то сосредоточеннаго и подозрительнаго вниманія. M-lle Эрнестинъ, всегда свѣженькая и изящно одѣтая, садилась подлѣ него и въ первое время пыталась съ нимъ заговаривать, выбирала для него лучшій кусочекъ на блюдѣ, подавала салфетку; Никаноръ Ларіоновичъ принималъ всѣ эти услуги съ разсѣянной снисходительностью и тотчасъ впадалъ въ неподвижность. Хорошенькая француженка сначала вообще часто попадалась ему на глаза, и его слухъ часто—

иногда совершенно неожиданно—ловилъ тихій, шолковый шелестъ ея платья; но Никаноръ Ларіоновичъ не выходилъ изъ своего молчаливаго онѣмѣнія. Разъ, зайдя къ нему зачѣмъ-то въ кабинетъ и увидя его неподвижно полулежавшимъ, съ закрытыми глазами, въ высокомъ креслѣ, она въ безотчетномъ страхѣ опустилась противъ него на диванъ. Никаноръ Ларіоновичъ вдругъ приподнялъ отяжелѣвшіе вѣки и съ минуту молча, какъ будто не понимая, кто передъ нимъ, глядѣлъ на нее.— „Vous êtes le seul être, qui a de la bonté pour moi“, прошамшали неожиданно его запавшія губы, съ оттѣнкомъ сиплой нѣжности въ голосѣ. M-lle Эрнестинъ встрепенулась, подошла къ нему и красиво сложила на груди свои маленькія, нѣжныя ручки; но темные, съ красноватыми жилками вѣки Никанора Ларіоновича уже надвинулись на глаза. Француженка постояла, пожала плечемъ и вышла изъ комнаты.—„Que ferai-je, pauvre fille? c'est un cadavre“, нѣсколько разъ съ непритворнымъ сожалѣніемъ повторила она про себя въ тотъ день, топорища свои тоненькія бровки.

Вѣрочка скучала въ большомъ безлюдномъ домѣ, и очень привязалась къ m-lle Эрнестинъ. Маленькія, свѣтлыя комнатки, составлявшія женскую половину дома, и которымъ талантливая француженка съумѣла придать веселенькій и даже кокетливый видъ, заключали въ себѣ особый мірокъ, не имѣвшій ничего общаго съ строгою и какъ будто похоронною жизнью большаго дома. Этотъ

мірокъ, красивый, веселый и немножко лживый, какъ сама m-lle Эрнестинъ, очень полюбился Вѣрочкѣ. Болтливая француженка разсказывала ей хорошенькія, проникнутыя лукавой прелестью сказки, вычитанныя изъ книжечки въ розовой обложкѣ, которая нисколько не потеряла бы своего интереса, еслибъ ее перенесли изъ дѣтской въ будуаръ; въ этихъ сказкахъ маленькіе принцы, похожіе на Аполлона, искали въ лѣсу загадочной встрѣчи съ Жанной-Босоножкой; хорошенькіе пажи въ розовыхъ мантіяхъ, съ бантами и кружевами, несли шлейфъ герцогини, и раздавался украдкой поцѣлуй... Вѣрочка очень любила эти сказки; еще больше любила она, когда m-lle Эрнестинъ, забравшись съ ней на низенькій, мягкій ottomane и протянувъ щегольски-обутыя ножки, начинала разсказывать ей—разсказывать безъ конца на своемъ торопливомъ, пѣвучемъ жаргонѣ. Это были не сказки, а какая-то пестрая, увлекательная болтовня, наполовину непонятная для двѣнадцатилѣтней дѣвочки и проникнутая неуловимой и немножко ядовитой прелестью. M-lle Эрнестинъ имѣла также большія способности къ музыкѣ, и Вѣрочка любила ея игру: въ ея веселыхъ аккордахъ было что-то совсѣмъ не похожее на скучныя экзерциціи, которыя заставлялъ ее твердить учитель, старый нѣмецъ, два раза въ недѣлю пріѣзжавшій къ ней изъ губернскаго города. Кромѣ того, m-lle Эрнестинъ дѣлала Вѣрочкѣ такія хорошенькія платьица, такъ искусно взбивала своими бѣ-

ленькими пальчиками ея мягкіе, льнувшіе къ щекѣ волосы, и при этомъ такъ охотно цѣловала ее и подставляла ей свое красивое, пахучее лицо... Вѣрочка привыкла думать, что у нея только и есть другъ—искренній и единственный—m-lle Эрнестинъ.

Разъ — это случилось уже лѣтъ черезъ пять послѣ того, какъ Вѣрочку привезли къ дядѣ—Никаноръ Ларіоновичъ совершенно неожиданно появился въ классной комнатѣ. Вѣрочкѣ тогда было уже лѣтъ шестьнадцать, и она сидѣла за урокомъ, который преподавалъ ей пожилой французъ, чрезвычайно смѣшной и сухощавый, выписанный нарочито изъ Петербурга съ довольно неопредѣленной задачей enseigner les sciences; онъ, впрочемъ, не задумывался надъ разгадкой своего призванія, и пребываніе его въ домѣ было замѣчательно преимущественно тѣмъ, что онъ изумлялъ всю дворню своей необычайной прожорливостью. Неожиданное появленіе Никанора Ларіоновича было такъ поразительно, что навело на всѣхъ суевѣрный страхъ: Вѣрочка съ испугомъ прижалась къ столу, французъ-учитель внезапно замолкъ, забывъ при этомъ закрыть свой огромный ротъ, въ который тотчасъ влетѣла муха; сама m-lle Эрнестинъ, никогда не терявшаяся, осталась неподвижною съ кусочкомъ бумаги въ рукѣ, съ помощью которой только что она приготовлялась завить себѣ къ обѣду папильйотки. Никаноръ Ларіоновичъ вошелъ медленно, тихо шурша своими бархатными сапогами и постуки-

вая палкой, съ которой никогда не разставался. — „Continuez, s'il vous plait," проговорилъ онъ, никого не привѣтствуя и садясь къ столу. Растерявшійся учитель, разсказывавшій передъ тѣмъ довольно забавно, какъ одна француженка, отыскивавшая поцѣлуевъ мостъ, обратилась къ какому-то молодому человѣку съ словами: „кажите мнѣ поцѣлуй, je vous prie", и что изъ этого вышло—вдругъ встрепенулся, и выкрикнувъ особенно громко: „et bien, continuons"—заговорилъ о Людовикѣ XIV. Никаноръ Ларіоновичъ слушалъ его молча, не перемѣняя положенія, и только иногда ненадолго закрывая глаза; но болтовня француза наконецъ ему наскучила; онъ съ усиліемъ поднялся съ кресла и, подойдя къ Вѣрочкѣ, положилъ ей на плечо свою желтую, высохшую руку.—„Je m'ennuis beaucoup", проговорилъ онъ, и отъ звука его глухаго, невѣрнаго голоса дѣвушка невольно вздрогнула;—„venez un peu quelquefois causer avec moi;" и бросивъ на нее еще разъ сосредоточенный, загадочный взглядъ, медленно повернулся къ двери. Услужливый французъ предложилъ ему руку; Никаноръ Ларіоновичъ молча отстранилъ его и ткнулъ палкой въ дверь, обѣ половинки которой съ шумомъ распахнулись.

Причина этого неожиданнаго происшествія заключалась въ томъ, что Никаноръ Ларіоновичъ, дряхлѣя болѣе и болѣе, сталъ пугаться окружавшаго его одиночества. Физическая боязнь смерти, какъ болѣзнь, пре-

слѣдовала его; онъ недовѣрялъ прислугѣ и, оставаясь одинъ въ комнатѣ, испытывалъ гнетущее чувство, похожее на страхъ ребенка, брошеннаго въ темнотѣ. Одинъ разъ онъ изумилъ своего камердинера, заставивъ его выпить поданный ему чай; и пока старый слуга, торопясь и поперхаясь, глоталъ изъ стакана, дрожавшаго въ его дряхлой рукѣ — вспыхнувшій на минуту взглядъ Никанора Ларіоновича пронизывалъ его насквозь. Присутствіе Вѣры облегчало его страданія. Онъ никогда не звалъ ее самъ, но если она долго не приходила, онъ говорилъ ей при слѣдующей встрѣчѣ съ смиреннымъ укоромъ: vous m'avez abandonné comme un chien. Онъ мало разговаривалъ и скоро впадалъ въ свою обычную полудремоту; но онъ тотчасъ чувствовалъ, когда Вѣра вставала съ мѣста, поднималъ свои потемнѣвшіе вѣки, и вся изнеможенная фигура его безпокойно шевелилась. Въ хорошіе солнечные дни ему приходила иногда охота прокатиться въ экипажѣ; къ широкому господскому крыльцу подавали старомодную коляску, Никанора Ларіоновича бережно пересаживали въ нее прямо съ кресла, Вѣрочка садилась рядомъ, и лошади трогали шагомъ по мягкому проселку. Разъ, въ одну изъ такихъ прогулокъ, зашершавѣвшіеся отъ старости жеребцы завезли Никанора Ларіоновича гораздо далѣе обыкновеннаго: передъ нимъ внезапно открылся косогоръ, узенькая, свѣтлая рѣчка, паромъ у берега, а надъ нимъ, на невысокомъ холмикѣ, камен-

ный господскій домъ, весело выглядывавшій изъ-за темной зелени вишень, яблонь и акацій. Никаноръ Ларіоновичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ и на домъ, и на садъ, и на рѣчку—какъ будто страннымъ показалось ему подъѣхать такъ близко къ чужому владѣнію—и наконецъ полюбопытствовалъ, чье это имѣніе? Оказалось, что усадьба принадлежала его ближайшему сосѣду, отставному генералъ-маіору Косовицыну.—„Косовицыну? какому Косовицыну?“ переспросилъ старикъ съ несвойственнымъ ему оживленіемъ. Онъ припомнилъ, что этотъ сосѣдъ былъ его близкимъ пріятелемъ въ молодости и сослуживцемъ его покойнаго брата. Всю остальную дорогу старикъ былъ задумчивъ болѣе обыкновеннаго, и пріѣхавъ домой, тотчасъ продиктовалъ Вѣрѣ коротенькую французскую записку къ Косовицыну, въ которой, ссылаясь на свои немощи, извинялся въ невозможности лично быть у него и просилъ обязать его своимъ посѣщеніемъ. Косовицынъ пріѣхалъ на другой же день, а черезъ недѣлю сдѣлался для Никанора Ларіоновича близкимъ человѣкомъ и почти ежедневнымъ гостемъ. Онъ былъ гораздо моложе Тихомирова, чрезвычайно подвиженъ и дѣятеленъ; не покидалъ въ отставкѣ своего гвардейскаго мундира, хозяйничалъ лично и копилъ деньги, говорилъ громко и рѣзко, собиралъ для чего-то коллекцію минераловъ и по наслышкѣ хвалилъ Code Napoléon.

Никаноръ Ларіоновичъ продиктовалъ ему свое ду-

ховное завѣщаніе и назначилъ его опекуномъ и душеприкащикомъ.

VI.

Въ одно хмурое апрѣльское утро камердинеръ Никанора Ларіоновича, войдя къ нему въ спальную, нашелъ его не въ кровати, а на полу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея. Старикъ былъ мертвъ и лежалъ навзничь съ открытыми глазами; одна рука его судорожно сжимала рубашку на груди, а другая, вытянутая на-отмашь, лежала, какъ плеть, на коврѣ; видно было, что смерть захватила свою жертву мгновенно. Обычная суетня поднялась въ домѣ; верховой поскакалъ за Косовицынымъ; о скоропостижной смерти дано было знать полиціи; завѣсили зеркала, послали за священникомъ; пономарь съ церковнымъ старостой притащили высокіе, покраснѣвшіе отъ истертаго серебра подсвѣчники; Никанора Ларіоновича одѣли въ его парадный мундиръ и накрыли богатымъ парчевымъ одѣяломъ; зажгли свѣчи, и народъ хлынулъ въ раскрытыя двери, поглазѣть на покойника.

Вѣрочка съ тупымъ любопытствомъ наблюдала за происходившимъ передъ нею, точно все это совершалось на сценѣ и представляло странную, но почему-то необходимую комедію, въ которой она должна была исполнить напередъ опредѣленную роль. Неожиданная суетня въ домѣ, незнакомыя и грубыя лица, ходившія и распоря-

жавшіяся въ комнатахъ съ какимъ-то серьезнымъ и важнымъ выраженіемъ — какъ будто желая показать, что здѣсь они дѣлаютъ очень нужное и отъ нихъ зависящее дѣло — потомъ томительно торжественная церемонія похоронъ и опять множество незнакомыхъ лицъ, любопытно и какъ-то неискренно глядѣвшихъ на Вѣру — все это держало ее въ смутномъ и какъ будто даже пріятномъ напряженіи... М-lle Эрнестинъ, нѣсколько разъ принимавшаяся слегка всплакивать, и сквозь слезы быстро и ловко обметавшая рюшемъ два траурныя платья, увѣряла, что черный цвѣтъ удивительно какъ идетъ къ слегка поблѣднѣвшему личику Вѣры; она даже подвела ее къ зеркалу и чуть-чуть, прилично и даже какъ-то грустно ей улыбнулась — и безъ этой улыбки, казалось, была бы неполна торжественно-печальная обстановка погребенія. Во время похоронъ, между множествомъ гостей, при жизни никогда не видавшихъ Никанора Ларіоновича, но явившихся на приглашеніе душеприкащика отдать покойнику послѣднюю честь—какой-то красивый и изящный молодой человѣкъ, пріѣхавшій въ одной каретѣ съ Косовицынымъ, все время пристально глядѣлъ на Вѣру и скромно опускалъ глаза, когда встрѣчался съ ея взглядомъ; Вѣра пугливо отворачивалась и старалась подольше не глядѣть въ его сторону — а ей казалось, что она и не глядя все видитъ его блѣдно-смуглое лицо, очерченное волнистой линіей блестящихъ черныхъ волосъ. Въ церкви отъ тѣсноты, усталости и волненія ей сдѣлалось

дурно, кто-то подставилъ ей стулъ, подалъ святой воды— и когда она открыла глаза, молодой человѣкъ вполголоса разговаривалъ съ Эрнестиной, которая улыбалась, топорщила бровки и иногда бросала на Вѣру загадочные и и какъ будто лукавые взгляды. Вѣрочкѣ очень хотѣлось знать, что такое они говорятъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей ужасно стыдно было спросить объ этомъ, и весь остальной день показался ей какъ-то особенно длиннымъ и томительнымъ. Вечеромъ, когда она раздѣвалась, m-lle Эрнестинъ вдругъ опять принялась тихонько всхлипывать и, слегка вздрагивая всѣмъ тѣломъ, проговорила сквозь слезы: je vous reste seule et abandonnée—и вздрогнувъ опять, поцѣловала ее въ кругленькое, голенькое плечико. Вѣрочкѣ какъ-то странно и непріятно показалось это, и она, не умѣя ничего сказать, крѣпко, по дѣтски, обняла свою подругу; m-lle Эрнестинъ тотчасъ отерла слезы, и продолжая еще вздрагивать слегка-смуглыми, розовыми плечиками, заговорила о томъ, какъ всѣ находили, что Вѣра était ravissante même dans sa douleur, и что она теперь царица всѣхъ этихъ владѣній— de tous ces domaines—и что старый Косовицынъ, *l'opékoune*, quelle drole de nom—vieux coq et trés débauché— а молодой человѣкъ, котораго Вѣра не могла не замѣтить—il était si supérieur aux autres—его сынъ, только что изъ-за границы, и Вѣра произвела на него впечатлѣніе огромное—immense, à le rendre fou.—Tiens, j'les connais assez, ces gens du monde, закончила она весело

и немножко шикарно, и приложилась холоднымъ плечомъ къ разгорѣвшейся щекѣ. А смущенная и чѣмъ-то смутно взволнованная Вѣра внутренно вся трепетала подъ одѣяломъ, и долго еще не могла уснуть въ своей чистой дѣвической постели — какъ будто легкій, нечувствительный угаръ наполнялъ комнату, и какія то недоконченныя грезы угнетали ее тѣмъ необъяснимымъ ощущеніемъ, которое испытываетъ человѣкъ, когда спитъ, и мѣсяцъ иглистыми лучами ударяетъ въ голову.

На другое утро пріѣхалъ Косовицынъ съ портфейлемъ подъ мышкой, и найдя Вѣру въ маленькой угольной гостиной, пригласилъ нѣсколько торжественнымъ и офиціальнымъ тономъ всѣхъ остальныхъ выйти изъ комнаты, и притворивъ двери, спросилъ, не желаетъ ли Вѣра прослушать завѣщаніе покойнаго Никанора Ларіоновича. Вѣра смутилась: подъ завѣщаніемъ она понимала что-то въ родѣ замогильнаго заклятія, и у нея мелькнула мысль— что̀, если дядя какимъ нибудь страшнымъ образомъ распорядился ея участью—обрекалъ ее въ монастырь, напримѣръ, или въ замужество за кого нибудь злаго и гадкаго? Она прижалась къ креслу и тутъ же мысленно дала клятву безропотно исполнить все, чего отъ нея хотѣли... Но чтеніе завѣщанія скоро совершенно успокоило ее: покойникъ ничего отъ нея не требовалъ и только закрѣплялъ выраженіемъ своей послѣдней воли переходъ къ ней всего имущества, движимаго и недвижимаго, подъ опекою генералъ маіора Косовицына. Душе-

прикащикъ быстро дочиталъ документъ, поздравилъ Вѣру, поцѣловалъ у нея ручку и дѣловымъ тономъ, который любилъ принимать на себя, объяснилъ, что въ виду совершенной неопытности наслѣдницы, онъ считаетъ излишнимъ совѣтоваться съ нею по дѣламъ имѣнія, но что если у нея будутъ какія нибудь желанія по этому предмету, то ей слѣдуетъ только приказать. Въ эту минуту тихо вошелъ въ комнату и остановился за стуломъ отца молодой Косовицынъ. Старикъ тотчасъ вскочилъ съ мѣста, представилъ Вѣрѣ сына и извинился, что вчера не рѣшился познакомить ихъ, чтобы „не нарушить ея горестнаго спокойствія.“ Вѣра смутилась, произнесла что-то, чего никто не разслышалъ, и несказанно обрадовалась, когда догадливый старикъ растворилъ двери, и m-lle Эрнестинъ могла явиться всѣмъ имъ на помощь.

Появленіе талантливой француженки все это тотчасъ устроило и изгнало изъ маленькой гостиной всякое gêne, которое непремѣнно чувствуется при первой и притомъ несовсѣмъ обыкновенной встрѣчѣ. Не прошло и четверти часа, какъ молодой Косовицынъ (le beau Valérien, какъ называла его Эрнестинъ) спокойно разговаривалъ съ Вѣрой, негромко и немножко грустно, какъ это шло къ обстоятельствамъ времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ занимательно и неглубоко, съ тонкимъ оттѣнкомъ приличнаго, свѣтскаго, обдуманнаго юмора, и Вѣра чувствовала себя свободно и покойно въ этой негромкой болтовнѣ, которая ничѣмъ не шокировала печальной торжественности обстановки, и въ

то же время незамѣтно и лукаво отвлекала отъ нея. А всторонѣ догадливая m-lle Эрнестинъ бойко, хотя также негромко болтала съ старымъ опекуномъ, который выпрямлялся въ креслѣ, молодился, шевелилъ ножкой и безпрестанно собиралъ и опять распускалъ складки своего морщинистаго лица, сіявшаго неожиданнымъ и полнымъ удовольствіемъ.

Косовицыныхъ стали часто видѣть въ Семипольи. Старикъ, еще бодрый и, несмотря на свое напускное англоманство, понимавшій довольно дѣльно, чего недоставало опекаемому имъ имѣнью, прибралъ прикащика къ рукамъ и наконецъ совсѣмъ прогналъ его, начавъ вникать во все лично и выбравъ себѣ въ подручные Тихона Петровича; дѣла пошли толково, такъ что къ концу года можно было безъ затрудненія выполнить всѣ срочныя уплаты. Онъ не измѣнялъ своему вѣжливо-дѣловому тону, цѣловалъ Вѣру въ ручку, шутилъ съ нѣсколько дубоватою веселостью, и тотчасъ исчезалъ „по хозяйству“. Дворня его уважала и побаивалась; даже Григорій, престарѣлый камердинеръ Никанора Ларіоновича, смотрѣвшій на него сначала съ угрюмымъ высокомѣріемъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „ужъ какъ ты тамъ ни финти, а противъ нашего покойнаго барина не вывезешь“ — даже и Григорій скоро проникнулся къ нему чувствомъ почтенія, и за обѣдомъ стоялъ за его стуломъ съ тѣмъ же выраженіемъ напряженнаго до безполезности усердія, какъ бывало при покойномъ Никанорѣ Ларіоновичѣ.

Еще чаще наѣзжалъ въ Семиполье молодой Косови-

цынъ. Онъ только что вернулся изъ-за границы, что имѣло въ то время значеніе, совершенно потерянное въ наши дни, и привезъ оттуда запасъ разсказовъ, восторговъ и взглядовъ, представлявшихъ нѣчто совсѣмъ новое въ тогдашней провинціальной глуши; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ привезъ съ собою нѣсколько презрительное на французскій манеръ отношеніе къ женщинѣ и тотъ культъ приличнаго, ничего не дающаго и хищнически-жаднаго къ наслажденіямъ эгоизма, которымъ насыщена парижская жизнь. Но Вѣрѣ, съ ея семнадцатью годами и отсутствіемъ всякихъ утвердившихся взглядовъ, казалось только, будто что-то похожее на свободу, на свѣжій воздухъ, ворвалось въ окна стараго дома. Какъ всѣ свѣтскіе люди, для которыхъ вся цѣль жизни сосредоточивается подъ конецъ на ежедневной борьбѣ и побѣдѣ надъ скукой, Косовицынъ былъ чрезвычайно изобрѣтателенъ на развлеченія и удовольствія. Онъ познакомилъ ее съ нѣсколькими сосѣдними семействами, устроивалъ праздники у себя и у нея, кавалькады, прогулки въ лѣсъ пѣшкомъ, пикники къ предводителю; для Вѣры сдѣлалось наконецъ непонятно, какъ могла она существовать безъ тѣхъ средствъ занять и наполнить день, которыми вооружилъ ее Косовицынъ. Она узнала цѣлый міръ впечатлѣній, проистекающихъ изъ дорого-стоющаго, изящнаго и сложнаго туалета; она узнала непонятное и странное удовольствіе новыхъ встрѣчъ, визитовъ, столкновеній съ посторонними и чуждыми людьми... Все это просилось

въ ней, рвалось какъ весеній воздухъ въ раскрытое окно, и надо всѣмъ этимъ приливомъ новыхъ ощущеній господствовало еще неясное и свѣжее чувство....

Пользуясь послѣдними лѣтними днями, Косовицыны давали у себя сельскій праздникъ. Толпа гостей шумно и весело наполняла комнаты и садъ. Косовицыны жили на широкую ногу, и все въ домѣ у нихъ поражало роскошью и тѣмъ отпечаткомъ модности, вкуса и высокаго comme il faut, который Валеріанъ Николаевичъ умѣлъ сообщить всему, чего касалось его вліяніе. Послѣ обѣда, отличавшагося щепетильной изысканностью и не по-деревенски умѣреннымъ числомъ блюдъ, устроились танцы въ саду. Для Вѣры этотъ праздникъ, съ самаго начала, былъ какимъ-то длиннымъ рядомъ торжествъ. M-lle Эрнестинъ, не довѣряя искусству лучшей провинціальной модистки, развернула всѣ свои рессурсы, чтобы придать туалету воспитанницы высокое изящество стиля. Она сама расчесала ей волосы, разсыпавъ ихъ благоухающими пасмами вокругъ лица, и часа два, на колѣняхъ, до изнеможенія взбивала и расправляла оборки платья, обремененныя зеленью и цвѣтами, и при всемъ томъ казавшіяся совершенно воздушными. Слишкомъ свѣтлый вырѣзъ лифа смущалъ Вѣру; но Эрнестинъ успокоила ее, увѣривъ, что tout le monde se presse d'étaler ses graces. Этотъ туалетъ, затмившій всѣ другіе, свѣжая, и не смотря на то уже вполнѣ пластическая красота Вѣры, произвели невѣроятное впечатлѣніе. Въ

какомъ-то чаду, окруженная цѣлой толпой, едва успѣвая отвѣчать на заявленія восторженнаго удивленія, едва даже сознавая все происходившее вокругъ, Вѣра понимала только, что жизнь внутри ея напряжена до той степени, до какой только можетъ подняться это напряженіе, и что въ каждомъ мгновеніи этого дня она переживаетъ цѣлые годы впечатлѣній. Запыхавшись, кое какъ оправляя пострадавшее отъ танцевъ платье, она попросила Косовицына увести ее куда нибудь.

Они прошли по аллеямъ, поднялись на крылечко, и въ комнатахъ, куда сквозь плотныя жалузи не проникало солнце, Вѣра почувствовала наконецъ прохладу. Но ей, не смотря на усталость, не хотѣлось присѣсть; сквозная анфилада полутемныхъ, блестѣвшихъ паркетными полами комнатъ подмывала впередъ. Не замѣчая, какъ сильно опиралась она на руку Косовицына, Вѣра миновала нѣсколько залъ, и проходя мимо одного изъ огромныхъ зеркалъ, невольно остановилась на минуту, съ страннымъ недоумѣніемъ разсматривая свое отраженіе. Ея прическа разстроилась, влажныя пасмы волосъ надвинулись на лобъ и льнули къ разгорѣвшимся щекамъ... Пройдя еще нѣсколько комнатъ, молодые люди очутились въ узенькой оранжереѣ, густо заставленной цвѣтами и растеніями и наполненной острымъ, спертымъ благоуханіемъ. Розоватый свѣтъ кончающагося дня проникалъ сквозь разнообразную, то крупную и сочную, то мелкую и мшистую зелень. Вѣра сѣла на плетеный

диванчикъ, и съ страннымъ сожалѣніемъ замѣтила прекращеніе пріятнаго и слегка пугающаго ощущенія, которое испытывала, опираясь обнаженной рукой на руку Косовицына.

— Садитесь, сказала она ему, подбирая складки своего платья. Но Косовицынъ вмѣсто того опустился на колѣни, близко предвинувшись къ ней своей стройной фигурой.

Минуту спустя, онъ, все еще на колѣняхъ, цѣловалъ ея глаза, щеки, шею, плечи...

Наступившая зима не унесла развлеченій, а только нѣсколько видоизмѣнила ихъ: кавалькады и прогулки въ лѣсъ замѣнились катаньемъ на тройкахъ, пикниками, горками; одинъ разъ устроилась даже большая охота, на которой Вѣра присутствовала верхомъ, раскраснѣвшись и поёживаясь въ своей опушенной соболями амазонкѣ. Но Вѣра не только не искала этихъ развлеченій, а напротивъ, гораздо больше была рада тѣмъ днямъ, когда Косовицыны пріѣзжали къ обѣду, и всѣ четверо сумерничали въ угольной гостиной, и потомъ расходились попарно и терялись въ слабо-освѣщенныхъ комнатахъ. Генералъ какимъ-то священнымъ долгомъ поставилъ себѣ ухаживать за Эрнестиной, которая вообще со смертью Никанора Ларіоновича развернулась необычайно, отчаянно кокетничала со старикомъ, подъ столомъ пожимала ножкой его мягкій замшевый сапогъ, а забравшись съ нимъ куда нибудь въ уголъ, говорила такой

вздоръ, что выраженіе лица генерала становилось совершенно глупо отъ полноты испытываемаго имъ удовольствія. Все это, впрочемъ, не мѣшало Эрнестинѣ, обмѣнявшись въ удобную минуту взглядомъ съ Валеріаномъ Николаичемъ, внезапно исчезать съ нимъ: приближавшаяся къ тридцати-лѣтнему возрасту, бойкая и пикантная m-lle Эрнестинъ очень нравилась молодому Косовицыну, и нерѣдко въ то время, какъ Вѣра покоилась сномъ, въ комнатѣ ея подруги мелькали на спущенной сторѣ два красивые силуэта...

Разъ Косовицыны поѣхали съ Вѣрой и Эрнестиной кататься. Была морозная, свѣтлая ночь, снѣгъ искрился и хрустѣлъ подъ полозьями, небо, вспыхнувъ серебрянымъ блескомъ, такъ и застыло — глубокое, бѣлое и холодное; только около мѣсяца разорванные края его дымились и таяли въ лучахъ. Генералъ съ Эрнестиной, въ широкихъ развальняхъ, запряженныхъ тройкою маленькихъ, рѣзвыхъ лошадокъ, черною точкой мелькали вдали; Валеріанъ Николаичъ ѣхалъ съ Вѣрой въ бѣговой одиночкѣ, осторожно сдерживая молодаго, невыѣзженнаго рысака, который, похрапывая, закидывалъ голову, рвалъ снѣгъ ногами, и вдругъ на секунду пріостанавливаясь, пугливо косился на широкія тѣни, бѣжавшія по сторонамъ. Вѣрѣ становилось страшно и хотѣлось вернуться домой, но Косовицынъ настойчиво ее успокоивалъ. Безвѣтренный, морозный воздухъ порошилъ сверкающимн снѣжинками, вѣялъ въ лицо, забивался въ

узкій рукавъ шубки и пощипывающимъ холодомъ пробѣгалъ до самаго плеча; бѣлая, напоенная молочнымъ блескомъ даль ширилась во всѣ стороны, и кое-гдѣ странно выдѣлялись на ней убѣгающія очертанья дерева или занесенной снѣгомъ сторожки, съ узкой, мерцнущей полоской свѣта въ окнѣ. Прижавшись озябнувшимъ плечомъ къ Косовицыну и щурясь отъ морозной пыли, Вѣра нанонецъ перестала думать о чемъ нибудь, нечувствительно остановившись въ какой-то неясной и несвязной грезѣ... Вдругъ рысакъ, повинуясь нятянутымъ возжамъ, закинувъ голову и широко разставивъ ходъ, взялъ полную рысь, но тотчасъ сорвался, оборвалъ шлею и понесся вскачь. Санки, визжа полозьми, быстро и неровно заскользили по дорогѣ; лошадь раза два ударила копытами въ передокъ и видимо приготовилась бить. Вѣра хотѣла выскочить, но только зажмурила глаза и еще ближе прижалась къ слегка поблѣднѣвшему Косовицыну. Однакожь ему удалось заставить лошадь нѣсколько разъ перекрутиться на мѣстѣ, послѣ чего она сама тотчасъ остановилась. По счастливой случайности, они находились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ усадьбы Косовицыныхъ; кто-то изъ дворни уже замѣтилъ ихъ, и ворота со скрипомъ отворились. Косовицынъ распорядился тотчасъ запречь другую лошадь, и Вѣра, уже опомнившаяся отъ страха и поддаваясь какой-то безпричинной веселости, со смѣхомъ взбѣжала

на крыльцо, постукивая озябшими ножками и черезъ плечо оглядываясь на молодаго хозяина.

Рѣзвая тройка давно уже примчала генерала съ Эрнестиной назадъ въ Семиполье, и оба они, грѣясь у жарко растопленнаго камина, недоумѣвали, куда дѣвалась молодежь, съ которой они не встрѣчались всю дорогу; а Вѣра съ Валеріаномъ Николаичемъ все еще не выходили изъ комнатъ, къ великому неудовольствію конюха, въ десятый разъ принимавшагося проѣзжать озябшую и застоявшуюся лошадь.

Въ ту зиму Вѣра очень развилась и похорошѣла; даже m-lle Эрнестинъ, видѣвшая ее ежедневно, замѣчала, какъ вмѣсто прежней дѣтской неопредѣленности черты ея лица приняли ту красивую, немножко грустную выразительность, которая выработывается у женщинъ, рано начавшихъ жить сердцемъ. Тѣ дѣтскія, безразличныя отношенія, на которыхъ останавливается большая часть женщинъ, и при которыхъ всякій чужой человѣкъ становится занимателенъ именно потому, что онъ чужой, что онъ гость, что онъ будетъ говорить тотъ же самый вздоръ, какой говорятъ наши домашніе, но другимъ голосомъ и можетъ быть другими словами, что онъ разскажетъ что-нибудь о другихъ, такихъ же чужихъ и потому интересныхъ для насъ людяхъ—эти отношенія незамѣтно отлетѣли отъ Вѣры, и на ея красивомъ лицѣ, надъ бровями, иногда шевелилась тонкая складка, за которою улеглась какая-то устойчивая, се-

рьёзная и работающая мысль. Даже въ присутствіи Косовицына, среди долгаго разговора полушопотомъ, въ любимомъ уголкѣ за роялемъ, иногда вдругъ выступала эта складка, и какая-то тѣнь ложилась на лицо Вѣры, сдвигала тоненькія брови, трогала уголки губъ.—„Вы о чемъ-то задумались?“ спрашивалъ обыкновенно въ эти минуты Косовицынъ. Вѣра отвѣчала не вдругъ и какой-нибудь незначущей фразой, и старалась перемѣнить разговоръ. Но разъ, при подобномъ вопросѣ, она остановила на Косовицынѣ внимательный, продолжительный взглядъ, отъ котораго Валеріану Николаевичу сдѣлалось почему-то неловко, и все не сводя съ него глазъ, произнесла почти холодно:

— Я думаю, скоро ли это все кончится!

— То-есть, какъ кончится? спросилъ Косовицынъ и внутренно вздрогнулъ, хотя старался сохранить самый спокойный видъ. Онъ давно ожидалъ этого вопроса, и въ ту минуту мучительно хотѣлъ знать, на сколько еще хватитъ Вѣрѣ напряженной твердости, слышавшейся въ ея голосѣ.

— Вы вѣдь сами понимаете, что такъ продолжать нельзя... пояснила Вѣра. У нея самой сердце почти не билось, и непріятный холодъ стоялъ въ сжатыхъ пальцахъ.

— Развѣ ты не знаешь моихъ намѣреній, Вѣра? произнесъ Косовицынъ, наклоняясь къ ней и пожимая ея холодные пальчики.

— Что я могу знать? возразила дѣвушка, съ послѣднимъ усиліемъ сдерживая побѣлѣвшія губы, которыя судорожно подергивали подступавшія къ горлу рыданія. И чувствуя, что она уже не въ силахъ сдержать эти рыданія, что ее оставляетъ послѣдняя капля твердости, она порывисто сорвалась со стула и убѣжала къ себѣ въ комнату.

Поздно вечеромъ того дня, въ хорошенькой спальной m-lle Эрнестинъ долго не гасла свѣча, и слышался сдержанный шопотъ двухъ лицъ, вполголоса и оживленно разговаривавшихъ:

— У меня это рѣшено окончательно и неизмѣнно — говорилъ по-французски Косовицынъ, постукивая по столу красивыми, блестящими ногтями. — Я намѣренъ откладывать дальше...

Онъ переложилъ ногу на ногу, раскурилъ пахитоску и пыхнулъ нѣсколько разъ. Эрнестинъ казалась спокойною, и только переливавшіяся на щекахъ ея розовыя пятна выдавали внутреннее волненіе.

— Ты знаешь, я всегда подчиняюсь твоей волѣ, проговорила она.

— Она сама начала понимать свое положеніе — продолжалъ, больше съ самимъ собою, Косовицынъ. Ея сегоднишнія слова это доказываютъ. Что жь, мнѣ жаль, конечно; я не говорю, что мнѣ не жаль ее. Но она сама виновата, ея неопытность. Я завлекалъ, положимъ; но кто жь не завлекаетъ дѣвушекъ? Это надо пони-

мать.it faut savoir se resister. — Et puis... кто жь наконецъ женится на любовницахъ!

— Pauvre Véra, произнесла съ тихимъ вздохомъ Эрнестинъ.

Оставшись одна, она уже не могла заснуть, и долго сидѣла на постели, прислонившись спиною къ подушкамъ и опустивъ лицо на колѣни. Разныя, все болѣе печальныя мысли проходили въ ея головѣ. Она десять лѣтъ жила съ Вѣрой; сначала это было веселое, немножко сумасшедшее время, когда живъ былъ еще отецъ Вѣры, и петербургская, а потомъ парижская жизнь шумно врывалась къ нимъ; потомъ деревенское одиночество подъ невидимымъ, но тяготѣвшимъ призоромъ медленно умиравшаго старика, и наконецъ послѣдніе, словно одинъ день прожитые полтора года... Отдаленныя, но еще не потускнѣвшія воспоминанія плыли передъ ея зажмуренными глазами, получая какой-то грустный, сострадательно-нѣжный колоритъ. Обаятельный образъ Павла Ларіоновича особенно ясно возникалъ въ ея воображеніи.—„Pauvre enfant — думала она въ эти минуты о Вѣрѣ, въ какомъ-то внезапномъ порывѣ самообличенія: я отняла у нея отца, и теперь отнимаю жениха...

Сердце m-lle Эрнестинъ не было совершенно лишено чувствительныхъ струнъ...

На другой день она съ утра была въ слезахъ и вся взволнована. Она получила письмо отъ матери, требо-

вавшей ея немедленнаго возвращенія въ Парижъ. Ея pauvre tendre mére, о которой впрочемъ до сихъ поръ она никогда не упомнала, лежала на одрѣ болѣзни и призывала ее раздѣлить съ ней горестное уединеніе послѣднихъ минутъ жизни. Она думала навсегда посвятить себя обязанностямъ дружбы, соединявшей ее съ Вѣрой, но эти печальныя обстоятельства призываютъ ее къ священному долгу, aux dévoirs sacrés. Въ заключеніе, она желала бы выѣхать какъ можно скорѣе, даже завтра, если она никому не причинитъ этимъ безпокойства.

Вѣра была удивлена чрезвычайно, но довольно спокойно простилась съ своей подругой. Нѣсколько мѣсяцевъ раньше, эта разлука произвела бы на нее очень сильное впечатлѣніе, но теперь она такъ поглощена была *другимъ*, что все, постороннее этому *другому*, только скользило по ней, не проникая. Ей даже совѣстно стало этого спокойствія разставанія, и она обвиняла себя въ эгоизмѣ и неблагодарности; впрочемъ, она нѣсколько примирилась съ собою, когда Эрнестинъ съ признательнымъ удовольствіемъ приняла приготовленный для нея весьма значительный подарокъ.

М-lle Эрнестинъ уѣхала, а Косовицынъ пересталъ бывать въ Семипольи; впрочемъ незамедливший явиться генералъ объяснилъ, что какія-то спѣшныя дѣла отозвали Валеріана Николаевича на нѣсколько дней въ городъ. Но прошла недѣля, а его все не было; посѣще-

нія старика также сдѣлались рѣже, и Вѣра стала замѣчать въ его обращеніи какую-то неловкость, какъбудто что-то стѣсняло и смущало его. Потомъ прошли слухи, сначала смутные, затѣмъ все болѣе и болѣе положительные, что молодой Косовицынъ уже вернулся изъ города, и не одинъ, а съ m-lle Эрнестинъ, вслѣдствіе чего между отцомъ и сыномъ произошла жестокая, оскорбительная для обоихъ сцена, кончившаяся однакожь тѣмъ, что француженка поселилась у нихъ на постоянное жительство; потомъ Вѣра получила отъ Валеріана Николаича письмо—длинное, безполезно-хитрое и вѣжливо-подлое письмо, которое объяснило ей все, всю нестерпимость обиды и весь позоръ шутя затянутой надъ нею петли..

Это были тяжелые, жестокіе дни; вспоминая о нихъ потомъ, Вѣра чувствовала рвущую боль въ груди. Она была одна, и ничья рука не протянулась къ ней для помощи. Когда прошли первые, ожесточенные припадки страданія, ею овладѣло одно мучительное желаніе — вырваться, уѣхать, забыть самый видъ этихъ стѣнъ, этихъ полей, этихъ деревьевъ. Она вспомнила о какой-то родственницѣ, двоюродной теткѣ по матери, жившей въ сосѣдней губерніи, верстъ за триста, и которой она никогда до тѣхъ поръ не видала; собравъ небольшія деньги, предоставленныя опекуномъ въ ея распоряженіе, она поѣхала къ ней.

Тетка, небогатая и полуобразованная женщина, при-

няла ее радушно, и на Вѣру вдругъ пахнуло незнакомой, новой атмосферой полубѣднаго помѣщичьяго быта, съ его неряшливымъ гостепріимствомъ, не всегда чинными увеселеніями и полу-враждой, полу-благоговѣніемъ къ жизни, съ которою освоилась Вѣра. Она, впрочемъ, мало отдавалась этимъ впечатлѣніямъ — ее поглощала потребность найти выходъ, покончить съ прошедшимъ и начать новую жизнь. Наконецъ ей показалось, что она нашла этотъ выходъ.

— Ma tante, Танищевъ за мною ухаживаетъ, сказала она однажды теткѣ, зайдя къ ней проститься на ночь.

Танищевъ былъ молодой кавалерійскій офицеръ, сосѣдъ по имѣнію, только-что вышедшій въ отставку. Онъ былъ богаче прочей молодежи въ уѣздѣ, и потому допускалъ въ обращеніи съ Вѣрой нѣкоторую степень развязности, о которой не смѣли и думать его мелкопомѣстные сосѣди. Тетка сама это замѣчала, и боялась, чтобы онъ не вздумалъ посвататься — что́ должно бы было, по ея мнѣнію, оскорбить племянницу.

— Но, ma tante, я бы пошла за него, объяснила Вѣра.

И дѣйствительно, они въ тоже лѣто обвѣнчались. Передъ самой свадьбой женихъ заболѣлъ, какъ онъ извѣщалъ, лихорадкой, такъ-что пришлось отложить назначенный для торжества день; впрочемъ, послѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что никакой лихорадки не было, а просто Танищевъ, закутивъ на мальчишникѣ, не могъ остановиться раньше недѣли.

VII.

На одной изъ лучшихъ улицъ города, по которой проѣзжалъ Рѣшетиловъ, его обогнала щегольская коляска, запряженная парой породистыхъ, дорогихъ рысаковъ. Господинъ, сидѣвшій въ колескѣ, узнавъ его, вдругъ засуетился, ткнулъ палкой кучера, и не дождавшись, пока тотъ осадилъ лошадей, покряхтывая, соскочилъ на мостовую и подбѣжалъ разслабленной походкой къ Рѣшетилову, тутъ только узнавшему въ немъ того самаго Михайла Ильича Рыбоѣдова, на вечерѣ у котораго онъ въ первый разъ встрѣтился съ Вѣрой Павловной.

— Ѳедоръ Петровичъ, васъ ли я вижу? вотъ кстати! кричалъ Рыбоѣдовъ, по обыкновенію долго не выпуская руки Рѣшетилова изъ своей мягкой и теплой даже сквозь перчатку руки.—Только что въ городъ пріѣхали? и превосходно, съ вашего позволенія тотчасъ же вами овладѣваю. У меня сегодня кое-кто обѣдаетъ — все, знаете, свои, *земскіе* люди (Михайло Ильичъ пріостановился и даже подмигнулъ на этомъ словѣ). Я вѣдь на дняхъ уѣзжаю въ деревню—нельзя же, знаете, весна, работы, хозяйство: всѣ мы должны землю пахать, какъ это говорится! У меня же къ тому кое-какіе проэкты возникли — нельзя, никакъ нельзя безъ этого; за умъ взялись, знаете! Ну-съ, такъ вотъ мои добрые и близкіе знакомые дѣлаютъ мнѣ честь, обѣ-

дают у меня сегодня.—А? устали? съѣздъ?—безъ отговорокъ, почтеннѣйшій Ѳедоръ Петровичъ, безъ отговорокъ! продолжалъ Михайло Ильичъ, перебивая Рѣшетилова и то подставляя, то отнимая ухо, изъ котораго торчало нѣсколько жесткихъ черныхъ волосъ. — Кому-кому, а вамъ-то ужь нельзя отговариваться, камъ-то ужь нельзя! прибавилъ онъ кротко, но съ убѣжденіемъ; — всѣ мы цѣнимъ въ васъ своего, земскаго человѣка, и безъ васъ семья наша не будетъ полна.—Да-съ, нашего, *земскаго* поля ягодка — заключилъ онъ, засмѣявшись предполагаемой остротѣ.

Рѣшетиловъ понялъ, что отъ Михайла Ильича ему добромъ не отдѣлаться, и такъ какъ мировой съѣздъ былъ назначенъ вечеромъ, то далъ слово пріѣхать обѣдать. Михайло Ильичъ хотѣлъ тутъ же пересадить его вмѣстѣ съ чемоданомъ въ коляску и везти прямо въ „замокъ“, но такую любезность Рѣшетиловъ на-отрѣзъ отклонилъ, и приказалъ Евстигнѣю везти себя на старую квартиру.

Отдохнувъ и переодѣвшись, Рѣшетиловъ, съ чувствомъ исполненія непріятнаго и ненужнаго долга, поѣхалъ къ Рыбоѣдовымъ. По парадной ливреѣ на швейцарѣ, разостланному на ступенькахъ коврику и сильному запаху какого-то ароматическаго курева, Рѣшетиловъ заключилъ, что обѣдъ въ „замкѣ“ готовился торжественный и едва ли даже не со спичами. Толпа гостей уже наполняла пріемныя комнаты. Рѣшетиловъ

встрѣтилъ здѣсь все ту же губернскую знать, которую губернаторша завистливо называла crême de la société, и которую мы видѣли на вечерѣ у Рыбоѣдовыхъ въ первой главѣ этой повѣсти: только теперь она была представлена полнѣе, благодаря торжественности случая, привлекшей на этотъ разъ очень многихъ изъ тѣхъ, которые пренебрегали обыкновенными jours-fixes въ „замкѣ“. Рѣшетиловъ замѣтилъ также, что въ этотъ день собравшееся общество не представляло сплоченнаго и однороднаго кружка, а напротивъ, имѣло характеръ смѣшанный, и хотя наименованіе „сливокъ“ по всей справедливости могло быть удержано за нимъ, но „сливки“ на этотъ разъ оказывались не безъ сильной посторонней примѣси. Къ губернской знати, предводительствуемой все тою же Настасьей Петровной, примыкали весьма чиновныя, но вовсе не знатныя губернскія власти; еще замѣтнѣе выдѣлялся тотъ именно людъ, который Михайло Ильичъ называлъ почему-то преимущественно земскимъ, хотя этого люда никто не встрѣчалъ ни въ одномъ земскомъ собраніи. Многіе изъ нихъ отличались восточными физіогноміями и нѣкоторою оригинальностью въ туалетѣ, какъ напримѣръ дорогими бархатными и шелковыми жилетами, какихъ теперь не носятъ, множествомъ брелоковъ, фраками свободнаго покроя и непремѣнно съ глясе-отворотами, брилліантовыми булавками въ цвѣтныхъ галстукахъ и перстнями на коротенькихъ пальцахъ съ крѣпкими и желтыми

какъ кость ногтями; въ общій разговоръ они вступали неохотно, считая его лишь за ненужный декорумъ, и бесѣдовали больше по угламъ, оживленно, но не громко.

Михайло Ильичъ былъ необычайно доволенъ тѣмъ, что никто изъ приглашенныхъ не отказался пріѣхать, и что даже одинъ престарѣлый генералъ, въ мундирѣ двадцатыхъ годовъ, большой чудакъ и самодуръ, который даже губернатору не отдалъ визита, пріѣхавъ зачѣмъ-то въ городъ, неожиданно и безъ всякаго зова явился на обѣдъ, объяснивъ хозяину просто: „услышалъ—думаю, поѣду, посмотрю“—и дѣйствительно на все и на всѣхъ смотрѣлъ такъ, что каждый ощущалъ неловкость. Михайло Ильичъ, польщенный его посѣщеніемъ, пробовалъ свести его кое-съ-кѣмъ изъ почетныхъ гостей, но генералъ, когда ему перваго кого-то представили, произнесъ только: „а! никогда не встрѣчалъ!“ и повернувшись, продолжалъ шагать по комнатамъ, медленно вращая все тотъ же пристальный и изумленный взглядъ. Впрочемъ, у Михайла Ильича и безъ генерала было много заботъ, и онъ суетливо перебѣгалъ своей нѣсколько-подагрической походкой отъ одной группы къ другой, ощущая какое-то особенное удовольствіе оттого, что все это „понимаете, занято, разговариваетъ, толкуетъ“, и что все это, какъ ему казалось, „земскіе люди, земскаго поля ягодки“.

Рѣшетиловъ встрѣтилъ здѣсь кое-кого изъ знакомыхъ,

и между прочимъ уѣзднаго предводителя Ухтырскаго, очень еще молодаго человѣка, выбраннаго за то, что занимался политической экономіей и развивалъ идею вотчиной полиціи. Ухтырскій тутъ же объявилъ, что онъ отложилъ съѣздъ до завтра, потому что всѣ „наши“ останутся послѣ обѣда у Михайла Ильича, чтобы кое-о-чемъ потолковать, когда разъѣдутся „посторонніе“, и что вообще послѣ этакого обѣда дѣлать съѣздъ невозможно.

— Ба! Рѣшетиловъ! вотъ не ожидалъ! раздался подлѣ него знакомый голосъ Чакольскаго.—Такъ ты опять въ городѣ? ну, хоть одинъ живой человѣкъ наконецъ отыскался! почти кричалъ онъ, до боли встряхивая руку пріятеля. Онъ уже съ полчаса толкался по комнатамъ, успѣлъ наговорить полдюжину дерзостей, разозлилъ Настасью Петровну, у которой попросилъ табачку понюхать, зная очень хорошо, что она эту слабость тщательно скрываетъ, и пустилъ двѣ совершенно необычайныя, хотя и правдоподобныя новости, тутъ же имъ придуманныя; но наконецъ все это ему прискучило, и онъ обрадовался Рѣшетилову, какъ празднику.

— Великое, мой другъ, приготовляется здѣсь кормленіе народовъ—продолжалъ онъ, подхвативъ пріятеля подъ руку и таща его между рядами гостей.—Говорилъ тебѣ Михайло Ильичъ, что онъ уѣзжаетъ въ деревню, и что поэтому друзья желаютъ сегодня почтить послѣдніе дни его пребыванія между ними? говорилъ? Ну,

такъ умыселъ иной тутъ былъ. Никто не заботился „почтить“ и такъ далѣе; и даже, скажу тебѣ по секрету, самый отъѣздъ его въ деревню до настоящей минуты весьма сомнителенъ. Видишь ли ты этого толстенькаго человѣчка на кривыхъ ножкахъ, съ посомъ въ видѣ сломаннаго руля, во фракѣ съ бархатнымъ воротникомъ? это Берлинскій, дѣятель, двигатель, предпринимать, благотворитель и крезъ. Лѣтъ десять-пятьнадцать назадъ, онъ былъ скромнымъ поставщикомъ провіанта при нѣкоторомъ военномъ учрежденіи, но, расширяя постепенно сферу дѣятельности, въ настоящую минуту мечтаетъ о концессіи на какую-то питательную вѣтвь къ будущей бѣлогорской желѣзной дорогѣ. Но почему я вижу связь какой-то вѣтви, хотя бы и питательной, съ сегоднишнимъ кормленіемъ? А вотъ въ этомъ-то и вся штука. Будущему концессіонеру очень важно, чтобы эта питательная вѣтвь была утверждена, а никто съ такимъ успѣхомъ не можетъ похлопотать въ этомъ дѣлѣ, какъ Михайло Ильичъ: на то у него и офиціальный постъ, и связи, и даже особенная, личная снаровка. Но всего важнѣе то, что Михайло Ильичъ самъ весьма существенно заинтересованъ въ этой концессіи—какимъ именно образомъ, объ этомъ я, изъ скромности, умалчиваю; замѣть вообще, что я говорю предположительно и болѣе намеками. Итакъ, вслѣдствіе сцѣпленія и взаимнодѣйствія упомянутыхъ обстоятельствъ... А ну ихъ къ чорту—неожиданно прервалъ

самъ себя Чакольскій — вонъ, Вѣра Павловна пріѣхала — и, круто повернувшись на своихъ коротенькихъ ножкахъ, побѣжалъ къ ней на встрѣчу.

Вѣра Павловна, кажется, очень обрадовалась имъ обоимъ и тутъ же усѣлась между ними въ уголкѣ, всторонѣ отъ дамъ, завистливо покосившихся на ея свѣжій туалетъ и изящную красоту. Среди этого сѣренькаго, смѣшаннаго общества, въ самомъ дѣлѣ какимъ-то особеннымъ блескомъ казалась обвѣянной каждая линія ея лица, каждое ея движеніе, каждая складка ея платья...

Гости, пропуская дамъ и осторожно сѣменя ногами около ихъ шлейфовъ, нестройно потянулись въ столовую, между рядами офиціантовъ, изъ которыхъ, увы, очень немногіе составляли прислугу Михайла Ильича, большинство же было нанято изъ клуба и бросалось въ глаза своими слишкомъ хорошо знакомыми каждому физіогноміями. Но обѣденный столъ былъ сервированъ отлично, несмотря на то, что серебро было сбродное и большею частью тоже клубное: Михайло Ильичъ развернулъ свой талантъ, убравъ всю комнату растеніями и букетами; особенный эффектъ производили двѣ огромныя вазы съ фруктами, переложенными зеленью, возвышавшіяся на столѣ между запотѣвшими серебряными холодильниками. На одной изъ стѣнъ красовался даже вылѣпленный нарочно для этого случая гербъ Бѣлогорской губерніи, обвитый иммортелями, а трехполосая

портьера, изъ-за которой носили кушанья, вверху была собрана и драпирована такимъ образомъ, что довольно близко походила на развѣвающійся флагъ.

Разсаживаясь за столомъ, общество опять примѣтно разъединилось: губернскія власти и коммерсанты стѣснились на одномъ концѣ, кружокъ же, называемый губернаторшей crême de la société, разсѣлся на другомъ, по обѣ стороны m-me Рыбоѣдовой, на которой въ этотъ день было платье съ такимъ множествомъ вздутыхъ выше плечъ оборокъ, что ей все казалось, будто кто-то наклоняется къ ней сзади, и она поминутно оглядывалась. Рѣшетиловъ и Чакольскій, не отстававшіе отъ Вѣры Павловны, тоже попали въ этотъ кружокъ; противъ нихъ сѣли Ухтырскій и какой-то маленькій, лысый инженеръ, оказавшійся изыскателемъ желѣзно-дорожныхъ линій: онъ пріѣхалъ на обѣдъ собственно для Берлинскаго, которому писалъ какой-то дѣловой проэктъ, но имѣя въ душѣ много мягкихъ элементовъ, увлекся m-me Сорокиной, супругой одного тоже желѣзно-дорожнаго лица, и сѣлъ совсѣмъ не тамъ, куда влекли его дѣловые интересы. За обѣдомъ они все шептались и заигрывали другъ съ другомъ, и за жаркимъ m-me Сорокина даже утащила съ тарелки изыскателя маринованную сливу, къ великому соблазну Ухтырскаго, который сначала только пожималъ плечами, но наконецъ совсѣмъ къ нимъ повернулся и уставилъ на нихъ глубоко-изумленный взглядъ.

На концѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ Михайло Ильичъ, не теряли между тѣмъ времени. Словцо о желѣзной дорогѣ, осторожно пущенное хозяиномъ, было подхвачено, и неуловимое выраженіе пробѣжало по всѣмъ этимъ лицамъ, такимъ приличнымъ, такимъ самодовольнымъ, такъ проникнутымъ достоинствомъ... О дорогѣ не разсуждали, ее только называли, прибавляя, что она рѣшительно необходима; многіе изъ непосвященныхъ также находили, что она необходима, а кто-то даже высказалъ мысль, что если написать къ его дядѣ въ Петербургъ, то правительство тотчасъ утвердитъ ее; но тутъ же оказалось, что дядя этотъ въ отставкѣ и живетъ на Пескахъ въ восьмой улицѣ, а потому никакого вліянія на дѣла имѣть не можетъ.

— Если Михайло Ильичъ не похлопочетъ, то кто же намъ похлопочетъ? разсудительно замѣтилъ Берлинскій, и разговоръ тотчасъ зашелъ о томъ, что надо просить Михайла Ильича похлопотать. Толки, поддакиванія становились все шумнѣе; кто-то предложилъ даже тостъ за будущую дорогу, а предсѣдатель губернской управы поручился, что земство приметъ на свой счетъ издержки предстоящей Михайлу Ильичу поѣздки въ Петербургъ. Одинъ только генералъ въ мундирѣ двадцатыхъ годовъ слушалъ все молча, съ напряженнымъ вниманіемъ и устремленнымъ поперемѣнно на каждаго говорившаго взоромъ; но вдругъ раскрывъ ротъ, проговорилъ: „какая дорога? не слыхалъ“; и такъ захлопнулъ челюсть

на челюсть, что уже до конца обѣда не пытался разомкнуть ихъ. Инженеръ-изыскатель, сидѣвшій противъ Рѣшетилова, къ этому времени такъ разыгрался съ своею сосѣдкою, что оба начали бросать другъ въ друга хлѣбными шариками, изъ которыхъ одинъ попалъ за глубоко вырѣзанный лифъ m-me Сорокиной, и она, поёживаясь круглыми и пухлыми плечиками, заёрзала въ корсажѣ.

— Позвольте, я вамъ выну шарикъ, предложилъ совершенно серьезно Ухтырскій, протягивая два пальца. Инженеръ фыркнулъ въ тарелку тихинькимъ, переливчатымъ смѣхомъ, а m-me Сорокина повела на Ухтырскаго своими весьма недурными глазками и проговорила:

— Mercі, онъ кажется закатился очень далеко — и вдругъ захихикавъ и покраснѣвъ ровно до тѣхъ поръ, до какихъ выкаченъ былъ ея лифъ, отвернулась къ инженеру и толкнула его ножкой.

Наконецъ обѣдъ кончился, общество потянулось въ гостиныя, но разнаго рода двигатели и предприниматели съ полчаса еще стояли, обступивъ кружкомъ Михайла Ильича, пока не переговорили всего, что было нужно, и затѣмъ прямо разъѣхались по домамъ, отказавшись даже отъ чашки кофе. Такимъ образомъ въ гостиныхъ осталось опять одно избранное общество, что и отразилось тотчасъ на разговорахъ, принявшихъ нѣсколько огорченный характеръ: кое-кого бранили, кое о комъ

посплетничали, кое о чемъ пожалѣли. Михайло Ильичъ, необычайно довольный успѣхомъ обѣда и находясь въ томъ восхитительномъ расположеніи духа, когда русскому человѣку нестерпимо хочется развернуться и показать себя съ самой отличной и иногда даже несуществующей стороны, тоже ораторствовалъ, комфортабельно заложа ногу за ногу и прихлебывая кофе; но рѣчь его вращалась болѣе около собственной его особы и была проникнута теплотой и тонкимъ букетомъ самоуслажденія. Упомянувъ о нѣкоторыхъ полезныхъ для края предпріятіяхъ, виновникомъ которыхъ онъ скромно созналъ себя, Михайло Ильичъ предложилъ слушателямъ краткій, но весьма лестный очеркъ всей своей общественной дѣятельности, и распространился въ особенности о томъ, что у него у перваго во всей губерніи введена была уставная грамота.

— Странно мнѣ, что онъ заговорилъ объ этомъ — шепнулъ Чакольскій Рѣшетилову.

— А что̀? полюбопытствовалъ тотъ.

— Да такъ... въ прежнее время онъ предпочиталъ объ этомъ умалчивать.

— Вы все также злы, Иванъ Сергѣичъ, замѣтила Вѣра Павловна, на лицо которой давно уже набѣжала не то скучающая, не то думающая тѣнь.

— Ну да, золъ, и ничего тутъ нѣтъ удивительнаго— загоговорилъ Чакольскій, желчно играя мускулами лица—и скорѣе было бы удивительно, еслибъ я благоду-

шествовать сталъ. Вы вглядитесь въ этого плѣшиваго пустомелю: сотлѣлъ совсѣмъ, всѣми язвами разлагающагося барства до мозга костей проѣденъ, а рѣшилъ самъ про себя: буду я, говоритъ, современнымъ человѣкомъ; тьфу ты, гадость какая! (Чакольскій даже сплюнулъ).—Игра въ принципы, въ оппозицію, въ земство... вотъ онъ, вашъ хваленый прогрессъ, отъ котораго я отворачиваюсь, сложивъ руки и зажмуривъ глаза!

Онъ замолчалъ, хотя желчь еще подергивала его сплющенныя губы.

— Роль не изъ трудныхъ, замѣтилъ Рѣшетиловъ.

— Ну да, я знаю, что́ ты хочешь сказать... заговорилъ поспѣшно Чакольскій.—Благонамѣренное толченіе воды подъ видомъ общественнаго дѣла, водвореніе сладостнаго порядка въ волостныхъ книгахъ и амбарахъ, торжество высокихъ принциповъ въ рѣшеніи иска цѣною въ два двугривенныхъ...

— У меня въ участкѣ слишкомъ тридцать тысячъ крестьянъ, возразилъ все съ тою же усмѣшкой Рѣшетиловъ: и если я достигну, что будутъ обезпечены хотя бы грошовые интересы всего этого народа — это такой результатъ, которымъ вполнѣ удовлетворяется мое честолюбіе. И этого дѣла я ни на какой самый блистательный подвигъ не промѣняю, потому что на немъ мірской потъ лежитъ и мірскія слезы—добавилъ онъ.

— Ну, конечно, у тебя вотъ и руки въ мозоляхъ, ты вѣдь ломовикъ — продолжалъ желчно Чакольскій. —

Ломовая лошадь тоже тянетъ — дескать, хоть бочку довезу, все-таки дѣло сдѣлаю.

Рѣшетиловъ разсѣянно поглядѣлъ на свои руки, въ самомъ дѣлѣ замозоленныя, и встрѣтился взглядомъ съ Вѣрой Павловной, которая тоже съ какимъ-то серьезнымъ и страннымъ любопытствомъ смотрѣла на его руки. Она не ожидала, что ее поймаютъ на этомъ проступкѣ свѣтской женщины, и смутилась.

— Видите ли, чѣмъ гнушаться изволятъ: мозолями! воскликнулъ, потупившись, Рѣшетиловъ.--У васъ, конечно, ручки не замозолятся, благо ни къ чему ими не умѣете прикоснуться. До какой премудрости въ самомъ дѣлѣ дошли: зло видятъ! Я это зло посильнѣе васъ чувствую, потому что собственными боками объ него толкаюсь, такъ вѣдь за него взяться надо, а не барабанить о немъ по воздуху. — Простите, Вѣра Павловна, мы такой ризговоръ при васъ завели—обратился онъ съ извиненьемъ къ Танищевой.

Та подняла на него глаза съ серьезнымъ, почти строгимъ выраженіемъ.

— Напротивъ, то, что вы говорите — это такъ важно... произнесла она. Она хотѣла употребить какое-то другое слово, и не нашла его; но ей показалось, что Рѣшетиловъ понялъ ее, потому что опять какъ-то смушенно потупился.

— Гдѣ намъ, свистунамъ, съ вами тягаться! проговорилъ раздраженно Чакольскій: вы вѣдь, должно быть,

и есть та самая черноземная сила, о которой у Тургенева говорится. Только вотъ что̀, скажи мнѣ на милость — я тебя, какъ человѣка, спрашиваю — вѣдь не можешь же ты искренно, по совѣсти удовлетвориться этой мелкотравчатой пользой, благонамѣренно приносимой обществу; вѣдь это дѣло... положимъ, ты въ него вѣруешь, хотя для меня и то удивительно; но не на такомъ же ты въ самомъ дѣлѣ уровнѣ стоишь, чтобы считать его правильно отмѣренной для тебя сферой дѣятельности?

— Точно я вотъ взялъ, да на ладони прикидывалъ, сколько мнѣ и чего отмѣрить должны! возразилъ съ прежней усмѣшкой Рѣшетиловъ. — Дѣло кругомъ меня ходитъ, въ руки ползетъ, а я буду разсуждать, такое ли оно, чтобы къ моему уровню подойти. Для этого вѣдь надо натуры не имѣть, ногами въ воздухѣ болтать — заключилъ онъ, и посмотрѣвъ на него въ ту минуту, можно было согласиться, что у этого человѣка въ самомъ дѣлѣ есть натура, и что онъ берется за дѣло, потому что это простое, близкое и дѣльное дѣло кругомъ него ходитъ, не сочиненное и не вычитанное изъ книжекъ. По крайней мѣрѣ, что-то похожее на эту мысль мелькало въ глазахъ Вѣры Павловны, съ какимъ-то удивленнымъ и серьезнымъ вниманіемъ обращенныхъ на него. Ей, привыкшей къ изящному тунеядству и безсодержательному остроумію свѣта, казалось, что она не только слышитъ новое слово, но и видитъ новаго, такого

простаго и въ то же время чѣмъ-то чрезвычайно сильнаго человѣка.

— Я понимаю, какъ вы должны быть наполнены этой жизнью... произнесла она, медля отвести глаза отъ Рѣшетилова. — Это не слова, это... сама жизнь! пояснила она, опять затруднившись пріискать подходящій терминъ, и опять по слегка вспыхнувшему и смущенному лицу Рѣшетилова догадалась, что онъ понялъ ея мысль.

Прощаясь, она почувствовала крѣпкое пожатіе его руки („мозоли“ — мелькнуло у нея въ головѣ) и просила непремѣнно быть у нея передъ отъѣздомъ изъ города.

— Помилуйте, да онъ я думаю чуть-свѣтъ удеретъ въ свой участокъ — вмѣшался зачѣмъ-то Чакольскій.— Дѣло вѣдь у него — дѣло, развѣ вы не понимаете? Это мы, свистуны, баклуши бьемъ, язычки чешемъ; ну, да вѣдь мы—насъ и звать не станутъ... заключилъ онъ съ принужденной усмѣшкой.

VIII.

Съ смутными и почти раздраженными чувствами вернулся домой Рѣшетиловъ. Онъ не могъ, какъ говорилъ Чакольскій, „удрать“ чуть свѣтъ въ участокъ, потому что на слѣдующее утро долженъ былъ состояться мировой съѣздъ; но никогда такъ сильно не хотѣлось ему уйти отъ этой жизни, наполненной безсодержательной ложью и какими-то опасными, обманчивыми тревогами,

раздражающее вліяніе которыхъ онъ испытывалъ на себѣ. Онъ чувствовалъ опять, что что́-то грозитъ его внутреннему міру, что-то постороннее, подозрительное входитъ въ него, нарушая царствовавшій въ немъ простой, прочный и дѣятельный порядокъ. Онъ искалъ названія этому постороннему, опасному элементу, и съ досадой отвергалъ подвертывавшіяся на языкъ слова....

Очень поздно, когда онъ собирался уже спать, кто-то постучался въ сѣняхъ. Отворивъ дверь, онъ съ удивленіемъ узналъ Чакольскаго.

— Не спишь? я къ тебѣ на минуту — сказалъ тотъ какимъ-то смущеннымъ и принужденно-громкимъ голосомъ. Рѣшетиловъ замѣтилъ, что и лицо у него было какое-то смущенное, и въ движеніяхъ проявлялась неестественная развязность.

— Я шлялся по городу — этотъ глупый обѣдъ, чортъ его знаетъ, не сваривается, что-ли, разстроилъ меня— да и думаю: Рѣшетиловъ вѣрно уѣдетъ въ деревню, все лѣто не увидишь его — дай зайду — говорилъ Чакольскій. — Не помѣшалъ я тебѣ?

— Нѣтъ, ничего, отвѣтилъ Рѣшетиловъ, подвигая къ нему хозяйское кресло, богъ-вѣдаетъ чѣмъ прокопченное до совершенной черноты. — „Что съ нимъ такое“? думалъ онъ, взглянувъ опять на разстроенное лицо и бѣгающіе глаза Чакольскаго. Тотъ сѣлъ съ ногами въ кресло, закинулъ голову и пыхнулъ раза два изъ недокуренной папиросы, которую принесъ съ собою.

— У меня все нашъ разговоръ не выходитъ изъ головы — заговорилъ онъ, пока голубоватый дымъ застилалъ его.—Ты вѣдь побѣдилъ меня сегодня, разбилъ на голову...

— Во всякомъ случаѣ нисколько о томъ не заботился — отвѣтилъ Рѣшетиловъ. — По моему, одни и тѣ же убѣжденія на разныхъ людей не приходятся.

— Чудакъ, не про то я говорю, не понимаешь ты! воскликнулъ съ сорвавшейся усмѣшкой Чакольскій. — Чорта ли мнѣ въ твоихъ убѣжденіяхъ; я говорю, ты *у нея* побѣдилъ...

Рѣшетиловъ слегка вспыхнулъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать? спросилъ онъ.

Чакольскій разбилъ рукою дымъ и, прищурившись, иронически и пристально поглядѣлъ на него.

— Ты, кажется, раньше меня догадался.... вонъ, и краска вспыхнула на степенномъ лицѣ, и въ голосѣ нотка прорвалась, и глаза... Ну, да это твое дѣло, моя хата съ краю. Я вѣдь не соперникъ — ты понимаешь, надѣюсь? продолжалъ онъ съ какой-то искривленной улыбкой („экъ его ломаетъ“, подумалъ Рѣшетиловъ). Мы вѣдь не дѣйствующія лица, мы наблюдатели; наблюдать-то мы изловчились... Эти сорвавшіяся нотки, да кое-какія блестки въ глазахъ, да розовое пятнышко на щекѣ... Ты вѣдь не сердишься, что я такъ говорю?

— Я боюсь только, не слишкомъ ли завлекаетъ тебя твоя проницательность? отвѣтилъ сухо Рѣшетиловъ. У

него поднималась злость противъ непрошеннаго наблюдателя.

Чакольскій посмотрѣлъ на него, пошевелилъ плечами, и какой-то добродушный лучъ пробѣжалъ по миніатюрно-рѣзкимъ чертамъ его лица.

— Ну, продолжалъ онъ, этотъ разговоръ тебѣ не нравится—перейдемъ à l'ordre du jour. При томъ, я совсѣмъ не затѣмъ пришелъ къ тебѣ. Я, видишь ли, цѣлый вечеръ сегодня думалъ... думалъ о томъ, что называютъ меня обыкновенно желчнымъ и даже злымъ человѣкомъ; а вѣдь это у меня отъ болѣзни, я убѣжденъ?

— Отъ болѣзни?

— Ну, да: органическій порокъ печени, неправильное отдѣленіе чего-то... чортъ его знаетъ чего. Вѣдь я лѣчусь, развѣ ты не знаешь? Вотъ и извѣстный докторъ Енкельзонъ, встрѣтивъ меня сегодня на улицѣ, знаменательно сжалъ свои плоскія губы, и два раза повторилъ: „а вы сегодня что-то очень желты, Иванъ Сергѣичъ, очень желты!“ Терпѣть не могу этой скверной, соболѣзновательной улыбки на его жадномъ лицѣ: вѣдь не лучше же ему будетъ, въ самомъ дѣлѣ, если я выздоровѣю и перестану платить ему по два рубля за визитъ? А можетъ быть, онъ догадался по моему лицу, что мнѣ жить остается недолго, и взгрустнулъ объ исправномъ паціентѣ?

Онъ спустилъ одну ногу съ кресла и тряхнулъ головой.

— А знаешь ли, продолжалъ онъ — о чемъ я еще мечталъ сейчасъ, бродя взадъ и впередъ по бульвару?— Я думалъ: милый, трижды милый Бѣлогорскъ! Съ тѣхъ поръ, какъ я узрѣлъ тебя впервые, много воды утекло... Я помню, какъ теперь, этотъ счастливый день: солнце смѣялось на небѣ, и отъ его смѣха столько длинныхъ, золотыхъ лучей сыпалось на тебя, и такъ радостно и празднично выглянулъ ты впервые, еще смутно, сквозь этотъ смѣхъ и золото, что мое глупое двадцати-двухлѣтнее сердце съ невыразимо-сладостною болью сжалось и запрыгало въ груди... Я ѣхалъ по дамбѣ, на перекладной, и старенькія доски прыгали подъ колесами, и каждый стукъ подковы гуяко отдавался на деревянной мостовой. Кругомъ зеленѣли ивы, и мнѣ казалось, что соловей пѣлъ на одной изъ нихъ, тогда какъ это просто кричалъ поросенокъ. На всякомъ шагу попадались мнѣ сельскія хижины, и хотя, присмотрѣвшись, я узналъ на большей части изъ нихъ надпись: „распивочно и на выносъ“, но видъ ихъ былъ мнѣ пріятенъ, и скверная фигура жида, стоявшаго на порогѣ одной изъ нихъ, произвела на меня самое выгодное впечатлѣніе. А когда я въѣхалъ въ городъ, и на одномъ изъ поворотовъ отлетѣло колесо отъ моей перекладной, и я грохнулся на мостовую—я только улыбнулся этому приключенію, хотя и чувствовалъ сильную боль въ плечѣ и поясницѣ. — И вотъ, въ концѣ концовъ, проходя воспоминаніемъ прожитые въ Бѣлогорскѣ годы, я ощущаю на днѣ души

моей признательное чувство. Уже то заслуживаетъ благодарности, что жизнь ѣла меня маленькими кусочками, точно лакомилась, и если, несмотря на эту экономію, подъ конецъ истощился весь капиталъ, то не я ли виноватъ въ его малости?

Чакольскій замолчалъ и понурилъ голову. Свѣтъ отъ нагорѣвшей свѣчи ложился ему на край лица какимъ-то коричневымъ пятномъ и трогалъ за уголокъ тонкія, безкровныя губы, сплющившіяся въ горькую усмѣшку. Вдругъ онъ поднялъ голову, отыскалъ рукую шапку и, какъ-то согнувшись, отчего его маленькій ростъ показался еще меньше, поднялся съ кресла.

— Ну, прощай—проговорилъ онъ, угловато протягивая руку.—Глупостей могу наврать сегодня—стихъ такой вышелъ. Мнѣ было показалось даже, что ты подсмѣиваешься надо мной... да куды! „Любить и быть счастливымъ„— такъ, кажется, ты сказалъ въ послѣдній разъ у Рыбоѣдовыхъ? Хрустальная ты душа! я себѣ часто думаю: какъ бы тебѣ хорошо было гдѣ нибудь этакъ на вѣточкѣ сидѣть и носикъ въ розовый лепестокъ сморкать... (Чакольскій напряженно засмѣялся).—А все-таки у Вѣры Павловны ты теперь номеръ первый—прими къ свѣдѣнію и не забывай—заключилъ онъ уже за дверью.

„Чудакъ!“ подумалъ Рѣшетиловъ, оставшись одинъ и шагая изъ угла въ уголъ. „И съ чего ему показалось?“

Этотъ вопросъ раздражительно остановился въ его мысляхъ. Опять хлынула на него безпокойная, опасная волна подозрительно-сладкихъ ощущеній... И вдругъ, во всей неумолимой послѣдовательности представилось ему, какъ онъ, захваченный этой волной, подмытъ съ берега, на которомъ онъ такъ твердо стоялъ, и сильный валъ уноситъ его дальше и дальше... „Нѣтъ, нѣтъ, ни за что“, почти вскрикнулъ онъ, и рѣшилъ завтра же, тотчасъ послѣ съѣзда, уѣхать изъ города и избѣгать всякой встрѣчи съ Вѣрой Павловной. — „Тамъ меня дѣло ждетъ, жизнь...“ думалъ онъ; „а тутъ...“ Онъ не договорилъ своей мысли, и только на сжатыхъ губахъ его застылъ намекъ на происходившую въ немъ борьбу.

Но на другой день, какъ нарочно, все случилось совершенно иначе, чѣмъ онъ предполагалъ. Возвращаясь домой отъ Ухтырскаго, у котораго былъ съѣздъ, онъ услышалъ стукъ обгонявшаго его экипажа и, обернувшись, узналъ Вѣру Павловну. Коляска остановилась передъ окнами какого-то магазина, и Вѣра Павловна, кинувъ изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ скользящій взглядъ, осторожно, точно пробуя, ступила маленькой, узкой ногой на мокрый троттуаръ; жидкая грязь блестѣла на камняхъ, и она, отыскивая гдѣ суше, на цыпочкахъ перебѣжала къ магазину, обернулась въ дверяхъ, кивнула какъ-то отчетливо и задумчиво Рѣшетилову, и исчезла за зеркальнымъ стекломъ. Рѣшетилову вдругъ показалось, что сѣренькая перспектива улицы стала еще сѣрѣе

и безлюднѣе, какъ только скрылась ея мелькнувшая на минуту фигура, облитая складками короткаго бархатнаго платья. Онъ ускорилъ шаги, раздражительно досадуя на эту встрѣчу. Вдругъ ему пришла мысль — зайдти сейчасъ къ Вѣрѣ Павловнѣ и оставить карточку; „отдѣлаюсь и не застану дома“, разсуждалъ онъ, “а тамъ— въ участокъ, въ поле, за дѣло, и всѣ эти тревоги, вся эта блажь, вся эта атмосфера красиво-праздной, лживой жизни разсѣется и разлетится“. И онъ поспѣшно повернулъ въ аристократическую, тихую улицу, гдѣ жила Танищева.

Эта маленькая хитрость успокоила его, и онъ, вернувшись домой, принялся дѣятельно укладываться. Но передъ самымъ отъѣздомъ ему принесли записку отъ Вѣры Павловны.

„Я догадалась о вашемъ желаніи не застать меня дома—прочелъ онъ.—Но такъ какъ наша встрѣча, случившаяся за минуту до вашего визита, дѣлаетъ вашъ нелюбезный поступокъ еще нелюбезнѣе, то мнѣ хочется дать вамъ возможность оправдаться, и поэтому я сегодня вечеромъ нарочно дома и буду ждать васъ.

В. Танищева“.

Прочитавъ эту записку, Рѣшетиловъ въ первую минуту почувствовалъ только что-то похожее на внезапный порывъ самосохраненія: онъ хотѣлъ тотчасъ же отвѣтить Вѣрѣ Павловнѣ, что не можетъ воспользоваться ея приглашеніемъ, такъ какъ долженъ немедленно ѣхать въ

участокъ — и въ самомъ дѣлѣ крикнулъ въ окно Евстигнѣю, чтобы сейчасъ закладывалъ. Но черезъ минуту другія, странныя и сложныя ощущенія прокрались къ нему. Онъ прочиталъ записку второй, третій разъ— и чѣмъ-то раздражительно ласковымъ, интимнымъ, какою-то интригующею прелестью полупризнанія повѣяло отъ этихъ строкъ. „Зачѣмъ это она такъ настойчиво хочетъ меня видѣть?“ спрашивалъ Рѣшетиловъ, и останавливался не на содержаніи записки, а на какомъ-то особенномъ, невысказанномъ смыслѣ, который чувствовался ему въ ея послѣднихъ словахъ; — и тутъ же неотразимо стояло передъ нимъ красивое, немножко печальное лицо, и глубокіе глаза глядѣли на него съ тѣмъ выраженіемъ напряженнаго, сочувствующаго вниманія, которое радостно смутило его въ ту минуту, когда онъ спорилъ съ Чакольскимъ послѣ торжественнаго обѣда у Рыбоѣдовыхъ. Всѣ эти впечатлѣнія сливались въ раздражающее, нѣжащее чувство, какой-то отравой протекавшее по немъ. Онъ распахнулъ окно и машинально слѣдилъ, какъ Евстигнѣй медлительно выводилъ одну лошадь за другою и налаживалъ сбрую, безпрестанно поплевывая на руку, тпрукая и перебраниваясь съ коренникомъ, норовившимъ ухватить его зубами за плечо. Вдругъ онъ высунулся въ окно и сердито закричалъ: „не надо, не поѣдемъ сегодня“.

Вѣрѣ Павловнѣ подали карточку Рѣшетилова въ ту минуту, когда она, вернувшись съ прогулки, опустилась

въ кресло передъ туалетнымъ столикомъ и готовилась снять шляпку, которую она одна носила въ городѣ, и которую дамы находили очень смѣлою — d'une façon très risquée. Эта шляпка очень шла къ ней, и снимая ее, она невольно замедляла движенія. Взглянувъ на карточку, она тотчасъ догадалась, что Рѣшитиловъ нарочно хотѣлъ не застать ее дома; неопредѣленная, ползучая тѣнь пробѣжала по ея лицу. „Этотъ дикарь меня боится", мелькнуло въ неуловимой чертѣ, обозначившейся около ея рта. Она придвинулась къ зеркалу, минуту оставалась неподвижною передъ своимъ отраженіемъ — и спокойная, торжествующая улыбка самоувѣренно приподняла уголки ея губъ: невозможно было отрицать ея красоту. Она откинула крышку бювара и быстро набросала извѣстныя уже намъ строки. „А вдругъ онъ не придетъ?" мелькнуло у нея въ умѣ, пока оплатка таяла на языкѣ; но она тряхнула головой и неторопливо запечатала записку.

Весь этотъ день, однакожь, она не была спокойна. Она очень сухо приняла Ухтырскаго, который послѣ мироваго съѣзда успѣлъ уже побывать въ какомъ-то любительскомъ концертѣ, и во всемъ блескѣ только-что полученнаго изъ Петербурга фрака разлетѣлся къ ней съ визитомъ. Она обыкновенно оказывала ему вниманіе, какъ самому совершенному представителю мѣстной jeunesse dorée, но на этотъ разъ онъ почему-то показался ей такимъ скучнымъ и маленькимъ. Онъ описывалъ

концертъ и публику, стараясь быть колкимъ, и наконецъ, думая попасть въ тонъ Вѣрѣ Павловнѣ, принялся съ жаромъ и негодованіемъ бранить какую-то барыню, выславшую на подмостки десятилѣтнюю дочь, подъ предлогомъ музыкальнаго таланта.

— Просто, возмутительно было видѣть эту дѣвочку, говорилъ онъ по французски — декольтированную какъ балерина, и съ заученною наглостью присѣдавшую и улыбавшуюся въ отвѣтъ на рукоплесканія...

Вѣра Павловна слушала молча, какимъ-то играющимъ взглядомъ слѣдя за разскащикомъ, и наконецъ произнесла по русски:

— Странно, вы иногда совсѣмъ порядочныя вещи говорите...

Передъ вечеромъ ею положительно овладѣло безпокойство. Она дольше обыкновеннаго обдумывала свой туалетъ, и наконецъ рѣшилась остаться въ томъ же самомъ robe-ronde, въ которомъ каталась поутру: какое-то чувство подсказало ей, что на сегодня лучше пробыть цѣлый день въ одномъ платьѣ, и вообще... вообще удалить эти наиболѣе рѣзкія привычки свѣта и показной жизни. Потомъ она осмотрѣлась, не надо ли чего прибрать и поправить въ гостиной — но тамъ все было изящно и модно, и жаль было бы нарушить преднамѣренное отсутствіе строгаго порядка и симметріи въ красиво разбросанной мебели: эту мебель она привезла изъ Петербурга и, нанимая квартиру, нарочно искала

гостиной такого размѣра и расположенія, чтобы всѣ эти chaises-longues, paté, буль и трельяжи казались нарочно сдѣланными для этихъ угловъ и простѣнковъ. Въ спальной, гдѣ картонки и платья валялись по стульямъ и диванамъ, и покоробившіеся обои кое-гдѣ темнѣли давнишнимъ слоемъ пыли, ее въ первый разъ непріятно смутилъ этотъ неряшливый безпорядокъ. „Что, еслибы онъ заглянулъ сюда?“ почти съ испугомъ подумала она, но тотчасъ успокоилась, зная, что этого не можетъ случиться.

IX.

Въ восемь часовъ въ передней задребезжалъ звонокъ, и высокая, нѣсколько угловатая фигура Рѣшетилова появилась въ гостиной, внеся въ нее довольно странный контрастъ съ щеголеватой и хрупкой обстановкой. Вѣра Павловна поднялась къ нему на встрѣчу съ глубокаго chaise-longue и дружески протянула руку.

— Я заманила васъ немножко насильно... вы не сердитесь? произнесла она, садясь и отыскивая ногой скамеечку.

Рѣшетиловъ не зналъ, что отвѣтить, и съ виноватымъ видомъ опустился подлѣ нея въ кресло. Вѣра Павловна украдкой покосилась на него, чтобы узнать, до какой степени холодно и офиціально его лицо — ей почему-то казалось, что оно непремѣнно должно быть

холодно и офиціально. Но и лицо, и вся фигура Рѣшетилова выражали только виноватую неловкость и неумѣнье выйти изъ положенія.

— Я, можетъ быть, помѣшала вашему отъѣзду въ деревню, отвлекла васъ отъ дѣла... говорила Вѣра Павловна, съ тайнымъ желаньемъ немножко помучить его. — Вы, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ хотѣли „удрать“ въ участокъ, какъ говорилъ про васъ Чакольскій? продолжала она, и ея играющій взглядъ опять скользнулъ по Рѣшетилову.

Онъ внимательно устанавливалъ на полу свою шляпу. Что̀ ему было отвѣчать?—Ну да, я хотѣлъ удрать, убѣжать отъ васъ, потому что я боюсь васъ — готовъ онъ былъ сказать, и тутъ же понималъ, что ни за что этого не скажетъ. Онъ только съ смущенной, обезоруживающей улыбкой взглянулъ на Вѣру Павловну — и ей невыразимо пріятно было чувствовать, какъ этотъ серьезный и сильный человѣкъ, этотъ „ломовикъ“, робѣетъ и теряется въ ея присутствіи. Вдругъ счастливая мысль о разверстаніи озарила его.

— У меня и въ городѣ есть кое-какія дѣла, проговорилъ онъ съ радостнымъ оживленіемъ — и одно даже собственно васъ касается...

— Меня? переспросила съ удивленіемъ Вѣра Павловна.

— Да-съ, такъ что я даже искалъ случая непремѣнно съ вами увидѣться.

— Это давича-то, когда вы у меня были? спросила Вѣра Павловна, и ея глаза опять играли, и все лицо чуть чуть улыбалось.

„Это уже и не гуманно“, укоризненно подумалъ Рѣшетиловъ и, запинаясь, началъ объяснять ей, въ чемъ именно состояло дѣло. Но скоро онъ увлекся этимъ дѣломъ, смущеніе пропало, онъ пересталъ запинаться и плавно изложилъ обстоятельства и объяснилъ всѣ встрѣчаемыя затрудненія. Кончивъ, онъ взглянулъ на Вѣру Павловну съ боязнью уже не за себя, а за то, какъ приметъ она его предложеніе, и удастся ли ему привести вопросъ о разверстаніи къ желаемому результату.

Вѣра Павловна внимательно, съ сосредоточеннымъ любопытствомъ слушала его, хотя по этому же самому, слишкомъ внимательному и сосредоточенному взгляду можно было догадаться, что она думала о чемъ-то другомъ.

— Послушайте... и вы въ самомъ дѣлѣ такъ поглощены этимъ... вотъ какъ вы сейчасъ разсказывали — этими разверстаніями, огородами, крестьянами? спросила она, когда онъ, кончивъ, поднялъ на нее глаза, и почти со страхомъ ожидалъ ея отвѣта.

Онъ никакъ не расчитывалъ на такой посторонній вопросъ, и удивленно вскинулъ на нее глазами.

— Вы давно мировымъ посредникомъ? продолжала Вѣра Павловна.

— Давно, съ самаго начала; я и уставную грамоту у васъ вводилъ. Но мнѣ хотѣлось бы знать, какъ вы смотрите на этотъ обмѣнъ земли, о которомъ я вамъ сейчасъ говорилъ...

Вѣра Павловна нетерпѣливо пошевелилась въ креслѣ и подвинулась къ нему.

— Какъ я смотрю? да разумѣется также точно, какъ и вы—какъ будто я могу объ этомъ съ вами спорить! произнесла она.—Вы находите, что за эти огороды слѣдуетъ отдать крестьянамъ двѣ десятины лѣсу...

— То-есть, мнѣ только кажется, что ваши интересы...

— Ну, и прекрасно, возьмите эти двѣ десятины, какъ только будете въ участкѣ, и дѣлайте съ ними все, что вамъ нужно. Хотите, чтобы я написала управляющему? я сейчасъ напишу...

Она машинально протянула руку къ столику, какъ будто искала бумаги, и вмѣсто того ей попался подъ руку билетъ на ложу, который она также машинально развернула и свернула въ трубочку.

— Это вѣдь на сегоднишній спектакль! наивно удивился Рѣшетиловъ, и вдругъ догадавшись, что Вѣра Павловна въ самомъ дѣлѣ *нарочно* осталась дома, вспыхнулъ до самыхъ волосъ, и опять съ виноватымъ, недоумѣвающимъ видомъ поднялъ на нее глаза. Онъ даже не разслышалъ, какъ она спросила его — не скучаетъ ли онъ когда нибудь—и, не получая отвѣта, наблюда-

тельно, чуть улыбаясь, смотрѣла ему прямо въ глаза.

— У васъ много знакомыхъ въ деревнѣ, между сосѣдями? перемѣнила она вопросъ.

— Нѣтъ-съ, очень мало, отвѣтилъ, встрепенувшись, Рѣшетиловъ.—Такъ, по дѣлу, приходится со многими сталкиваться, но собственно знакомыхъ мало.

Вѣра Павловна все также наблюдательно, почти съ любопытствомъ, слѣдила за нимъ, и все тотъ же добрый, ясный лучъ не сходилъ съ ея лица. Она бросила смятую бумажку, которую вертѣла въ рукѣ, и облокотилась на низенькую спинку chaise-longue: въ этомъ положеніи она была ближе къ Рѣшетилову и ей казалось удобнѣе съ нимъ разговаривать.

— Послушайте... продолжала она медленно, съ запинками, какъ будто въ нерѣшительности передъ тѣмъ, что̀ собиралась высказать: — я для того начала этотъ разговоръ, что мнѣ хотѣлось бы знать... Эта вѣчная дѣятельность, вѣчная занятость практическими интересами—конечно, это очень важно, но вѣдь нельзя же совсѣмъ не имѣть потребности въ другихъ впечатлѣніяхъ? вѣдь это только одна сторона жизни, положимъ главная, но вѣдь есть же что нибудь и за нею?

Рѣшетиловъ вскользь, нѣсколько подозрительно поглядѣлъ на нее. „За чѣмъ это она спрашиваетъ?“ подумалъ онъ. Но обезоруживающій взглядъ Вѣры Павловны успокоилъ его.

— Да, конечно, отвѣтилъ онъ какъ-то разсудительно.—Отъ жизни берешь все, что она даетъ.

— А если въ этомъ *все* одно противорѣчитъ другому?

Рѣшетиловъ не тотчасъ отвѣтилъ. „Это вѣдь и есть то самое, надъ чѣмъ я ломалъ голову—тотъ самый вопросъ, котораго я не подозрѣвалъ, тогда какъ онъ свербилъ у меня и мучительно требовалъ отвѣта“; думалъ онъ, почти съ испугомъ ощущая всю невозможность найти этотъ отвѣтъ. Вдругъ ему показалось, что что-то похожее на разгадку онъ слышалъ отъ самой Вѣры Павловны въ тотъ вечеръ, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ ее, и что онъ не напрасно тогда же запомнилъ эти слова.

— Вы сами какъ-то сказали, что безъ противорѣчій можно только думать, а не жить... припомнилъ онъ.

— А вы... вы тоже такъ думаете? спросила Вѣра Павловна, и скользившій въ ея улыбкѣ лучъ облилъ мягкимъ, ласковымъ свѣтомъ все ея лицо. Она встала и пригласила Рѣшетилова въ сосѣднюю комнату, гдѣ былъ приготовленъ чай.

Вѣра Павловна никогда сама не хозяйничала, но въ этотъ день по какому-то капризу велѣла подать самоваръ на столъ. Звеня ложечками и улыбаясь собственной неловкости, она торопливо разлила чай, причемъ немножко пролила на скатерть и обожгла пальчикъ. Рѣшетиловъ сидѣлъ нѣсколько позади ея, и слѣдилъ за

всѣми ея движеніями; ему грезилось, что онъ даже слышитъ беззвучный бархатный шелестъ ея платья; когда она наклонялась надъ столомъ, онъ видѣлъ ея бѣлую, круглую шейку, нѣжно тронутую короткими, мягкими, подбивающимися кверху ростками волосъ; что-то похожее на обаяніе женственности, семьи, счастья, мечтательно вкрадывалось ему въ душу. Вѣра Павловна какъ будто угадала его впечатлѣніе и спросила:

— Вы у себя дома одни живете?

Рѣшетиловъ точно встрепенулся.

— Одинъ, отвѣтилъ онъ. — Родители мои умерли, а сестра замужемъ въ —ской губерніи.

Это была та самая губернія, въ которой Вѣра Павловна вышла замужъ; прозрачная тѣнь пробѣжала на мгновенье по ея лицу.

— Мой мужъ изъ той же губерніи, сказала она.

Рѣшетилова въ свою очередь какъ будто что-то толкнуло. Онъ въ первый разъ слышалъ отъ Вѣры Павловны о ея мужѣ. Ему припомнилась мгновенно безобразная сцена въ волостномъ правленіи, нахально-красивое лицо Танищева, холодные свѣтло-голубые глаза; жуткое чувство состраданія ущемило его.

— Я вчера совершенно случайно встрѣтился съ вашимъ мужемъ, сказалъ онъ.

Вѣра Павловна быстро, изумленно вскинула на него глазами.

— Вчера? онъ здѣсь? переспросила она, почти уронивъ сливочникъ, который держала въ рукѣ.

— Нѣтъ, я его встрѣтилъ въ уѣздѣ, объяснилъ Рѣшетиловъ, въ свою очередь изумленный тѣмъ, что появленіе Танищева не было извѣстно его женѣ. — Онъ ѣхалъ изъ города къ себѣ въ деревню.

На лицѣ Вѣры Павловны отразилось страданіе.

— И вы точно знаете, что это былъ онъ? спросила она дрогнувшимъ голосомъ. Рѣшетиловъ отвѣтилъ утвердительно.

Вѣра Павловна съ минуту помолчала, соображая что-то; съ ея горько-сжатыхъ губъ сбѣжала обычная полуравнодушная улыбка, и глаза казались глубже и темнѣе отъ прозрачной блѣдности лица. Она догадывалась, что мужъ поѣхалъ въ деревню съ цѣлью захватить у прикащика денегъ, и нарочно не показался ей въ городѣ, чтобы она не могла предупредить его какимъ нибудь распоряженіемъ. Но не это ее безпокоило, а вѣроятность, что черезъ день или два онъ вернется въ городъ, и ей придется еще разъ—и въ послѣдній ли?—испить изъ горькой чаши оскорбленій и страданій. Она снова чувствовала себя безоружной и беззащитной, и трепетала за свой непрочный покой, цѣною сколькихъ усилій и пожертвованій устроенный въ Бѣлогорскѣ; наболѣвшая горечь поднялась къ ней.

— Я не живу съ мужемъ, сказала она, прижавшись къ жесткой спинкѣ стула, и какъ-то вопросительно под-

нявъ на Рѣшетилова глаза. У нея смутно мелькнуло въ головѣ, что еслибъ этотъ сильный и *вѣрный* (она была убѣждена, что онъ *вѣрный*) человѣкъ былъ подлѣ нея, она не считала бы себя такой беззащитной.

— Вы несчастливы замужемъ? произнесъ Рѣшетиловъ.

Вѣра Павловна заглянула ему въ лицо — оно было серьезно и въ чертахъ лежало спокойное выраженіе доброты и силы. Она подумала, что это то самое выраженіе, которое такъ дорого испуганному ребенку въ глазахъ отца, или мнительному больному въ лицѣ доктора. Она вдругъ почувствовала почти дѣтскую, почти веселую вѣру во что-то, и ея близкое горе какъ будто отодвинулось куда-то далеко, и что-то стало между имъ и ею, сильное и *вѣрное*.

— Я вышла замужъ почти ребенкомъ, не зная ни людей, ни жизни—заговорила она, съ какимъ-то пріятнымъ и стыдливымъ чувствомъ отдаваясь откровенности. — Онъ казался такъ добръ и такъ... приличенъ; впрочемъ, онъ въ самомъ дѣлѣ добръ—когда я бранила его, онъ схватывалъ меня на руки, ставилъ на столъ и цѣловалъ мнѣ ноги; когда я заболѣвала, онъ самъ бѣжалъ за докторомъ и всю ночь не ложился — по утру его такъ и заставали дремлющимъ подлѣ меня въ креслѣ. Но эта разница въ воспитаніи, въ привычкахъ .. это насъ все больше и больше отдаляло, пока наконецъ стало невозможно жить вмѣстѣ. — Я никакъ не могла

примириться съ его привычками—понимаете, съ этими привычками холостой жизни...

Вѣра Павловна пріостановилась, какъ будто не рѣшаясь, говорить ли дальше. Рѣшетиловъ молчалъ — ему неловко было бы распрашивать.

— Мужчины обыкновенно легко смотрятъ на это... продолжала съ запинками Вѣра Павловна;—и я сама готова была бы простить ему его измѣны, еслибы онѣ не соединялись съ оскорбленіями, которыхъ я не могла сносить. А онъ дулся на меня, воображая, что я ревную, смѣялся надо мною со своими знакомыми, дѣлалъ мнѣ скандалы; нестерпимѣе всего то, что во всемъ этомъ не было ни злости, ни умысла. Что я тогда терпѣла, я и разсказать не могу...

Вѣра Павловна низко наклонила голову, и когда опять подняла ее, ея лицо было мокро. Какая-то ноющая боль ущипнула Рѣшетилова за сердце; онъ порывисто поднялся съ мѣста, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и взялся за шляпу.

— Вы уходите? удивленно произнесла Вѣра Павловна, изъ-подъ кружевнаго платка однимъ глазомъ слѣдившая за его движеніями.

— Да, я теперь уйду... Вы встревожены, вамъ надо успокоиться... проговорилъ Рѣшетиловъ, избѣгая ея взгляда. — Прощайте... прибавилъ онъ сорвавшимся голосомъ.

Вѣра Павловна обмахнула лицо платкомъ и медлен-

но, нерѣшительно протянула ему руку. У нея отъ слезъ краски лица стали нѣжнѣе, прозрачнѣе, и вся головка ея сквозила, точно нарисованная на стеклѣ.

— Но я васъ скоро увижу? завтра? проговорила она.—Вы не уѣдете?

— Завтра не уѣду... растерянно отвѣтилъ Рѣшетиловъ: онъ, кажется, не сознавалъ что говорилъ, и не выпускалъ ея руки изъ своей. Вѣра Павловна поднялась со стула, такъ что ея большіе, открытые, еще сверкавшіе отъ недавнихъ слезъ глаза близко и прямо, не мигая, глядѣли на него.

— Такъ до завтра... проговорила она медленно, не отводя играющаго и какъ будто загадочнаго взгляда.

Рѣшетиловъ только молча сжималъ ей руку. „Но вѣдь мнѣ нельзя быть у нея завтра?“ мелькнуло у него въ головѣ, и тотчасъ смѣнилось другими, неясными, быстро кружившимися мыслями. Онъ чувствовалъ, что ему надо что-то сказать, объяснить, и что онъ трусливо, нелѣпо молчитъ.

— До свиданья... кончила Вѣра Павловна, и улыбнулась нижней половиной лица, тогда какъ глаза ея продолжали все съ тѣмъ же серьезнымъ, ласковымъ и какимъ-то обѣщающимъ выраженіемъ глядѣть на него и искать его взгляда.

— Прощайте, кончилъ и Рѣшетиловъ, и вдругъ ему невыносимо, мучительно жаль стало этого неконченнаго свиданія, этого улыбающагося, загадочнаго счастья, ко-

тораго онъ такъ глупо, такъ трусливо испугался... „Но я еще верну его!“ подумалъ онъ со злобою.

Онъ почти выбѣжалъ на улицу. Ночь была свѣтла и тепла, хотя порою влажный, холодноватый вѣтеръ тянулъ откуда-то. Одна сторона улицы исчезала во мглѣ, тогда какъ другая, облитая луннымъ свѣтомъ, неподвижно и рѣзко бѣлѣла; высоко въ воздухѣ было такъ свѣтло, что небо синѣло. Рѣшетиловъ умѣрилъ шагъ и тихо побрелъ по троттуару; никто не попадался ему на встрѣчу. Странно и жутко отдавались шаги его въ ночной пустотѣ. Томительная смѣсь ощущеній давила его: какія-то горькія, оскорбленныя сомнѣнія, и жажда жизни, и страхъ... страхъ передъ этою загоравшеюся впереди далью, озаренною горячимъ блескомъ страсти. Онъ снялъ шляпу, поправилъ похолодѣвшіе въ ночномъ воздухѣ волосы и распахнулъ пальто. На бульварѣ кучка запоздавшихъ гулякъ окружила шарманку: шарманщикъ, худощавый, блѣдный тиролецъ, неуклюже перегнувшійся всѣмъ тѣломъ назадъ подъ тяжестью инструмента, въ десятый разъ наигрывалъ арію изъ Травіаты. Мѣсяцъ непріятно-ярко озарялъ его истомленное лицо, мокрые волосы выбивались изъ-подъ сдвинутой на затылокъ шапки. Въ толпѣ шелъ разговоръ, раздавались по временамъ грубыя, пьяныя восклицанія. Рѣшетиловъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, прислонился къ дереву и сталъ слушать: звуки отчетливо и мягко раздавались въ напоенномъ теплою влагою воздухѣ. Онъ впивался въ

ихъ слабѣющіе, раздражительно-скорбные аккорды и весь холодѣлъ: что-то странное ложилось ему на сердце—болящее и гнетущее, но съ чѣмъ ему не хотѣлось бы тотчасъ разстаться. Едва покрывшіеся листвою сучья тополя, подъ которымъ онъ стоялъ, сухо и чуть слышно шелестили надъ нимъ; порою вѣтеръ сдувалъ съ нихъ прошлогодніе, почернѣлые, источенные листья; узкая верхушка тополя, когда онъ поднималъ голову, высоко и отчетливо сквозила на синемъ небѣ. Шарманка доиграла Травіату и издавъ какой-то сиплый, деревянный звукъ, точно что-то оборвалось въ ней, неожиданно перешла на „лучинушку“. При первыхъ медлительно-грустныхъ, ноющихъ звукахъ пѣсни, какой-то бѣлокурый парень въ рубахѣ и въ плисовой безрукавкѣ выдвинулся изъ толпы, тряхнулъ головой, заломилъ шапку и запѣлъ. Пѣвучій, почти женскій голосъ его видимо поразилъ слушателей: всѣ примолкли, нѣкоторые понурили головы и робко подтягивали. Звуки то плакали, то тихо, подавленно роптали, сопровождаемые надтреснутымъ скрипомъ негоднаго инструмента; безъисходная скорбь, полная глубоко-человѣчнаго горя, слышалась въ пѣснѣ и въ голосѣ пѣвца. Даже истомленное лицо шарманщика оживилось, и что-то похожее на чувство блеснуло въ его глубоко-запавшихъ глазахъ. Пѣвецъ кончилъ длинной, терявшейся въ ночной пустотѣ нотой и смолкъ; въ толпѣ послышались одобрительныя восклицанія. Какой-то господинъ въ военной фуражкѣ,

затесавшійся въ толпу, подался взадъ своей широкой спиной, подбоченился одной рукою, а другую съ выраженіемъ удовольствія опустилъ со всего маха на вздернутое плечо пѣвца, заставивъ его почти присѣсть къ землѣ.

— Эхъ, каналья, разодолжилъ! голосисто выкрикнулъ онъ, и распахнувъ пальто, принялся ковырять двумя пальцами въ жилетномъ карманѣ. Шарманщикъ снялъ шапку, вытеръ рукавомъ свой вспотѣвшій лобъ и обвелъ глазами публику; кто-то съ шумомъ положилъ ему на шарманку пятакъ. Замѣтивъ, что господинъ въ военной фуражкѣ шаритъ въ карманѣ, онъ повернулся къ нему и съ какимъ-то голоднымъ выраженіемъ поднялъ на него глаза. Тотъ вытащилъ наконецъ двугривенный, и въ ту минуту, какъ шарманщикъ протянулъ руку, медленно опустилъ его назадъ въ карманъ. Въ толпѣ засмѣялись.

— Gott... началъ было шарманщикъ, но что-то захлебнуло у него въ горлѣ, и онъ только сверкнулъ мокрыми глазами.

— Зашварганилъ, меринъ нѣмецкій! побродяжничать, а?—выкрикнулъ ему вслѣдъ господинъ въ военной фуражкѣ.—Чтò? вдругъ оборвалъ онъ, поворачиваясь къ толпѣ. Тамъ никто ничего не говорилъ.

— Да вѣдь это Танищевъ! почти вскрикнулъ Рѣшетиловъ, и машинально бросился вслѣдъ за нимъ по пустынной улицѣ.

Танищевъ шелъ не спѣша, заложивъ руки въ карманы, слегка покачиваясь и насвистывая что-то. По временамъ онъ пріостанавлился, неопредѣленно взглядывая по сторонамъ, какъ человѣкъ, которому все равно, раньше или позже придетъ онъ къ мѣсту назначенія; что-то безпечное, распущенное и грубое выражалось въ его походкѣ. Онъ повернулъ въ улицу, гдѣ жила Вѣра Павловна. — „Неужели онъ къ ней идетъ?“ съ жгучимъ недоумѣніемъ подумалъ Рѣшетиловъ. Танищевъ прошелъ нѣсколько домовъ и вдругъ повернулъ назадъ, такъ что столкнулся бы съ Рѣшетиловымъ, еслибы тотъ не поспѣшилъ перейти на другую сторону улицы. „Нѣтъ, не туда“, радостно вздохнулъ Рѣшетиловъ. Но Танищевъ только дошелъ до первыхъ воротъ, прочелъ фамилію хозяина, опять повернулъ и пошелъ дальше по улицѣ, внимательно разглядывая таблички. Передъ окнами Вѣры Павловны онъ остановился, и убѣдившись изъ надписи на воротахъ, что это тотъ самый домъ, который онъ отыскиваетъ, подошелъ къ крыльцу и смѣло, какъ хозяинъ, дернулъ за ручку звонка. Рѣшетиловъ видѣлъ, какъ въ щеляхъ ставней тонкими иглами сверкнулъ свѣтъ и забѣгалъ отъ окна къ окну; какъ лязгнулъ желѣзный болтъ, отворилась дверь, полоса слабаго свѣта легла до половины улицы и въ то же мгновенье исчезла, заслоненная плечистой фигурой Танищева; потомъ съ тѣмъ же лязгомъ болта захлопну-

лась дверь, и опять стало тихо и пустынно на уснувшей во всю длину улицѣ.

Рѣшетиловъ, пошатываясь, побрелъ домой.

X.

Хозяйка, у которой стоялъ Рѣшетиловъ, слышала сквозь стѣну, какъ жилецъ ея до утра ворочался въ постели, кашлялъ и иногда какъ будто стоналъ. Она была очень чувствительна къ болѣзнямъ, которыя любила врачевать домашними средствами, и потому, спустивъ съ кровати ноги и отыскавъ огромныя кожаныя туфли, подошла къ стѣнѣ.

— Нездоровы вы, штоль-то? окликнула она его.

— Бокъ болитъ, отвѣтилъ изъ-за стѣны Рѣшетиловъ.

— Маслицемъ деревяннымъ помазать... хотите, я разогрѣю, пришлю съ Пелагеюшкой?

Рѣшетиловъ поблагодарилъ и отказался.

— Право маслицемъ... а то припарку можно, на кухнѣ въ печкѣ зола горячая.

Рѣшетиловъ не отвѣчалъ. Сострадательная женщина постояла у стѣны, съ шумомъ почесала у себя подъ бокомъ, и почувствовавъ ходившій по ногамъ холодъ, воротилась къ кровати, и прошептавъ: „о, Господи, Господи, Боже нашъ“, задумчиво взлѣзла на высокую и рыхлую перину.

Рѣшетиловъ поутру всталъ желтый отъ безсонницы, съ какимъ-то туманомъ въ головѣ. Впечатлѣнія вчерашняго дня тупою и какъ будто пріятною болью стояли во всемъ его организмѣ; но этотъ наплывъ ядовитонѣжащихъ, ласкающихъ ощущеній только больше раздражалъ его. Онъ уже не усиливался отогнать мысль о Вѣрѣ, но—странно это ему казалось—еще неотступнѣе, чѣмъ Вѣра, стоялъ передъ нимъ Танищевъ, и онъ всю ночь, съ закрытыми глазами, видѣлъ, чувствовалъ близко подлѣ себя его безпечно-нахальную фигуру, и ощущалъ въ себѣ озлобленную, почти физическую ненависть къ нему. „Этого только недоставало“, проговорилъ онъ сквозь злобно-стиснутые зубы. Онъ вспомнилъ, что еще вчера ему казалось такъ возможнымъ — убѣжать, уѣхать, дать поглотить себя серьезному, дѣятельному труду—и онъ проникался чувствомъ глубокой, острой жалости къ самому себѣ...

Около двѣнадцати часовъ ему принесли записку отъ Вѣры Павловны; тамъ стояло всего три слова: „пожалуйста, приходите сейчасъ“. Онъ, не раздумывая, въ ту же минуту отправился.

Онъ шелъ, почти не размышляя, куда идетъ; и только, когда поровнялся съ квартирой Вѣры Павловны, и на него глянули высокія, свѣтлыя окна съ краснѣвшею сквозь стекло и кружево бахромою тяжелыхъ драпри — онъ почувствовалъ, какъ вдругъ захолонуло у него въ

груди. Ему на минуту страшно стало встрѣтиться и съ Вѣрой, и съ Танищевымъ.

Но Танищева не было. Вѣра Павловна сидѣла одна въ будуарѣ, плотная портьера на окнѣ была запущена, и свѣтъ проникалъ въ комнату узкой солнечной полосой, въ которой чуть примѣтно и сонно кружилась, не осѣдая, мелкая пыль. Чѣмъ-то пахло въ комнатѣ—смѣшаннымъ запахомъ духовъ и какихъ-то капель; дверь къ слѣдующую комнату была неплотно притворена, и въ щель виднѣлась мелькающая фигура горничной, прибиравшей какія-то картонки. Вѣра Павловна сидѣла въ креслѣ, протянувъ кончикъ ботинки на рѣзную колонку стола и бросивъ на колѣни руки; ея фигура, прислоненная къ глубокой спинкѣ кресла, была какъ-то безпомощно изогнута. Узкая солнечная полоса скользила подлѣ нея, задѣвала кончикъ уха и часть волосъ, которые оттого казались какъ будто вспыхнувшими; но въ лицѣ не было ни кровинки, и только вѣки были красны, да около ноздрей просвѣчивались наплаканныя розовыя пятна.

При входѣ Рѣшетилова, она быстро поднялась ему навстрѣчу и почти стиснула ему руку.

— Мегсі... проговорила она.—Сядьте, у меня къ вамъ большая просьба. Мой мужъ былъ у меня...

Она подняла глаза на Рѣшетилова—его взглядъ скользилъ по низкому вороту ея пеньюара и отброшенному широкому рукаву, изъ-подъ котораго сверкала обна-

женная до локтя рука. Она машинально запахнула рукавъ.

— Видите ли... я все должна разсказать вамъ, продолжала она.—Когда, полгода назадъ, я рѣшилась разойтись съ мужемъ, я знала, что онъ нуждается въ деньгахъ. Свое онъ все прожилъ, и каждый разъ, какъ оставался безъ денегъ, искалъ сблизиться со мною; я рѣшилась воспользоваться этимъ, и предложила ему значительную сумму, съ тѣмъ, чтобы онъ позволилъ мнѣ спокойно уѣхать куда нибудь, не преслѣдовалъ бы меня, даже не появлялся бы въ томъ городѣ, гдѣ я буду жить... Онъ согласился, и я уѣхала сюда.

Вѣра Павловна пріостановилась и повела глазами по комнатѣ; ей тяжело было разсказывать. — Pardon, потрудитесь пожалуйста притворить эту дверь — сказала она, замѣтивъ мелькавшую въ спальной горничную. Рѣшетиловъ исполнилъ просьбу и съ сдавленнымъ чувствомъ опустился подлѣ нея на прежнее мѣсто. Ему было невыразимо грустно, и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то раздражительно-пріятное протекло тонкой отравой по нервамъ; онъ и стыдился этого ощущенія, и наслаждался имъ.

— Но вашему мужу хватило этихъ денегъ только на полгода? подсказалъ онъ. Вѣра Павловна молча и грустно кивнула головой.

— Я думаю, вы угадали. Онъ, впрочемъ, не говоритъ ничего о деньгахъ; напротивъ...

— Онъ настаиваетъ, чтобъ жить съ вами?

— Да; онъ даже сегодня хочетъ переѣхать ко мнѣ изъ гостинницы.

Оба на минуту замолчали и почему-то вмѣстѣ почувствовали, что теперь сказано главное, самое главное, даже такое, чего оба не имѣли въ виду, и что прорвалось невольно, потому что невидимыми нитями касалось обоихъ.

— Въ чемъ же вы ожидаете моей помощи? произнесъ наконецъ Рѣшетиловъ, не поднимая глазъ и почти сурово. Вѣра Павловна безпомощно откинулась на спинку кресла и закрыла лицо руками.

— Ахъ, я сама вижу, какъ трудно вамъ что нибудь сдѣлать... проговорила она сквозь стиснутые пальцы.— Но мнѣ больше не къ кому обратиться; мнѣ кажется, еслибъ васъ тутъ небыло... у меня голова идетъ кругомъ. Скажите, развѣ нельзя вамъ увидѣться съ мужемъ? вы бы ему сказали... можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ нуждается въ деньгахъ... я на все, на все согласна, лишь бы это не повторялось... лишь бы мнѣ быть спокойной, свободной...

Рѣшетиловъ порывисто всталъ съ мѣста.

— Такъ вы позволите мнѣ дѣйствовать отъ вашего имени? спросилъ онъ серьезно, строго. — И я могу сдѣлать все, что мнѣ покажется необходимымъ для вашей...—онъ хотѣлъ сказать *свободы*, но поправился:— для вашего спокойствія?

Вѣра Павловна также быстро поднялась съ кресла.

— Вы пойдете къ нему? да? произнесла она, сверкая мокрыми глазами.

— Пойду, такъ же строго подтвердилъ Рѣшетиловъ.— Я не смѣю надѣяться на успѣхъ, но я сдѣлаю все, что съумѣю.

И забывъ даже проститься, онъ поспѣшно пошелъ къ дверямъ.

— Ѳедоръ Петровичъ! окликнула его Вѣра Павловна. Онъ обернулся, она сдѣлала нѣсколько быстрыхъ шаговъ, близко придвинулась къ нему, и вдругъ остановившись, низко и робко протянула ему руку. — Оттуда... вы зайдете сюда? проговорила она.

— Оттуда — сюда, повторилъ какъ-то машинально Рѣшетиловъ.

Уже выбѣжавъ на улицу, онъ вспомнилъ, что забылъ даже узнать адресъ Танищева; впрочемъ, отыскать его было не трудно. Въ городѣ было всего двѣ гостинницы; онъ сунулся на удачу въ ближайшую, и мелахоническій корридорный, на вопросъ его о Танищевѣ, мотнулъ головой и стукнулъ въ одну изъ дверей, выходившихъ въ сѣни. Рѣшетиловъ, не дождавшись отвѣта изъ-за двери, распахнулъ ее и вошелъ въ номеръ.

Онъ очутился въ довольно большой и свѣтлой, безобразно меблированной комнатѣ, какими большею частью щеголяютъ губернскія гостинницы. Длинный просиженный диванъ стоялъ вдоль одной стѣны; другая была заставлена кожаной кушеткой, комодомъ съ не-

плотно задвигавшимися ящиками, парой покачнувшихся креселъ; въ углу кровать за плетеными ширмами, двѣ-три литографіи и засиженное мухами зеркало въ простѣнкѣ. Танищевъ, въ накинутомъ прямо на рубашку пальто, сидѣлъ на диванѣ и запивалъ изъ маленькой рюмочки только-то съѣденный завтракъ, остатки котораго тутъ же валялись на тарелкахъ. Онъ тотчасъ узналъ Рѣшетилова, и привставъ, любезно указалъ рукою на кресло.

— Чему обязанъ удовольствіемъ васъ видѣть? Извините, что безъ галстуха — по домашнему, проговорилъ онъ, вытирая салфеткой усы и даже зубы, которыми щеголялъ.

— Я къ вамъ съ порученіемъ отъ вашей супруги, объяснилъ Рѣшетиловъ.

Танищевъ удивиленно вскинулъ на него глазами и весь какъ-то поежился, точно на него вдругъ надѣли невѣроятно узкое платье.

— Отъ супруги? но какое же можетъ быть отъ нея порученіе, когда я сейчасъ, то есть нынче же утромъ, видѣлся съ нею? проговорилъ онъ нѣсколько смущенно.

— Порученіе Вѣры Павловны касается вашего пріѣзда въ Бѣлогорскъ... продолжалъ Рѣшетиловъ.

— Ну-съ? перебилъ его Танищевъ.

—... Пріѣзда, на который, какъ вамъ извѣстно, вы рѣшились вопреки существовавшему между вами и Вѣрой Павловной условію.

Танищевъ завертѣлся на диванѣ.

— Какое же это условіе? я желалъ бы знать, какое это условіе? — заговорилъ онъ, шевеля бородой и усами и растерянно кидая взгляды то на Рѣшетилова, то въ окно, изъ котораго виднѣлась крыша сосѣдняго дома, то на значительно отпитый графинчикъ съ водкой. — Какъ это мнѣ могутъ запретить пріѣзжать, куда я хочу? Скажите пожалуйста, я не могу пріѣхать въ Бѣлогорскъ, супругѣ моей это ненравится! Вы съ Вѣрой Павловной съума кажется сошли! Да я именно потому сюда пріѣхалъ, что она здѣсь — я къ ней, къ женѣ пріѣхалъ, понимаете ли? Сегодня же переѣжаю къ ней, сію минуту!

Послѣднія слова онъ произнесъ, со свистомъ выдыхая воздухъ, и забѣгалъ по комнатѣ, взмахивая руками, хватаясь за сак-вояжъ, за шапку, тыкая ногою въ чемоданъ. Но вдругъ онъ круто повернулся къ Рѣшетилову и спросилъ, постегивая хлыстикомъ по сапогу:

— А позвольте узнать, въ чемъ именно заключается порученіе моей супруги?

— Вѣра Павловна поручила мнѣ передать вамъ, отвѣтилъ Рѣшетиловъ, что если вы пожелаете переѣхать къ ней, она немедленно выѣдетъ изъ Бѣлогорска.

Танищевъ со свистомъ рѣзнулъ хлыстомъ по воздуху.

— А если я, какъ мужъ, буду требовать ея возвращенія? произнесъ онъ.

— Я полагаю, что вы этого не сдѣлаете, ствѣтилъ Рѣшетиловъ.

— Вы полагаете? а почему это вы такъ полагаете? возразилъ Танищевъ, вглядываясь въ глаза Рѣшетилову блеснувшими зрачками.

— Потому, что это будетъ для васъ безполезно и невыгодно, объяснилъ Рѣшетиловъ.

Танищевъ кое-что сообразилъ въ умѣ. Главный вопросъ состоялъ для него въ томъ, опираются ли требованія Вѣры Павловны на прежнемъ условіи между ними, или она предлагаетъ новую сдѣлку, и, слѣдовательно новый кушъ. За этимъ новымъ кушемъ онъ и явился въ Бѣлогорскъ, но не расчитывая на успѣхъ, пробрался сначала въ деревню, думая захватить что нибудь у прикащика; неудача съ Тихономъ Петровичемъ, котораго трудно было застичь врасплохъ, на половину разрушила его надежды, и онъ явился къ Вѣрѣ Павловнѣ, намѣреваясь во что бы то ни стало сойтись съ нею и исподоволь подготовить новую, хотя бы и не такъ выгодную сдѣлку. Это, конечно, скучно, можетъ быть даже очень затянется, но въ настоящую минуту онъ былъ въ крайности, и выбирать было не изъ чего. Но вдругъ, вмѣсто того, въ послѣднихъ словахъ Рѣшетилова онъ почуялъ какую-то надежду, какое-то косвенное, очень улыбавшееся ему предложеніе. Онъ настрожился и пожелалъ ощупать почву.

— Безполезно и невыгодно... повторилъ онъ насмѣшливо и даже передразнилъ нѣсколько офиціальный и медлительный тонъ Рѣшетилова.—Безполезно... это мы

еще увидимъ, а невыгодно почему, интересно было бы узнать?

— Потому что, вѣроятно, вы нуждаетесь въ деньгахъ...

— Ну-съ? переспросилъ Танищевъ, и у него задрожали мягкіе, волнистые кончики усовъ.

— Полагаю даже, продолжалъ Рѣшетиловъ, что именно это обстоятельство и было причиною вашего появленія въ Бѣлогорскѣ...

Танищевъ молча, нетерпѣливо стегнулъ хлыстомъ по ногѣ; онъ даже не понялъ ироніи въ словахъ Рѣшетилова, и только досадовалъ, что тотъ медлитъ.

— Преслѣдуя же Вѣру Павловну, продолжалъ неторопливо Рѣшетиловъ, вы останетесь по прежнему безъ денегъ; тогда какъ въ противномъ случаѣ Вѣра Павловна, можетъ быть, озаботилась бы обезпечить васъ...

Танищевъ круто повернулся на каблукахъ и сѣлъ въ кресло.

— Можетъ быть... вотъ видите, этихъ *можетъ быть* я терпѣть не могу — возразилъ онъ, сильно почесавъ ногтемъ въ бородѣ.—Если вамъ поручено переговорить со мною, говорите, пожалуйста, прямо.—Ну-съ, продолжалъ онъ, пересѣвъ ближе къ Рѣшетилову, какимъ образомъ Вѣра Павловна желаетъ обезпечить меня?

— Какимъ образомъ — деньгами! отвѣтилъ брезгливо Рѣшетиловъ и даже посторонился отъ него. Танищевъ не обратилъ на это никакого вниманія и опять задумчиво почесалъ ногтемъ въ волосахъ.

— Да-съ, деньгами; это и я понимаю. Ну, а позвольте узнать, какой именно суммой Вѣра Павловна предполагаетъ снабдить меня? Потому что это очень важно—пояснилъ онъ.

Рѣшетиловъ нѣсколько затруднился отвѣтомъ: на счетъ суммы онъ не условился съ Вѣрой Павловной, и теперь чувствовалъ всю щекотливую сторону своего положенія. Впрочемъ, его дѣло было отстаивать интересы Вѣры Павловны до послѣдней возможности, а окончательное рѣшеніе можно было предоставить ей самой. Съ Танищевымъ надо было торговаться; онъ такъ и сдѣлалъ. Вмѣсто единовременнаго денежнаго куша онъ выторговалъ ежегодное содержаніе, да еще обязалъ Танищева выдать вексель на годичную сумму, чтобъ отнять у него всякую возможность нарушить условіе. Все это вовсе не входило въ расчеты Танищева; онъ хмурился и до боли дергалъ себя за усы; впрочемъ, когда все было условлено, и Рѣшетиловъ не безъ усилія надъ собою пожалъ протянутую ему руку, онъ вдругъ оживился, крикнулъ корридорнаго и велѣлъ подать шампанскаго.

Но Рѣшетиловъ наотрѣзъ отказался. У него захватывало духъ отъ радостнаго нетерпѣнія; онъ схватилъ шляпу.

— Брезгаете? равнодушно обратился къ нему Танищевъ, и подойдя къ графинчику, два раза быстро наполнилъ и опорожнилъ рюмку.—Водка здѣсь отличная—мятная вода; я никогда не пилъ мятной воды.

Онъ опять опрокинулъ графинчикъ въ рюмку.

— Вы теперь прямо къ Вѣрѣ Павловнѣ? вдругъ спросилъ онъ, и Рѣшетилову показалось, что въ его глазахъ блеснулъ какой-то холодный и насмѣшливый блескъ; ему на мгновенье какъ-то неловко стало.

— Я вѣдь къ тому спрашиваю, продолжалъ, будто успокоивая его, Танищевъ — что мнѣ денегъ поскорѣй бы нужно было. Можетъ быть, у васъ съ собой есть?

— Да, есть, есть, отвѣтилъ, точно обрадовавшись, Рѣшетиловъ, и торопливо раскрывъ бумажникъ, вынулъ оттуда нѣсколько крупныхъ ассигнацій, Танищевъ, не считая, равнодушно сунулъ ихъ въ карманъ.

— Очень пріятно быть знакомымъ, проговорилъ онъ, уже совсѣмъ развязно, беря Рѣшетилова за руку и пожимая ее.—Вѣрѣ Павловнѣ прошу передать мое нижайшее. Простое недоразумѣніе—не сошлись характерами. Больше ничего, какъ одно недоразумѣніе. Деликатнѣйшая, образованнѣйшая женщина — чувствую, что недостоинъ. — Извините, спохватился онъ, догоняя Рѣшетилова въ корридорчикѣ, у меня есть вопросецъ... Помните, наша первая встрѣча, въ волостномъ правленіи... вы тамъ актъ какой-то составили... Это вѣдь пожалуй помѣшаетъ мнѣ уѣхать, и такимъ образомъ заставитъ противъ воли нарушить условіе!

— Нѣтъ, нѣтъ, не помѣшаетъ, торопливо успокоилъ его Рѣшетиловъ.

Танищевъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, какъ-то загадочно

шевеля усами, и вернувшись въ номеръ, бережно вытащилъ изъ кармана ассигнаціи, пересчиталъ ихъ, и хлопнувъ раза три необыкновенно звонко въ ладони, закричалъ съ веселымъ, разсыпчатымъ рокотаніемъ:

— Корридорный!!

Тотъ же меланхолическій лакей задумчиво, какъ-то по театральному, остановился на порогѣ. Танищевъ поднесъ ему къ самому лицу кулакъ со сжатыми въ немъ ассигнаціями, мгновенно распустилъ его и хлопнулъ всей пачкой по угреватому носу.

— Капиталъ получили, догадался корридорный, чихнувъ на всю комнату.

— Одѣваться, болванъ! крикнулъ на него Танищевъ.

Вернулся онъ въ тотъ день въ номеръ уже поздно вечеромъ, и не одинъ: его отчетливые по военному шаги заглушалъ скрипъ немилосердно накрахмаленныхъ юпокъ.

XI.

Рѣшетиловъ засталъ Вѣру Павловну на томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи; только портьеры были подняты и солнечный свѣтъ игралъ на бронзѣ и политурѣ. Онъ опустился подлѣ нея въ кресло и торопливо началъ свой разсказъ — спѣша, сбиваясь, и повинуясь какой-то необходимости сейчасъ, разомъ, безъ перерывовъ разсказать все и однимъ скачкомъ добраться до

конца. Онъ изрѣдка, нерѣшительно взглядывалъ на Вѣру Павловну, и чувствовалъ ея пристальный, почти неподвижный взглядъ, и какую-то напряженность во всей ея позѣ. Вдругъ она встала, отошла на шагъ и, прислонившись къ камину, оттуда стоя слушала его. Дойдя до того, какъ Танищевъ обязался выдать вексель, онъ даже почувствовалъ нервную дрожь, и кончилъ сорвавшимся голосомъ.

„Ну, вотъ и все, и конецъ“, заключилъ онъ про себя, раздражительно останавливаясь на этой мысли. „Конецъ, разумѣется; что же можетъ быть дальше?“ И ему на мгновенье весело стало отъ этихъ подуманныхъ словъ, какъ будто они вдругъ объяснили ему, какъ онъ трезво, какъ разсудительно смотритъ на вещи... Но это чувство такъ же мгновенно сбѣжало, какъ струя внезапно пахнувшаго въ лицо воздуха.

— Ѳедоръ Петровичъ, вѣдь это... за это и благодарить нельзя... проговорила Вѣра Павловна, и опять быстро, близко подошла къ нему и вдругъ остановилась, взмахнувъ рѣсницами и обливъ его мягкимъ, ласкающимъ и какъ-будто загадочнымъ взглядомъ. — „Вотъ и поблагодарили, и теперь ужь все, рѣшительно все кончено, и дальше уже и шагу ступить нельзя, некуда“, опять сверкнуло у него въ головѣ. Онъ даже взглянулъ на Вѣру Павловну свободно, смѣло, какъ будто хотѣлъ сказать: „посмотрите, какъ я понимаю, что все кончено, сдѣлано, и не жду ничего, рѣшительно ничего“. Тутъ

онъ почувствовалъ пожатіе ея слабыхъ, нѣжныхъ пальцевъ, прикосновеніе складокъ ея платья, благоухающую близость женщины. У него слегка кружилась голова и колѣни немного дрожали. Онъ сѣлъ.

Она опустилась близко подлѣ него на диванъ, но тотчасъ отодвинулась, беззвучно оправляя платье, и прижалась пальцами къ столу. Она молчала, и онъ не зналъ, что сказать; что-то напряженное поднялось и стало между ними.

— Вы завтра пробудете въ городѣ? какъ-то строго спросила Вѣра Павловна.

— Да, мнѣ еще надо видѣться съ вашимъ мужемъ... вы вѣдь вѣроятно желаете, чтобы все кончилось безъ личнаго вашего свиданія?

— Конечно... такъ лучше... разсѣянно подтвердила Вѣра Павловна, глядя куда-то мимо Рѣшетилова. — А потомъ вы уѣдете въ деревню?

— Да, потомъ въ деревню.

— Потому что вамъ здѣсь нечего больше дѣлать?

— Дѣйствительно, меня здѣсь ничто болѣе не удерживаетъ, подтвердилъ какъ-то разсѣянно Рѣшетиловъ. Когда онъ сказалъ эти слова, когда они физически коснулись его уха, онъ понялъ, что это была ложь. "Но развѣ она про *то* спрашиваетъ?" тутъ же мелькнуло у него въ умѣ. „Про *то* вѣдь только я знаю, а она... она только такъ, для разговора", объяснилъ онъ мысленно.

Вѣра Павловна нагнулась къ столу и положила на него локти; гладкая политура отразила ея обнаженныя руки и наклоненное лицо.

— Между тѣмъ какъ въ деревнѣ у васъ есть занятіе... дѣло, какъ вы говорите... продолжала она тихо, безъ насмѣшки въ голосѣ. Тонкая пасма волосъ, отдѣлившись отъ прически, упала ей на рѣсницы; она не поправила ее.—Сюда васъ ничто не влечетъ; напротивъ, эта жизнь, эти... услуги, которыя я навязала вамъ, отвлекаютъ васъ отъ занятій, отъ дѣла... добавила она, и не подымая головы, робко, снизу взглянула на Рѣшетилова и не отводила глазъ.

Онъ не отвѣчалъ. Что ему было сказать? Ни вчера, ни сегодня, до этой минуты, ему не приходила даже мысль о дѣлахъ, которыя онъ бросилъ въ участкѣ; онъ даже не вспомнилъ о Максимѣ Ивановѣ, котораго арестъ могъ бы очень сократиться, еслибы онъ не зажился въ городѣ. Теперь все это быстро, сбивчиво промелькнуло у него въ головѣ; онъ почувствовалъ какъ будто угрызеніе совѣсти. Что-то стало между его прошедшимъ, его прежнимъ, сосредоточеннымъ, дѣятельнымъ существованіемъ и смутными ощущеніями, которыми онъ жилъ эти дни. Но вѣдь это кончится, и все опять пойдетъ по прежнему. Непремѣнно кончится, потому что...

Онъ слегка вздрогнулъ на этомъ „потому что“. Что-то неясное, обманчивое, какъ ползучій туманъ, почувствовалось ему въ словахъ Вѣры Павловны, въ чуть

замѣтной, скорбной складкѣ, образовавшейся на ея бѣломъ лбѣ, въ загадочной глубинѣ ея глазъ, ушедшихъ за низко опущенныя рѣсницы, въ ея сжатыхъ пальцахъ и какъ будто распростертой позѣ. Что она хотѣла ему сказать? зачѣмъ она распрашивала, какъ будто испытывала его? Тупая, текучая боль накоплялась въ немъ и слегка сжимала горло. Или она знаетъ про *то*, и смѣется надъ нимъ? Онъ опять вздрогнулъ и быстро, почти злобно взглянулъ на Вѣру Павловну. Но ничего, кромѣ какой-то прозрачной печали, нельзя было прочесть на ея лицѣ. Все также наклонивъ голову, она пристально разсматривала свои ногти, слегка постукивая ими одинъ о другой, и наблюдая, какъ отражалось на гладкой политурѣ стола каждое ея движеніе.

— Я эти дни и не вспоминалъ даже о моихъ занятіяхъ, сказалъ какъ-то горломъ Рѣшетиловъ.

Вѣра Павловна медленно обернула къ нему лицо и остановила на немъ открытый, почти равнодушный взглядъ.

— Отчего, Ѳедоръ Петровичъ? спросила она

„Отчего!“ съ какой-то болью повторилъ про себя Рѣшетиловъ.

— Вѣра Павловна, вы смѣетесь надо мною! воскликнулъ онъ вдругъ громко, и съ внезапною рѣшимостью поднялъ на нее глаза. И по затаенному, подозрительному блеску въ ея зрачкахъ, по чуть примѣтной дрожи на уголкахъ губъ, по лукаво приподнятымъ бровямъ,

онъ въ то же мгновенье понялъ, что она дѣйствительно смѣется, и знаетъ все, все, что такъ мучительно работаетъ въ немъ... Онъ сорвался съ мѣста и искалъ шляпу, заглядывая подъ столы, подъ стулья, хотя она стояла у него передъ глазами. Вѣра Павловна слѣдила за его движеніями, улыбаясь слегка побѣлѣвшими губами. Наконецъ опъ отыскалъ шляпу и подошелъ къ Вѣрѣ Павловнѣ. Она быстро спрятала обѣ руки за спиной.

— Вы боитесь меня, Ѳедоръ Петровичъ? спросила она, тихо подымаясь съ мѣста. Она не улыбалась, лучи сбѣжали съ ея лица, и надъ бровями прорѣзалась тонкая складка.

— Да, проговорилъ, не подымая на нее глазъ, Рѣшетиловъ.

— Еще разъ, отчего, Ѳедоръ Петровичъ?

У Рѣшетилова что-то дрогнуло въ лицѣ.

— Вамъ надо слышать *слово*? вы хотите, чтобы я назвалъ *это* по имени? Извольте: я люблю васъ — проговорилъ онъ быстро, со злобою, и нетвердо пошелъ къ дверямъ. Вѣра Павловна однимъ прыжкомъ опередила его и стала на порогѣ, прижавшись пальцами къ притолкѣ и подавшись всѣмъ тѣломъ впередъ. Онъ, какъ пойманный, остановился передъ нею.

— Развѣ это не хорошо, Ѳедоръ Петровичъ? послышалось ему надъ ухомъ.

— Что? спросилъ онъ въ какомъ-то туманѣ.

— А что вы сейчасъ сказали...

Онъ поднялъ на нее глаза, какъ будто усиливался разсмотрѣть ее: она стояла, отклонивъ голову назадъ, и съ сдержаннымъ смѣхомъ въ лицѣ, какъ-то снизу глядѣла на него, все также держась стиснутыми пальцами за притолку; что-то трепетало на рѣсницахъ, какіе-то лучи; тонкая голубая жилка билась на открытой шеѣ и сквозила около губъ. Она была такъ близко подлѣ него, что онъ чувствовалъ, какъ при каждомъ его движеніи шелестѣли, точно струясь по немъ, мягкія складки ея пеньюара. Онъ потянулся къ ней и почти смялъ ее въ рукахъ... Сквозь опьяненіе почувствовалъ онъ на лицѣ щекотаніе ея рѣсницъ, что-то, какъ поцѣлуй, обожгло его, обнаженныя руки обвились, съ ощущеніемъ холода, вокругъ его шеи и тотчасъ разомкнулись, и гибкое тѣло, скользя по немъ, вырвалось у него изъ рукъ.

Когда онъ опомнился, въ комнатѣ никого не было. Онъ повелъ глазами, какъ-то блаженно поежился и сѣлъ. Слабая пахучая волна остановилась въ воздухѣ; за захлопнутой дверью слышался тупой шорохъ, но тотчасъ смолкъ. Рѣшетиловъ почти потерялъ всякое сознаніе; въ головѣ чувствовалась пустота, и кругомъ что-то трепетало, какія-то отраженныя нервами ощущенія того, что было мгновенье назадъ. Въ пахучей струѣ, обтекавшей комнату, еще чувствовалось присутствіе Вѣры; раздраженные нервы слышали мягкій шелестъ ея платья, ея близость. Рѣшетиловъ жмурилъ и опять раскрывалъ глаза, весь охваченный тепломъ, блескомъ, холодомъ,

млѣющей истомой страсти, „Ахъ!“ вырвалось у него наконецъ, съ нервною дрожью во всемъ тѣлѣ. Онъ поднялся со стула, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру, подождалъ чего-то у двери, повелъ однимъ плечомъ и опять сѣлъ. Онъ не разсуждалъ, не анализировалъ, не спрашивалъ себя: страсть ли это? обманъ ли это?—онъ застылъ въ какомъ-то оцѣпененіи, порабощенный внезапно нахлынувшимъ счастьемъ.

„Ахъ!“ вырвалось у него опять, уже громко: за его стуломъ стояла Вѣра Павловна. Она неслышно прокралась въ комнату и наклонилась къ нему черезъ плечо, положивъ на спинку стула тонкіе, блѣдные пальцы. Онъ обернулся, поднялся съ мѣста и растерянно сталъ передъ нею. Онъ замѣтилъ, что волосы особенно гладко лежали теперь у нея на головѣ, очевидно сейчасъ причесанные, и открытый воротъ пеньюара какъ будто выше и уже охватывалъ шею. Въ глазахъ и на губахъ опять блуждала какая-то прозрачная улыбка, какой-то сдержанный смѣхъ; складка исчезла надъ вопросительно приподнятыми бровями.

— Прощайте, Ѳедоръ Петровичъ, вдругъ сказала она, и съ отчетливымъ, дѣланнымъ жестомъ протянула ему руку. Онъ взмахнулъ на нее отуропѣлыми глазами.

— Я вышла къ вамъ проститься, объяснила она, и въ голосѣ ея тоже слышалась отчетливая, выработанная нота.—Вы вѣдь завтра уѣзжаете, я надѣюсь?

Рѣшетиловъ окончательно растерялся; что-то, какъ холодный вихрь, пролетѣло по немъ.

— Дѣйствительно, моя обязанность... удалиться; я понимаю, что послѣ всего, мое присутствіе... Онъ не понималъ, что̀ говорилъ; холодный вихрь все еще кружился въ его головѣ.

У Вѣры Павловны уголки губъ чуть-чуть задрожали, и какія-то смѣющіяся искры брызнули изъ глазъ. Она тихонько сѣла на кончикъ кушетки.

— Вамъ непремѣнно надо ѣхать, подтвердила она, все съ тѣмъ же подавленнымъ смѣхомъ въ каждой чертѣ лица.—Потому что...

Она пріостановилась, и ея играющій взглядъ, щурясь и раскрываясь, медленно скользнулъ по Рѣшетилову.

— Потому что я тоже ѣду... въ Семиполье... и вы должны какъ можно скорѣе приготовить все къ моему пріѣзду — досказала она, и взглянувъ на оторопѣлое, смятенное лицо Рѣшетилова, медленно отвернула голову и прижала къ губамъ платокъ.

— Ахъ! какимъ-то глупо-счастливымъ голосомъ вскричалъ Рѣшетиловъ, и упалъ къ ея ногамъ.

Вернувшись домой, онъ нашелъ на столѣ письмо, запечатанное стариннымъ, хитрымъ вензелемъ, и значительно захватанное руками.

— Мужикъ изъ деревни принесъ, объяснила хозяйка, высунувъ въ дверь длинное рябоватое лицо.

Рѣшетиловъ сломалъ печать и началъ быстро бѣгать глазами по мелкимъ строчкамъ. Лицо его сначала болѣе и болѣе улыбалось по мѣрѣ чтенія, но потомъ начало хмуриться, и подъ конецъ очень опредѣленная досада проступила въ рѣзкой складкѣ, образовавшейся у него между бровями. Вотъ что прочелъ онъ въ письмѣ:

„Добрѣйшій Ѳедоръ Петровичъ!

„Не понимаю, какъ вы могли пробыть цѣлую недѣлю въ деревнѣ, такъ что я и не знала объ этомъ; впрочемъ, обстоятельства послѣдняго времени сложились такимъ образомъ, что мнѣ представлялось мало возможности переносить свои наблюденія за предѣлы печальной ежедневности, роковымъ кольцомъ сомкнувшейся вокругъ моего разбитаго существованія. Наканунѣ вашего отъѣзда, Ѳома, пріѣзжавшій къ намъ изъ монастыря за масломъ, сказалъ мнѣ, что вы въ деревнѣ; я тотчасъ же навѣдалась къ вамъ, но вы были въ разъѣздахъ, а на другое утро уѣхали; такимъ образомъ мнѣ не удалось воспользоваться вашимъ пребываніемъ въ участкѣ, и я потеряла случай почерпнуть въ вашей бесѣдѣ новыя силы и поддержку для моей одинокой борьбы... (Ну, это столько же глупо, сколько любезно, замѣтилъ мысленно Рѣшетиловъ). А теперь, кто знаетъ, долго ли еще вы пробудете въ городѣ!

„Тутъ мнѣ пришли на память дорогія слова ваши при одномъ изъ нашихъ прощаній: „если мое отсутствіе покажется вамъ слишкомъ продолжительнымъ, сказали вы,

то напишите, и я непремѣнно отвѣчу". Можетъ быть, вы только пошутили, и не станете терять времени на переписку, слишкомъ пустую и ненужную для такого серьезнаго и дѣльнаго человѣка, какъ вы. Но мнѣ скучно, мнѣ даже какъ-то особенно тяжело эти дни, и я пишу къ вамъ, не заботясь, какое впечатлѣніе произведетъ на васъ это письмо, такъ точно, какъ еслибы я писала въ своемъ дневникѣ.

„Я должна сознаться, что каждый разъ, какъ вы уѣзжаете отъ насъ, чувство нравственнаго одиночества сильнѣе охватываетъ меня, и во всемъ грубомъ безобразіи представляется мнѣ среда, въ которую втолкнула меня жизнь. Я нахожу въ себѣ рѣшимость высказаться передъ вами на этотъ счетъ вполнѣ откровенно, зная очень хорошо, что вы не припишите моего уваженія, моего сочувствія къ вамъ — тѣмъ пошленькимъ любовнымъ ощущеніямъ, которымъ такъ охотно отдаются женщины не занятыя, не мыслящія и не озаренныя яркимъ лучемъ свободы, который—я чувствую повременамъ—жжетъ мое чело. (Чортъ знаетъ, что такое, нетерпѣливо выругался Рѣшетиловъ, и пропустилъ страницу). Вы хорошо знаете, что, поглощенная своимъ перевоспитаніемъ, внутреннею работою надъ собою, я отношусь съ глубокимъ и сознательнымъ презрѣніемъ къ обольщеніямъ чувствъ и ко всей вообще романтической сторонѣ жизни, созданной отжившими понятіями, крѣпостнымъ правомъ и отсутствіемъ благородныхъ лишеній,

столь необходимыхъ для человѣческаго развитія. Если мнѣ бываетъ особенно тяжело въ тѣ дни, когда васъ нѣтъ здѣсь, то это потому, что отсутствіе ваше лишаетъ меня нравственнаго вознагражденія, доставляемаго обществомъ человѣка, понимающаго мои стремленія, и усиливаетъ во мнѣ сознаніе пустоты, безобразія и грубости, меня окружающихъ.

„Дѣйствительно, много надо силы ума и воли, много непоколебимой твердости въ принципахъ, много самоотверженія, чтобы остаться хладнокровнымъ зрителемъ нравственной одичалости, въ которой коснѣютъ люди, близкіе по крови. Мракъ и одеревененіе кругомъ, и ниоткуда ни свѣта, ни воздуха! Дома у насъ все идетъ по прежнему, и даже хуже въ эти послѣдніе дни: несчастная страсть не оставляетъ отца, и онъ падаетъ все ниже и ниже. Третьяго дня между нимъ и теткой Анной Васильевной опять розыгралась возмутительная сцена: отецъ вернулся поздно вечеромъ съ какой-то попойки въ самомъ раздраженномъ состояніи, накинулся на нее съ бранью и выбросилъ изъ дому всѣ ея вещи; она, по обыкновенію, ушла отъ него къ попадьѣ, онъ погнался за нею; что тамъ происходило, я ужь не знаю, но ночью его привели со связанными руками дьяконъ и двое сотскихъ и заперли на замокъ въ спальной. Вы поймете, въ какихъ горькихъ, въ какихъ оскорбленныхъ чувствахъ провела я ту ночь — не потому, что героемъ этихъ унизительныхъ сценъ былъ мой отецъ (вы знаете,

какъ мало значенія придаю я внѣшнему физическому родству) — а потому, что злая насмѣшка судьбы бросила меня безсильною и безпомощною въ это болото тупоумія, невѣжества, затхлости, въ которомъ гніетъ и коченѣетъ русская жизнь. Я знаю, что непроницаемая маска, которую вы почему-то считаете нужнымъ носить на себѣ (изъ скромности не вхожу въ ваши побужденія) заставитъ васъ разразиться упреками моимъ чувствамъ и выраженіямъ; но я привыкла глубоко заглядывать вамъ въ душу и хорошо понимаю, что подъ этой личиной примиренія съ окружающею дѣйствительностью въ васъ кипитъ бурное чувство негодованія, ждущее лишь своего часа, чтобъ обнаружиться и пролиться...“

— Прошу покорно! не то смѣясь, не то раздражаясь воскликнулъ Рѣшетиловъ, и бѣгло читалъ дальше:

„Я просмотрѣла журналы, которыми вы меня ссудили, и — сказать ли вамъ правду? — осталась неудовлетворенною ими. Въ самыхъ честныхъ изъ нихъ я нашла слишкомъ мало бичующей силы и слишкомъ много растлѣвающаго, рутиннаго романтизма. До какихъ поръ будутъ отравлять несчастную публику этими жалкими любовными рапсодіями, или этой безполезной, деревянной наукой, похожей на казенное продовольствіе? Когда же прорвется наконецъ отрезвляющее слово, способное зажечь въ каждомъ гражданинѣ тотъ безсмертный лучъ, который, простите за повтореніе, горитъ на моемъ челѣ!“

Рѣшетиловъ перевернулъ недочитанную страницу,

посмотрѣлъ на крючковатую подпись: „Настя Песчаная“, и съ минуту въ какомъ-то немоумѣніи вертѣлъ въ рукѣ письмо.

— Господи, вотъ дура-то! воскликнулъ онъ наконецъ громко, комкая листокъ.

Онъ подошелъ къ окну, и прислонившись къ теплому стеклу, машинально смотрѣлъ куда-то все прямо. Накопившіяся впечатлѣнія дня обступали его и обременяли избыткомъ раздражающихъ, сложныхъ ощущеній. Въ передъ-вечернемъ поблѣднѣвшемъ свѣтѣ мирно сѣрѣли заборы, низенькія кровли домовъ, выдвигался зеленый куполъ церкви, выступъ какого-то большаго каменнаго дома загораживалъ часть преспективы, а еще дальше, за ветхими крестами кладбища и тощими надмогильными березками дымились въ росѣ еще не скошенные луга, и надъ ними носились черными точками вороны. Рѣшетилову сдѣлалось невыразимо грустно; разнѣженное ласкающими ощущеніями сердце томительно сжималось и плакало; что-то, какъ темнота, заползало въ душу, застилая всѣ уголки... Онъ перенесъ взглядъ поближе, на узенькое пространство двора, ограниченное заборомъ и почернѣвшимъ срубомъ сарая съ раскрытыми настежь воротами, передъ которыми Евстигнѣй медленно и осмотрительно смазывалъ бричку. Это напомнило ему объ отъѣздѣ. И вдругъ, какъ что-то чужое, враждебное и принудительное, встала передъ нимъ такъ хорошо знакомая дѣйствительность—деревня,

Тихонъ Петровичъ, старшина Ѳерапонтовъ, заводъ, положенія 19 февраля, бабы, мужики, управляющіе, грустно-благонамѣренные разговоры молодыхъ помѣщиковъ, либеральный становой приставъ, и даже авторъ только-что полученнаго письма... вся эта жизнь, которою онъ стихійно жилъ до сихъ поръ, тускнѣла и какъ-то враждебно уплывала отъ него.

„Да вѣдь это оттого, что другая, своя, внутренняя жизнь закипаетъ у меня“, вдругъ подумалъ онъ громко, и складка пропала надъ бровями, и все лицо медленно и радостно вспыхнуло, и веселое праздничное чувство захолонуло грудь. „Изжить ее — и тамъ будь что будетъ“ — заключилъ онъ съ какою-то строгою рѣшимостью — и нѣсколько минутъ это строгое и ясное выраженіе неподвижно лежало на его лицѣ.

XII.

Охотничья двухколесная телѣжка, въ какой ѣздятъ по проселкамъ небогатые помѣщики, попы, волостные старшины и бургомистры, спускалась къ рѣчкѣ по узкой лѣсной тропинкѣ. Безпокойно подпрыгивая вмѣстѣ съ нею на узловатыхъ корневищахъ, и тѣмъ не менѣе видимо довольный и своей поѣздкой, и красотой окружавшаго его и напоеннаго смолистымъ запахомъ лѣса, ѣхалъ въ ней Рѣшетиловъ. Мѣста кругомъ лежали на рѣдкость. Тихая, просачивающаяся рѣчка, то пропадая

въ болотистыхъ займищахъ, то вдругъ ударяя въ глаза гладкой, какъ осколокъ стальнаго лезвія, излучиной, описывала длинную перепутанную линію. Вотъ сверкнула одна изъ такихъ излучинъ. Вода, промываемая зыбкимъ пескомъ, чиста и прозрачна — такъ прозрачна, что можно разглядѣть на днѣ неуклюжія, покраснѣвшія отъ старости сосновыя корневища, усѣянныя какими-то маленькими, зеленоватыми и слизистыми раковинками. Песокъ нависаетъ надъ берегомъ красноватыми слоями; вытянутые въ струнку сосны также краснѣютъ отъ половины до верхушекъ — точно для того только, чтобы красивѣе оттѣнить желтоватую зелень молодаго ельника; даже вода, отражая эти красныя краски, мѣстами какъ будто загорается. А какихъ нибудь двѣсти, триста шаговъ подальше, песокъ перестаетъ слоиться подъ колесами, трава дѣлается выше и рѣже, и съ каждымъ шагомъ слышно похожее на лязгъ хлестанье брызнувшей изъ-подъ шины воды; буйная поросль разбѣгается во всѣ стороны, ныряетъ въ рѣку и высовываетъ изъ-подъ нея свои узкіе и плоскіе, ярко-зеленые языки; потомъ уже и воды не видно, а одна только свѣжая, мокрая, склизкая зелень. Кое-какъ перескакивая съ кочки на кочку, повозка выбирается на менѣе топкое мѣсто; красный мохъ здѣсь какъ будто высосалъ всю влагу, а мѣстами опять встрѣчается песокъ и податливо уступаетъ давленію колеса.

Рѣшетиловъ уже съ-полчаса ѣхалъ узкимъ перелѣс-

комъ, то подскакивая на пняхъ, то почти падая въ глубокій, брызжущій изъ-подъ копытъ песокъ, и поминутно сворачивая въ объѣздъ передъ завалившейся сосной или цѣпляясь за низкіе, вытянутые сучья. Но несмотря на эти неудобства, онъ радостно, почти съ любовью, оглядывался по сторонамъ, и почему-то особенно красивыми казались ему и этотъ лѣсъ, вымытый теплыми весенними дождями, и это болото, заросшее мягкой, влажной, ранней зеленью — точно на всю картину снопами золотыхъ лучей опрокинулось наполнявшее его чувство красоты, страсти, счастья... Онъ не замѣчалъ, что его маленькая степная лошаденка вся зашершавѣла отъ усталости и, какъ говорятъ крестьяне, клевала носомъ. Но было уже недалеко. Деревья рѣдѣли по сторонамъ, дорожка ширилась и покато спускалась къ рѣкѣ. Нѣсколько старыхъ, расщепленныхъ ивъ торчало у берега, и слышно было, какъ гдѣ-то подъ ихъ посѣдѣлою зеленью, на половину вросшей въ воду, съ тихимъ гортаннымъ трескомъ билъ ключъ. На противоположномъ берегу неподвижно чернѣлъ старый, видимо подгнившій паромъ; а еще дальше сѣрѣла одинокая приземистая изба паромщика. Полуотворенная дверь качалась на веревочной петлѣ, замѣнявшей створку, и у порога валялась на пескѣ лохматая, грязная собака.

— Паромъ — эй! паромщикъ! дава-ай! крикнулъ Рѣшетиловъ во всю грудь.

— Го-го-го-го—да-а-вай! откликнулось гдѣ-то далеко

и отбѣжало въ глубину надвинувшагося позади его лѣса. Испуганный коростель поднялся у него подъ самымъ носомъ и, трепыхнувъ раза два своими слабыми крылами, упалъ въ кусты; съ берега потянуло жалкимъ старческимъ лаемъ, но въ избѣ не обнаружилось никакого движенія.

— Давай паромъ—эй! крикнулъ Рѣшетиловъ еще разъ; и минуты двѣ напрасно всматривался въ даль, стараясь разглядѣть признаки живой души на противоположномъ берегу. Никто не показывался, и только собака поднялась съ усиліемъ на свои кривыя ноги, полаяла и опять упала на песокъ; Рѣшетиловъ начиналъ терять терпѣніе. Наконецъ изъ полуотворенной двери выглянуло загорѣлое молодое лицо дѣвушки, и тотчасъ скрылось, дверь опять качнулась на своей веревочной петлѣ, и изъ избы вышелъ высокій, сѣдой старикъ. Онъ даже не взглянулъ черезъ рѣку и, понуривъ голову, сошелъ прямо на паромъ, оттолкнулся отъ берега и поплылъ, неспѣшно и ровно переступая съ бревна на бревно. Это былъ рослый, очевидно крѣпкій въ свое время мужикъ, изрытый глубокими темными морщинами и прокаленный солнцемъ до той бронзовой черноты, которая встрѣчается только у русскихъ крестьянъ. Запавшій беззубый ротъ его не складывался въ старчески-унылую, смятую улыбку человѣка, соскучившагося „хлѣбъ жевать“; двѣ твердыя черты надъ углами рта сгибали узкія безкровныя губы въ какую-то горь-

кую, неподвижную усмѣшку. Что-то угрюмое, но не злое, а только серьезное въ странной степени, замѣчалось и во взглядѣ выцвѣвшихъ глазъ, которыми онъ изрѣдка, неохотно взмахивалъ изъ-подъ клочковатыхъ бровей, нависшихъ надъ запавшими и точно посыпанными землею вѣками. Онъ былъ безъ шапки, и безволосое, выпуклое темя его лоснилось на солнцѣ.

— Здравствуй, старина, окликнулъ его, вылѣзая изъ повозки, Рѣшетиловъ.—Всѣ ли у тебя здоровы?

Старикъ молча выждалъ, пока паромъ толкнулся о берегъ, перекинулъ шестъ, и тутъ только въ первый разъ взглянувъ на Рѣшетилова, отвѣтилъ, медленно ворочая выдававшимися изъ подъ кожи углами челюстей:

— Здравствуй, ваша милость.

Затѣмъ онъ молча взялъ лошадь за уздечку и стащилъ ее вмѣстѣ съ телѣжкой на свой ветхій плотъ, изъ-подъ котораго зловѣще хлестнула вода. Паромъ медленно отчалилъ, скрипя и слегка покачиваясь на зеленой, мѣстами совсѣмъ зацвѣвшей водѣ. Плыть было трудно; шестъ глубоко уходилъ въ густую, слизистую тину, и иногда срывался, не доставая твердаго дна; плотъ шелъ бокомъ, описывая безполезные зигзаги. Еще на серединѣ, со старика полилъ потъ.

— Тяжело, старина? спросилъ Рѣшетиловъ, съ состраданіемъ слѣдя за его медленными и трудными усиліями. Тотъ не взглянулъ даже, и налегъ на шестъ.

Чѣмъ ближе къ тому берегу, тѣмъ становилось глубже и чище; тина не вязла къ шесту, но за то теченіе слегка относило паромъ, и онъ шолъ угломъ впередъ. Широкіе, точно подбитые бѣлымъ пухомъ листки болотныхъ растеній медленно плыли по водѣ, и въ нихъ, какъ въ люлькахъ, качались крупные желтые цвѣтки. Рѣшетиловъ нагнулся, чтобы поднять одинъ изъ нихъ, и онъ, весь мокрый и блестящій, точно прыгнулъ ему въ руку.

Наконецъ паромъ тихо толкнулся о берегъ. Рѣшетиловъ долженъ былъ самъ подъ-уздцы вывести лошадь, потому что старикъ, очевидно считая свое дѣло сдѣланнымъ, принялся копотливо закрѣплять плотъ къ вбитой въ песокъ сваѣ, и не обращалъ уже на мироваго посредника ни малѣйшаго вниманія. Рѣшетиловъ подалъ ему мелкую монету; онъ, не глядя, прикусилъ ее губами (зубовъ у него уже не было) и продолжалъ копошиться, сидя на корточкахъ.

Версты за двѣ впереди уже виднѣлось Семиполье. Рѣшетиловъ взобрался въ таратайку, хлопнулъ возжами и поѣхалъ мелкой рысцой по проселку. За избой паромщика, прижавшись къ стѣнѣ и полузакрытая частою изгородью, выглянула дѣвушка. Она, кажется, не привыкла, чтобы Рѣшетиловъ проѣзжалъ мимо: ея глаза пристально слѣдили за нимъ изъ подъ приподнятыхъ въ недоумѣніи бровей, и что-то безпокойно шевелилось въ чертахъ ея загорѣлаго лица, и красивая, сильная рука

крѣпко сжимала занозистый сукъ изгороди, о которую она опиралась. Но Рѣшетиловъ на этотъ разъ даже не оглянулся и, погоняя свою уставшую лошаденку, скрылся за поворотомъ.

Подъѣзжая къ усадьбѣ, онъ еще издали призналъ Тихона Петровича, хлопотавшаго на дворѣ подлѣ небольшой артели мужиковъ, тесавшихъ какія-то бревна. Въ застегнутомъ по горло полукафтаньи, съ теплымъ картузомъ на головѣ, Тихонъ Петровичъ похлопывалъ по своимъ откормленнымъ бокамъ домодѣльнымъ съ зарубками аршинчикомъ и что-то показывалъ, съ видимымъ удовольствіемъ, какъ показываетъ русскій человѣкъ, когда видитъ, что его понимаютъ, и работа спорится въ рукахъ. Заслышавъ стукъ таратайки, онъ прикрылъ ладонью глаза отъ солнца, прищурился и, разглядѣвъ Рѣшетилова, съ мелкимъ розвальцемъ поспѣшилъ къ нему навстрѣчу, подкидывая на головѣ картузъ и немилосердно пыля сапогами.

— Ну, Тихонъ Петровичъ, сколько я вамъ новостей привезъ—нетерпѣливо заговорилъ Рѣшетиловъ, вылѣзая изъ таратайки.—Да такихъ, что и не снилось вамъ. Во первыхъ, разверстаніе кончено: лѣсокъ отходитъ къ крестьянамъ; Вѣра Павловна сама все это обсудила и рѣшила...

Онъ взглянулъ на Тихона Петровича, ожидая насладиться его смущеніемъ. Но лицо прикащика не привыкло отражать внутреннія движенія; напротивъ, плуто-

ватая непроницаемость гуще покрывала черты его, когда разговоръ почему нибудь близко касался сердца Тихона Петровича. Онъ и теперь только потупился и провелъ всей пятерней по бородѣ.

— Что-жь, ихнее добро, ихняя воля—произнесъ онъ, съ какою-то снисходительной ироніей въ голосѣ. — А намъ какъ напишутъ, такъ и сдѣлаемъ.

— Напишутъ... вотъ тутъ-то и есть главная новость: Вѣра Павловна сама сюда ѣдетъ, продолжалъ Рѣшетиловъ, тотчасъ охладѣвая къ смущенію Тихона Петровича и торопясь высказать главное, что его наполняло и тревожило.—Надо все приготовить, поставить на ноги, домъ очистить, собрать прислугу—говорилъ онъ озабоченно, точно это была его прямая и отвѣтственная обязанность.

Тихонъ Петровичъ этой новости нисколько не обрадовался. Онъ былъ немножко самовластенъ, зналъ себѣ цѣну, и привыкъ хозяйничать самостоятельно; притомъ, какъ ни прикидывался онъ, что его дѣло сторона, а распоряженіе помѣщицы на счетъ лѣска было ему крайне непріятно: онъ управлялъ имѣніемъ „отъ сердца“, и сблизился съ его интересами.

— Что-жь мнѣ приготовлять? ворчалъ онъ, идя вслѣдъ за Рѣшетиловымъ въ комнаты: счеты у меня всегда готовы, хозяйство въ исправности, а комнаты убрать не моего ума дѣло; прислали бы дворецкаго.

— Какъ можно дворецкаго? какого дворецкаго? надо

все самимъ сдѣлать — говорилъ все также озабоченно Рѣшетиловъ, взбѣгая на крылечко. — Очистить надо, обмести, мебель разставить, да прислугу собрать, главное-то прислугу.

— Какую жь прислугу? у меня прислуги нѣтъ, возражалъ Тихонъ Петровичъ.—Развѣ бы я сталъ столько лѣтъ даромъ дворню кормить?

— Ахъ, Боже мой! съ безпокойствомъ воскликнулъ Рѣшетиловъ;—какъ же безъ прислуги быть? неужели изъ прежнихъ никого нѣтъ?

— Кому же быть? изъ лакеевъ одинъ Еремка остался, въ огородникахъ у насъ служитъ. Да еще Григорій развѣ—его за старостью лѣтъ Вѣра Павловна приказали при домѣ оставить. Въ конторѣ все время и живетъ, хлѣбъ жуетъ.

— Ну, вотъ видите—какъ же никого нѣтъ? обрадовался Рѣшетиловъ. — Велите позвать, я хоть посмотрю на нихъ.

Григорій, бывшій камердинеръ Никанора Ларіоновича, тотчасъ явился. Онъ взиралъ на свое настоящее положеніе, какъ на временное, и хотя самъ значительно опустился, но не переставалъ мечтать о возрожденіи въ запустѣвшемъ домѣ прежней барской жизни, въ которой, разумѣется, ему предстояло бы занять свое законное мѣсто. Въ глубинѣ души онъ даже едва ли вѣрилъ освобожденію крестьянъ, и всѣ новые порядки считалъ блажью, которой рано или поздно настанетъ конецъ;

поэтому онъ ни за что не хотѣлъ прикоснуться ни къ какой работѣ въ конторѣ, и проводилъ дни то на лежанкѣ, то на завалинкѣ, съ невыразимымъ презрѣніемъ поглядывая на все, происходившее кругомъ. Отъ старости онъ сдѣлался сердитъ, и постоянно ругался съ конторскими, которыхъ считалъ своими естественными врагами съ тѣхъ поръ, какъ центръ жизни перемѣстился изъ барскаго дома въ прикащичій флигелекъ. „Ну, ну, хамы, будетъ вамъ предѣлъ!“ заключалъ онъ обыкновенно свою руготню, подымаясь съ завалинки, чтобы занять болѣе спокойное положеніе на лежанкѣ. Раза два въ годъ онъ непремѣнно допрашивался у Тихона Петровича ключей отъ дома, увѣряя, что ему надо приглядѣть за „партаментомъ“, и растворивъ всѣ ставни и окна, проводилъ тамъ день или два въ занятіяхъ, остававшихся для всѣхъ загадкой. Несмотря на одолѣвшую его лѣность, онъ ни за что не хотѣлъ запустить бороды, и по воскресеньямъ выскребалъ лицо тоненькой бритвой, до того источенной, что она болѣе походила на перочинный ножикъ, чѣмъ на бритву.

Онъ явился съ серьезнымъ до невозможности лицомъ и выслушалъ извѣстіе о пріѣздѣ Вѣры Павловны такъ, какъ будто всегда зналъ не только, что Вѣра Павловна пріѣдетъ, но и что въ немъ первомъ окажется надобность.

— Ну, такъ вотъ видишь ли, Григорій, надо будетъ тебѣ опять при домѣ служить, какъ прежде, объяснялъ Рѣшетиловъ.

— Понимаю-съ, многозначительно отвѣтилъ Григорій.

— Ты вѣдь еще не такъ слабъ, чтобъ не могъ служить, а? продолжалъ Рѣшетиловъ, сомнительно оглядывая его нѣсколько дрожавшую въ колѣняхъ фигуру и дырявый нанковый балахонъ.

Старый камердинеръ усмѣхнулся и даже не счелъ нужнымъ прямо отвѣтить на вопросъ.

— Кто жь безъ меня-то остался? никого и нѣтъ — возразилъ онъ.

— Вѣра Павловна, вѣроятно, возьметъ съ собою человѣка, да еще тутъ Еремка какой-то есть, работа у тебя не тяжелая будетъ, успокоивалъ его Рѣшетиловъ. Григорій опять усмѣхнулся.

— Еремка? переспросилъ онъ съ неизъяснимымъ презрѣніемъ. — Еремка капусту садитъ, какой же онъ лакей?

Онъ въ душѣ никого такъ не уважалъ, какъ Еремку, потому что это былъ старый *крѣпостной* лакей (себя да его онъ только и считалъ до сихъ поръ настоящими крѣпостными), но при людяхъ находилъ нужнымъ выражать къ нему величайшее презрѣніе за то, что онъ нанялся въ огородники, вмѣсто того, чтобы валяться, подобно ему, на лежанкѣ. „Порядился, жалованье беретъ—*вольный*!„ говорилъ онъ о немъ злобно.

— У тебя, я думаю, и платья приличнаго нѣтъ? спросилъ Рѣшетиловъ.

— Настоящаго, какъ слѣдуетъ, платья нѣтъ, сознался

Григорій.—Да у насъ какъ, сударь, будетъ? полюбопытствовалъ онъ, конфиденціально придвинувшись къ Рѣшетилову.—Если, какъ при покойномъ Никанорѣ Ларіоновичѣ, такъ мнѣ полагается фракъ черный, жилетъ одинъ черный, два бѣлыхъ, пальты тоже партикулярныя; потому, какъ я камердинеръ, мнѣ ливрейнаго платья не слѣдуетъ; а прочимъ всѣмъ фраки синіе, жилеты красные, штиблетъ, позументъ кругомъ шеи...

— Ну, братецъ, затѣялъ! прервалъ его Рѣшетиловъ.— Покажи-ка мнѣ лучше комнаты.

— Сейчасъ, сударь, сію минуту — заторопился обрадовавшійся чему-то Григорій, и побѣжалъ за ключами.

За распахнувшейся со скрипомъ дверью открылась длинная анфилада комнатъ. По мѣрѣ того, какъ раскрывали ставни, свѣтъ жадно врывался въ огромные, пустые покои; чувствовался запахъ не то сырости, не то гнили; шаги отпечатывались на бѣловатомъ слоѣ пыли, паутина лѣпилась по угламъ и карнизамъ. Крыса съ шумомъ пробѣжала мимо Рѣшетилова, толкнувшись объ его сапогъ; гдѣ-то что-то пискнуло, скрипнула половица; огромный паукъ, спѣшившій куда-то по пожелтѣлому чехлу, остановился и точно замеръ, пораженный свѣтомъ. Рѣшетиловъ медленно шелъ серединой комнатъ, и едва ли слышалъ, какъ слѣдовавшій за нимъ Григорій объяснялъ все однимъ и тѣмъ же голосомъ назначеніе каждаго „партамента“ и приподымалъ чехлы, приглашая

взглянуть на штофъ и бархатъ, будто бы сохраненные его усердіемъ.

— А кто, сударь, у насъ буфетчикомъ будетъ? спросилъ онъ въ столовой. — Потому, буфетчику, все равно какъ мнѣ, полагается фракъ черный, жилетъ одинъ черный, два бѣлыхъ...

Въ корридорчикѣ передъ кабинетомъ покойнаго Никанора Ларіоновича онъ указалъ на табуретъ: „здѣсь безпремѣнно долженъ казачокъ сидѣть; ему опять особое платье—казакинъ черный, шаровары, на борту цѣпочка бронзовая...“

Рѣшетиловъ приказалъ раскрыть всѣ окна, обмести стѣны и полы, снять чехлы, а дальнѣйшихъ распоряженій ожидать отъ самой Вѣры Павловны. Онъ торопился выйти на свѣжій воздухъ; эти запустѣлыя, нежилыя комнаты, атмосфера пыли и гнили, производили на него гнетущее впечатлѣніе. На крыльцѣ Григорій опять конфиденціально придвинулся къ нему.

— Еремку, сударь, можно взять; ничего, что капусту садитъ, онъ порядокъ помнитъ—посовѣтовалъ онъ.

Рѣшетиловъ посмотрѣлъ и Еремку. Вопреки этому уменьшительному прозвищу, Еремка оказался немногимъ моложе Григорія. Онъ ужь совсѣмъ не походилъ на дворовaго: запустилъ бороду, одѣвался въ рубаху, ходилъ тяжело, взрывая песокъ сапогами на гвоздяхъ. „Годится въ истопники“, опредѣлилъ Рѣшетиловъ.

Онъ вынесъ неопредѣленное чувство изъ этихъ рас-

поряженій: ему хотѣлось бы въ самомъ дѣлѣ приготовить все къ пріѣзду Вѣры Павловны, такъ, чтобы въ этомъ выразились его умѣнье и заботливость, и чтобы Вѣра Павловна дѣйствительно не встрѣтила никакихъ неудобствъ и затрудненій. Но на дѣлѣ все ограничивалось чисткой и провѣтриваніемъ стараго дома, что́ могло быть сдѣлано и безъ него, по одному приказанію Вѣры Павловны, и эти непріютныя комнаты, съ безвкусной позолотой, съ громоздкой симметричностью неуклюжей, неудобной мебели, все-таки очень мало походили на уголокъ, достойный принять Вѣру Павловну. Но что онъ могъ сдѣлать? Еслибъ онъ смѣлъ распорядиться по своему, онъ отдѣлилъ бы въ этомъ обветшаломъ лабиринтѣ нѣсколько наиболѣе уютныхъ комнатъ, наполнилъ бы ихъ воздухомъ, свѣтомъ, замѣнилъ бы неуклюжую меблировку новою, удобною и изящною, нанесъ бы изъ оранжерей цвѣтовъ, зелени, а остальныя комнаты заперъ бы на-глухо; но онъ не смѣлъ. Захваченный страстью, онъ однако трудно и медленно сближался съ Вѣрой Павловной, встрѣчая внутри себя какое-то тайное противодѣйствіе: что-то стояло между ними, неуловимое и упорное—какъ будто не разступалась, а плотнѣе смыкалась передъ нимъ окружавшая Вѣру Павловну атмосфера красоты, блеска, свѣтскости, изящной лжи и условной нравственности...

— Ну, Тихонъ Петровичъ, теперь за дѣло, сказалъ онъ, и посадивъ прикащика съ собой въ тара-

тайку, почти неохотно повезъ его въ волостное правленіе.

XIII.

На половинѣ переѣзда Тихонъ Петровичъ, все время молчавшій и хмурившійся, вдругъ закинулъ одну ногу черезъ бокъ телѣжки, съ очевиднымъ намѣреніемъ соскочить.

— Куда вы? остановилъ его Рѣшетиловъ.

— Да что, Ѳедоръ Петровичъ, чего мнѣ ѣхать? Вѣра Павловна пріѣдутъ, сами все сдѣлаютъ—возразилъ онъ капризно.

— Ну, вотъ, выдумали! стыдилъ его Рѣшетиловъ.— Я сейчасъ съ Ивановымъ покончу, тутъ на горячихъ слѣдахъ и приговоръ состроимъ; лучше разомъ дѣлать.

— Ну, и дѣлайте, ладьте съ миромъ, я тутъ при чемъ? Еще съ сердцовъ совру что-нибудь, вамъ не понравится—заупрямился Тихонъ Петровичъ и, опершись ладонью на передокъ, тяжеловато спрыгнулъ на землю.— Прощенья просимъ! заключилъ онъ, подкинувъ слегка козырекъ, и зашагалъ чрезвычайно быстро къ усадьбѣ.

„Совсѣмъ огорчился мой пріятель“ подумалъ Рѣшетиловъ, подгоняя лошадь; „ну, да теперь мы и безъ него сладимъ“. Ему нетерпѣлось покончить съ Ивановымъ, съ разверстаніемъ, и если можно, въ тотъ же день вернуться въ городъ, увидѣть Вѣру Павловну и поторопить-

ее съ переѣздомъ. По предварительному распоряженію, въ волости его ожидалъ уже Ивановъ, приведенный сосѣднимъ старшиной подъ конвоемъ безоружнаго дневальнаго, отъ котораго наши арестанты хотя и бѣгаютъ, но, по какому-то непонятному закону, не всегда и не всѣ. Подстрекатель выглядѣлъ все также мрачно и какъ-то растерзанно: въ караулкѣ у него распоролся бокъ сюртука, и грязная ситцевая рубаха торчала изъ прорѣхи; брюки, изъ какой-то очень легкой матеріи, значительно оттрепанныя внизу, болтались около опорокъ, точно ихъ поддувало съ полу.

— Ну, куда мнѣ тебя дѣвать? произнесъ больше про себя Рѣшетиловъ, не безъ состраданія оглядывая глуповато-угрюмую и растерзанную фигуру подстрекателя.

— Отпустите, ваше высокоблагородіе, хрипло проговорилъ тотъ.—За-напрасно обижаете.

— Куда жь тебя отпустить?

— Домой бы пошелъ.

— Знаю, какъ бы ты домой пошелъ! тутъ же по сосѣднимъ селамъ сталъ бы шататься, народъ смущать; не мало у меня такихъ какъ ты въ рукахъ перебывало! говорилъ Рѣшетиловъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, никогда этимъ не занимался, отпирался Ивановъ, по обыкновенію собирая въ толстыя складки кожу на лбу и двигая подстриженными подъ гребенку волосами.

— Съ какой цѣлью ты тогда толковалъ въ волостной

избѣ про какія-то восемь лѣтъ, мужиковъ смущалъ? допрашивалъ Рѣшетиловъ.

— За-напрасно изволите такъ понимать, отвѣчалъ какъ будто даже съ достоинствомъ Ивановъ.—Смущать нисколько не желалъ, а вычитывалъ изъ Положенія, потому что оно намъ вѣ-какъ извѣстно — пояснилъ онъ, повторивъ свой любимый жестъ ладонью.

— Да вѣдь кому ты толковалъ, всѣ на лицо, и на слѣдствіи покажутъ, изъ какого ты положенія начитывалъ.

— Это опять что же-съ, если слушать, что мужики скажутъ? мужикъ глупъ, ему этого Положенія никогда не понять; онъ и въ мысляхъ не выдержитъ—оправдывался Ивановъ.

— Ну, однако, слушай: ты понимаешь самъ, что отпустить тебя такимъ образомъ я не могу—началъ убѣдительно Рѣшетиловъ.

— Даже совершенно въ вашей волѣ, возразилъ, мотнувъ головой всторону, Ивановъ. Рѣшетиловъ подвинулся къ нему и взялъ его за пуговицу.

— Слушай, что тебѣ говорятъ, прикрикнулъ онъ.— По настоящему, слѣдуетъ мнѣ тебя отправить тотчасъ къ исправнику, начнется слѣдствіе, будутъ тебя судить, и дѣло кончится въ самомъ благопріятномъ для тебя случаѣ тѣмъ, что отправятъ тебя по этапу на мѣсто приписки....

— За что же-съ, помилуйте, видитъ Богъ, ничѣмъ

не виноватъ! взмолился Ивановъ, какъ-то жалобно заморгавъ и задвигавъ припухшими бровями; и вдругъ, чего Рѣшетиловъ никакъ не ожидалъ, бухнулся съ шумомъ на колѣни и распростеръ руки надъ головой.

— Да слушай же, что я хочу сказать! крикнулъ нетерпѣливо Рѣшетиловъ.—Ты тутъ заварилъ кашу, натолковалъ мужикамъ чортъ знаетъ чего—объясни имъ, что ты все вралъ, сознайся передъ ними, и я тебя отпущу на всѣ четыре стороны.

Ивановъ изъ-подлобья, недовѣрчиво взглянулъ на мироваго посредника.

— Ты вѣдь изъ-за чего вралъ? чтобы тебя поили съ утра до ночи?—ну, и покайся въ томъ мужикамъ, такъ, чтобы они въ самомъ дѣлѣ видѣли, что ты ихъ надувалъ—пояснилъ Рѣшетиловъ.—Понимаешь?

— Понимаю-съ, какъ-то неохотно проговорилъ Ивановъ, кашлянувъ въ руку.

— Ну, говори скорѣй старшинѣ, кого изъ мужиковъ позвать? заключилъ Рѣшетиловъ. — Да смотри, не хитрить — съумѣешь народъ успокоить, сейчасъ тебя выпущу, а не съумѣешь—отправлю къ исправнику. А побьютъ тебя мужики—на себя пеняй.

Изъ смежной комнаты, въ которую Рѣшетиловъ удалился на время сходки, онъ могъ наблюдать за простодушнымъ удивленіемъ крестьянъ, почувствовавшихъ себя въ дуракахъ, и только опасался, чтобы дѣло не кончилось слишкомъ шибкой потасовкой подстрекателю; но

до потасовки даже не дошло—крестьяне очень уже были всѣмъ этимъ пристыжены и сконфужены, и даже ругались какъ-то неохотно, торопясь окончить совершенно новую для нихъ и щекотливую сцену.

— Ну, братцы, самимъ небойсь стыдно, что какому-то пройдохѣ больше повѣрили. чѣмъ мнѣ—укорилъ Рѣшетиловъ, входя въ волостную избу.

Мужики какъ-то неопредѣленно не то выругались, не то повинились. Ивановъ подлѣ двери переминался съ ноги на ногу, въ мучительномъ сомнѣніи—подшутилъ надъ нимъ мировой посредникъ, или нѣтъ?

— Ну, смотри, не попадайся мнѣ на глаза! пригрозилъ ему Рѣшетиловъ. Подстрекатель бѣгомъ пустился черезъ площадь, сверкая на солнцѣ голыми пятками.

— Вишь, шустрый! съ какимъ-то какъ будто сожалѣніемъ выразился ему вслѣдъ кто-то изъ мужиковъ.

Рѣшетиловъ, не теряя времени, приказалъ созвать полный сходъ. Чувствуя себя немного виноватыми въ исторіи съ Ивановымъ, крестьяне на этотъ разъ были какъ-то сговорчивѣе и почему-то даже толковѣе, къ тому же и уступка двухъ десятинъ молодаго, но отлично выдержаннаго лѣса показалась имъ крайне выгодною. Но все-таки, пока Рѣшетиловъ успѣлъ переговорить чуть не съ каждымъ хозяиномъ, пока разлилось и утихло неизбѣжное на каждой сходкѣ галдѣнье, пока всѣ по очереди обругали и наконецъ отпихнули куда-то всторону Антипку Галку, совершенно безтолковаго мужи-

ченка, который на всякой сходкѣ продирался впередъ съ своей трясущейся остренькой бородкой, размахивалъ костлявыми локтями и толковалъ богъ-знаетъ что; пока писарь, непомѣрно вытягивая лѣвое плечо и склоняясь къ нему головой, написалъ приговоръ слегка дрожащею въ присутствіи мироваго посредника рукой, и грамотѣй Аристархъ Корчага подмахнулъ на немъ за неграмотныхъ—пока свершилась вся эта неизбѣжная процедура посреднической сдѣлки—молочно-розовыя тѣни медлительно задвинули даль и теплый, безвѣтреный, пахучій вечеръ упалъ на землю. Рѣшетиловъ поспѣшилъ домой, чрезвычайно довольный результатами дня, и надѣясь еще до ночи поспѣть въ городъ. Но подъѣзжая къ усадьбѣ, онъ долженъ былъ убѣдиться, что въ этотъ вечеръ ему не придется выѣхать: группа бабъ и мужиковъ, расположившихся у него на дворѣ, рессорная бричка и пара телѣгъ, приткнутыя тутъ же къ забору, напомнили ему, что его участокъ не ограничивается Семипольемъ. Пріѣхавшій въ бричкѣ полячекъ-управляющій одного изъ большихъ сосѣднихъ имѣній встрѣтилъ его еще на крыльцѣ, и пока Рѣшетиловъ снималъ пальто, все норовилъ поцѣловать его въ плечо, чему препятствовалъ его маленькій ростъ. Онъ желалъ немедленно овладѣть панамъ-посредникомъ и везти его въ своей рессорной бричкѣ въ имѣніе, въ которомъ крестьяне будто бы открыто грабили усадьбу и лѣсъ, такъ что самъ панъ-становой будто бы ничего не могъ

сдѣлать; но когда Рѣшетиловъ объявилъ на-отрѣзъ, что не поѣдетъ, и что это даже вовсе его не касается, управляющій тотчасъ сократилъ все дѣло до размѣровъ обыкновенной порубки, причемъ опять пытался припасть губами къ плечу мироваго посредника, но по причинѣ маленькаго роста вмѣсто того поцѣловалъ его въ животъ. Кое-какъ успѣлъ Рѣшетиловъ отдѣлаться отъ навязчиваго посѣтителя и, на-скоро напившись чаю, позвалъ ожидавшихъ его пріѣзда крестьянъ и тутъ же приступилъ къ разбору ихъ просьбъ и претензій.

Эти просьбы и претензіи, на этотъ разъ, были точно нарочно какъ-то особенно мелки и несущественны; мужики, приташившіеся за нѣсколько десятковъ верстъ съ искомъ „цѣною въ два двугривенныхъ“, оказались какъ-то особенно безтолковыми и поглощенными дрязгами сосѣдской злобы; разбирательство подвигалось утомительно и вяло, духота въ комнатѣ измучивала нервы. Рѣшетиловъ нѣсколько разъ вставалъ, подходилъ къ раскрытому окну, за которымъ такъ мирно и такъ таинственно покоился въ душистомъ снѣ старинный садъ, облитый бѣлымъ свѣтомъ мѣсяца, и съ тяжелымъ чувствомъ принужденія возвращался къ письменному столу. Въ этотъ вечеръ, едвали не въ первый разъ, привычная работа показалась ему мелкою и утомительною. Ужь не правъ ли Чакольскій, съ своимъ осужденіемъ этому благонамѣренно-ничтожному дѣлу, этому ломовому труду безъ вознагражденія, безъ честолюбивой цѣ-

ли впереди? Но Рѣшетиловъ чувствовалъ, что не скудно-отмѣренная сфера дѣятельности тяготила и утомляла его, а звучали въ душѣ тайныя, мучительно и сладко напряженныя струны, и не форумъ, покрытый колыхающейся массой человѣческихъ головъ, не капитолій, въ цвѣтахъ и гирляндахъ ожидающій тріумфатора, грезились его раздраженному воображенію, а другое, эгоистическое и близкое счастье... Какое-то сомнѣніе, похожее на угрызеніе совѣсти, шевелилось въ немъ, и тайное жало медленно и глубоко накалывало сердце. Неужели это рабочее, дѣльное и полезное существованіе, весь этотъ внутренній міръ, такъ близкій къ величавой простотѣ тихо и могущественно обтекавшей его жизни, все это счастливое сплетеніе тишины, нешироких, невыдуманныхъ стремленій, трезваго труда и серьезныхъ заботъ—неужели все это накоплялось и зрѣло въ немъ только для того, чтобы рухнуть при первомъ натискѣ внезапно и заносчиво ворвавшейся страсти? Рѣшетиловъ вздрогнулъ, повелъ похолодѣвшими плечами, и съ раздраженнымъ, почти озлобленнымъ напряженіемъ накинулся на работу.

Поутру, когда онъ только что на-скоро одѣлся и располагалъ какъ можно поспѣшнѣе собраться къ отъѣзду, кто-то бросилъ изъ сада горсть песку въ стеклянную дверь. Выглянувъ въ окно, Рѣшетиловъ увидѣлъ подъ стѣною довольно неряшливо одѣтую женскую фигуру, кивавшую ему головой и дѣлавшую руками какіе-то

знаки. Не совсѣмъ довольный этимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, онъ сердито толкнулъ ногою дверь и вышелъ въ садъ. Ранняя гостья поджидала его подъ окномъ, облокотившись локтемъ о карнизъ, и какъ-то по-мужски выгнувъ плоскую грудь и отставивъ ногу, обутую въ башмакъ съ стоптаннымъ на-сторону каблукомъ. Это была дѣвушка лѣтъ двадцати-двухъ или трехъ, смуглая, загорѣлая, съ бойкими и какъ будто сердитыми глазами и острыми, выдающимися, въ сущности безхарактерными чертами лица. Давно неглаженное ситцевое платье, до странности узкое въ юпкѣ и снабженное на плечахъ какой-то огромной измятой пелеринкой, рельефно обрисовывало недостатки ея полу-мужскаго сложенія. Она была безъ шляпки и безъ перчатокъ и вертѣла въ рукахъ зонтикъ, неизмѣнно сопутствовавшій ей въ прогулкахъ для защиты отъ коровъ и собакъ.

— Ну, здравствуйте, отрывисто поздоровалась она, тряхнувъ руку Рѣшетилова въ своей короткой со множествомъ заусеницъ рукѣ.—Мнѣ Ѳома сказалъ, что вы дома, я и пришла. Что это вы совсѣмъ точно пропали? я къ вамъ письмо писала—получили вы?

— Получилъ, успокоилъ ее Рѣшетиловъ, невольно улыбнувшись при воспоминаніи о лучѣ, пламенѣющемъ на челѣ m-lle Песчаной, и о прочихъ веселостяхъ ея длиннаго посланія.—Зачѣмъ это вы пишете такія письма? прибавилъ онъ, съ добродушнымъ укоромъ поглядывая сверху на своего нѣсколько страннаго корреспондента.

M-lle Песчаная вспыхнула, если можно такъ назвать буроватую краску, густо покрывшую ей лобъ и щеки.

— *Такія*—что́ вы хотите этимъ сказать? оскорбилась она, забѣгавъ сердитыми глазами. — Послушайте, Ѳедоръ Петровичъ, продолжала она, близко наступая на Рѣшетилова — я давно хотѣла поговорить съ вами на этотъ счетъ откровенно. Не пора ли вамъ наконецъ сбросить эту маску, оставить эти насмѣшки, этотъ обскурантный тонъ? Вы меня этимъ не обманете, потому что я вижу насквозь вашу душу; а между тѣмъ, этотъ тонъ, эти насмѣшки, отравляютъ мое существованіе, заставляютъ меня иногда падать духомъ. Вы не знаете, какъ необходима поддержка въ моихъ стремленіяхъ.

M-lle Песчаная говорила чрезвычайно быстро и порывисто, захлебываясь и размахивая зонтикомъ, за движеніями котораго опасливо наблюдалъ Рѣшетиловъ. И это было не напрасно, потому что при словѣ „стремленія“ правая рука m-lle Песчаной получила такой розмахъ, что зонтикъ упалъ на плечо ея собесѣдника.

— Ахъ, простите, проговорила сконфуженно дѣвушка, но тотчасъ же продолжала: — вы забываете, что насъ тутъ только двое, и мы должны итти вмѣстѣ, рука объ руку...

— Такъ пойдемте, согласился Рѣшетиловъ, подставляя ей локоть. – Только не далеко, потому что мнѣ надо сейчасъ ѣхать въ городъ.

M-lle Песчаная опять оскорбленно вспыхнула, одна-

кожь съ видимымъ удовольствіемъ приняла предложенную ей руку, и оба сдѣлали нѣсколько шаговъ по аллеѣ.

— Ну, какъ поживаютъ ваши? что у васъ дѣлается на хуторахъ? спросилъ Рѣшетиловъ.

— Это вашъ отвѣтъ на мои слова? обиженно упрекнула дѣвушка.—Ахъ, Ѳедоръ Петровичъ, повѣрите ли, я начинаю теряться въ догадкахъ на вашъ счетъ. Все, что̀ я думаю, что́ я знаю о васъ—въ такомъ противорѣчіи съ вашими словами...

— Право? спросилъ, не зная что сказать, Рѣшетиловъ.

— Иногда я готова думать, что ошибаюсь въ васъ, и вы въ сущности лишены гражданскаго чувства... продолжала увлеченная своей идеей m-lle Песчаная.—Вы мыслите довольно благородно...

— Покорнѣйше благодарю, перебилъ Рѣшетиловъ.

— Но какой-то несчастный фальшивый нервъ замѣшался въ вашу организацію, и противодѣйствуетъ вашимъ лучшимъ стремленіямъ.

— Что̀ вы говорите! воскликнулъ уже совсѣмъ весело Рѣшетиловъ. Но увлеченная дѣвушка не замѣчала производимаго ею впечатлѣнія.

— Я думаю, продолжала она, это оттого, что вы все-таки помѣщикъ, и воспитались при крѣпостномъ правѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это очень можетъ быть, согласился Рѣшетиловъ.

— Отъ этого, кромѣ фальшивой жилки, проявляющейся постоянно въ вашей натурѣ, у васъ вѣчно недостаетъ инициативы. Для васъ было бы въ высшей степени благотворно сближеніе съ какой нибудь энергической личностью, которая дала бы могучій толчекъ вашему развитію.

„Это ужь немножко и дерзостью отзывается“, подумалъ Рѣшетиловъ, но такъ какъ у него вошло въ привычку не обижаться выходками его деревенской знакомой, то онъ только подсказалъ ей все съ той же веселостью:

— И зажгла бы во мнѣ тотъ лучъ, который жжетъ ваше чело?

M-lle Песчаная съ досадой выдернула руку: письмо къ Рѣшетилову было продуктомъ упорнаго литературнаго труда, надъ которымъ бѣдная дѣвушка просидѣла много часовъ, и насмѣшка надъ этимъ произведеніемъ была слишкомъ для нея чувствительна. Но Рѣшетиловъ воспользовался ея движеніемъ только для того, чтобы повернуть къ дому.

— Ну, что мой крестникъ? успѣваетъ ли онъ сколько нибудь? опять перемѣнилъ онъ разговоръ.

— Братъ... но вы вѣдь знаете, какъ трудно съ нимъ возиться—неохотно отвѣтила m-lle Песчаная. Она очень не любила, когда Рѣшетиловъ освѣдомлялся объ успѣхахъ ея брата, потому что находила занятія съ нимъ крайне для себя обременительными, и предпочитала совсѣмъ другое препровожденіе времени.

M-lle Песчаная была очень странная дѣвушка. Лѣтъ двѣнадцать назадъ Рѣшетиловъ, въ то время только что готовившійся перемѣнить гимназическій сюртукъ на студентскій, проѣзжая разъ въ шарабанчикѣ по Хуторкамъ (такъ называлось помѣщичье гнѣздо верстахъ въ пяти отъ его усадьбы, съ незапамятныхъ временъ раздѣленное между нѣсколькими мелкопомѣстными владѣльцами и однодворцами), увидѣлъ у себя надъ головою черноглазую дѣвочку, сидѣвшую на деревѣ и съ неимовѣрной быстротой уплетавшую недозрѣлыя яблоки. Рѣшетиловъ придержалъ лошадь, не безъ удивленія слѣдя за проворными движеніями дѣвочки, а та, прикусивъ яблоко, еще съ бо́льшимъ любопытствомъ уставилась бойкими глазенками на шарабанъ, появленіе котораго въ Хуторкахъ могло считаться величайшею рѣдкостью, и на его счастливаго владѣльца.

„Хотите?“ вдругъ спросила она и, не дожидаясь отвѣта, швырнула прямо на колѣни Рѣшетилову огромное красное яблоко. — „А возьмете меня покататься?“ прибавила она тутъ же и, съ ловкостью обезьяны, въ одинъ мигъ спустилась съ дерева.

Рѣшетиловъ посторонился, дѣвочка прыгнула въ шарабанъ, и оба покатили по мягкому проселку. Черезъ нѣсколько минутъ новая знакомая уже держала возжи, пощелкивала бичемъ и, къ величайшему изумленію Рѣшетилова, посвистывала на лошадь съ такимъ искусствомъ, которому позавидовалъ бы самъ Евстигнѣй. —

„Вы изъ простыхъ, или благородная?“ спросилъ съ гимназическою безцеремонностью Рѣшетиловъ. — „Благородная“, отвѣтила также просто дѣвочка; „это, гдѣ я рвала яблоки, нашъ хуторъ“. Обогнувъ порядочный кругъ около поселковъ, молодая чета подъѣхала къ приземистому домику, потонувшему въ кудрявой зелени вербъ, акцій, яблонь, въ красныхъ кистяхъ рябины, и своей чисто-хуторянской наружностью просившемуся на картину. „Вотъ и нашъ домъ, объяснила дѣвочка; а вотъ — продолжла она, указавъ на вышедшаго въ это время на крыльцо пожилаго человѣка въ нанковомъ балахонѣ — мой отецъ“. Пожилой человѣкъ подошелъ нѣсколько дрожащей походкой къ шарабану, раскланялся съ церемонною любезностью и настойчиво зазвалъ Рѣшетилова въ комнаты, гдѣ угостилъ его яблоками съ медомъ и какимъ-то темнымъ сладковатымъ кваскомъ, который онъ почему-то называлъ французскимъ. Рѣшетиловъ замѣтилъ, что бѣлье на его новомъ знакомомъ было очень грязно, и отъ него самого пахло водкой; подвернувшаяся тутъ же пожилая женщина, оказавшаяся сестрою хозяина и почти насильно поцѣловавшая гостя въ самыя губы, поразила его тоже какимъ-то непріятнымъ кухоннымъ запахомъ, которымъ было пропитано не только ея платье, но даже лицо и волосы, выпадавшіе космами изъ подъ грязнаго бумажнаго платка. Все это очень не понравилось Рѣшетилову, и онъ вѣроятно забылъ бы тогда же и этотъ старенькій домикъ,

и его неряшливыхъ обитателей, еслибы близкое деревенское сосѣдство не дѣлало новыя встрѣчи неизбѣжными. Пріѣзжая домой на каникулы, и потомъ поселившись совсѣмъ въ деревнѣ, онъ въ своихъ прогулкахъ часто сталкивался съ черноглазой хуторянкой, на его глазахъ изъ дѣвочки выросшей въ дѣвушку и, увы, съ лѣтами нисколько не выигравшей въ наружности; иногда онъ встрѣчалъ и ея отца, котораго научился узнавать издали по изношенному до невозможности балахону и трясущейся походкѣ, пріобрѣтаемой долгой привычкой къ хмѣлю. Дѣвушка постоянно жаловалась на свою семейную жизнь, на безлюдье, на недостатокъ книгъ, на невозможность учиться; Рѣшетилову было жалко ее, и онъ радъ былъ помочь ей въ ея положеніи. Онъ сталъ снабжать ее книгами, хотѣлъ поддержать въ ней стремленіе выбиться изъ окружавшей ее полуживотной жизни— и съ удивленіемъ замѣтилъ, что его слово падало не на ребяческій дѣвственный умъ, что развитію дѣвушки уже данъ былъ кѣмъ-то сильный толчокъ, и что это развитіе шло по очень опредѣленному направленію. Изъ любопытства, онъ сталъ всматриваться, допытываться,— и открылъ въ этой невидѣвшей свѣта и людей хуторянкѣ систематизированный міръ понятій, симпатій и антипатій, очевидно привитыхъ какимъ-нибудь постороннимъ вліяніемъ. Скоро открытъ былъ и виновникъ этого перерожденія — сынъ сосѣда однодворца, учившійся въ одномъ казенномъ заведеніи и пріѣзжавшій на каникулы домой.

Сдѣлавъ это неожиданное открытіе, Рѣшетиловъ отстранился и даже пересталъ наблюдать за своей знакомой; но m-lle Песчаная, какъ всѣ новообращенные, обнаружила ненасытную страсть къ пропагандѣ. Рѣшетиловъ, съ его умомъ, образованіемъ, привычкой къ труду, вліяніемъ между крестьянами, показался ей превосходнымъ матеріаломъ; увѣренная, что ему недостаетъ только толчка, чтобы сдѣлаться совсѣмъ „новымъ человѣкомъ“, она напрягала къ этой цѣли всѣ свои силы. Это было тѣмъ скучнѣе, что m-lle Песчаной, при всей готовности къ систематическому воспринятію привитыхъ ей ученій, недоставало обыкновеннаго ума. Рѣшетиловъ морщился, прятался, прорывался иногда насмѣшкою, иногда и просто дерзостью, но не рѣшался совсѣмъ разорвать съ хуторянами, потому что попеченіямъ m-lle Песчаной былъ порученъ братъ, его крестникъ, очень бойкій и острый мальчикъ. Рѣшетиловъ все надѣялся, что его развитая знакомая, такъ много работавшая надъ самообразованіемъ и мечтавшая о поступленіи въ гувернантки, поможетъ своему младшему брату хоть приготовиться въ гимназію; но m-lle Песчаная скучала за указкой, какъ и за всякимъ обыкновеннымъ, практическимъ трудомъ, и проводила дни или запершись въ своей спальной, гдѣ на столикѣ, между оборванными книжками журналовъ, хранилась толстая тетрадь ея дневника, или въ продолжительныхъ прогулкахъ по полямъ и лѣсамъ, куда ее влекло. какъ она сама выра-

жалась, ея „озлобленное чувство“. Вотъ почему она и на этотъ разъ такъ неохотно отвѣчала на вопросъ Рѣшетилова объ успѣхахъ брата, и чтобъ перемѣнить разговоръ, возвратилась опять къ недостатку иниціативы и необходимости толчка для развитія. Но Рѣшетилову уже серьезно надоѣло это нескончаемое злоупотребленіе словами и понятіями, это непрошенное заглядываніе въ чужую душу, и онъ довольно безцеремонно прервалъ свою гостью.

— Вы вотъ все заботитесь о моемъ развитіи — отповѣдалъ онъ, ускоряя шагъ, такъ что m-lle Песчаная въ своей узенькой юпкѣ съ трудомъ поспѣвала за нимъ. — Но мнѣ развиваться поздно, не говоря уже о томъ, что самыя наши понятія о развитіи слишкомъ далеко расходятся. А вотъ, у васъ есть братъ, которому, чтобы сдѣлаться человѣкомъ, надо кое-чему подъучиться, на первый разъ хоть грамотѣ да табличкѣ умноженія, чтобы поступить въ гимназію; отецъ не имѣетъ средствъ нанять ему учителя, и кромѣ васъ некому пособить ему сдѣлать этотъ начальный шагъ въ жизни, отъ котораго зависитъ вся его участь. Вы такъ гордитесь своимъ самовоспитаніемъ — приложите же его хоть разъ къ дѣлу; иначе повѣрьте, и гордиться вамъ нечѣмъ. А теперь позвольте съ вами проститься—я ѣду въ городъ и мнѣ пора.

Онъ взбѣжалъ на крылечко, а m-lle Песчаная, оставшись одна, съ улыбкой презрѣнія пожала плечами и

пошла черезъ садъ въ поле, помахивая зонтикомъ и потрясая своей огромной пелеринкой.

XIV.

Въ городѣ Рѣшетиловъ прежде всего заѣхалъ на минуту на квартиру, чтобъ переодѣться, и оттуда отправился къ Вѣрѣ Павловнѣ.

Онъ засталъ ее въ будуарѣ, неодѣтою, посреди раскрытыхъ чемодановъ, выдвинутыхъ ящиковъ, набросанной на полу и на столахъ груды вещей. Зачесанные гладко назадъ волосы совершенно измѣняли ея лицо, придавая ему дѣтски наивное выраженіе; Рѣшетиловъ только теперь могъ замѣтить красоту ея открытаго лба, нѣжно оттѣненнаго на вискахъ чуть видными голубыми жилками. Простой полотняный воротничекъ обхватывалъ ей шею, и складки пеньюара падали вокругъ таліи съ тѣмъ неуловимымъ изяществомъ, котораго при всѣхъ усиліяхъ никогда не могутъ достигнуть некрасивыя женщины. Она сидѣла на низенькой скамеечкѣ и разбирала на колѣняхъ какія-то мелкія принадлежности туалета, которыя суетившаяся подлѣ горничная бережно укладывала въ картонъ.

— Здравствуйте... quoique je suis invisible pour tout le monde: je deménage, je ne fais pas de toilette; но васъ я велѣла принять, quand même.

Она, не вставая, чтобъ не уронить съ колѣнъ груду

мелочей, протянула Рѣшетилову руку и улыбнулась, не сводя въ то же время глазъ съ осыпанной росою золотой вѣтки, которую разсматривала въ ту минуту.

— Mais prenez place, monsieur, продолжала она весело, все съ той же улыбкой, трепетавшей у нея въ глазахъ и на уголкахъ губъ; она была въ очень хорошемъ расположеніи духа, или занятіе, за которымъ застала ее Рѣшетиловъ, доставляло ей очень большое удовольствіе.

Рѣшетиловъ передалъ ей о своихъ распоряженіяхъ въ Семипольи и поздравилъ съ разверстаніемъ.

— Ахъ, mercі, mercі, Ѳедоръ Петровичъ, поблагодарила Вѣра Павловна, поднявъ на него свои чудесные глаза.—Я вамъ такъ признательна, такъ признательна за всѣ эти хлопоты; я и представить не могу, что̀ бы я дѣлала безъ васъ.

Она подняла надъ головой золотой уборъ, сверкнувъ бѣлизной обнаженной руки, и обратилась къ горничной:

— Это непремѣнно надо взять съ собой: можетъ быть, придется быть на какомъ нибудь bal champêtre...

— Ужь это безпремѣнно будетъ гдѣ нибудь балъ, подхватила образованная горничная съ такою радостью, какъ будто ей самой предстояло веселиться на этомъ балѣ.

— Ну, mon très chér ami, разскажите, что вы нашли въ Семипольи? обратилась Вѣра Павловна къ Рѣшети-

лову, красиво уронивъ обнаженныя руки на колѣни.— Домъ долженъ быть очень старъ, я думаю?

Рѣшетиловъ разслышалъ этотъ вопросъ сквозь какой-то пахучій туманъ, замкнувшійся вокругъ него, какъ только онъ вошелъ въ комнату. Этотъ особый міръ, обаятельный и опасный—міръ будуара, дорогихъ тряпокъ, женщины, которая является здѣсь вооруженною могуществомъ своихъ слабостей—вѣялъ на него властительною и немножко одуряющею прелестью. Онъ видѣлъ чистый и строгій профиль, слегка отклоненный назадъ тяжелою массою волосъ, надменно-изящныя линіи губъ, мягкій изгибъ полуоткрытой шеи; онъ чувствовалъ неуловимый, раздражающій, пахучій запахъ, наполнявшій комнату и кажется присущій каждому предмету; новыя, безпокойныя, проникнутыя отравой ощущенія накоплялись въ немъ и съ сладкою болью протекали по жиламъ.

Вопросъ Вѣры Павловны заставилъ его опомниться. Онъ разсказалъ, въ какомъ видѣ нашелъ домъ, описалъ комнаты, мебель, упомянулъ даже о Григоріѣ и Еремкѣ. Вѣра Павловна нѣсколько разъ смѣялась его разсказу, красиво наклоняясь головой и отмахивая широкіе рукава блузы, мѣшавшіе ей убирать вещи.

— Этотъ будуаръ я думаю взять съ собою: il faut avoir un petit coin à soi— сказала она, обводя вокругъ себя глазами. — А пріемныя комнаты пусть останутся, какъ были— эти старинныя meubles имѣютъ свою пре-

лесть.—Какъ вы думаете, это не попортится въ дорогѣ? прибавила она, указывая на хрупкую рѣзную мёблировку будуара.

— Можно уложить хорошенько, сказалъ Рѣшетиловъ.

— Vous croyez? У меня Николай отлично понимаетъ это, я ужь ему поручу.

Она продолжала перебирать одной рукой лежавшія на колѣняхъ вещицы, и кажется больше любовалась ими, чѣмъ сортировала для упаковки.

— Вы не въ претензіи, что я занимаюсь въ вашемъ присутствіи этими пустяками? обратилась она съ улыбкой къ Рѣшетилову.—Надо сознаться, nous prêtons beaucoup trop d'attention à toutes ces nullités.

Рѣшетиловъ даже не нашелся, что отвѣтить — ему казалось, что безъ этихъ дорогихъ и изящныхъ nullités нельзя и представить себѣ ни Вѣры Павловны, ни этого будуара, ни самаго воздуха, которымъ онъ дышалъ — ни всего, что онъ такъ любилъ въ ту минуту. Нѣжный, точно на стеклѣ нарисованный профиль, мягкія волны волосъ, бѣленькій воротничекъ вокругъ шеи, сверкающая красота обнаженныхъ рукъ, опять промелькнули у него въ глазахъ, сквозь прозрачный туманъ, застилавшій все окружающее...

— Ахъ, вдругъ вспомнилъ онъ, съ мысленнымъ упрекомъ самому себѣ—я и забылъ, что нарочно взялъ съ собою приговоръ общества, чтобы вы подписали; это непремѣнно надо подписать.

И онъ озабоченно вытащилъ изъ кармана сложенный и значительно захватанный писарскими руками листъ. Вѣра Павловна осторожно взяла его кончиками пальцевъ и положила подлѣ себя на полъ.

— Еще разъ mercі, Ѳедоръ Петровичъ; я непремѣнно подпишу. — Мнѣ помнится, продолжала она, опять взмахнувъ на Рѣшетилова своими чудесными глазами,— въ старомъ домѣ были большія зеркала, во весь простѣнокъ?

Рѣшетиловъ подтвердилъ, что зеркала сохранились.

— Я ужасно люблю эти glaces-monstres, въ которыхъ видишь себя съ головы до ногъ. — Ecoutez, это должно быть ужасно скучно, что я вожусь съ этими тряпками; mais je viens de finir.

Она передала горничной послѣднюю вещицу и, улыбаясь съ видомъ усталости, протянула Рѣшетилову обѣ руки, чтобъ онъ помогъ ей встать со скамеечки.

— А теперь, causons; vous me voyez débarrassée, сказала она, опускаясь подлѣ него на низенькій диванчикъ.—Ну, когда же мнѣ переѣзжать? я думаю послѣзавтра; ужасно не люблю долгихъ сборовъ. Далеко ваша деревня отъ Семиполья? сколько верстъ?

И она продолжала бросать вопросами, предположеніями, искрами веселаго и немножко насмѣшливаго ума, увлекая Рѣшетилова въ эту пеструю и стремительную causerie; потомъ потребовала кофе сюда же, среди царствовавшаго въ комнатѣ безпорядка, и прикусывая су-

харики ровными бѣлыми зубками, не переставала болтать съ Рѣшетиловымъ и отдавать приказанія горничной, продолжавшей укладывать картонки. Рѣшетиловъ опомнился, когда прошло уже два часа со времени его прихода; а ему въ тотъ же день надо было ѣхать домой, и до отъѣзда предстояло еще много дѣлъ и хлопотъ въ городѣ. Онъ почти со злобой взглянулъ на горничную, шумѣвшую своимъ накрахмаленнымъ платьемъ и отнимавшую у его визита половину наслажденія. — Неужели такъ и не придется пробыть хотя нѣсколько минутъ наединѣ съ Вѣрой Павловной, и даже простятся они въ этомъ несносномъ присутствіи третьяго лица?

Вѣра Павловна удивилась и даже опечалилась, услышавъ о его скоромъ отъѣздѣ. Она вышла вмѣстѣ съ нимъ въ гостиную и притворила за собою дверь.

— Значитъ, мы цѣлыхъ два дня не увидимся? сказала она тихо, своимъ ласкающимъ и какъ будто вкрадчивымъ контральто.

— Да, односложно отвѣтилъ Рѣшетиловъ, и почувствовалъ, какъ что-то вдругъ подступило ему къ горлу, какъ будто онъ готовъ былъ разрыдаться. Безумная, беззавѣтная страсть вертѣла и крутила имъ въ ту минуту, какъ песчинкой.

— Мнѣ будетъ грустно эти два дня, продолжала также негромко Вѣра Павловна, идя съ нимъ рядомъ.

— Отчего? произнесъ вполголоса Рѣшетиловъ, съ какимъ-то скупымъ чувствомъ замедляя шаги.—Боже, какъ я глупъ", подумалъ онъ тутъ же съ злобнымъ укоромъ; „какой нелѣпый, дурацкій вопросъ! неужели я каждый разъ буду начинать сначала, и вѣчно стоять только на порогѣ своего счастья?" Онъ трусливо заглянулъ въ лицо Вѣрѣ Павловнѣ и съ ужасомъ увидѣлъ сдержанную, лукавую улыбку, чуть замѣтно змѣившуюся по уголкамъ ея губъ. „Клянусь, у нея сію минуту была та же самая мысль", внутренно, съ глубокимъ отчаяніемъ воскликнулъ онъ.

Вѣра Павловна, какъ будто подтверждая это предположеніе, пропустила несчастный вопросъ безъ отвѣта. Имъ оставалось еще три шага по комнатѣ—они какъ-то нечаянно сдѣлали изъ нихъ пять.

— Ну, до свиданья, только сказала Вѣра Павловна.

И незаконные пять шаговъ были пройдены.—До свиданія, отозвался Рѣшетиловъ. Онъ замѣтилъ, что держитъ ея руку въ своей, и нерѣшительно поднесъ ее къ губамъ; Вѣра Павловна не отнимала ее. Дверь въ переднюю была полуотворена; лакей задумчиво кивалъ головой въ темномъ углу и не замѣчалъ ихъ. Вѣра Павловна посторонилась къ стѣнѣ, полузакрывшись половинкой дверей, и поманила рукой Рѣшетилова. Онъ въ недоумѣніи подвинулся къ ней.

— Ну, до свиданья же, произнесла она такъ тихо, что онъ только по движенію губъ понялъ ее, и въ то же мгнове-

ніе эти губы, еще полураскрытыя, приблизились къ нему, что-то обожгло ему край щеки—и онъ остался одинъ.

Часамъ къ пяти онъ окончилъ нужнѣйшія дѣла въ городѣ и зашелъ въ ресторанъ пообѣдать. Въ маленькой залѣ, украшенной пыльными портьерами и букетомъ восковыхъ цвѣтовъ на подзеркальникѣ, онъ къ величайшему удивленію нашелъ Михайла Ильича Рыбоѣдова, обѣдавшаго за отдѣльнымъ столикомъ съ какимъ-то очень прилично одѣтымъ и благообразной наружности господиномъ.

— На холостомъ положеніи, да-съ! съ пріятной улыбкой объяснилъ про себя Рыбоѣдовъ, по обыкновенію долго не выпуская руки Рѣшетилова изъ своихъ теплыхъ ладоней.—Семейство отправилъ въ деревню, а самъ состою на походномъ положеніи и, какъ изволите видѣть, принужденъ посѣщать рестораны. — Болванъ, стоишь розиня ротъ — стулъ подай! прикрикнулъ онъ вдругъ на грязноватаго лакея.

Рѣшетиловъ присѣлъ къ столу и спросилъ себѣ обѣдъ.

— Вы не знакомы? вдругъ вопросилъ Михайло Ильичъ, обращаясь какъ-то вмѣстѣ къ благообразному господину и къ Рѣшетилову, и съ такимъ удивленіемъ, какъ будто его до крайности поражало, что такіе почтенные и прекрасные во всѣхъ отношеніяхъ люди могутъ быть незнакомы между собою. — Никандръ Алексѣичъ Сострицкій, нашъ достойнѣйшій мировой судья,

и Ѳедоръ Петровичъ Рѣшетиловъ, уважаемый мировой посредникъ нашего уѣзда.

Отрекомендованные съ такой отличной стороны молодые люди церемонно поклонились другъ другу и поспѣшили перенести свое вниманіе на тарелки.

— Вы въ Петербургъ ѣдете? обратился Рѣшетиловъ къ Рыбоѣдову.

— Въ Петербургъ, въ Петербургъ! подтвердилъ съ пріятнѣйшей улыбкой Михайло Ильичъ, и даже слегка зажмурился — такъ много эта поѣздка обѣщала ему удовольствія; но тотчасъ же напустилъ на себя дѣловой и озабоченный тонъ, и продолжалъ съ размѣренною плавностью застольнаго оратора:

— Удостоенный лестнаго довѣрія земства, я не скрываю отъ себя отвѣтственности порученія, которымъ угодно было почтить меня сословіямъ... можно сказать, тремъ сословіямъ нашей губерніи. Еще не приступивъ къ исполненію и находясь еще, если позволите такъ выразиться, въ пристани, изъ которой... (ему хотѣлось сказать: „изъ которой выплыветъ по волнамъ утлый челнъ нашего предпріятія“, но онъ справедливо разсудилъ, что такое выраженіе покажется черезчуръ изысканнымъ, и потому поправился): я хочу сказать, что находясь еще здѣсь на мѣстѣ, и только приготовляясь къ предстоящей мнѣ поѣздкѣ, я однако успѣлъ уже сдѣлать кое-что для успѣха нашего ходатайства, благодаря искреннему, можно сказать, расположенію ко мнѣ лицъ,

по своему вліянію чрезвычайно полезныхъ въ подобномъ дѣлѣ.

Мировой судья слушалъ застольную рѣчь Михайла Ильича, потупившись въ тарелку и видимо конфузясь за оратора. При послѣднихъ словахъ онъ отодвинулъ отъ себя приборъ, раскурилъ сигару и, повернувшись къ Рѣшетилову, бѣгло и наблюдательно оглядѣлъ его съ головы до ногъ.

— Мы съ вами посвятили себя служенію одной и той же идеѣ... обратился онъ къ нему, какъ-то поощрительно, сверху внизъ скользя по немъ взглядомъ и играя благоприличной, умѣренной улыбкой очень хорошо воспитаннаго человѣка, желающаго завязать пріятный и современный разговоръ.

Рѣшетиловъ также быстро взглянулъ на него и тотчасъ перенесъ глаза на тарелку.

— Я никакой идеѣ не служу, отвѣтилъ онъ.

— То-есть какъ же это! спросилъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ мировой судья, но изъ предосторожности удержавъ на лицѣ предупредительное и ласкающее выраженіе.

— Я служу дѣлу мироваго посредника и землевладѣльца, объяснилъ Рѣшетиловъ, ударяя на словѣ „дѣло“.

— Да... но это дѣло, также какъ и дѣло мироваго судьи, предполагаетъ въ себѣ извѣстную идею... я хочу сказать, идею правды...

— Для правды, сколько мнѣ извѣстно, не существу-

етъ нарочитыхъ должностей—возражалъ Рѣшетиловъ.

Михайло Ильичъ сдѣлалъ какое-то глупое лицо, стараясь выразить на немъ удовольствіе, доставляемое ему разговоромъ такихъ умныхъ и земскихъ людей. Мировой судья пыхнулъ изъ своей очень хорошей сигары и пожевалъ губами; ласкающее выраженіе совсѣмъ сбѣжало съ его лица, и линіи рта приняли какой-то упорный и безстрастный изгибъ.

— Понятія о правѣ такъ эластичны, что ихъ слѣдуетъ принимать съ величайшею осторожностью—продолжалъ онъ, начавъ почему-то цѣдить сквозь зубы. — Стихійной правды нѣтъ, какъ нѣтъ стихійной ариѳметики; существуютъ только законъ и принципы. Мужикъ, тузящій свою жену полѣномъ, считаетъ себя вправѣ это дѣлать, на томъ основаніи, что онъ мужъ; капиталистъ считаетъ себя вправѣ эксплуатировать работника, потому что послѣдній въ немъ нуждается...

— Примѣры юридически не совсѣмъ однородные, замѣтилъ Рѣшетиловъ. Но мировой судья, кажется, не понялъ его, и полуотвернувшись отъ него плечомъ, принялся отряхать пепелъ съ сигары съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „милостивый государь, вы меня больше не интересуете“.

Михайло Ильичъ, прощаясь, вздумалъ почему-то поцѣловаться съ Рѣшетиловымъ, и проговорилъ: „такъ то-съ, покатимъ, покатимъ, а потомъ и васъ катать бу-

демъ; знаете, какъ это говорится: любишь саночки возить“...

Богъ его знаетъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать.

А Рѣшетиловъ, идя домой, чувствовалъ въ головѣ что-то похожее на угаръ: нєпріятная трескотня стояла у него въ ушахъ отъ слышаннаго въ этотъ день. „Топорщатся, лезутъ на ходули, спѣшатъ, цѣпляются за первую навѣянную вѣтромъ идею — раздражительно думалъ онъ—а въ сущности неспособны къ самому обыкновенному дѣлу, и до мозга костей проѣдены все тѣмъ же застарѣлымъ недугомъ — фразой. И всѣ словно топчутся на распутьи, по колѣни въ грязи, и сами знаютъ, что никуда этимъ способомъ не выйдутъ, а выбрать дороги не умѣютъ“.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ той полосѣ Россіи, къ которой относится дѣйствіе нашего разказа, лѣто быстро смѣняетъ весну. Насыщенный жаркими лучами воздухъ поглощаетъ влажную свѣжесть полей и лѣсовъ и неподвижно и знойно замираетъ надъ ними. Рожь, еще не достигшая половины роста, начинаетъ золотиться; въ высохшихъ прогалинахъ отцвѣтаютъ незабудки; пыль, взрытая по дорогѣ проскрипѣвшей телѣгой, прозрачнымъ облакомъ тянется за колесомъ и медленно-медленно осѣдаетъ; васильки густо спнѣютъ по окраинамъ пашни; синѣетъ глубокое, безмолвное небо, и между нимъ и землей, вблизи и вдали, все залито золотымъ блескомъ полдня. Даже въ лѣсу этотъ горячій блескъ обтекаетъ потрескавшіеся стволы деревъ и трепещетъ въ неподвижной листвѣ и колеблющихся ниткахъ травы. Мошки густыми роями носятся въ прозрачной тѣни; оса быстро и рѣзко разсѣкаетъ воздухъ, со свистомъ пролетая мимо; пчела жужжитъ гдѣ-то надъ самымъ ухомъ; затерявшаяся бабочка бьется крыльями, отыскивая выходъ изъ обступившей ее со всѣхъ сторонъ чащи; паукъ тянется по серебристой ниткѣ, починяя свое тонкое кружево, про-

рванное качнувшейся вѣткой; жизнь, разбуженная зноемъ и блескомъ, торопится, наслаждается и млѣетъ.

А что же Рѣшетиловъ, Вѣра Павловна?

И у нихъ тоже лѣто, жизнь, горячій блескъ и истома полдня. Они видятся каждый день, и еслибъ имъ сказали, что эти дни похожи одинъ на другой, что сегодня—то же, что вчера, и завтра то же, что сегодня—они удивились бы и засмѣялись. Развѣ вчера они сидѣли на этой полусгнившей скамейкѣ въ саду, гдѣ они сидятъ теперь, заслоненные темною зеленью орѣшника, тѣсно придвинувшись другъ къ другу и болтая тотъ исполненный непередаваемаго счастья вздоръ, который имъ вовсе не кажется вздоромъ? Развѣ сегодня прошумитъ надъ ними крупный, теплый дождь, на который Вѣра Павловна подставила вчера разгоряченное лицо и тащила за собой Рѣшетилова, а онъ упирался, и она, отломавъ отяжелѣвшую отъ капель вѣтку акаціи, брызнула ею ему въ лицо, и цѣлыхъ полчаса потомъ перекатывался по саду ихъ звонкій, блаженно-глупый и безпричинный смѣхъ? Развѣ завтра повторится памятная прогулка въ лѣсу, когда они, поддавшись искушенію отдохнуть на травѣ, оба нечаянно заснули, и проснувшись долго не могли понять, гдѣ они, и еще дольше потомъ заливались опять тѣмъ же блаженно-глупымъ смѣхомъ, и не хотѣли оставить этого закрытаго отъ цѣлаго міра уголка? Вечеромъ они опять долго будутъ сидѣть у растворенаго окна, слѣдя за измѣнчивымъ

свѣтомъ луны, выше и выше всплывающей надъ садомъ—но развѣ и на этотъ разъ ихъ рѣчь зайдетъ о тѣхъ же смутно-волнующихъ, безпокойныхъ загадкахъ жизни, о которыхъ Вѣрѣ Павловнѣ такъ ново и такъ тревожно-весело было слушать Рѣшетилова?

Они видѣлись каждый день, и однакожь Рѣшетиловъ не могъ сказать, чтобы въ этой праздничной перспективѣ счастья, страсти, неуловимыхъ оттѣнковъ разнѣженнаго чувства, все было для него ясно и ограничено. Вѣра Павловна сама казалась ему иногда загадкою. Онъ усиливался проникнуть сквозь прозрачный, сверкающій лакъ, наложенный на нее привычками свѣта, и чувствовалъ тщетность своихъ усилій. Чтобъ наблюдать, онъ не умѣлъ отодвинуться отъ нея на разстояніе, на которомъ перестало бы дѣйствовать обаяніе красоты, женственности, блеска и роскоши чувства. Онъ попробовалъ отмѣчать свои впечатлѣнія на бумагѣ, надѣясь овладѣть противорѣчіями, неуловимыми оттѣнками, всею загадочностью, передъ которой онъ становился втупикъ.

Нѣкоторыя выдержки изъ этихъ замѣтокъ могутъ пояснить нашъ разсказъ.

„... Есть слова (записывалъ Рѣшетиловъ), которыхъ женщина не должна произносить: они настолько чужды ея изящно-гибкой природѣ, что уродуютъ ее, вмѣсто того, чтобы сообщить ей отпечатокъ богатаго ума и патентованнаго развитія. Но когда я слышу эти слова

въ устахъ Вѣры, ихъ значеніе достигаетъ глубины и и ширины, мнѣ до тѣхъ поръ совершенно незнакомыхъ. Она не только выше насъ всѣхъ — она, пролетая надъ нами, зацѣпляетъ насъ и подымаетъ до высоты собственнаго полета.

„Мнѣ случалось сближаться съ женщинами, но, пробѣгая воспоминаніемъ эти преходящіе и грубые призраки страсти, я долженъ сознаться, что никогда серьезно не уважалъ ни одной изъ нихъ. Мнѣ всегда казалось, что самымъ красивымъ и наиболѣе одареннымъ изъ нихъ недостаетъ той поэтической струи, которою бываютъ отмѣчены лучшіе изъ насъ, мущинъ. Мнѣ казалось, что та высокая нравственная красота, ради которой мы иногда пренебрегаемъ опасностями и отворачиваемся отъ земныхъ благъ, понятна только нашей мужской организаціи. Но какъ я глупо заблуждался! Эти поддѣльныя стремленія крошечныхъ титановъ нашего вѣка, сквозь которыя, какъ сквозь лохмотья нищаго, проглядываетъ грязная нагота честолюбія, жадности и зависти, эта отвратительная спекуляція идеей, это призрѣніе къ жизни, изъ гармоніи которой они выброшены тѣмъ же неоправданнымъ честолюбіемъ и ядомъ зависти, вся эта жалкая игра страстишекъ, прикрытая декораціей прогресса (какого-то мануфактурнаго прогресса, потому что эти титанчики тщательно устраняютъ изъ него всѣ человѣческіе, культурные элементы), неужели все это можетъ быть когда-нибудь подня-

то до той стихійной простоты и глубины пониманія, на которой стоитъ Вѣра? Она смотритъ на жизнь на сквозь узкую призму односторонней потребности минуты — у нея невѣдомымъ путемъ сложилось такое полное и цѣльное представленіе, въ которомъ, какъ въ морѣ, расплываются и тонутъ всѣ эти такъ называемые вопросы, возникающіе изъ отдѣльныхъ, мелкихъ моментовъ борьбы, а еще чаще изъ уловокъ литературнаго пролетарія, ищущаго въ эфемерномъ нарожденіи этихъ вопросовъ своей поденной работы. Въ этой цѣльности воззрѣнія, навѣянной не политическими брошюрами, не экономическими тезисами (изъ нихъ ни одной и ни одного не лежитъ на ея совѣсти), а возникшей изъ органической связи между мыслью и жизнью, изъ гармоніи сильныхъ и слабыхъ сторонъ человѣческой природы, есть какое-то чудное обаяніе покоя. Я никогда не предполагалъ, чтобы ее, такую изящную, такую повидимому неглубокую, занимали вопросы, заговорить о которыхъ въ присутствіи женщины обыкновенно значитъ оскорбить ее и показать себя дуракомъ; и она дѣйствительно „занимается“ ими въ томъ смыслѣ, въ какомъ иная русская барышня вдругъ объявитъ, пыхнувъ изъ папироски въ носъ собесѣднику, что она „Либиха уже по-боку, потому что у него алгебры много“; ея воззрѣнія гдѣ-то глубоко покоются у нея, и только при внѣшнемъ толчкѣ неспѣшно и какъ-будто неохотно всплываютъ наружу. Мнѣ кажется, это оттого, что у нея вообще нѣтъ

тенденцій, а есть только умъ, огромный и чисто женскій, ни на одну минуту не отрѣшающійся отъ жизни и также гармоническій, какъ сама жизнь; потому-то она и не несетъ его навстрѣчу каждому прохожему.

„...По какому-то случайному поводу, у насъ сегодня разговоръ коснулся сказки о Прометеѣ. Вѣра помнила что-то такое объ этомъ, но идея и смыслъ сказки не были ей извѣстны. Я разсказалъ ей подробно этотъ чудный миѳъ, которымъ младенческій геній человѣка облекъ идею нравственной красоты; она слушала, поводя бровью, что всегда служитъ у нея признакомъ внутренняго движенія, но ничего не сказала. Только потомъ, уже прощаясь со мною, она вдругъ возвратилась къ этому разговору и сказала съ какимъ-то свѣтлымъ блескомъ въ глазахъ: „Знаете, мнѣ такъ и кажется, будто между людьми до сихъ поръ живутъ дальніе потомки этого Прометея, и люди не узнаютъ ихъ, но мнѣ думается, что если бы я встрѣтила лицомъ къ лицу одного изъ нихъ, я различила бы его изъ тысячи“.

„...Я засталъ ее сегодня за чтеніемъ только что прошумѣвшаго въ Европѣ романа — одного изъ тѣхъ болѣе горячихъ, чѣмъ даровитыхъ произведеній, которыми литературная спекуляція эксплуатируетъ либеральные инстинкты общества. Чтеніе очевидно слабо интересовало ее, и рука ея съ вялой снисходительностью перебрасывала листки. „Зачѣмъ это пишутъ? произнес-

ла она почти грустно. Мнѣ гораздо лучше нравятся мои прежнія, собственныя представленія объ этой эпохѣ. Посмотрите, какъ мелки и односторонни выходятъ эти интересы, которымъ романистъ старается придать видъ чего-то титаническаго. Эти добрые нѣмецкіе журналисты, отправляющіе на сходку рабочихъ своей маленькой типографіи съ такимъ чувствомъ торжества, какъ будто имъ удалось измѣнить всю поверхность земнаго шара — неужели это вожди поколѣнія, въ которыхъ воплотились его лучшія стремленія? И потомъ, скажите мнѣ, пожалуйста, я этого не понимаю: развѣ рабочій вопросъ и свобода — одно и тоже?“

„Не помню, что я отвѣчалъ ей тогда, но эти почти вскользь брошенныя слова возбудили во мнѣ грустный токъ мыслей, служившихъ только развитіемъ ея идеи. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдное поколѣніе, переживъ послѣдовательный рядъ революцій, утратило самую идею свободы. Стоитъ всмотрѣться въ это жалкое знамя борьбы: сбавка нѣсколькихъ часовъ рабочаго дня, надбавка нѣсколькихъ сантимовъ заработной платы — и подумать, что то и другое могло-бы быть узаконено фирманомъ султана!

„Мы идемъ порывисто, табуномъ, куда влечетъ насъ односторонняя потребность минуты, или толкаетъ литературная мода, самая худшая изъ всѣхъ модъ. Гдѣ-то глубоко подъ нами покоится тихое русло жизни, а мы подняли якори и радуемся, что разорвали всякую связь съ

этимъ русломъ. И дѣйствительно, разрывъ между идеей и жизнью обозначается рѣзче и рѣзче; политически-развитое общество до того отдѣлилось отъ корней, что перо публициста, въ окнѣ мансарды устроившаго крохотную сферу наблюденія, бросаетъ его изъ стороны въ сторону, и оно мятется и шатается, оторванное отъ почвы—и еще смѣется надъ мечтателями и романтиками предъидущаго поколѣнія!

„... Въ недоумѣніи передъ жизненной полнотой организаціи, поражающей меня въ Вѣрѣ, я часто спрашиваю себя: какимъ путемъ накопилась эта богатая масса откровеній, эта благоухающая свѣжесть ума? Я зналъ женщинъ, лицомъ къ лицу встрѣчающихъ жизненную борьбу, замѣчательно живучихъ физически и нравственно; но и онѣ, если присмотрѣться къ нимъ ближе, съ своимъ богатымъ запасомъ опыта и знаній безпомощно метались между слезливою безропотностью и безсильнымъ озлобленіемъ. Я зналъ также женщинъ, не получавшихъ отъ жизни другихъ щелчковъ, кромѣ пропажи любимой собачки, или не во время пошедшаго дождя, разстроившаго parti de plaisir; онѣ мгновенно удовлетворялись, вымѣстивъ свое капризное раздраженіе на крѣпостной Дашкѣ, и достигали безъ борьбы того позорнаго благополучія, въ которомъ даже mésalliance княжны Хлыстово-Топтасовой недостаточно щекочетъ размокшіе нервы. Но какъ все это безконечно далеко отъ той сферы наблюденія, въ которой я вращаюсь те-

перь, хотя слѣды какой-то глубокой драмы еще свѣжи у Вѣры, и хотя она обставлена условіями, обыкновенно приводящими къ благополучію тупоумія и эгоизма!

„Она не пренебрегаетъ лицемѣрно ни красотой, ни молодостью, ни тѣмъ, пожалуй, мелкимъ и пошлымъ декорумомъ свѣта, которымъ однакожь десятки поколѣній обставили жизнь; она не казнитъ ихъ съ дешевымъ геройствомъ такъ называемыхъ „мыслящихъ“ женщинъ, думающихъ отмстить такимъ образомъ за свое безнадежное безобразіе. Она не постыдится обдумать свой туалетъ и приложить къ нему избытокъ вкуса, которымъ насыщена вся она; не испугается лицемѣрно блеска и роскоши собственной красоты, подобно этимъ великолѣпнымъ діанамъ большаго свѣта, съ холодною кровью и развращеннымъ воображеніемъ... Не оттого ли такъ глубоко чувствуетъ она красоту—не въ себѣ самой только, а во всѣхъ великихъ созданіяхъ природы и человѣческаго генія?

„И однако, какое-то скверное, безпокойное чувство порою закрадывается мнѣ въ душу, и съ ощущеніемъ подозрительнаго страха я отворачиваюсь отъ ея ослѣпительной красоты. Я не могу разгадать ни причины, ни характера этого чувства, и между тѣмъ по временамъ ясно ощущаю его вліяніе надъ собой. Надо мною огромную власть имѣетъ первое впечатлѣніе; у меня все еще въ памяти боязливое предубѣжденіе, испытанное при первой встрѣчѣ съ Вѣрой, когда она мнѣ по-

казалась великолѣпнымъ воплощеніемъ чисто-внѣшней, самолюбивой и, пожалуй, даже пошлой красоты, однимъ изъ тѣхъ роскошныхъ экземпляровъ великосвѣтской самки, о которыхъ говорятъ не иначе, какъ двусмысленно, и съ которыми сближаются съ плохо-скрываемой надеждой обладанія. „Что-то лживое“ — говорилъ о ней Чакольскій, и я, противъ воли, наблюдая за нею, разговаривая съ нею, находился подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ обольстительной лжи. Все это порою, въ ея отсутствіе, какъ какое-то злое вѣяніе наплываетъ на меня...

„Но я не останавливаюсь и мнѣ незачѣмъ останавливаться на этихъ трусливыхъ и жалкихъ сомнѣніяхъ, потому что во всякомъ случаѣ я счастливъ; и если это обманъ, то мнѣ платятъ за него такою цѣною, за которую мало пожертвовать жизнью.“

II.

Вѣра Павловна, гдѣ вы? кричалъ Рѣшетиловъ, не заставъ ее въ комнатахъ и розыскивая по парку. Узкая аллея, обсаженная пахучими липами и старыми, кривыми вербами, тянулась по берегу пруда; тѣнь отъ деревьевъ лежала широкими пятнами на пескѣ; короткая травка пробивалась сквозь красный щебень, кое-гдѣ позолоченная рѣдкими лучами, проникшими сквозь частый переплетъ вѣтвей. Ни одинъ звукъ не отозвался на

окликъ. Рѣшетиловъ шелъ дальше и вдругъ увидѣлъ на скамейкѣ раскрытую книгу и зонтикъ. „Вѣра Павловна!“ окликнулъ онъ опять, и съ минуту напрасно вслушивался въ негромкій шелестъ и шорохъ листвы.— „Вѣра, да отзовись же!“ повторилъ онъ тихо, заглядывая въ чащу.

Вдругъ со стороны пруда послышался всплескъ воды и веселый, сдержанный смѣхъ „Ахъ, да вы вонъ гдѣ“, воскликнулъ Рѣшетиловъ, и не зналъ, броситься ли къ берегу, или отойти подальше.

— Садитесь на скамейку и не трогайтесь съ мѣста, произнесъ за кустами голосъ Вѣры Павловны.

Полосатая палатка бѣлѣла на берегу въ двадцати шагахъ отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Рѣшетиловъ; мокрый конецъ холста плескался въ водѣ, получившей отъ нависшихъ вербъ зеленоватый отсвѣтъ, и Вѣра Павловна, держась за него рукой, по плечи въ водѣ, вглядывалась сквозь опрокинувшіяся въ прудъ вѣтки, но густая зелень совсѣмъ застилала берегъ. Облако медленно проплыло между нею и солнцемъ, и масса золотыхъ лучей вдругъ брызнула на стоячую поверхность пруда и бѣлый мраморъ плеча, чуть выдвинувшагося надъ водой. Отряхая крупные брызги съ волосъ, Вѣра Павловна схватила брошенное на камень платье и быстро скользнула въ палатку. Щекочущій холодъ ласково сжалъ ей тѣло, и тонкія складки полотна приникли къ мокрымъ членамъ. Сквозь разкрытый пологъ солнце широкой по

лесой врывалось въ палатку; нитка болотной травы прилипла къ плечу; Вѣра Павловна брезгливо сбросила ее кончикомъ пальца, и потомъ заботливо слѣдила, какъ блѣднѣла розовая полоска, оставленная на тѣлѣ неосторожнымъ движеніемъ ногтя.

Она вышла на аллею вся обвѣянная свѣжестью, съ улыбкой наяды на неплотно-сомкнутыхъ губахъ, съ небрежно перевязанными лентой и еще влажными волосами, падавшими космами на покатую спину. Рѣшетиловъ, въ ожиданіи, нетерпѣливо шагалъ взадъ а впередъ передъ скамейкой и, увидя Вѣру Павловну, быстро подошелъ къ ней.

— Вѣра, ты слишкомъ обольстительна, чтобъ рисковать такимъ образомъ... проговорилъ онъ неспокойно.— Еще минута...

Она повернула къ нему лицо, и какой-то странный блескъ мелькнулъ въ глубинѣ ея зрачковъ.

— Развѣ я не принадлежу тебѣ вполнѣ? возразила она, не шевельнувъ ни одною чертою лица.

Рѣшетиловъ какъ-то растерянно протянулъ руки—но она была уже въ нѣсколькихъ шагахъ впереди, и онъ видѣлъ только ея слегка колеблющійся станъ, волосы, вздрагивавшіе отъ быстрой походки, и сквозившіе сквозь кисею плечи и часть спины.

— Вѣра!.. могъ только произнесть онъ, бросившись за нею. Она, не останавливаясь, полуобратила къ нему строгое, каменное лицо.

— Вѣра, да пойми жь меня!

— Что?.. строго переспросила она, продолжая быстро идти по аллеѣ.

— Вѣра, да что жь это такое! простоналъ Рѣшетиловъ, и наконецъ, догнавъ ее, обхватилъ сзади за талію. Она порывисто выскользнула изъ его рукъ, и отскочивъ въ сторону, закинула голову и выставила передъ собой зонтикъ.

— Тс!..—проговорила она, все съ тѣмъ же загадочнымъ смѣхомъ въ глазахъ и прозрачной, ползучей улыбкой на губахъ. — Ты видѣлъ, какъ блещетъ молнія? мигъ—и опять темно.

Рѣшетиловъ секунду колебался—но вдругъ порывисто бросился къ ней.

— Такъ нѣтъ же, капризная, гордая, обольстительная женщина! почти прокричалъ онъ, обхватывая ее руками.

Сквозныя очертанья парка, какъ зачарованныя, недвижно высились надъ прудомъ; желтый листъ, падая съ вѣтки, беззвучно скользилъ, не встрѣчая сопротивленія въ лѣниво-разнѣженномъ воздухѣ. Слабый вѣтеръ налетѣлъ откуда-то, осторожно зашуршали верхи деревьевъ, облако потянулось по небу, и между стволами заструились какія-то тѣни. Еще и еще—все ниже и ниже шелестили листы, зыбь побѣжала по травѣ, опавшій листъ приподнялся, качнулся раза два и закрутился по дорожкѣ; что-то зарябило по срединѣ пруда, на

томъ самомъ мѣстѣ, куда сквозь растаявшее облако падалъ пятномъ солнечный свѣтъ. И опять тихо—деревья чуть-чуть качаютъ верхушками, и вяло трепещутъ на своихъ жидкихъ стебелькахъ осиновые листы.

Вѣра Павловна и Рѣшетиловъ показались въ концѣ аллеи, подымавшейся на невысокій пригорокъ, которымъ съ этой стороны оканчивался паркъ. Послѣдняя группа сосенъ высоко подымала свои прямые, красноватые стволы, и мохнатыя верхушки ихъ сквозили на голубомъ небѣ. За ними вдругъ открывался видъ на безконечно тянувшіяся во всѣ стороны поля, дорога все уже и уже змѣилась по окраинамъ пашни, а тамъ дальше подымался еще пригорокъ, и на немъ, въ синеватой зелени не то сада, не то лѣса, уединенно бѣлѣли стѣны и блестѣли кресты монастыря.

— Пойдемъ туда? какъ-то мечтательно сказала Вѣра Павловна. И пока она произносила эти слова, мысль идти въ монастырь перешла у нея въ неодолимое, страстное желаніе.

— Но вѣдь далеко, ты измучишься, пробовалъ уговаривать Рѣшетиловъ.—Лучше въ экипажѣ доѣдемъ.

— Нѣтъ, пойдемъ, настояла Вѣра Павловна.

Они спустились съ пригорка и пошли полями; на дорогѣ пылило, и они старались ступать по короткой травкѣ, зеленѣвшей сбоку. Вѣра Павловна, преодолѣвая усталость, сильно опиралась на руку Рѣшетилова, и ея голова почти падала ему на плечо; они изрѣдка

обмѣнивались короткими фразами—какая-то дремотная молчаливость нашла на обоихъ. Скоро потянуло свѣжестью изъ лѣса, и они вышли на тропинку, ведшую по опушкѣ къ самому монастырю. Скользкая желтая хвоя хрустѣла подъ ногами, лѣсъ то рѣдѣлъ, то опять обступалъ стѣснившимися стволами, надъ головой то свѣтлѣло, то вдругъ дѣлалось совсѣмъ темно, тогда какъ тутъ же въ двухъ шагахъ молодые кончики елей сквозили, точно зеленая слюда, въ солнечныхъ лучахъ. Попадались свѣжіе пни въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ монахи рубили дрова, колеи отъ телѣгъ чернѣли кое-гдѣ второнѣ отъ тропинки; лошадь, спутанная по ногамъ, неуклюже перескакивала съ мѣста на мѣсто, звеня бубенчикомъ. Показались наконецъ чистенькіе, бѣленькіе домики съ келіями, съ низкою изгородью позади, съ группами яблонь, вишень и сливъ, гнувшихъ вѣтви подъ тяжестью обильной завязи. Чѣмъ-то смиреннымъ вѣяло отъ этихъ домиковъ—чѣмъ-то бодрящимъ и нѣжащимъ въ одно и то же время.

— Здѣсь—миръ, а въ сердцѣ—страсти, борьба... произнесла Вѣра задумчиво, замедляя шагъ и прижимаясь къ плечу Рѣшетилова. Но тотчасъ же она выпрямилась и рѣзкимъ движеніемъ высвободила свою руку.

Въ церкви отходила вечерня; изъ народа почти никого не было; крошечные огоньки мерцали въ полутемной глубинѣ передъ иконостасомъ; пахло ладономъ и воскомъ. Вѣра Павловна потянула на плечи черный

кружевной платокъ и торопливо, на цыпочкахъ пробралась къ окну и опустилась на колѣни. Ей показалось какъ-то неловко отъ ея распущенныхъ волосъ; она подняла платокъ на голову и концами закрыла часть лица и шею. Она не крестилась, и только, прижавшись плечемъ къ низенькому подоконнику и опрокинувшись всѣмъ тѣломъ назадъ, съ какимъ-то остановившимся выраженіемъ глядѣла сквозь рѣшетку царскихъ вратъ. „Магдалина“, почему-то подумалъ Рѣшетиловъ, и чувство грѣховности, смиренія и любви съ ласковой болью охватило его. Служба кончилась, монахи направились къ выходу, широко крестясь и вполголоса разговаривая между собою. Настоятель, высокій, съ миніатюрно-худощавымъ лицомъ и черной съ густою просѣдью бородой, вышелъ на паперть, и узнавъ Рѣшетилова, заговорилъ съ нимъ. Обоимъ показалось, что онъ какъ-то особенно строго и проницательно поглядѣлъ на Вѣру Павловну; но онъ только старался припомнить, видѣлъ ли ее когда нибудь прежде. Рѣшетиловъ назвалъ ее.

— Такъ-съ, такъ-съ: слышалъ, обратился къ ней настоятель. — На долго ли въ этихъ мѣстахъ поселиться думаете?

— Какъ Богъ дастъ, отвѣтила тихо Вѣра Павловна. Настоятель какъ-то ласково взглянулъ на нее.

— Все въ волѣ Божіей. А мѣста чудесныя, рай земной, прибавилъ онъ, взмахнувъ широкимъ рукавомъ

своей рясы. — Не желаете ли въ саду погулять? теперь хорошо.

Всѣ трое вошли въ садъ. Тамъ все было чисто и какъ-то молодо, можетъ быть оттого, что не было другихъ деревьевъ и кустовъ, кромѣ плодовыхъ. Подвязанная къ жердямъ малина тянулась шпалерами по обѣ стороны дорожки; крупныя кисти смородины только-что начинали румяниться, крыжовникъ колючими вѣтками цѣплялся за плетень, черешни выпрямляли свои тонкіе и стройные стволы. Нѣсколько кроликовъ перескочило дорожку и скрылось въ хитроустроенной норкѣ изъ вѣтвей и зеленаго дерна.

— Братъ Ѳедоръ этимъ занимается; охоту большую имѣетъ — объяснилъ настоятель. — У насъ это дозволяется, добавилъ онъ съ какимъ-то добродушіемъ.

— Вотъ на святыхъ Петра и Павла къ намъ милости просимъ, обратился онъ опять къ Вѣрѣ Павловнѣ: у насъ храмъ. Изъ другихъ уѣздовъ даже многіе усердствуютъ, собираются въ этотъ день.

— Я слышала, очень много богомольцевъ бываетъ, такъ что тѣснота большая, въ церкви трудно даже мѣсто найти — говорила Вѣра Павловна. Настоятель слегка вздохнулъ.

— Усердствуютъ многіе... только какъ же, чтобъ православному въ храмѣ мѣста не нашлось? возразилъ онъ.

Походивъ еще по саду и посидѣвъ въ бесѣдкѣ изъ

дикаго винограда, Вѣра Павловна и Рѣшетиловъ простились съ настоятелемъ, радушно приглашавшимъ ихъ откушать чаю, и вышли на ту же самую дорогу, по которой пришли въ монастырь. Жара совсѣмъ спала, деревья какими-то темными пятнами сквозили въ сумеркахъ, на травѣ крупно блестѣла похолодѣвшая роса. Вѣра Павловна, прижимаясь къ Рѣшетилову, нѣсколько разъ пугливо оглянулась на темную гущину побѣговъ, въ которыхъ путалось ея платье, и какой-то сухой шорохъ точно вспыхивалъ по временамъ отъ шарахнувшагося всторону зайца или налетѣвшаго вѣтра.

— Ты проведи меня только въ поле, на дорогу, дальше я сама дойду, говорила Вѣра Павловна. Ея кружевной платокъ нѣсколько разъ зацѣпился за вѣтви, и она опять спустила его съ плечъ.

— Тебѣ и такъ далеко до дому, ты устанешь—прибавила она, въ темнотѣ заглядывая ему въ глаза.

— Ты меня отсылаешь? спросилъ Рѣшетиловъ.

— Да... отвѣтила Вѣра, и ближе прижалась къ нему.— Что это, точно холодно — проговорила она, поведя плечами, и опять натянула на нихъ платокъ. Рѣшетиловъ свободной рукой заботливо поправилъ концы.

— О, мой милый! шопотомъ проговорила Вѣра и взяла его пальцами за лицо. Секунду она какъ будто не знала, что теперь сдѣлать, но вдругъ, приподнявшись на цыпочкахъ, быстро, на ходу поцѣловала его, и такъ же быстро выдернула руку и пошла на шагъ впереди.—

Тутъ тѣнсо, врядъ нельзя идти, объяснила она, въ темнотѣ оборачивая къ нему лицо. — „Отчего же тѣсно? вѣдь въ монастырь шли же всю дорогу рядомъ?“ вопросительно подумалъ Рѣшетиловъ. Онъ вспомнилъ неподвижно-молящееся лицо Вѣры Павловны за вечерней, и на минуту какое-то строгое чувство проникло его.

— Ты боишься разрушить — *то*... да? спрашивалъ онъ, стараясь чрезъ плечо заглянуть ей въ лицо.

— Что — *то*? переспросила Вѣра Павловна, хотя прежде, чѣмъ былъ сдѣланъ вопросъ, она очень хорошо знала, что такое было это *то*.

— Тамъ, въ церкви... объяснилъ Рѣшетиловъ. Вѣра пошла тише, чтобы дать ему поровняться съ нею, и тихонько просунула ему руку подъ локоть.

— Ты... ты *это* понялъ? проговорила она стыдливо жмурясь и прижимаясь къ его плечу. Рѣшетиловъ молчалъ: онъ понималъ больше — онъ понималъ, что въ ней трепетала въ эту минуту другая, давно пережитая, дѣвственная жизнь, и дрожали поздно отозвавшіяся струны. Вдругъ она вскрикнула и, поблѣднѣвъ, почти всѣмъ тѣломъ упала ему на руку.

— Что съ тобой? испуганно вскрикнулъ Рѣшетиловъ.

— Вонъ... развѣ ты не видишь? прошептала Вѣра указывая пальцемъ на огромную лягушку, прямо передъ ней, на сѣроватомъ пятнѣ полусвѣта, съ неподвижнымъ изумленіемъ таращившую на нее глаза.

— Ахъ, какой вздоръ, воскликнулъ Рѣшетиловъ, и

самъ вздрогнулъ плечами. — Ты и на меня нагоняешь страхъ. У тебя напряжены нервы, можетъ быть даже ты не совсѣмъ здорова...

Лягушка пропала гдѣ-то въ травѣ. Вѣра Павловна выпрямилась и поправила концы платка, соскользнувшіе съ плечъ.

— Я сама не знаю, что на меня нашло... выйдемъ поскорѣй изъ лѣсу; это нервы... говорила она.

Они пошли скорѣе; тропинка сворачивала въ поле, и имъ обоимъ почувствовалось какъ то свободнѣе и легче, когда таинственный полумракъ и шорохъ лѣса остались позади ихъ; но что то дорогое и милое осталось также назади, вмѣстѣ съ этимъ полумракомъ и шорохомъ...

Большая проѣзжая дорога расходилась на двѣ стороны: направо виднѣлось въ полуверстѣ Семиполье, налѣво лежалъ путь къ деревнѣ Рѣшетилова.

— Право, я лучше доведу тебя домой: ты такъ разстроена—убѣждалъ Рѣшетиловъ. Вѣра Павловна отрицательно покачала головой.

— До завтра, шепнула она, и нагнувъ руками голову Рѣшетилова, беззвучно поцѣловала его.

Его высокая фигура медленно пропала въ полусвѣтѣ. Ощущеніе какого-то нервнаго страха вдругъ стѣснило Вѣру; она натянула на голову платокъ, плотно закутала имъ лицо, и приподнимая мѣшавшее ей платье, торопливо пошла по дорогѣ. Бѣлый семипольскій домъ близко и отчетливо рисовался въ прозрачной темнотѣ;

она различала уже окна жилыхъ комнатъ, тускло свѣтившіяся въ ожиданіи ея возвращенія; это нѣсколько успокоило ее, и она пошла тише. Всторонѣ, далеко на концѣ дороги, какая-то сѣроватая масса привлекла ея вниманіе: она не замѣчала ее прежде, но теперь край крыши, освѣщенный луною, рѣзко выступалъ въ туманѣ, отдѣляясь отъ прочихъ строеній, и почти на одной высотѣ съ нимъ блѣстѣлъ позолоченный крестъ. „Это не монастырь,“ подумала, съ недоумѣніемъ оглядываясь на дорогу, Вѣра Павловна. И вдругъ, какое-то быстрое, жгучее воспоминаніе проникло ее..- Она ступила нѣсколько шаговъ впередъ, остановилась и опять оглянулась: странное любопытство притягивало ее съ жуткою болью къ этимъ ломанымъ линіямъ, которыя свѣтъ мѣсяца капризно вызвалъ изъ ночной темноты. Она взглянула на Семиполье, и опять *туда*, и на дорогу, заворачивавшую тупымъ изгибомъ около того мѣста, гдѣ она стояла — и какимъ-то морознымъ холодомъ вдругъ пахнуло на нее. На поляхъ сверкаетъ снѣгъ, рогатыя тѣни скользятъ отъ обнаженныхъ деревьевъ, вдалекѣ тускнетъ огонь въ сторожкѣ, узкія полозья визжатъ подъ ногами, взрытая снѣжная пыль летитъ изъ подъ копытъ, ей тѣсно, страшно, озябшее плечо горитъ, прижимаясь къ *его* плечу, мысль нѣмѣетъ въ опьяненіи быстрой ѣзды, страха, холода и тепла...

Вдругъ гулкій топотъ и отдаленное похрустываньe рессорнаго экипажа вывели ее изъ оцѣпененія. Коляска

на рысяхъ приближалась ей навстрѣчу; Вѣра Павловна едва успѣла посторониться, какъ лошади стали, и кто-то быстро соскочилъ къ ней.

— Неужели я не ошибся? Вѣра Павловна! проговорилъ подлѣ нея знакомый, пріятный и немного вкрадчивый голосъ Косовицына.

Вѣра Павловна не отвѣчала — ей казалось, что она шатается на ногахъ. Минуту она не знала, не сонъ ли это — но физическое, явственное ощущеніе страха, внезапно сжавшее ее, подтверждало дѣйствительность встрѣчи.

— Я не зналъ о вашемъ переѣздѣ въ деревню еслибъ я зналъ, я можетъ быть съумѣлъ бы предотвратить эту случайность, для васъ кажется непріятную... продолжалъ все тотъ же голосъ, и въ немъ дрожала вся та же вкрадчивая, ласкающая нота. Вѣра Павловна пошла впередъ — Косовицынъ пошелъ рядомъ съ нею.

— Чтобы предотвратить случайность, вамъ слѣдовало только проѣхать, не выходя изъ экипажа—сухо возразила она, и шла скорѣе.

— Логика счастливой и свободной женщины! воскликнулъ Косовицынъ.—Но если я умѣю кое-какъ уклоняться отъ искушенія издали, я не могу бороться съ нимъ лицомъ къ лицу — прибавилъ онъ развязно и какъ будто даже весело, и Вѣра Павловна почувствовала уколъ отъ этой развязвости и веселости. „Какъ онъ смѣетъ?“ сердито сверкнуло у нея въ глазахъ, и опять ей стало

страшно, жутко страшно, что онъ шелъ подлѣ нея, на большой дорогѣ, ночью.—„Чего вы отъ меня хотите?“ спросила она отрывисто, не оборачивая къ нему закутаннаго въ кружево лица.

— Ахъ, очень немногаго! отвѣтилъ Косовицынъ, и голосъ его опять вкрадчиво понизился. — Я желалъ бы только, чтобы мнѣ оставлено было грустное право воспользоваться пренебреженіемъ, можетъ быть даже презрѣніемъ, которое вы не задумались высказать... Сказка, которую мы читали съ вами — вы помните послѣднюю встрѣчу, у Рыбоѣдовыхъ?—прервалась, и возвращаясь къ ней, вы не находите прежняго интереса... Пусть же, въ моемъ ничтожествѣ, я останусь лицомъ, для васъ совсѣмъ постороннимъ, какъ старое платье, какъ лишняя мебель въ комнатѣ... зачѣмъ избѣгать того, къ чему мы безразличны?

— Но для чего, для чего? все также нетерпѣливо проговорила Вѣра Павловна, торопясь и опережая на полшага Косовицына.

— Какъ вы скоро идете... вы боитесь? замѣтилъ Косовицынъ, усмѣхнувшись въ темнотѣ тонкими губами.— Посмотрите, мы уже почти во дворѣ у васъ.

Они въ самомъ дѣлѣ входили во дворъ. На крылечкѣ, передъ растворенной дверью, изъ которой врывалась полоса яркаго свѣта, Григорій уже поджидалъ Вѣру Павловну и, вытянувшись, съ недоумѣніемъ оглядѣлъ ея спутника. Какая-то мысль съ болью ударила

ей въ голову. Старый камердинеръ Никанора Ларіоновича одинъ изъ дворни зналъ ея прошлое и конечно помнилъ Косовицына. Онъ въ самомъ дѣлѣ скоро узналъ его и богъ-вѣсть чему обрадовался.

— Валерьянъ Николаичъ... вѣдь со-слѣпу-то не призналъ было васъ... говорилъ онъ, оскабляясь сморщенными губами и на лету хватая его руку.—Сколько-то лѣтъ не видали... шамшалъ онъ, и другъ, словно вспомнивъ что-то, прикрылъ ротъ ладонью.

„А, пусть же, когда такъ“, подумала Вѣра Павловна, и взбѣжавъ на крылечко, обернула къ Косовицыну профиль лица и проговорила:

— Валеріанъ Николаичъ, не хотите-ли зайти?

Въ передней она торопливо сбросила кружевной платокъ и быстро прошла въ маленькую гостиную, которую она отдѣлила отъ остальныхъ комнатъ и убрала городскою мебелью. Она отодвинула кресло и, поправляя абажуръ на лампѣ, поверхъ него взглянула на Косовицына.—Садитесь, пригласила она.

— Мегсі, поблагодарилъ Косовицынъ, покачиваясь на эластическихъ пружинахъ и мелькомъ скользнувъ взглядомъ по стѣнамъ и меблировкѣ.—Мнѣ кажется, я узнаю эту комнату; она принадлежала Эрнестинѣ? проговорилъ онъ равнодушно.

Кровь бросилась въ лицо Вѣрѣ Павловнѣ и медленно отлила къ сердцу. „Какъ онъ смѣетъ говорить объ этомъ?“ почти съ ужасомъ шевельнулось въ ней.

Она не отвѣчала. Что-то странное, неожиданное, къ чему она совсѣмъ не была приготовлена, устанавливалось внутри ея. Ей казалось, что прошлое стояло стѣной между ними; она боялась стѣсненія, которымъ это прошлое опутаетъ ихъ встрѣчи; она боялась той минуты, когда прорвется неосторожное слово, вырвется наружу воспоминаніе и заставитъ ихъ обоихъ мучительно потупиться... И вдругъ, это слово сказано, такъ что она не могла предупредить его; то, чего она такъ страшилась, вторгнулось къ ней, и она не могла защититься. Она почти съ любопытствомъ, почти съ какою-то жадностью взглянула на Косовицына.

Въ дверяхъ неожиданно появился Григорій, во фракѣ, съ салфеткой въ рукѣ, съ официознымъ напряженіемъ во всей фигурѣ.

— Кушать подано, доложилъ онъ не своимъ голосомъ.

Вѣра Павловна взглянула на него, ничего не понимая, точно какая-то безсмыслица, съ которой она не умѣла справиться, происходила вокругъ нея. Косовицынъ предложилъ ей руку, она машинально приняла ее и прошла съ нимъ въ маленькую столовую, смежную съ гостиной. Тамъ былъ сервированъ чай вмѣстѣ съ легкимъ ужиномъ. Оба сѣли къ столу, Григорій твердо занялъ мѣсто за спиной Вѣры Павловны; онъ все поправлялъ съѣзжавшую съ рукава салфетку и покачивалъ узкой сѣдой головой. Трудно было бы опредѣлить, что онъ думалъ въ эти минуты.

Вѣра и Косовицынъ разговаривали по французски. Опять та странная, сильная власть, съ какою Косовицынъ умѣлъ разрушать чужое настроеніе и нечувствительно вводить другихъ въ сферу его собственныхъ мыслей, обнаружилась въ его разговорѣ. Неопредѣленное, тягостное gêne, опутывавшее Вѣру, медленно уступало какому-то другому чувству, похожему на вызовъ и на любопытство; разговаривая, она точно ходила на краю обрыва и жмурилась на какую-то близкую и темную глубину. Она даже ощупала осторожно эту глубину, спросивъ объ Эрнестинѣ, и чего-то испугалась и обрадовалась безъ всякой причины, когда Косовицынъ съ выраженіемъ веселой, увѣренной въ прощеніи искренности отвѣтилъ: „ah, madame, je ne pensais pas, que vous fussiez si rancunière.“ И при всемъ томъ, никогда такъ ясно, такъ отчетливо не ненавидѣла она Косовицына, никогда все существо его не казалось ей такъ враждебно...

„И однакожь, я принадлежала ему“, съ какимъ то смѣшаннымъ чувствомъ думала она, глядя въ его холодные и мѣнявшіеся въ цвѣтѣ глаза.

Когда онъ уѣхалъ, когда она осталась опять одна въ этихъ маленькихъ комнатахъ, напоминавшихъ ей цѣлую погибшую жизнь, она долго не могла отдать себѣ отчета въ происшествіяхъ этого вечера. Какимъ образомъ этотъ человѣкъ, не имѣвшій права взглянуть ей въ глаза, былъ у нея, въ этихъ самыхъ комнатахъ, и

не только былъ, но такъ долго, свободно, почти дружески разговаривалъ съ нею, и все, что она считала за бездну, вырытую между ними, было обойдено, такъ что она и не замѣтила этого и можетъ быть даже способствовала этому... Она припомнила, что, прощаясь, онъ даже имѣлъ дерзость благодарить ее за позволеніе бывать у нея; она не давала ему этого позволенія, но хорошо помнила, что онъ именно за это благодарилъ ее... Какимъ образомъ все это могло случиться? Она не умѣла дать себѣ отчета.

III.

Воротясь съ прогулки въ монастырь, Рѣшетиловъ засталъ у себя m-lle Песчаную. Хуторянская барышня, какъ называлъ ее Осипъ, два раза уже забѣгала къ нему въ этотъ день, и наконецъ рѣшилась устроиться у него въ кабинетѣ. Запустивъ пальцы обѣихъ рукъ въ волосы, она жадно читала попавшійся на глаза романъ, и даже не слышала, какъ Рѣшетиловъ вошелъ въ комнату.

— Чѣмъ это вы поглощены? полюбытствовалъ онъ, поздоровавшись съ ней.

M-lle Песчаная быстро захлопнула книгу и оттолкнула ее локтемъ.

— Гадость какая-то... романтизмъ... отвѣтила она, крайне раздосадованная, что ее застали за такимъ занятіемъ.

Рѣшетиловъ предложилъ ей чаю — она согласилась, предупредивъ, что не будетъ хозяйничать.—„Да у меня Михайловна отлично это дѣлаетъ,“ успокоилъ ее Рѣшетиловъ. По нетерпѣливымъ движеніямъ дѣвушки и безпокойному блеску ея глазъ онъ догадывался, что что-то волнуетъ ее, и она ждетъ случая высказаться. Дѣйствительно, m-lle Песчаную волновала сплетня.

— У насъ сегодня Василиса была... заговорила она, какъ только подали чай и Осипъ удалился, притворивъ за собою дверь.

Эта Василиса была жена паромщика, женщина лѣтъ пятидесяти, неутомимая на ноги, носившая по окреснымъ деревнямъ и хуторамъ на продажу холстъ, который ткала съ дочерью; помимо того, она была извѣстна въ околодкѣ, какъ первая вѣстовщица и вообще баба съ языкомъ.

— Она намъ много разсказывала... про семипольскую помѣщицу, и про васъ тоже... торопилась m-lle Песчаная, затягиваясь папироской.— Будто вы чуть не каждый день бываете тамъ, и вообще... очень интересныя вещи.

У Рѣшетилова слегка насупились брови.

— Интересныя—для кого? спросилъ онъ.

— Да вообще... меня тоже это очень заинтересовало. Вы, съ вашимъ развитіемъ, и вдругъ такое романическое увлеченіе... я не хотѣла даже вѣрить.

— И потому поспѣшили сюда, чтобъ узнать сплетню отъ самого героя?

— Совсѣмъ не для того, но согласитесь сами... это такъ противорѣчитъ всему, что я знаю о васъ—продолжала m-lle Песчаная, нѣсколько конфузясь и все-таки не въ состояніи преодолѣть мучившаго ее любопытства.— Эта женщина...

— Ну-съ? переспросилъ, продолжая хмуриться, Рѣшетиловъ.

— Кружевная кукла, аристократка! воскликнула сорвавшаяся m-lle Песчаная.—Кровная представительница гнилаго сословія, интриганка, свѣтская львица! Говорятъ, она такъ искусно опутала васъ своими сѣтями, что вы одни во всей губерніи не знаете ея прошлаго...

Рѣшетиловъ поставилъ стаканъ на подносъ и всталъ:

— Я желаю, чтобы вы не говорили со мной объ этой женщинѣ; угодно вамъ принять это условіе, Настасья Никитишна? произнесъ онъ спокойно, почти вѣжливо. У m-lle Песчаной губы совсѣмъ побѣлѣли отъ оскорбленія и злости.

— Я могу даже совсѣмъ избавить васъ отъ моего разговора, проговорила она сквозь сжатые зубы.—Если вы такъ принимаете мое участіе... впрочемъ, мнѣ не въ первый разъ приходится обманываться въ людяхъ... Но я скажу вамъ, скажу, хотя бы вы гнали меня изъ дому, что это пошло, недостойно васъ, недостойно! кри-

чала она, торопливо собирая свои вещи.— Это измѣна своему дѣлу, убѣжденіямъ! и еще скажу, что это нечестно, потому что... вспомните Таню! заключила она, уходя и въ послѣдній разъ взмахнувъ зонтикомъ.

„Вѣдь этакая“... произнесъ было вслухъ по уходѣ ея Рѣшетиловъ, но не договорилъ и только махнулъ рукою.

Онъ не могъ однакожъ отдѣлаться отъ пріятнаго впечатлѣнія, оставленнаго посѣщеніемъ m-lle Песчаной: что-то какъ будто запачкало его и оскорбило своимъ прикосновеніемъ. Внутренній, интимный міръ, вдругъ представившійся сквозь призму деревенской сплетни, оскорбленно отдѣлился отъ его собственнаго *я;* внутри стояла боль, точно кто нибудь неосторожно надавилъ ранку, которой онъ не замѣчалъ на себѣ. Слова m-lle Песчаной непріятнымъ диссонансомъ стояли въ ушахъ. „Нечестно... Таня... но чѣмъ же я виноватъ передъ ней?“ Ему вспомнилось, что въ послѣднее время онъ совсѣмъ не заходилъ къ паромщику и только мелькомъ встрѣчался съ его дочерью; но это такая старая, будничная исторія; ему казалось, что она перестала существовать, не находя себѣ пищи; онъ старался заглянуть себѣ въ душу, и не находилъ ничего, похожаго на угрызеніе совѣсти. Напротивъ, мысли его приняли оскорбленное, раздраженное направленіе. Отъ этого паромщика вышла сплетня; положимъ, не отъ него самого, но его жена, Василиса, давно извѣстна своимъ длин-

нымъ языкомъ. Очень можетъ быть, что даже не Василиса, а Таня первая надумалась на сплетню, а Василиса только помогла разнести ее по околодку. Какое имъ однако до него дѣло? по какому праву они путаютъ въ свои грязныя соображенія постороннюю женщину, о которой не могутъ, не умѣютъ судить?

Переѣхавъ на другой день черезъ паромъ, онъ нарочно спросилъ себѣ молока, чтобъ имѣть случай переговорить о сплетнѣ. Онъ рѣшился дать понять, что ему извѣстно ея происхожденіе, и даже пригрозить, смотря по обстоятельствамъ. Но Василисы не было дома; сквозь полупритворенную дверь онъ слышалъ хриплый голосъ паромщика, торопившаго дочь, какой-то споръ, и сердитое восклицаніе Тани: „самъ бы поднесъ, что мнѣ прислуживать-то всякому“. Наконецъ она вышла съ кринкою, недружелюбно потупивъ подъ сдвинутыми бровями глаза, еще сверкавшіе раздраженіемъ. Свободной рукой она придерживала воротъ расшитой рубахи, какъ будто досадуя на этотъ разъ, что изъ-подъ его низкаго вырѣза выставлялась загорѣлая, круглая шея, и обрисовывалась мягкими линіями высокая грудь.

— Спасибо, Таня, поблагодарилъ Рѣшетиловъ, быстро опорожнивъ кринку и подавая ее обратно. Онъ снизу, со скамейки, заглянулъ ей въ лицо, медленно отвернувшееся въ профиль подъ его взглядомъ.

— Сердитая ты какая сегодня... проговорилъ онъ. Таня еще немножко отвернула голову и пошла къ двери.

— Замѣчаете, тоже! проговорила она сердито, и на порогѣ столкнулась съ отцемъ.—О, Господи, проворчала она, быстро прошмыгнувъ мимо него и исчезая въ полутемныхъ сѣнцахъ. Старикъ махнулъ ей вслѣдъ локтемъ и сталъ на солнцѣ, отставивъ ногу и съ какою-то задумчивостью разсматривая свой огромный лапоть.

— Василисы-то вѣрно нѣтъ? обратился къ нему Рѣшетиловъ.

— Нѣту, коротко отвѣтилъ старикъ.

Рѣшетиловъ подвинулся на скамейкѣ. — Присядь-ка Лаврентій, пригласилъ онъ. Ему хотѣлось приступить къ занимавшему его предмету, и какая-то неловкость связывала его. — А я думалъ Василису найти, побранить ее хотѣлъ... началъ онъ.

— Нѣту Василисы, подтвердилъ старикъ, сгорбленно опускаясь на лавочку.

— Языкъ у нея длиненъ очень, я ей хотѣлъ сказать!.. продолжалъ подъ вліяніемъ все той же неловкости Рѣшетиловъ. — Вотъ теперь ходитъ по хуторамъ, разсказываетъ, что я всякій день въ Семипольи бываю... меня ужъ распрашивали объ этомъ. Что̀ ей за дѣло, куда я хожу? вѣдь это сплетней называется.

— Бабій языкъ, равнодушно проговорилъ паромщикъ; онъ очевидно или не могъ, или не хотѣлъ стать на ту точку зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на сплетню Рѣшетиловъ.

— Теперь это ужь такъ и бродитъ по всему уѣзду; скоро пальцами на насъ станутъ показывать — продолжалъ Рѣшетиловъ.—Я одну знакомую спрашиваю: кто вамъ объ этомъ разсказывалъ? — Да Василиса, говоритъ, что холстомъ торгуетъ.

Старикъ оглядѣлъ свои перевязанныя бинтомъ ноги съ острыми, выдавшимися колѣнками, и пошевелилъ локтями.

— Бабы это любятъ, болтать-то — произнесъ онъ медленно, какъ будто пережевывая слова. — Бабы міръ любятъ, мірскія. Человѣкъ ищетъ, какъ бы отъ міра подальше, а онѣ къ міру липнутъ. — Воли не понимаютъ, заключилъ онъ и замолчалъ, какъ бы полагая, что въ этихъ послѣднихъ словахъ выразилась вся его мысль.

Рѣшетиловъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на него: ему показалось, что въ словахъ старика заключалось болѣе, чѣмъ простой отвѣтъ на его претензію.

— Какъ воли не понимаютъ? спросилъ онъ.

Старикъ медленно, какимъ-то прозрачнымъ взглядомъ поглядѣлъ на него — тѣмъ взглядомъ, какимъ смотрятъ на совершенно чужаго и ненужнаго человѣка.

— Гдѣ имъ понимать? продолжалъ онъ, говоря больше какъ будто съ самимъ собою. Люди, и тѣ въ кучу жмутся, къ міру липнутъ, а у базы умъ короткій. Въ мірѣ жувутъ, другъ съ дружкой мѣряются, отмѣриться хотятъ—а мѣра у всякаго разная. Чужой мѣры никто

не знаетъ. Тамъ нѣтъ воли, въ мірѣ-то; тамъ безволье. Воля вотъ она: по себѣ жить.—Вотъ она, вотъ она—продолжалъ онъ, почти до шепота понижая голосъ и шамшая смятыми губами — лѣсъ безлюдный, воздухъ вольный, солнце божіе—мѣриться не отъ кого, какъ-то. Глянь-ка, лѣсу-то, лѣсу-то что̀—не исходишь! добавилъ онъ съ какою-то безгрѣшною улыбкой, въ которую сморщились всѣ черты его лица.

Онъ неуклюже, съ старческимъ ощущеніемъ удовлетворенія, взмахнулъ локтями, посмотрѣлъ куда-то впередъ, и опустилъ рѣки.

— Ты въ книгахъ вашихъ, что́-ли, это вычиталъ? спросилъ Рѣшетиловъ: онъ зналъ, что старикъ былъ грамотенъ, и подъ образами у него лежали какіе-то старые фоліанты.

Тотъ опять прозрачнымъ, чуждымъ взглядомъ поглядѣлъ на него.

— Въ книгахъ нашихъ этого нѣтъ, отвѣтилъ онъ съ внезапною сдержанностью, и вмѣсто улыбки губы его сжались въ неподвижную, строгую усмѣшку. Онъ поднялся съ лавки — не разомъ, а какъ-то присѣвъ на воздухѣ, пока разогнулись его старческія колѣнки.

— Ты однако скажи Василисѣ-то... началъ было Рѣшетиловъ, и остановился: ему какъ-то вдвойнѣ неловко и даже совѣстно стало говорить *теперь* старику объ этой сплетнѣ. Тотъ поглядѣлъ на него и какъ будто чуть примѣтно усмѣхнулся.

— Что говорить-то — захочешь, самъ скажешь, произнесъ онъ, и пошелъ къ сѣнцамъ.

Рѣшетиловъ поднялся вслѣдъ за нимъ со скамьи и неспѣшно, задумавшись побрелъ къ усадьбѣ. Отъ избы узенькая тропинка вела въ огородъ и, протаптываясь между грядками, выводила на дорогу. Подсолнечники высоко поднимали надъ изгородью свои ярко-желтыя тарелки, макъ пестрѣлъ между ними, издали тянуло крѣпкимъ, соннымъ запахомъ конопли. Пробираясь между зеленью, Рѣшетиловъ вдругъ увидѣлъ Таню: она стояла у самой тропинки, спиной къ нему, полунагнувшись надъ грядкой, на которую плескала ковшикомъ изъ деревяннаго ведра. Рѣшетиловъ прошелъ мимо, она не тронулась съ мѣста.

— Прощай, Таня, сказалъ онъ.

Она выпрямилась и, повернувъ голову, черезъ плечо покосилась на него.

— Чего еще прощаться-то, проворчала она.

Край ея щеки, на которую падало солнце, вспыхнулъ подъ опущенной пасмой темныхъ, отливавшихъ красноватымъ золотомъ волосъ. Рѣшетиловъ остановился и дотронулся до ея локтя.

— За чтожъ ты сердишься? спросилъ онъ. Она немножко повернулась къ нему плечомъ и тихонько выпустила изъ руки ковшикъ.

— Чего сердиться? сердцемъ съ васъ не возьмешь, проговорила она, и ея черный глазъ неблюдательно, но

неласково скользнулъ по немъ изъ-подъ сердито-насупленной брови. Она все стояла къ нему спиною, косясь черезъ плечо и не отнимая локтя, который онъ тихонько пожималъ рукою. Вдругъ она рѣзко отмахнулась отъ него.

— Идите, чего стали? не съ вашей стоите—проговорила она злобно.

Рѣшетиловъ почти съ грустью поглядѣлъ на нее.

— Не ваша я! объяснила Таня, и нагнулась надъ грядкой. Не оборачиваясь, она схватила ковшъ и принялась быстро расплескивать воду; она какъ будто вся сосредоточилась на этомъ занятіи. Но ея настороженный слухъ уловилъ удалявшіеся шаги Рѣшетилова; она вдругъ бросила ковшъ, откинулась всѣмъ тѣломъ назадъ и заломила загорѣлыя, сильныя руки.

— Ушелъ... постылая! простонала она.

До усадьбы оставалось нѣсколько сотъ шаговъ; изъза широкой липовой аллеи, посаженной еще дѣдомъ Вѣры Павловны, Ларіономъ Ларіоновичемъ Тихомировымъ, уже выглядывали высокія, старинныя окна господскаго дома. Подходя къ углу, составлявшему теперь единственную обитаемую часть строенія, Рѣшетиловъ еще издали замѣтилъ Вѣру Павловну, разговаривавшую черезъ окно съ мущиною въ сѣрой шляпѣ и щегольскомъ не по деревенски пиджакѣ. Онъ стоялъ спиной къ Рѣшетилову, помахивая хлыстикомъ и немного закидывая голову, такъ какъ окно было довольно высоко надъ землей; но

хотя Рѣшетилову не видно было его лица, во всей фигурѣ его чувствовалось ему что-то знакомое—какое-то отдаленное, бѣглое воспоминаніе; гдѣ-то онъ непремѣнно видѣлъ его и почему нибудь тогда же обратилъ на него вниманіе. Черезъ минуту окно захлопнулось, незнакомый господинъ изящно приподнялъ шляпу и пошелъ черезъ дворъ; въ воротахъ онъ столкнулся съ Рѣшетиловымъ, тутъ только узнавшимъ въ немъ Косовицына. Они прошли другъ мимо друга, обмѣнявшись молчаливымъ взглядомъ; тонкая, ползучая улыбка, какъ показалось Рѣшетилову, промелькнула на губахъ Косовицына и слегка прищурила глаза.

„Что онъ здѣсь дѣлалъ?“ съ подозрительнымъ изумленіемъ шевельнулось въ головѣ Рѣшетилова. Со времени первой встрѣчи съ Вѣрой Павловной онъ ни разу не вспоминалъ о Косовицынѣ; и вдругъ теперь всѣ мельчайшія обстоятельства этой встрѣчи мгновенно всплыли передъ нимъ, точно ударили въ него. Весь этотъ раутъ, пестрый и скучный, несмотря на пестоту губернскаго haute volée, раздраженное остроуміе Чакольскаго, обвѣянная какимъ-то изящнымъ лукавствомъ фигура Вѣры Павловны, рѣзко отдѣлявшаяся на безличномъ фонѣ провинціальной гостиной, неожиданное появленіе Косовицына, смущеніе Вѣры Павловны, и потомъ взглядъ, брошенный ею на Косовицына и поразившій Рѣшетилова смутнымъ почувствованіемъ какой-то большой и неоконченной драмы—все, безъ ту-

мана, безъ перспективы, близко и ясно наплыло на него. Онъ вдругъ примѣтилъ, что что́-то постороннее, какая-то третья жизнь примѣшивалась къ этому существованію *вдвоемъ*, которымъ онъ жилъ теперь...

Онъ нашелъ Вѣру Павловну въ той самой комнатѣ, изъ окна которой она разговаривала съ Косовицынымъ. Она быстро встала ему навстрѣчу, засмѣялась чему-то и обмахнулась платкомъ, который мяла въ рукѣ; какая-то нервная напряженность выражалась въ ея движеніяхъ, на лицѣ ея не было красокъ, и тонкая голубая жилка трепетала на уголкѣ губъ.

— У васъ Косовицынъ былъ? съ какимъ-то боязливымъ нетерпѣніемъ спросилъ Рѣшетиловъ.

— Косовицынъ, да... неторопливо отвѣтила Вѣра Павловна.

— Вы его давно знаете?

— Давно...

Оба съ какимъ-то подозрительнымъ замѣшательствомъ посмотрѣли другъ на друга.

— Я замѣтилъ его въ тотъ вечеръ, когда мы въ первый разъ встрѣтились; мнѣ показалось, тебѣ непріятно было съ нимъ столкнуться — продолжалъ Рѣшетиловъ, мѣшая *вы* и *ты*, какъ у нихъ всегда выходило послѣ первыхъ словъ.

Вѣра Павловна придвинула скамеечку, протянула ножки, обутыя въ тонкіе чулки и крошечныя бархатныя туфельки, и откинулась на спинку кресла.

— Не знаю, что ему отъ меня надо; онъ почти навязался мнѣ—отвѣтила она, и перемѣнила разговоръ.

„Что-то есть“, подозрительно заключилъ Рѣшетиловъ.

И онъ не ошибся—онъ только не зналъ, что еслибы Вѣра Павловна захотѣла быть съ нимъ вполнѣ откровенной, она все равно не умѣла бы прибавить ни одного слова къ прерванному разговору Нервы у нея были разстроены, какое-то сложное, почти злобное, но еще не совсѣмъ ясное чувство накипало въ ней, но она не могла бы назвать его. Въ сущности, ничего особеннаго, необычайнаго и непредвидѣннаго не случилось въ этотъ день; правда, она не ожидала Косовицына, но развѣ вчера онъ не благодарилъ ее за позволеніе бывать у меня, и развѣ это не значило, что его надо было ожидать каждый день, каждый часъ? Однакожъ, въ этомъ посѣщеніи промелькнулъ какой-то неуловимый оттѣнокъ, котораго она не умѣла растолковать себѣ, и въ которомъ и заключалось самое „что-то“. Главное, конечно, состояло въ томъ, что все, такъ странно случившееся вчера и объясняемое нервнымъ волненіемъ, страхомъ, темнотой, внезапностью, повторилось сегодня, среди бѣлаго дня, не врасплохъ, не на большой дорогѣ, а у нея въ домѣ—и она чувствовала себя также застигнутою врасплохъ, также беззащитною. То, что̀ казалось ей возможнымъ только подъ вліяніемъ минуты, повторилось въ другую минуту, и слѣдователь-

но входило въ обыденный, нормальный кругъ. Конечно, еслибъ она приняла мѣры, Косовицынъ не вошелъ бы къ ней; но она забыла предупредить прислугу, а безтолковый Григорій съ какою-то глупою радостью распахнулъ передъ Валеріаномъ Николаичемъ двери ея гостиной. И когда Косовицынъ подошелъ къ ней, взглянулъ на нее, пожалъ ей руку, передвинулъ кресло, заговорилъ—спокойно, какъ будто даже довѣрчиво, съ оттѣнкомъ дружественности и давней привычки — она почувствовала, что все, стоявшее между нимъ и ею, разрушено вчера, и ей нечѣмъ защищаться. И опять, со страхомъ и любопытствомъ, она ждала намека, воспоминанія — и вмѣсто намека, Косовицынъ просто и прямо заговорилъ о прошедшемъ, снисходительно упрекалъ себя, обвиняя впрочемъ во всемъ Эрнестину, и радовался, что случай опять сводилъ ихъ вмѣстѣ — *по прежнему*. Она особенно запомнила это *по прежнему*; оно съ какою-то болью прозвенѣло въ ея ушахъ, и она почувствовала необходимость именно теперь, привязавшись къ этому слову, высказать всю невозможность прежняго, всю оскорбительность самаго намека на прежнее. Но она ничего не сказала; возмущенныя, горькія слова безпорядочно толпились у нея въ головѣ и только путали ея мысли. Она только желала, чтобъ это поскорѣе чѣмъ нибудь объяснилось, развязалось, кончилось: ее страшила перспектива неопредѣленныхъ, сложныхъ, тягостныхъ отношеній.

„Я вѣдь ненавижу его“, думала она, встрѣчаясь съ его холоднымъ, играющимъ взглядомъ.—„Нѣтъ, поправлялась она черезъ минуту — это не то. Онъ угнетаетъ меня; это малодушіе“.

IV.

Пока Рѣшетиловъ возвращался домой отъ Вѣры Павловны, къ усадьбѣ его подъѣхала телѣжка, запряженная приземистой парой обывательскихъ. И телѣжка, и сидѣвшій въ ней господинъ небольшаго раста и огорченной наружности, и ямщикъ въ армякѣ съ такимъ высокимъ и широкимъ воротомъ, что онъ уходилъ въ него съ головой, и даже заморенная обывательская пара—все было покрыто густымъ слоемъ пыли и представляло самый невзрачный видъ — до того неврачный что старый Осипъ, разглядѣвшій ихъ всѣхъ изъ окна, пришелъ въ нѣкоторое недоумѣніе, и вмѣсто того, чтобы выбѣжать на крыльцо, только распахнулъ окно и высунулъ въ него свою сѣдую голову.

— Эй, обезьяна! неожиданно и быстро обратился къ нему господинъ огорченной наружности,—это наконецъ Рѣшетиловка, что̀ ли?

Старый слуга, мало польщенный такимъ обращеніемъ, прищуренно оглядѣлъ незнакомца и не торопился съ отвѣтомъ:

— Никакой тутъ нѣтъ Рѣшетиловки, а называется самая эта вотчина сельцо Болтышево — пояснилъ онъ наконецъ медленно, съ какою-то даже сановитостью въ голосѣ. — Господа Рѣшетиловы точно здѣсь живутъ, а только никакой Рѣшетиловки тутъ нѣтъ.

Незнакомый гость, между тѣмъ, слезъ уже съ телѣжки, причемъ чуть не запутался въ несоразмѣрно длинномъ плащѣ съ исполосаннымъ пылью капюшономъ, и извлекъ изъ подъ сидѣнья довольно умѣренный сакъ, въ родѣ тѣхъ, съ какими губернскія вдовы ходятъ на рынокъ.

— Ну, какъ же еще не Рѣшетиловка? говорилъ онъ, безъ дальнѣйшихъ околичностей направляясь прямо въ сѣни и нѣсколько оттѣсняя Осипа, выбѣжавшаго наконецъ навстрѣчу. — Рѣшетиловъ живетъ, стало быть и Рѣшетиловка; у насъ всѣ деревни такъ называются.

— И деревни тутъ нѣтъ, возразилъ видимо-враждебно настроенный Осипъ.—Деревня будетъ вонъ, за переваломъ, а здѣсь усадьба, вотчина тожь. Если вамъ въ деревню надо, такъ пожалуйте дальше, вонъ по той дорогѣ.

— Ну, заговорилъ! Ѳедоръ Петровичъ дома? продолжалъ, не обращая на него вниманія, гость. — Доложи: Чакольскій, изъ Бѣлогорска—не переврешь?

— Что̀ переврать — и докладывать-то совсѣмъ некому, отвѣтилъ Осипъ.—Ѳедора Петровича дома нѣтъ.

— Нѣтъ? ну, такъ будетъ. А ты проведи-ка меня въ кабинетъ. Сюда, что-ли?

— Да вы по дѣлу, или какъ? Ежели по дѣлу, въ пріемную комнату пожалуйте, приставалъ Осипъ. Но Чакольскій, не слушая его, шелъ дальше.

— Чтожь, сударь, вы во всемъ такъ и въ комнаты войти желаете? Шинельку-то скинуть надо, укоризненно остановилъ его старый слуга.

Чакольскій сбросилъ свой побѣлѣвшій отъ пыли плащъ, швырнулъ куда-то подъ столъ сакъ, и опустился съ ногами на первый попавшійся диванъ. Осипъ, пошевеливая сѣдыми бровями и бормоча что-то, понесъ шинельку въ переднюю, но тотчасъ вернулся и принялся — безъ всякой надобности обмахивать мѣбель, искоса взглядывая на незнакомаго гостя: онъ очевидно опасался оставить его одного въ кабинетѣ.

Чакольскій зѣвнулъ нѣсколько разъ, потянулся и обвелъ глазами комнату.

„Экъ, барства-то сколько“, мысленно выругался онъ, скользя взглядомъ по непривычнымъ, стариннымъ формамъ мѣбели, фамильнымъ портретамъ на стѣнахъ и множеству мелочей, въ родѣ никуда негоднаго ружья или станка для чубуковъ, почему-то непремѣнно встрѣчающихся въ иныхъ помѣщичьихъ домахъ, несмотря на всю ихъ безполезность. — „И этого дурака нарочно для важности держатъ, потому что изъ крѣпостныхъ“.

„Дуракъ“ между тѣмъ твердо занялъ позицію у притолки, заложивъ руки за спину и слегка понуривъ свою

сѣдую голову. Чакольскій по привычкѣ тотчасъ обратился къ нему съ разговоромъ.

— Ты вѣдь изъ крѣпостныхъ? спросилъ онъ.

— Изъ какихъ же еще? отозвался Осипъ.

— Поэтому, должно быть, тебя и держатъ—для важности.

Осипъ очевидно не понялъ, что хотѣлъ сказать Чакольскій, и только подозрительно взглянулъ на него.

— Такая ихняя милость ко мнѣ была, произнесъ онъ.—Ахъ, батюшки, да никакъ Ѳедоръ Петровичъ! воскликнулъ онъ вдругъ, завидѣвъ въ окно Рѣшетилова, и бросился бѣгомъ изъ комнаты.

Рѣшетиловъ не мало удивился неожиданному появленію Чакольскаго.

— Ты не знаешь, я вѣдь къ тебѣ проститься пріѣхалъ, въ Питеръ совсѣмъ уѣзжаю! объяснилъ послѣдній.—Опротивѣла мнѣ эта сторона, мочи больше нѣтъ. Посмотрю, какъ въ Питерѣ живутъ, понравится—останусь, а не понравится—такъ ужь не знаю, что и сдѣлать съ собой.

— Да чего жь такъ вдругъ? спросилъ съ недоумѣніемъ Рѣшетиловъ.

— Не вдругъ, пріятель, не вдругъ, отвѣтилъ Чакольскій, и по лицу его пробѣжало болѣзненное раздраженіе.—Давно уже меня тошнитъ здѣсь отъ всѣхъ вашихъ благополучій—мочи больше нѣтъ.

„Не Вѣра-ли Павловна?...“ подумалъ Рѣшетиловъ.

— Что жь ты тамъ дѣлать будешь? спросилъ онъ.

— Работать буду... въ журналахъ... отвѣтилъ какъ-то сурово Чакольскій.

На другое утро онъ всталъ рано, какъ никогда не вставалъ въ городѣ, и подбѣжалъ къ окну. Онъ взглянулъ на небо—небо было обыкновенное, ясное, голубое, такое самое, какъ въ Бѣлогорскѣ. Онъ отыскалъ глазами солнце—солнце было тоже совсѣмъ обыкновенное и заставило его тотчасъ зажмуриться; а „восхода солнца“, котораго онъ именно искалъ, совсѣмъ не оказалось. Онъ перенесъ взглядъ пониже, и тоже не встрѣтилъ ничего, заслуживающаго вниманія. Окно выходило на задній дворъ; службы тянулись по обѣ стороны, кто-то тащилъ ведро изъ колодца, куры хлопали крыльями подлѣ лужицы, баба въ повойникѣ и грязной понявѣ сыпала имъ зерно изъ заскорузлой пригоршни; гдѣ-то жалобно мычала корова; подальше, за плетнемъ, отдавался стукъ топора. Все это чѣмъ-то *не тѣмъ*, чѣмъ-то ужасно простымъ и приглядѣвшимся показалось Чакольскому.—„Сараи, курятники, баба въ понявѣ — это вѣдь и въ городѣ бываетъ, думалъ онъ; и даже лужа на дворѣ моей собственной квартиры точно такая же; вотъ развѣ только колодца такого я не видалъ“.

Онъ досталъ изъ сака довольно опрятное городское платье, одѣлся и выпрыгнулъ въ окно. Низкое, еще жаркое солнце затопляло дворъ косыми лучами; свѣжесть росы, утра, деревни, чувствовалась въ испаре-

ніяхъ. „Вотъ когда хорошо, „подумалъ Чакольскій и дышалъ медленно, внимательно, точно смакуя каждый глотокъ воздуха. Баба въ понявѣ поглядѣла на него, заслонившись рукою отъ солнца, и низко-пренизко поклонилась. Онъ подошелъ къ колодцу, осмотрѣлъ его кругомъ, даже взглянулъ зачѣмъ-то внутрь; но особеннаго и тутъ ничего не оказалось. Онъ постоялъ съ минуту, наблюдая, какъ маленькій, сухощавый мужиченко зачерпнулъ ковшъ, набралъ воды въ ротъ и, поплевывая въ руки, умылся. „Больше ничего, какъ свинство“, заключилъ тутъ же Чакольскій, и пошелъ дальше.

Встрѣтивъ Осипа, онъ распросилъ, какъ пройти на работы, и тотчасъ зашагалъ по указанному направленію, отказавшись даже отъ чаю. Вернулся онъ уже къ полудню, усталый, не въ духѣ и страшно проголодавшійся: первые опыты изученія народнаго быта. очевидно, доставались ему не легко. На крыльцѣ онъ столкнулся съ Рѣшетиловымъ, которому подавали его таратайку.

— Куда это? по участку? спросилъ Чакольскій.

— Да, по участку... отвѣтилъ съ легкой запинкой Рѣшетиловъ.

— Возьми меня съ собой... только я ѣсть какъ собака хочу... жалобно проговорилъ Чакольскій.

— Вотъ Осипъ тебя накормитъ. А съ собой, извини, не могу тебя взять, тороплюсь — отдѣлывался Рѣшетиловъ, и быстро впрыгнувъ въ свой домодѣльный кабріо-

летъ, тронулъ возжами. Черезъ минуту онъ уже скрылся на поворотѣ въ Семиполье.

Въ маленькой гостиной онъ не засталъ Вѣры Павловны; но изъ-за притворенной двери въ спальную слышно было, какъ она весело напѣвала что-то, и въ щелку мелькала ея бѣлая блуза. Онъ постучалъ въ дверь. — „Войдите, войдите,“ послышался обрадованный голосъ изъ спальной.

Онъ вошелъ и наступилъ на что-то мягкое.—„Ахъ!“ съ испугомъ вскрикнула Вѣра Павловна, бросаясь къ нему. — „Моя амазонка!“

Рѣшетиловъ тутъ только оглянулся: посреди комнаты стоялъ огромный ящикъ, и на диванахъ, на креслахъ, на полу, лежали только-что разобранныя принадлежности туалета. Великолѣпная амазонка, раскинутая на столѣ, падала тяжелымъ шлейфомъ на полъ, и загораживала половину комнаты.

— Только-что получила! посмотрите! отъ моей петербургской модистки! восхищалась Вѣра Павловна, скользя по ковру между разложенными вещами и радостно дотрогиваясь до нихъ руками, сверкавшими изъ-подъ широкихъ складокъ пеньюара. — Сколько вкусу, сколько воображенія... Но въ особенности эта амазонка: c'est chèr, mais c'est sublime.

— Но зачѣмъ же вамъ амазонка? развѣ вы ѣздите верхомъ? спросилъ нѣсколько оглушенный и какъ-будто чѣмъ-то шокированный Рѣшетиловъ.

— Верхомъ? еще бы! воскликнула Вѣра Павловна, и схвативъ низенькую шляпу, надвинула ее на брови и подбѣжала къ зеркалу. — Въ деревнѣ — это такое удовольствіе! Et puis — c'est reçu. Approche-toi, est ce que ça me va beaucoup? Видъ мальчишки, не правда-ли?

— Но у тебя нѣтъ лошадей? продолжалъ все тѣмъ же, какъ-будто недовольнымъ, тономъ Рѣшетиловъ.

— Лошадей? я достану... мнѣ обѣщали. Ахъ, послушай, мнѣ не пришло въ голову: ты вѣдь ѣздишь верхомъ, конечно?

— Нѣтъ, не ѣзжу.

— Нѣтъ?...

Вѣра Павловна приподняла поля шляпы и близко, полуудивленно и недовѣрчиво, посмотрѣла въ глаза Рѣшетилову.

— Это жаль... но ты научишься, это такъ легко. — Послушай, подожди меня минутку, и хочу примѣрить весь костюмъ.

И схвативъ обѣими руками амазонку, Вѣра Павловна быстро изчезла за драпировкой, напѣвая что-то въ полголоса и весело помахивая головой.

— Нѣтъ, ты долженъ отдать справедливость моей модисткѣ — почти кричала она, появляясь черезъ нѣсколько минутъ въ амазонкѣ, въ шляпѣ, въ длинныхъ перчаткахъ, съ хлыстикомъ въ рукѣ. — Сколько искусства, сколько вкусу... больше невозможно требовать.

Она приблизилась къ трюмо, неся на рукѣ длинный

quen амазонки и любуясь сама изящнымъ контуромъ таліи, мягко обтянутой сукномъ. „Да, этотъ нарядъ идетъ ко мнѣ“, увѣренно рѣшила она.

Въ эту минуту лошадиный топотъ послышался на дворѣ, и Рѣшетиловъ увидѣлъ въ окно Косовицина на красивой англизированной лошади; сзади его конюхъ велъ на поводу такую же лошадь подъ дамскимъ сѣдломъ. — „Такъ вотъ зачѣмъ амазонка“, съ тупою злобой подумалъ Рѣшетиловъ.

— Ахъ, какъ это кстати... проговорила Вѣра Павловна, и Рѣшетилову показалось, что какая-то сконфуженная тѣнь пробѣжала по ея лицу. Косовицынъ поднялся на крылечко, съ снисходительной небрежностью кивнулъ головой Рѣшетилову и остановился, всплеснувъ руками, передъ Вѣрой Павловной.

— Да вы уже готовы! успѣли получить, примѣрить, надѣть, привыкнуть, овладѣть! Ma foi, если вы также скоро овладѣете лошадью, мнѣ придется учиться у васъ. Право, глядя на васъ въ этомъ костюмѣ, не хочется вѣрить, чтобы вы десять лѣтъ не садились въ сѣдло.

Вѣра Павловна улыбалась — незначительно, съ легкимъ оттѣнкомъ равнодушной признательности, какъ улыбалась бы маркиза прошлаго вѣка, стоя между зеркаломъ и петиметромъ. Обернувшись къ Косовицыну, она продолжала видѣть въ широкомъ трюмо свое стройное отраженіе. Она уже овладѣла собой—и стихіей, въ которой чувствовала себя привольно.—Вы не знакомы?

спросила она, обращаясь къ обоимъ гостямъ, и тотчасъ представила ихъ другъ другу. Рѣшетиловъ молча поклонился, Косовицынъ проговорилъ какую-то любезность и неожиданно прибавилъ, что будетъ имѣть честь лично явиться засвидѣтельствовать почтеніе мировому посреднику, о которомъ такъ много и такъ давно наслышанъ.

„О немъ дѣло поступило въ мировой съѣздъ“, припомнилъ Рѣшетиловъ.

— Что-жь, поѣдемте? обратился Косовицынъ къ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Я готова... Ѳедоръ Петровичъ, вамъ непремѣнно надо выучиться ѣздить верхомъ, отвѣтила Вѣра Павловна, и ея ласковый, почти заискивающій взглядъ скользнулъ по лицу Рѣшетилова. Тотъ сталъ прощаться.

— Да вы бы проводили насъ въ кабріолетѣ; или я велю подать вамъ экипажъ... просила Вѣра Павловна.

— Мегсі, мнѣ будетъ не по дорогѣ, да и некогда, отказался Рѣшетиловъ.

Онъ холодно поклонился и вышелъ. Но въ одной изъ маленькихъ комнатъ, черезъ которыя ему слѣдовало пройти, онъ услышалъ за собой торопливые шаги и, оглянувшись, увидѣлъ Вѣру Павловну.

— Послушай... заговорила она, догнавъ его и положивъ руку ему на плечо.—Я побѣжала за тобой, чтобъ спросить тебя... ты недоволенъ, что я ѣду?

— Мнѣ жаль, что я не могу раздѣлить съ тобой это удовольствіе, сухо отвѣтилъ Рѣшетиловъ.

Вѣра Павловна повернула его къ себѣ за плечо и снизу, ласково и вкрадчиво заглянула ему въ глаза.

— Нѣтъ, не то; я знаю, ты сердишься. Но, мой другъ, еслибъ я могла предвидѣть, что это будетъ тебѣ непріятно... теперь мнѣ неловко было отказаться, послѣ такой предупредительности.

— Да и зачѣмъ отказываться? развѣ я сказалъ хоть слово? проговорилъ Рѣшетиловъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, ты сердишься? повторяла Вѣра Павловна, прижимаясь къ нему и касаясь его лица пахучими волосами. — Но, послушай, я откажусь, скажу, что у меня голова разболѣлась, что я боюсь... сниму сейчасъ эту амазонку...

— Ахъ, къ чему это! проговорилъ Рѣшетиловъ, и тихонько отстранивъ ее, вышелъ изъ комнаты.

V.

Рѣшетиловъ не лгалъ, говоря, что ему „некогда“: въ послѣдніе дни у него накопилось много дѣла и по участку, и по имѣнію. Кирпичный заводъ, который онъ по совѣту Тихона Петровича началъ строить, подвигался медленно, а надо было захватить еще лѣтомъ горячее время; притомъ начались покосы, чинили плотину на мельницѣ, приближалась ярмарка; по участку накоплялись дѣла о потравахъ и побѣгахъ съ работъ, въ ми-

ровой съѣздъ поступила жалоба крестьянъ на Косовицына, испортившаго льномъ водопой. Рѣшетиловъ почти радъ былъ этимъ накопившимся заботамъ, этой горячей порѣ, требовавшей отъ него дѣятельнаго напряженія: что-то надламывалось у него внутри, и ему хотѣлось освѣжиться въ привычномъ, черномъ трудѣ и разогнать безпокойныя и сложныя ощущенія, похожія на усталость, накипавшія въ душѣ.

Онъ рѣшилъ покончить прежде всего мелкія и наиболѣе надоѣдавшія дѣла, и поѣхалъ на „хутора“.

Этимъ собирательнымъ именемъ называлось, какъ мы уже упоминали, мелкопомѣстное гнѣздо, лежавшее въ сторонѣ отъ большой дороги и представлявшее въ полномъ смыслѣ такъ называемую *глушь*. Здѣсь кучились помѣщики сорока и даже двадцати десятинъ, долговременной тяжбой вымученныхъ въ раздѣлъ и предназначенныхъ такимъ же порядкомъ дѣлиться въ новомъ поколѣніи; доживали вѣкъ заштатные причетники, отставные солдаты и прочая хуторянская мелюзга, заявлявшая свое существованіе большею частью лишь кляузами въ присутственныхъ мѣстахъ. Многіе рождались и умирали здѣсь, никогда не видавъ губернскаго города. Были помѣщики и покрупнѣе, владѣвшіе двумя и тремя сотнями десятинъ, ѣздившіе на ярмарку въ парной бричкѣ съ кожанымъ верхомъ и по большимъ праздникамъ пившіе чай въ кельѣ у настоятеля; такіе считались богачами и аристократами и служили всегдашнимъ

предметомъ хуторянскихъ сплетенъ. Сплетня вообще доходила здѣсь до страсти, до буйства — можетъ быть потому, что по какому-то странному закону природы женское населеніе „хуторовъ“ постоянно преобладало численностью надъ мужскимъ. Жизнь лѣниво и мягко вращалась въ простыхъ, исконныхъ, излюбленныхъ формахъ, не трогала и не тяготила; даже холеры никогда не было на „хуторахъ“, и только нескончаемыя сосѣдскія дрязги и кляузы возмущали царившія здѣсь тишь, да гладь, да глушь.

Рѣшетиловъ погналъ малорослую лошадку по узенькому проселку, змѣившемуся между полями, огородами и усадьбами; онъ отыскивалъ какую-то „Авдѣеву ниву“, владѣлецъ который подалъ ему разомъ болѣе десяти жалобъ на потравы, и на котраго крестьяне пришли цѣлымъ міромъ жаловаться за произвольный загонъ скота. Уже съ часъ плуталъ Рѣшетиловъ по безтолковой дорогѣ, никакъ не попадая въ „Авдѣеву ниву“; распрашивать было почти безполезно, потому что дорога вилась и путалась до такой степени, что всякія объясненія дѣлались непонятными. Онъ наконецъ остановился, рѣшившись отыскать какого нибудь босоногаго мальчишку и взять его съ собой въ проводники. Дорога въ этомъ мѣстѣ врѣзывалась въ самое *гнѣздо*: по всѣмъ направленіямъ, близко и далеко, пестрѣли досчатыя и соломенныя кровли, желтѣли крошечные и тщательно огороженные лоскутки полей, зеленѣли сады;

направо истоптанный выгонъ упирался въ самую дорогу, налѣво тянулся низенькій плетень, засаженный подсолнечниками и огораживавшій ржаное поле. Плетень былъ совсѣмъ ветхій, такъ что не только корова, но и теленокъ, толкнувъ мордой, могъ бы поднять его на себя; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже какъ-будто нарочно были надѣланы пролазы. Рожь высоко и роскошно колосилась; въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ остановился Рѣшетиловъ, одиноко торчала за плетнемъ развѣсистая калина, и узкая тропинка вела отъ нея къ усадьбѣ, пестрѣвшей на другомъ концѣ пашни. Пока Рѣшетиловъ раздумывалъ: объѣзжать ли кругомъ плетня, или оставить здѣсь таратайку и направиться пѣшкомъ по протоптанной тропинкѣ прямо къ дому, изъ-подъ вѣтвей калины неожиданно возникла передъ нимъ довольно странная человѣческая фигура. Это былъ мужчина лѣтъ сорока-пяти, немного выше средняго роста, жирный, безъ бороды, съ загорѣлымъ лицомъ и живыми, хотя заплывшими глазами; сѣренькій нанковый балахонъ домашняго покроя, вмѣстѣ съ такими же панталонами, просторно облекалъ ето члены и обнаруживалъ не совсѣмъ чистое бѣлье и открытую шею, около которой мотались тесемки отъ ворота. Короткая жирная рука была вооружена длиннѣйшей хворостиной, которую владѣлецъ ея не безъ затрудненія извлекъ изъ-подъ куста, съ трескомъ надломивъ нѣсколько сучьевъ и запачкавъ плечо въ зелени. Рѣшетиловъ, никакъ не предполагав-

шій такъ близко отъ себя присутствія живаго существа, даже попятился въ первую минуту, и съ недоумѣніемъ глядѣлъ на человѣка, такъ внезапно и при такихъ нѣсколько странныхъ обстоятельствахъ возникшаго передъ нимъ. Но незнакомецъ не обнаруживалъ никакихъ враждебныхъ намѣреній, и заплывшіе глазки его весело, даже подобострастно щурились на Рѣшетилова, и какая-то жирная улыбка лежала на всемъ лицѣ.

— Хи-хи... вдругъ неявственно, точно за галстухъ, усмѣхнулся толстякъ, не сводя съ Рѣшетилова маслянистаго и чѣмъ-то чрезвычайно довольнаго взгляда. И вдругъ, стегнувъ хворостиной по какой-то неопредѣленной массѣ, шевелившейся въ кустѣ у его ногъ, прикрикнулъ громко:

— Ядоръ, кушъ!

— Скажите пожалуйста, обратился къ нему Рѣшетиловъ—какъ тутъ ближе проѣхать къ Авдѣевой нивѣ?

Толстякъ распустилъ обѣ руки въ видѣ крыльевъ и быстро обернулся вокругъ собственной оси.

— А вотъ она тутъ и есть. Вотъ она самая и есть—объяснилъ онъ, и лицо его окончательно расплылось въ сладчайшую улыбку.--А вотъ граница—прибавилъ онъ вдругъ строго, почти нахмуриваясь, и показывая хворостиной на плетень,—вотъ граница, и она бдительно оберегается. Но невѣжество и злоба производятъ ежечасныя нарушенія...

— Позвольте узнать, не съ господиномъ ли Методи-

стовымъ я имѣю честь говорить? спросилъ Рѣшетиловъ, вспомнившій прошенія и по сходству выраженій догадавшійся, что въ тучномъ незнакомцѣ предстоялъ предъ нимъ самъ владѣлецъ Авдѣевой нивы.

— Точно такъ, милостивый государь, вы видите передъ собою Методистова, потомственнаго дворянина Авделая Семеновича Методист... Ядоръ, кушъ, тебѣ говорятъ! вдругъ прервалъ себя толстякъ, опять стегнувъ хворостиной по какой-то живой массѣ, копошившейся въ кустѣ.

— За что вы собаку бьете? укорилъ его Рѣшетиловъ.

— Собаку? хи-хи!... усмѣхнулся Методистовъ. — А позвольте въ свою очередь полюбопытствовать, съ кѣмъ я имѣю честь бесѣдовать? Потому что человѣкъ просвѣщенный и незнакомый большая рѣдкость въ этихъ мѣстахъ.

Рѣшетиловъ назвалъ себя. Толстякъ внезапно забѣгалъ глазами, отшвырнулъ хворостину, схватилъ для чего-то пальцами тесемки отъ воротничка и выразилъ всей своей фигурой безпредѣльное замѣшательство.

— Не ожидалъ... никакъ не ожидалъ! не былъ предупрежденъ, рѣшительно никѣмъ не былъ предупрежденъ— несвязно бормоталъ онъ, тщетно пытаясь прыгающими пальцами завязать воротъ.—Умѣлъ бы иначе и... то-есть устроить; хотя удрученъ, но умѣлъ бы принять...

— Да ничего, вы не безпокойтесь пожалуйста, уго-

варивалъ его, удерживаясь отъ улыбки, Рѣшетиловъ.— Только объясните, какъ къ вамъ проѣхать, если вы непремѣнно хотите вести дѣло въ комнатахъ.

— Проѣхать? да тутъ можно, вотъ по этой тропинкѣ, прямехонько на крыльцо пройти. Шестьдесятъ шаговъ. А колясочку вашу я сейчасъ устрою... Ядоръ, ісі!

На этотъ кличъ, къ величайшему изумленію Рѣшетилова, вылѣзъ изъ-подъ куста, вмѣсто предполагаемой собаки, огромнѣйшій мужикъ, съ такой же хворостиной въ одной рукѣ и порядочной дубинкой въ другой, и сталъ, какъ вкопанный, предъ лицомъ владѣльца Авдѣевой нивы, одичало поглядывая изъ-подъ взлохматившихся волосъ.

— Какъ, это онъ тамъ былъ, подъ кустомъ! Ядоръ-то? спросилъ до крайности изумленный Рѣшетиловъ.

— Онъ, онъ самый, больше никому не довѣрю! объяснилъ съ прежнею сладчайшей улыбкой Методистовъ.— Это самый Ядоръ и есть; а вы думали собака? Совершенно православное имя, хотя рѣдко употребляемое; собственно говоря Іадоръ, а не Ядоръ; но для удобства произношенія. Февруарія 4 дня празднуется православною церковью. Совершенно такъ, хотя многимъ неизвѣстно.

— Что же это однако вы здѣсь дѣлаете?

— А это мой наблюдательный постъ. Удрученный невѣжествомъ и злобой сосѣдствующихъ владѣльцевъ, большею частью низкаго происхожденія и отсутствую-

щаго образованія, принужденъ оберегать границу.— Ядоръ, ісі!—вдругъ крикнулъ Авделай Семенычъ, быстро обращаясь къ слугѣ. — Да, ты здѣсь—продолжалъ онъ тише—возьми лошадь господина мироваго посредника подъ уздцы и отведи вмѣстѣ съ экипажемъ во дворъ. И затѣмъ возвращайся къ посту и удвой бдительность; ибо не вѣдаемъ ни дня, ни часу...

— Это вы на счетъ потравъ? спросилъ окончательно изумленный Рѣшетиловъ.

— Принужденъ! принужденъ! воскликнулъ, придвинувшись къ нему, Методистовъ. — Невѣжество и злоба ежечасно нарушаютъ, какъ я имѣлъ честь объяснить въ моихъ прошеніяхъ. Принужденъ собственной особой оберегать границу и изловлять...

Рѣшетиловъ подозрительно оглянулся: пролазы въ плетнѣ были подѣланы какъ будто нарочно поближе къ мѣсту, выбранному Методистовымъ для засады, и потоптанная около нихъ рожь свидѣтельствовала, что уже не мало четвероногихъ жертвъ попало въ руки владѣльца „Авдѣевой нивы“ и его вѣрнаго Ядора.

— И много вы изловляете? полюбопытствовалъ Рѣшетиловъ.

— Различно, отвѣтилъ Методистовъ; — иногда болѣе, и иногда менѣе. Невѣжество и злоба...

— А что жь вы дѣлаете со скотомъ? загоняете?

— Загоняю.

— И взыскиваете?

— И взыскиваю.

— И еще жалуетесь?

— Жалуюсь, потому что удрученъ. Нѣтъ возможности услѣдить всѣ ухищренія врага. Іюня 22 числа въ пятницу, нарочито въ ночное время пущены были корова и двѣ свиньи крестьяниномъ Михаиломъ Ивановымъ, и потоптали болѣе десятины, о чемъ подробно изъяснено въ прошеніи моемъ отъ 23 числа. Іюня 26 числа, во вторникъ, изловлена корова заштатнаго діакона Пелопонесова и, какъ находившаяся въ болѣзненномъ состояніи, издохла того же числа. по какому случаю сочинено имъ на меня ябедное прошеніе, въ намѣреніи причинить ущербъ не только моему состоянію, но и самой чести... — Ядоръ, ісі! пиль! вдругъ, сорвавшись, крикнулъ Методистовъ и стремительно ринулся къ пролазу, черезъ который только-что спокойно перешагнула свинья, сопровождаемая цѣлымъ семействомъ поросятъ. Тучная фигура Методистова мгновенно исчеза во ржи, оставляя за собою широкій примятый слѣдъ; свинья принялась озлобленно хрюкать и скакать, выбрасывая задними ногами, поросята жалобно визжали; Методистовъ то всплывалъ надъ колосившейся поверхностью поля, то вновь, пригнувшись, стремительно кидался по другому направленію.

— Ядоръ, чортъ, ісі! пиль! ревѣлъ запыхавшійся Авделай Семенычъ, совсѣмъ забывшій, что его вѣрнаго сподвижника не было при немъ.—Въ обходъ, съ тылу,

бей въ мою голову! на перерѣзъ, голубчикъ, на перерѣзъ! рокоталъ и жалобно стоналъ онъ, помахивая кускомъ надломившейся хворостины. Наконецъ, нагнавъ свинью, онъ упалъ и придавилъ ее всею своею тушей; животное отчаянно захрипѣло.

Минуты черезъ три Авделай Семенычъ, красный и обильно обливаемый потомъ, предсталъ предъ Рѣшетилова, съ торжествомъ влача на веревкѣ побѣжденнаго и тяжело дышащаго врага.

— Видѣли? видѣли? стремительно обратился онъ къ Рѣшетилову. — Это пелопонесовская свинья! это *его* свинья! у меня замѣтинка есть, вотъ потрудитесь взглянуть.

И онъ показалъ Рѣшетилову надрѣзанный кончикъ уха.

— Эта бестія второй разъ ко мнѣ попадаетъ; ужь я ее дешево не выпущу,—говорилъ Методистовъ, тяжело дыша и продолжая влачить животное, съ хриплымъ хрюканьемъ упиравшееся изо всѣхъ силъ ногами.—По таксѣ, по таксѣ не угодно ли будетъ! А, среди бѣла дня? Въ присутствіи мироваго посредника!

Вдругъ онъ ударилъ себя свободной ладонью по лбу и одичало повелъ глазами.

— Поросята разбѣжались! трагически воскликнулъ онъ и едва не выпустилъ изъ рукъ веревки. —Не поймалъ! не могъ поймать! Ядора не было! замѣшкался мошенникъ...—Но вы видѣли, вы были свидѣтелемъ —

обратился онъ вдругъ къ Рѣшетилову—ваше слово дороже присяги. Вы сами видѣли, вы взыщете! и по таксѣ! по таксѣ!

Втроемъ—потому что свинья слѣдовала за ними — они направились къ домику. Методистовъ не переставалъ браниться, грозить и жаловаться на невѣжество и злобу; но въ душѣ онъ былъ чрезвычайно доволенъ результатами сегодняшней охоты. Передъ самымъ крыльцомъ онъ вдругъ шмыгнулъ вспорону, влача за собой несчастное животное; Рѣшетиловъ изъ любопытства направился за нимъ. Въ углу двора, черезъ который они прошли, устроенъ былъ обширный загонъ, обнесенный частоколомъ, съ запертыми на замокъ воротами; въ промежуткѣ между палями выглядывали, жалобно мыча, коровы и телята, и слышалось лошадиное ржаніе.

— Ядоръ, ключи! крикнулъ Методистовъ.

Ядоръ явился и отперъ замокъ.

— Это у меня пріютъ для военноплѣнныхъ, обратился Авделай Семенычъ къ Рѣшетилову.—Помѣщеніе обширное и надлежаще-укрѣпленное. Племянница моя, Елена Дмитревна Лыжева, и братецъ ихъ, Сергѣй Дмитричъ, возмущаются, но принужденъ. Вы не имѣли ли случая съ ними познакомиться?

— Нѣтъ, не имѣлъ.

— Чудеснѣйшая дѣвица и не нашему брату чета, и братецъ ихъ тоже достойнѣйшій человѣкъ. Имѣнье ихъ

рядомъ со мною, и сами не гнушаются посѣщать. Полагаю даже, сейчасъ должны прибыть.

Говоря это, Методистовъ сдалъ Ядору военноплѣнное животное и, извиняясь и слегка даже сѣменя ножками, провелъ мироваго посредника въ домъ.

— Нельзя ли послать за лицами, на которыхъ вы имѣете претензіи за потравы, распорядился Рѣшетиловъ, и пока хозяинъ вышелъ отдать приказанія, принялся отъ нечего дѣлать осматривать жилище Авдѣлая Семеныча.

Кто бывалъ на хуторахъ, тотъ знаетъ эти маленькія, низенькія, всегда немного покосившіяся комнатки, съ неровнымъ поломъ и брусьями на потолкѣ, неплотно притворяющимися дверями и четырех-стекольными окнами, подслѣповато глядящими на поросшій травою и заметанный всякимъ соромъ дворъ. Иногда тепло, уютно и хорошо живется въ этихъ домикахъ: подъѣзжаешь и видишь, какъ къ подслѣповатое окошечко глядитъ пожилое, любящее лицо, въ сѣняхъ съ добродушнымъ гнѣвомъ бурлитъ вѣчно готовый самоваръ, въ угольной комнаткѣ мелькаетъ ситцевая блуза и стыдливо вспыхнувшее, дорогое, милое личико... Диваны толстыми лапами прочно уперлись въ полъ, кресла такія, что и не сдвинешь одною рукой; масляная лампа тускло свѣтитъ, и какія-то тѣни ползутъ по покоробившимся обоямъ, а въ сосѣдней комнатѣ совсѣмъ темно, и только высоко въ углу вспыхиваетъ красноватое пламя лампадки, и

мгновеньями выглядываетъ на васъ оттуда темный и строгій ликъ... И сладко спится на этихъ неуклюжихъ диванахъ, подъ вязанымъ одѣяломъ, и сверчокъ поетъ гдѣ-то за печкой, а за стѣной слышится скрипъ кровати, и чьи-то губы шепчутъ короткую молитву. А завтра, прежде чѣмъ вы проснетесь, самоваръ уже будетъ кипѣть на столѣ, и сойдутся вокругъ него все тѣ же добрыя, ласковыя лица, весело озабоченныя приготовленіями къ завтраку и къ обѣду.

Авделай Семенычъ былъ бездѣтный вдовецъ, но присутствіе заботливаго женскаго существа сказывалось у него въ домѣ: комнаты были чисто прибраны, не валялась зола на подоконникахъ, не лѣпилась по угламъ паутина; коврикъ подъ лампой, абажуръ, вышитая подушка на диванѣ; на столѣ чистая и даже дорогая салфетка, а на подзеркальникѣ въ стаканѣ букетъ свѣжихъ, только что срѣзанныхъ и искусно подобранныхъ цвѣтовъ.

— Для нихъ, для Елены Дмитревны, объяснилъ Методистовъ, неожиданно возвратившись въ комнаты и заставъ Рѣшетилова передъ букетомъ.—Нарочно цвѣтникъ завелъ, и ежедневно подношу. А это все ихними ручками вышито и сдѣлано, и даже картонъ сами съ братцемъ подклеивали, продолжалъ онъ, благоговѣйно и съ счастливѣйшей улыбкой дотрогиваясь до подушки и коврика. Невзыскательны очень, не гнушаются.

„И этотъ чудакъ самъ долженъ быть добрякъ необычайный“, подумалъ Рѣшетиловъ.

Въ дверяхъ послышался чей-то басъ, похожій на отдаленное гуденье, и затѣмъ показалась высокая, сѣдобородая фигура заштатнаго дьякона Пелопонесова; за нимъ выглянули еще какія-то лица, не рѣшавшіяся переступить порогъ комнаты.

— Господину мировому посреднику желаю здравствовать на многія лѣта, прогудѣлъ Пелопонесовъ, подходя къ Рѣшетилову и деликатно запахивая полы подрясника.

Рѣшетиловъ пригласилъ его сѣсть.—Много благодарны, постоимъ, отказался дьяконъ. Методистовъ присѣлъ, но тотчасъ вскочилъ, выпячиваясь, заглядывая въ дверь и вообще обнаруживая внутреннее волненіе.

Разбирательство началось. Пелопонесовъ пространно, напирая на *о*, изложилъ свою претензію по поводу издохшей во дворѣ Методистова собственной его коровы, и на вопросъ Рѣшетилова: признаетъ ли онъ фактъ потравы, отвѣчалъ кратко:

— Отрыцаю.

Методистовъ требуемыхъ положеніемъ доказательствъ о потравѣ не привелъ. Рѣшетиловъ быстро написалъ на листѣ бумаги рѣшеніе — обстоятельство о потравѣ признать недоказаннымъ, прочіе же пункты неподлежащими разбирательству мироваго посредника.

— Только-то всего? съ усмѣшкой спросилъ Пелопоне-

совъ, выслушавъ рѣшеніе. — Видно, не туда попали, прибавилъ онъ, спокойно запахивая подрясникъ. — Прощенья просимъ.

— Какъ? а свинья съ поросятами? кинулся было къ нему Методистовъ. Но старый дьяконъ только презрительно, въ пол-оборота повернулъ къ нему голову и произнесъ:

— Поцѣлуйся ты съ той свиньей — и вышелъ изъ комнаты.

Тутъ послѣдовало всеобщее смятеніе и гвалтъ. Методистовъ бросился за дьякономъ, но въ то же время ожидавшая въ прихожей толпа кинулась ему на встрѣчу и втѣснила его назадъ въ комнату. Методистовъ ревѣлъ, какъ уязвленный звѣрь, новоприбывшіе кричали всѣ разомъ, и весь этотъ гамъ покрывался отдаленнымъ гуденьемъ Пелопонесова, наткнувшагося во дворѣ на Ядора какъ разъ въ ту минуту, когда вѣрный сподвижникъ Авделая Семеныча, съ тупыми ножницами въ рукахъ, готовился наложить на его свинью обычную „замѣтину“. Рѣшетиловъ тщетно пытался возстановить порядокъ: уязвленный Методистовъ все порывался исчезнуть изъ комнаты, тогда какъ новоприбывшіе преграждали ему дорогу, осыпая его упреками и даже бранью; шумъ продолжался неописанный и несообразный.

Въ ту минуту, какъ мировой посредникъ взялся уже за шляпу, чтобы выбраться поскорѣе изъ дому, среди

смятенія и гама появилось неожиданно новое лицо. Рѣшетиловъ почему-то тотчасъ догадался, что это должна быть та самая Елена Дмитревна, о которой говорилъ Методистовъ, хотя рѣшительно ничего сколько нибудь подходящаго, ничего общаго нельзя было замѣтить между племянницей и дядюшкой. Только въ глазахъ, если присмотрѣться ближе, можно было бы отыскать тѣ самыя неуловимыя искры, благодаря которымъ выраженіе доброты преобладало въ наружности обоихъ; но у Авделая Семеныча все расплывалось въ безхарактерную, распущенную улыбку, тогда какъ у Елены Дмитревны эти искры бросали на все лицо лучистый свѣтъ, трепетали на рѣсницахъ, въ тонкихъ, дѣтски-изящныхъ линіяхъ рта, въ чуть примѣтныхъ ямочкахъ на уголкахъ и на кругломъ, маленькомъ, какъ-то странно подвижномъ подбородкѣ. Рѣшетиловъ не видалъ, какъ она протѣснилась сквозь толпу: онъ замѣтилъ ее разомъ, близко, въ ту минуту, когда кричавшіе и бранившіеся голоса вдругъ притихли, и Авделай Семенычъ, радостно вспыхнувшій и присмирѣвшій, кинулся къ ней и продолжительно и звучно поцѣловалъ ее въ обѣ руки.

— Дядя, что это у васъ такое? шумъ, толпа, на дворѣ Пелопонесовъ гудитъ... опять что нибудь поймали? какъ вамъ не стыдно? — заговорила она, укоризненно взглядывая на пристыженнаго Авделая Семеныча, и вдругъ искоса, быстро и вопросительно оглянула Рѣшетилова. — Я подхожу, мнѣ говорятъ: у дяденьки судъ

идетъ, мировой посредникъ пріѣхалъ; это вы, вѣрно, мировой посредникъ? обратилась она къ нему, и опять большими, любопытными глазами оглянула его съ головы до ногъ.

Рѣшетиловъ поклонился.

— Душечка моя, это все... ты знаешь... вотъ они съ разными претензіями — говорилъ сконфуженный Авделай Семенычъ, указывая на посѣтитетей.—И господинъ мировой посредникъ такъ добръ... я только что намѣревался васъ познакомить. Простите, имени и отечества вашего не имѣю чести знать, повернулся онъ вдругъ къ Рѣшетилову. Тотъ назвалъ себя.

— Такъ, такъ, Ѳедоръ Петровичъ Рѣшетиловъ, повторилъ для чего-то Авделай Семенычъ.—Вотъ, господа, нашъ мировой посредникъ, котораго безъ этого случая вамъ можетъ быть никогда бы не пришлось и видѣть,— что-то въ этомъ родѣ проговорилъ онъ къ посѣтителямъ, окончательно теряясь и сбиваясь.

Елена Дмитревна сквозь улыбку строго на него посмотрѣла.

— Дядюшка, это наконецъ рѣшительно ни на что не похоже! вы неисправимы! напала она на него. - Вотъ я сейчасъ сама разсужу и помирю васъ со всѣми, и выпущу всѣхъ вашихъ военно-плѣнныхъ.—Вы думаете, вдругъ обратилась она къ Рѣшетилову, что онъ дѣлаетъ это изъ какихъ нибудь корыстныхъ побужденій? совсѣмъ нѣтъ, увѣряю васъ: просто ему нечего дѣлать, и онъ

чудитъ; такой ужь онъ давно. Вы извините меня, если я безъ васъ все это устрою и окончу? Вотъ спросите ихъ—она указала на посѣтителей — они давно просили меня вступиться, и вѣрятъ мнѣ.

— Барышня пущай разсудитъ, мы согласны, проговорили въ толпѣ.

— И все это такой вздоръ, что совѣстно безпокоить васъ, продолжала Елена Дмитревна.—Пожалуйста извините его (она кивнула на Авделая Семеныча), у него все это одно дурачество. Я ихъ помирю, и завтра же пришлю къ вамъ брата съ отчетомъ.

— Зачѣмъ вамъ безпокоить братца, я самъ буду надняхъ въ этихъ мѣстахъ, вызвался Рѣшетиловъ.

— Ну, это еще лучше; такъ милости просимъ заѣхать прямо къ намъ, мы здѣсь всего въ верстѣ живемъ. Спросите только Лыжевку, вамъ всякій покажетъ.

Рѣшетиловъ поклонился.

— Вотъ, вотъ, что чудесно, такъ чудесно! воскликнулъ вдругъ Авделай Семенычъ, совершенно забывъ свое пристыженное и неловкое положеніе.—Этакое знакомство, которое... котораго я всегда желалъ! И гдѣ же представился случай—у меня! и по причинѣ, которая... которая возмущаетъ!

VI.

Узкій проселокъ опять потянулся между садами, огородами и усадьбами; Рѣшетиловъ постегивалъ лошадь,

торопясь выбраться на большую дорогу, гдѣ по пути долженъ былъ заѣхать еще въ одно селеніе. Сдѣлавъ версты двѣ, онъ замѣтилъ возъ, ѣхавшій шажкомъ по направленію къ его усадьбѣ, и нагнавъ его, не безъ удивленія увидѣлъ на немъ Чакольскаго. Изслѣдователь народнаго быта уныло сидѣлъ въ углу телѣги, подпрыгивая всѣмъ тѣломъ при каждомъ толчкѣ, и даже не разговаривалъ съ дремавшимъ на передкѣ мужикомъ. Узнавъ Рѣшетилова, онъ быстро соскочилъ къ нему.

— Вотъ кстати; пусти, я къ тебѣ присяду—измучился совсѣмъ въ этой проклятой телѣгѣ — жалобно просился онъ.—Ты домой?

— Нѣтъ, не домой; но пожалуй, подвезу тебя по дорогѣ. Да какъ это ты попалъ на возъ? полюбопытствовалъ Рѣшетиловъ.

— Чортъ бы его побралъ! выдумали же сажать человѣка на самой оси! выбранился вмѣсто отвѣта Чакольскій.

На одномъ изъ поворотовъ Рѣшетиловъ остановилъ лошадь.

— Мнѣ надо сюда въ правленіе заѣхать; а ты иди все прямо по этой дорогѣ, теперь ужь не далеко до дому, сказалъ онъ.

— Э-эхъ, съ неудовольствіемъ крякнулъ Чакольскій, вылѣзая изъ таратайки.

Въ эту минуту оглушительный лай привлекъ вниманіе обоихъ. Взглянувъ по дорогѣ, они увидѣли въ сот-

нѣ шаговъ впереди довольно странную сцену: какая-то женская фигура, то выпрямляясь, то присѣдая, быстро вертѣлась на одномъ мѣстѣ, а цѣлая свора собакъ съ рычаніемъ кружилась около нея, хватая ее за платье, нѣсколько клочковъ котораго уже пестрѣло на дорогѣ. Борьба была очевидно неравная, и помертвѣвшее отъ страха лицо женщины взывало о помощи. Рѣшетиловъ хлопнулъ возжами, и въ минуту очутился на мѣстѣ происшествія.

— Ба, да вѣдь это Настасья Никитишна! воскликнулъ онъ, соскакивая на-земь и обрушивая на свору нѣсколькихъ меткихъ ударовъ бича.

M-lle Песчаная почти безъ чувствъ упала ему на руки. Собаки, отбѣжавшія-было на нѣкоторое разстояніе, съ новымъ озлобленіемъ накинулись на обоихъ.

— Чакольскій, да бѣги же сюда! крикнулъ Рѣшетиловъ, у котораго обѣ руки оказались заняты m-lle Песчаной. Но Чакольскій, ничего въ мірѣ такъ не боявшійся, какъ собакъ, спрятался за кустъ, и оттуда со страхомъ слѣдилъ за происходившимъ.

— Честное слово, я уѣду, а тебя брошу здѣсь на жертву! крикнулъ опять Рѣшетиловъ.

Эта угроза подѣйствовала наконецъ на Чакольскаго: выломивъ изъ куста хворостину, онъ сталъ боязливо приближаться къ Рѣшетилову, быстро махая передъ собою своимъ оружіемъ, и подойдя наконецъ къ таратайкѣ, однимъ скачкомъ впрыгнулъ въ нее. Тамъ онъ

усѣлся на корточки и, чувствуя себя въ безопасности, принялся почти съ удовольствіемъ отбиваться отъ собакъ.

Убѣдившись, что отъ пріятеля не много будетъ пользы, Рѣшетиловъ безъ особенной осторожности опустилъ m-lle Песчаную на землю, и нѣсколькими тяжелыми ударами бича разогналъ свору.

— Вы спасли мнѣ жизнь, я не забуду этого! прошептала дѣвушка, медленно подымаясь съ земли.

Рѣшетиловъ помогъ ей встать и тутъ же представилъ ей Чакольскаго.

— Это судьба, объяснилъ онъ; вамъ необходимо было познакомиться.

Затѣмъ онъ сѣлъ въ свой домодѣльный кабріолетъ, раскланялся съ обоими и поѣхалъ къ виднѣвшейся невдалекѣ деревнѣ.

Чакольскій и Песчаная, оставшись вдвоемъ, прежде всего припомнили, что они не совершенно незнакомы между собою: изъ прежнихъ разговоровъ Рѣшетилова они уже имѣли предварительныя понятія другъ о другѣ.

„Это развитая женщина“, припомнилъ Чакольскій.

„Это развитой человѣкъ“, припомнила m-lle Песчаная.

Затѣмъ они смѣрили другъ друга внимательнымъ, предубѣжденнымъ въ самую лучшую сторону взглядомъ, и пошли рядкомъ по дорогѣ. Для начала разговора, оба отозвались съ похвалой о Рѣшетиловѣ.

— И какъ жаль, что при всемъ этомъ онъ такъ значительно отсталъ отъ поколѣнія — осторожно закинула m-lle Песчаная, пробуя новую почву подъ ногами.

— Все вообще молодое поколѣніе отстало, отозвался Чакольскій.—Теперь на сценѣ подростающіе.

— Подростающіе? съ какимъ-то радостнымъ любопытствомъ переспросила Песчаная. Она еще ничего не знала объ этомъ.

— Да, подростающіе. Въ поколѣніе шестидесятыхъ годовъ уже извѣрились, оно неспособно. Ожиданія обращены къ дѣтямъ, которыя теперь еще учатся въ гимназіяхъ, корпусахъ, семинаріяхъ — просвѣщалъ ее не безъ внутренняго самодовольства Чакольскій.

М-lle Песчаная задумалась—это было чѣмъ-то въ родѣ новаго свѣта, внезапно озарившаго ее.

— Читали вы... продолжалъ Чакольскій, и назвалъ нѣсколько послѣднихъ журнальныхъ статей. Оказалось, что Песчаная не читала ихъ.

— Надо прочесть, строго замѣтилъ Чакольскій.

Бѣдная дѣвушка начинала трусить. Стало быть все, чѣмъ она опередила „окружающую среду“, уже опережено гдѣ-то тамъ, въ Петербургѣ? можетъ быть даже въ Бѣлогорскѣ? Стало быть и она отстала?

— Въ этомъ подломъ захолустьи развѣ возможно долго продержаться на уровнѣ? произнесла она съ грустью.—Здѣсь и книги можно доставать только черезъ

какого нибудь Рѣшетилова. Еслибъ вы знали мой домашній бытъ, мою обстановку...

— У васъ невѣжественные родители? безъ обиняковъ отнесся къ ней Чакольскій.

M-lle Песчаная только вздохнула.

— Вотъ оно, безобразіе русской семьи! произнесъ съ чувствомъ Чакольскій, и взглянулъ на дѣвушку. „Однако она того... что называется, рыломъ не вышла“, подумалъ онъ безъ всякой деликатности.

— Вы знаете, что Рѣшетиловъ связался тутъ съ одной барыней? вдругъ перемѣнила разговоръ m-lle Песчаная.

— Съ Танищевой?

— А вы знаете?

— Еще бы! Такъ онъ дѣйствительно въ связи съ ней?

— Давно... то есть, конечно я не знаю положительно, но судя по разсказамъ и всѣмъ примѣтамъ...

Чакольскій что-то неопредѣленно промычалъ себѣ подъ носъ.

— Какая подлость! попробовала опять m-lle Песчаная.

— Отчего подлость?

— Да какъ же? аристократка, кружевная барыня, кукла...

— Ну, это что же? это еще ничего... Это даже можно разсматривать, какъ протестъ противъ брака...

Для m-lle Песчаной это опять была новая мысль.

— Н-да, развѣ какъ протестъ противъ брака... неувѣренно повторила она.

Между тѣмъ Рѣшетиловъ, окончивъ вкѣ нужныя распоряженія въ волостной избѣ, подъѣзжалъ къ перекрестку, въ полу-верстѣ отъ его усадьбы. Направо дорога вела къ нему, прямо—въ Семиполье. Онъ придержалъ лошадь и шагомъ подъѣхалъ къ повороту.—„Направо, или прямо?“ спросилъ онъ себя. Лошадь потянула къ дому; онъ со злостью вытянулъ ее возжей и поѣхалъ прямо.

Григорій встрѣтилъ его во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ, съ напряженной до глупости физіогноміей.

— Гости наѣхали, сообщилъ онъ съ важностью.

Въ угольной, точно, сидѣли гости: Косовицынъ, Ухтырскій и еще пожилая, весьма значительная особа, которую Рѣшетиловъ разъ или два мелькомъ встрѣчалъ у Рыбоѣдовыхъ.

У Рѣшетилова вдругъ какъ-то упало сердце. „Что имъ тутъ надо!“ подумалъ онъ злобно. Ему казалось, что самыя комнаты какъ будто перемѣнились, и что онъ не чувствуетъ себя въ нихъ такъ уютно, такъ интимно, такъ *у себя*, какъ прежде. Въ большой гостиной чехлы были сняты, и дорогая старинная мебель сверкала позолотой; онъ съ отвращеніемъ посмотрѣлъ на нее. Вѣра Павловна, нарядная и сіяющая, занимала гостей, и кажется сама была оживлена и радостно оза-

бочена и ими, и снятыми чехлами въ гостиной, и веселымъ звономъ хрусталя въ столовой, гдѣ приготовляли къ обѣду; Рѣшетиловъ и на нее посмотрѣлъ съ тоскливымъ и злобнымъ чувствомъ. Онъ присѣлъ къ окну и рѣшился держаться всторонѣ отъ этихъ глубоко-чуждыхъ ему людей и... не мѣшать Вѣрѣ Павловнѣ. Онъ старался настроить ссбя на грустно-прощающій тонъ, и разъ даже проговорилъ мысленно, съ унылымъ великодушіемъ: „Богъ съ ней!“—но тутъ же злобно обозвалъ себя осломъ.

Онъ попробовалъ вслушиваться въ разговоръ. Говорилъ больше всѣхъ Косовицынъ, не глупо и пожалуй даже увлекательно, съ тѣмъ нѣсколько-поддѣльнымъ жаромъ, который усвоивается до ежедневности людьми, привыкшими быть занимательными въ гостиной. Рѣшетиловъ замѣтилъ также въ его разговорѣ черту, общую каждому самоизбаловавшемуся русскому человѣку—привычку чрезвычайно высоко цѣнить и какъ будто смаковать собственные вкусы, хотя бы они относились къ покрою панталонъ, и говорить: „я имѣю привычку по утрамъ вытираться губкой“—съ такимъ видомъ, что присутствующіе заранѣе даютъ себѣ слово ни при какихъ случайностяхъ жизни не помѣшать этому обыкновенію. Ухтырскій, въ первый разъ столкнувшійся съ Косовицынымъ и тотчасъ постигшій, что этотъ баринъ не только одной съ нимъ породы, но даже кое въ чемъ значительно обогналъ и превзошелъ его — чувствовалъ

себя нѣсколько стѣсненнымъ, стараясь въ одно и то же время и запскать въ немъ, и заявить, что и самъ онъ ни въ какомъ случаѣ не чуждъ того условнаго и для многихъ завиднаго comme-il faut, которымъ былъ насыщенъ Косовицынъ. Значительная особа, у которой другіе постоянно перехватывали рѣчь, съ нѣсколько недовольнымъ видомъ выпячивала губы и сообщала разговору какой-то огорченный колоритъ; впрочемъ, этотъ колоритъ усвоенъ въ наше время весьма многими значительными особами. Вообще всѣ говорили несвязно и отрывочно, точно случайно зацѣпляясь за слова — и однакожь, какая-то общая, неуловимая струя чувствовалась въ разговорѣ, именно та струя, которая заставляла Рѣшетилова глубоко и желчно сознавать, до какой степени чуждо и даже враждебно ему было все, что говорилось этими людьми.

Онъ встрѣтился глазами съ Вѣрой Павловной — ея взглядъ, ничего не выражая, скользнулъ по немъ и опять обратился къ нему, какъ будто спрашивая: что онъ хочетъ ей сказать?

„Она даже не понимаетъ, что я здѣсь одинъ, одинъ!“ внутренно простоналъ Рѣшетиловъ.

Передъ самымъ обѣдомъ вдругъ появился Чакольскій. Онъ проводилъ m-lle Песчаную въ лѣсъ, куда на этотъ разъ ее влекло, вмѣсто „озлобленнаго чувства“, удовольствіе находиться съ совершенно-развитымъ человѣкомъ, но отказался раздѣлить съ ней дальнѣйшую про-

гулку: послѣ получасоваго разговора она казалась ему скучною, а ея наружность—неинтересною. Узнавъ, что Рѣшетиловъ у Вѣры Павловны, онъ выпросилъ у Осипа какую-то совсѣмъ заброшенную бриченку, и не безъ затрудненій отправился на ней туда же. Рѣшетиловъ даже обрадовался ему — Чакольскій все-таки представлялъ противодѣйствіе собравшемуся у Вѣры Павловны обществу, и его присутствіе должно было нѣсколько разрѣдить атмосферу, установившуюся въ гостиной.

Обѣдать сѣли раньше обыкновеннаго, потому что предполагалась еще прогулка по окресностямъ, верхомъ и въ экипажахъ. Вѣра Павловна сама подала эту мысль и поддержала ее вопреки неудовольствію сановника, который терпѣть не могъ природы, и еще съ начала обѣда принялся какъ-то раздраженно сопѣть. Чакольскій, наблюдая за нимъ, подталкивалъ Рѣшетилова и потиралъ подъ столомъ руки. Неудовольствіе важной особы усилилось, когда стало извѣстно, что Вѣра Павловна и Косовицынъ поѣдутъ верхомъ, и остальные въ экипажахъ.

— Съ кѣмъ же я поѣду? вопросилъ сановникъ, озираясь и выпячивая губы.

— Ахъ, mon Dieu, вотъ m-rs Ухтырскій, Рѣшетиловъ, Чакольскій — съ встревоженной улыбкой считала Вѣра Павловна.

— Меня потрудитесь исключить, мнѣ домой надо — уклонился Рѣшетиловъ.

— Вы не хотите съ нами ѣхать? съ оттѣнкомъ удивленія и неудовольствія обратилась къ нему Вѣра Павловна.

— Мнѣ некогда, подтвердилъ Рѣшетиловъ.

Они встрѣтились глазами, и что-то темное быстро пробѣжало въ зрачкахъ Вѣры Павловны. Она тихонько поманила его всторону.

— Послушай, это капризъ... поѣзжай, проговорила она какъ-то испуганно, и оглянувшись, замѣтила наблюдавшій за нею холодный, сѣрый взглядъ Косовицына. — Милый мой, поѣзжай; на этотъ разъ поѣзжай! прошептала она почти съ мольбою.

— Мнѣ нельзя, угрюмо отвѣтилъ Рѣшетиловъ.

Вѣра Павловна подняла на него глаза, и опять что-то томное и быстрое сверкнуло въ ея расширившемся взглядѣ.

— Ты отказываешь... но только помни, что я просила тебя! проговорила она, и поспѣшно отошла отъ него.

Подъ окномъ провели осѣдланныхъ лошадей.

— Ну, messieurs, я въ минуту буду готова! съ напряженной веселостью воскликнула Вѣра Павловна, и убѣжала, чтобъ переодѣться. Рѣшетиловъ, не прощаясь, вышелъ въ другія двери.

— Съ кѣмъ же я однако поѣду? недовольно оглядывалась между тѣмъ значительная особа.

Чакольскій вдругъ состроилъ подобострастнѣйшую физіогномію и подскочилъ къ сановнику.

— Одни-съ, ваше превосходительство, произнесъ онъ лебезящей фистулой. Генералъ недоброжелательно оглянулся.

— Ну, какъ же опять одинъ? какое жь удовольствіе? произнесъ онъ.

— Я вотъ поѣду съ ними, продолжалъ Чакольскій, указывая на Ухтырскаго, а ваше превосходительство одни-съ. Для почету.

Генералъ съ неудовольствіемъ покосился на него и помахалъ шляпой.

Всѣ вышли наконецъ на крыльцо. Вѣра Павловна съ Косовицынымъ первые сѣли на лошадей и поскакали короткимъ галопомъ по пыльной дорогѣ. Чакольскій, увидя поданныя для гостей коляски, подтолкнулъ Ухтырскаго въ одну изъ нихъ, и торопливо вскочивъ вслѣдъ за нимъ, крикнулъ: „пошелъ“! Генералъ дѣйствительно остался одинъ и, чувствуя себя оскорбленнымъ, развалился съ нарочитой важностью и неестественно вытянулъ ноги.

— Вы не скучаете? спросила его Вѣра Павловна, изъ вѣжливости подъѣхавъ на минуту къ нему.—Посмотрите, какія восхитительныя мѣста! Этотъ лѣсокъ, и монастырь вдали—que c'est beau! On ne se lasse jamais d'admirer la nature!

— Je préfére admirer votre charmante figure, съ

ожесточенной любезностью отвѣтилъ генералъ. И вдругъ замѣтивъ, что сказалъ въ риѳму, развеселился и началъ повторять на распѣвъ предполагаемое двустишіе.

Вѣра Павловна исподтишка ударила хлыстикомъ лошадь.

— Holà! гопъ! прикрикнула она, и понеслась галопомъ по дорогѣ. Косовицынъ не отставалъ отъ нея; она сильнѣе стегнула лошадь и на скаку свернула въ узкую просѣку, тянувшуюся по опушкѣ. Это была та самая дорога, по которой она ходила съ Рѣшетиловымъ въ монастырь.

— Вы точно спасаетесь отъ меня, проговорилъ Косовицынъ, слѣдовавшій за ней по пятамъ.

Вѣра Павловна придержала лошадь и повернула къ нему голову. Ея лицо было блѣдно, несмотря на быструю скачку.

— Еслибы я хотѣла спастись отъ васъ, я не поѣхала бы сегодня... проговорила она.

И поправляя вуалетку, которую вѣтеръ отвѣвалъ всторону, прибавила тихо:

— А еще лучше, еслибъ я умѣла съ самаго начала...

— Выкинуть меня? подсказалъ Косовицынъ.

Они ѣхали рядомъ; дорога была такъ узка, что лошади могли каждую минуту столкнуться; безпрестанно сучья зацѣпляли ихъ и заставляли наклоняться. Вѣра Павловна отвернулась, отстраняя рукой вѣтви, и промолчала.

— Какую вы выбрали дорогу! съ насмѣшливой досадой говорилъ Косовицынъ, осторожно и ловко пробираясь вслѣдъ за нею. — Право, я не удивляюсь, что разсудительный мировой посредникъ предпочелъ удалиться. Кстати: говорятъ, онъ... очень ловкій посредникъ?

— Его хвалятъ... отвѣтила, не поворачивая къ нему лица, Вѣра Павловна.

— Мнѣ извѣстенъ только одинъ случай изъ его посреднической дѣятельности... продолжалъ Косовицынъ, все съ той же прилично прикрытой насмѣшливостью въ голосѣ. — Правда, случай этотъ мало относится къ его служебнымъ обязанностямъ...

Вѣра Павловна вдругъ осадила лошадь.

— Что́ вы хотите сказать? произнесла она, и прямо, почти съ ненавистью, взглянула въ лицо Косовицыну. У того чуть-чуть задрожали отъ подавленной улыбки тонкіе кончики усовъ.

— Я говорю, что знаю только одно, къ сожалѣнію совершенно частное дѣло, въ которомъ господинъ Рѣшетиловъ очень удачно розыгралъ роль посредника... между мужемъ и женою. Я намекаю на ваше собственное дѣло; неужели вы забыли? Бѣдный вашъ мужъ, какъ вы о немъ мало вспоминаете!

У Вѣры Павловны глаза гнѣвно сверкнули сквозь слезы.

— Что это—шпіонство? проговорила она. Косовицынъ непримѣтно усмѣхнулся.

— Можетъ быть... согласился онъ.—У меня, видите ли, есть дѣло въ мировомъ съѣздѣ, и потому очень естественно, что я стараюсь собрать кое-какія свѣдѣнія о членахъ съѣзда.

Они были на краю опушки; тропинка, по которой они ѣхали, выходила здѣсь на проѣзжую дорогу. Сквозь жидкую зелень ихъ увидѣли изъ колясокъ, и раздались восклицанія.

— Кстати, m-r Ухтырскій, я хочу предложить вамъ нѣсколько вопросовъ—заговорилъ, подъѣзжая къ нимъ, Косовицынъ.

— Plait-il? съ удовольствіемъ отозвался юный предводитель.

— Видите ли, продолжалъ Косовицынъ, спокойнымъ и насмѣшливымъ взглядомъ обведя сидѣвшее въ экипажахъ общество,—мой управляющій жаловался мнѣ какъ-то, что съ чѣмъ онъ ни обратится къ нашему мировому посреднику, тотъ на все отвѣчаетъ: не подлежитъ моему разбирательству. Это, какъ весьма понятно, возбудило во мнѣ желаніе узнать, какого рода дѣла ваши сослуживцы считаютъ себѣ подвѣдомственными, и я принялся наводить кое-какія справки. Представьте же себѣ, что первый случай, подсунувшійся мнѣ въ моихъ розыскахъ...

— Messieurs, je proteste! Валеріянъ Николаичъ цѣлую

дорогу вздумалъ толковать со мною о дѣлахъ и о мировыхъ посредникахъ. Пожалуйста, не поощряйте его, иначе я умру со скуки! съ напряженной развязностью перебила его Вѣра Павловна и наклонилась, чтобъ скрыть дрожавшія на глазахъ слезы.

Мущины весело разсмѣялись.

— A bas les mirovoï! крикнула даже изъ своей коляски значительная особа.

— Господа, прошу у васъ только минуты вниманія— продолжалъ Косовицынъ, въ сѣренькихъ глазахъ котораго блеснуло удовольствіе.—Мнѣ не скоро представится опять случай бесѣдовать съ предсѣдателемъ мироваго съѣзда, а у кого столько дѣлъ съ крестьянами, какъ у меня, тотъ не можетъ не дорожить этими случаями. Итакъ, представьте себѣ, что первымъ примѣромъ посредничества, на который навели меня мои справки, оказалась мировая сдѣлка весьма интимнаго характера, заключенная при помощи господина Рѣшетилова между одной очаровательной женщиной, здѣшней помѣщицей, и ея мужемъ...

Вѣра Павловна нервически дернула за мундштукъ и поскакала по дорогѣ. Ѣдкое, жгучее страданіе накипѣло у нея въ груди и исказило черты ея лица. Громкій смѣхъ раздался позади ея; кровь бросилась ей въ голову, хотя она почти знала, что этотъ смѣхъ не прямо относится къ ней. Она проскакала съ пол-версты, придержала лошадь и, не оборачиваясь, прислушалась:

быстрый, нагоняющій топотъ послышался близко по дорогѣ. Черезъ минуту Косовицынъ былъ подлѣ нея.

— Вы ведете большую игру, Валеріанъ Николаичъ! съ нервической дрожью на уголкахъ губъ проговорила она.

— Большую, Вѣра Павловна! Такую большую, какъ моя страсть! подтвердилъ Косовицынъ.

VII.

Въ старомъ домѣ Рѣшетилова вдругъ настала какая-то особенная, грустная и какъ будто напряженная тишина; она точно наползла изъ темныхъ угловъ и закоулковъ и осѣла на стѣнахъ, на мебели, даже на лицахъ живыхъ людей. Эти старые, крѣпкіе, прижившіеся дома имѣютъ какую-то загадочную связь съ совершающеюся въ ихъ стѣнахъ жизнью: они точно насупиваются вмѣстѣ съ хозяевами, и улыбаются теплой, гостепріимной улыбкой, когда мимо идущее счастье роняетъ нѣсколько золотыхъ лучей въ подверженную всякимъ случайностямъ жизнь обитателей.

Эти золотые лучи сбѣжали теперь съ души Рѣшетилова и со стѣнъ его стараго дома. Онъ сидѣлъ въ комнатѣ, съ тоскливой скукой поглядывая на безконечно желтѣвшія и зеленѣвшія поля и не чувствуя никакой охоты выйти изъ дому. Онъ ничего не рѣшилъ съ собою, и какъ-то тупо ждалъ. Когда ему хотѣлось уяс-

нить себѣ, чего онъ ждетъ, онъ говорилъ: чтобъ разъѣхались гости изъ Семиполья. На третій день Чакольскій сообщилъ, что Вѣра Павловна опять осталась одна, и самъ уѣхалъ послѣ ранняго обѣда. Рѣшетиловъ равнодушно съ нимъ простился и пожелалъ ему успѣха. Проводивъ его глазами, онъ еще долго стоялъ и глядѣлъ на неширокій проселокъ, на которомъ медленно осѣдала поднятая повозкой пыль — и не видѣлъ ни повозки, ни Чакольскаго, усердно махавшаго ему платкомъ и указывавшаго на что-то. Ему вдругъ захотѣлось пойти пѣшкомъ въ Семиполье; онъ вернулся въ комнаты, захватилъ шляпу и вышелъ.

Переправившись черезъ паромъ, онъ свернулъ съ проѣзжей дороги въ рощу, примыкавшую къ семипольскому саду; тутъ было ближе и не такъ жарко. Вдругъ онъ услышалъ чьи-то несмѣлые шаги за собою. Пробираясь между кустами орѣшника и колючею зеленью молодаго ельника, за нимъ пугливо кралась Таня.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ Рѣшетиловъ, повернувъ ей на встрѣчу.

Она остановилась, на половину прикрытая зеленью, нерѣшительно поднявъ на него ожидающій и просящій взглядъ.

— Грибовъ искала, отвѣтила она, потупясь.

Рѣшетиловъ подозрительно поглядѣлъ на ея загорѣлое и чѣмъ-то ласково смущенное лицо. „Выдумываетъ,“ убѣдился онъ.

— А гдѣ жь твой кузовокъ? спросилъ онъ.

Таня усмѣхнулась одной стороной лица и опять скользнула по немъ ласковымъ, просящимъ взглядомъ.

— Посмотрѣть только вышла, есть ли? проговорила она. — Вы мимо насъ прошли, не заглянули, я и подумала...

У нея вдругъ на рѣсницахъ и въ голосѣ задрожали слезы.

—... Не надо ли чего нибудь — молока, что ли, докончила она оборвавшимся шопотомъ.

Рѣшетиловъ ласково взялъ ее за руку; онъ не зналъ хорошенько, что ему съ ней дѣлать.

— Таня, ты все выдумываешь... Ты обижаешься, что я не спросилъ про тебя? я думалъ, что тебя дома нѣтъ— говорилъ онъ. Она подняла на него еще влажные отъ слезъ и наполненные лучами глаза.

— Я по-за дверью на васъ глядѣла, думаю: можетъ статься зайдетъ, спроситъ? такая-то я глупая.

Что-то медленно и съ болью повернулось въ груди Рѣшетилова. „Господи, за что еще эта мука?“ проговорилъ онъ мысленно. Таня тихонько потянула свою руку изъ его руки. Вдругъ грудь ея судорожно затрепетала подъ тонкими складками рубахи, и она съ рыданьями закрыла лицо.

— Таня, Таня, что съ тобою? говорилъ растерявшійся Рѣшетиловъ, прижимая ее къ себѣ и какъ ребенка

лаская рукой по головѣ. Онъ нагнулся къ ея низкому лбу и дотронулся до него губами.

— Постыла я вамъ, постыла! проговорила дѣвушка сквозь рыданія, и не отталкивала его, и жала ему руку. Вдругъ она выпрямилась, откинула спутавшіеся волосы и провела рукой по лицу.

— Ахъ, не совладаю я съ моимъ сердцемъ, не совладаю! простонала она, и исчезла за стволами.

„Господи, какое страданіе!“ съ чувствомъ безконечной жалости проговорилъ Рѣшетиловъ, и что-то похожее на угрызеніе совѣсти ядовито проползло по немъ. Онъ шелъ дальше и чувствовалъ, что несетъ съ собою это страданіе. „Вотъ она, безжалотсная, хищная, злорадная драма жизни!“ повторялъ онъ мысленно, и тоскливая, отравленная грусть накоплялась въ немъ и стояла холодомъ въ груди.

Оглянувшись, онъ замѣтилъ, что давно уже идетъ садомъ. Назади синѣли окраины лѣса, слѣва тянулись пруды, наполнявшіеся изъ окрестныхъ болотъ; сквозь запыленную, жаждавшую дождя зелень просвѣчивали сѣренькія колонки павильйона, а ещѐ подальше бѣлѣла обращенная въ садъ стѣна господскаго дома, съ балкономъ и стеклянной галлереей той своеобразной архитектуры, которую наши вельможи минувшей эпохи очень любили, подъ именемъ итальянской, въ своихъ помѣстьяхъ. Слабый шорохъ чьихъ-то шаговъ по песку поразилъ слухъ Рѣшетилова; онъ пріостановился, прислу-

шиваясь и приглядываясь, но ничего не могъ замѣтить. Кто-то какъ будто прошелъ близко подлѣ него и скрылся въ павильйонѣ; но онъ въ ту же минуту пересталъ объ этомъ и думать, и шелъ все прямо. Онъ миновалъ павильйонъ, не замѣчая, что Вѣра Павловна и Косовицынъ слѣдили за нимъ оттуда, продолжая шопотомъ прерванный его появленіемъ разговоръ.

— Если вы меня любите! если вы меня дѣйствительно любите! говорила съ страданіемъ въ голосѣ Вѣра Павловна, сжимая похолодѣвшими пальцами руку Косовицына и съ тревогой заглядывая ему въ лицо и прислушиваясь къ приближавшимся шагамъ Рѣшетилова.

— Можете ли вы еще сомнѣваться? послѣ всѣхъ доказательствъ? проговорилъ Косовицынъ.

— Послѣ всѣхъ страданій, которыя вы мнѣ причинили? Ахъ, да развѣ мнѣ нужно, чтобы вы любили меня? Я хотѣла сказать: если у васъ есть хоть капля жалости, пощадите меня!

— Вы не хотите меня выслушать, вы ненавидите меня! возразилъ громко Косовицынъ. Рѣшетиловъ въ эту минуту проходилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ.

— Тс! съ испугомъ остановила Вѣра Павловна Косовицына. — *Онъ* идетъ, пустите меня!

Косовицинъ слегка придержалъ ее за руку.

— Послушайте... началъ онъ.

— Ахъ, не теперь, не теперь! прервала его Вѣра

Павловна. — Я все выслушаю, только не теперь! Пустите меня!

— Такъ приходите сюда вечеромъ, когда *онъ* уйдетъ; я буду ждать васъ.

Вѣра Павловна провела рукой по лицу и осмотрѣла свое измятое платье.

— Хорошо, я приду, отвѣтила она. — Я скажу вамъ послѣднее слово... я знаю, что́ я вамъ скажу!

Она вырвалась и побѣжала догонять Рѣшетилова; Косовицынъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, и тихонько что-то насвистывая, пошелъ въ противополужную сторону.

Рѣшетиловъ оглянулся, услышавъ шаги за собою. Вѣра Павловна торопливо бѣжала къ нему, улыбаясь издали встревоженной и какъ будто вкрадчивой улыбкой.

— Какъ тебя давно не было! что съ тобою? говорила она, положивъ руку ему на плечо и заглядывая въ лицо.

Они пошли рядомъ.

— Ты все занятъ былъ? да? продолжала Вѣра Павловна, и все та же встревоженная, вкрадчивая улыбка лежала на уголкахъ ея губъ и шевелила брови. — Ты усталъ? знаешь, не будемъ входить въ комнаты, сядемъ здѣсь; тутъ хорошо.

Она раздвинула густо обросшія вѣтви акцій и указала на скамью.

— Посмотри, какъ сквозь эти вѣтви все кажется такимъ далекимъ, и чаща все отступаетъ, отступаетъ, точно ей и конца нѣтъ... говорила она, усѣвшись подлѣ

Рѣшетилова и опираясь рукой объ его плечо. — Послушай, вдругъ перебила она себя — разскажи мнѣ все, что̀ ты это время дѣлалъ, думалъ — понимаешь, все, все по порядку.

— Да ничего особеннаго не дѣлалъ, отозвался Рѣшетиловъ.

— Да нѣтъ, я и не хочу особеннаго, ты раскажи мнѣ простое, самое простое, только чтобъ я совсѣмъ поняла... настаивала Вѣра Павловна. — Видишь ли, я знаю, что ты всегда занятъ, у тебя дѣло есть, ты поглощенъ имъ — но это все не то, этого недостаточно. И Чакольскій тоже служитъ, отъ губернатора какія-то бумаги къ нему носятъ — и однакожь я понимаю, что это не *то*. Вотъ ты мнѣ и растолкуй это *то*, чтобъ я понимала, какая это разница, чтобъ я почувствовала ее.

— Что это тебѣ вздумалось? улыбаясь спросилъ Рѣшетиловъ.

Вѣра Павловна покачала вѣткой акаціи и оттолкнула ее.

— Видишь ли, отчего я хочу это знать, продолжала она. — Ты мнѣ съ самаго начала показался такимъ непохожимъ на другихъ, такимъ большимъ — именно большимъ; и ты въ самомъ дѣлѣ большой, хотя словами я не умѣю объяснить, почему я это чувствую. Но отчего... послушай, ты не разсердишься, что̀ я тебѣ скажу?

— Ну? проговорилъ, улыбаясь, Рѣшетиловъ.

— Я хочу сказать: отчего же другіе не замѣчаютъ этого? знаешь, мнѣ бы хотѣлось, чтобъ всѣ они, и Чакольскій, и Ухтырскій, и Косовицынъ, чтобы всѣ, рѣшительно всѣ видѣли, какой ты большой, хорошій, и не смѣли бы пикнуть при тебѣ.

— Вотъ какъ! улыбнулся Рѣшетиловъ.

— Вѣдь ты лучше ихъ? да? продолжала Вѣра Павловна, прижимаясь къ его плечу и заглядывая ему въ глаза.—Ты умнѣе ихъ... нѣтъ, не то, ты какъ-то *настоящѣе* ихъ—какое смѣшное слово я сказала! И вотъ отчего я хочу совсѣмъ, совсѣмъ знать тебя, такъ, чтобы мнѣ только смѣшно дѣлалось, когда я вижу, что другіе не понимаютъ тябя.—Послушай... вдругъ опять перебила она себя—знаешь, что мнѣ вздумалось? пойдемъ куда нибудь, подальше, въ поле, или въ лѣсъ,—помнишь какъ мы *тогда* ходили? Мнѣ такъ хочется уйти съ тобой, и чтобъ никого, никого кромѣ насъ не было!

Рѣшетиловъ не противорѣчилъ. Что-то веселое, свѣтлое поднялось въ немъ и наполнило его счастьемъ. „А я-то киснулъ, хандрилъ, какъ потерянный“! упрекнулъ онъ себя съ радостнымъ чувствомъ освобожденія.

Они пошли рука объ руку черезъ паркъ въ поле, потомъ свернули въ рощу и очутились опять на той самой тропинкѣ, по которой ходили въ монастырь. Пахучей теплотой охватилъ ихъ лѣсной воздухъ; шаги неслышно и мягко тонули въ короткой, точно скошенной травѣ.

— Листъ не движется... проговорила Вѣра Павловна, оглядывая освѣщенныя снизу верхушки деревъ.— Ты не замѣчаешь, здѣсь душно, давитъ что-то? пойдемъ туда, дальше отъ тропинки.

Она раздвинула низкія вѣтви орѣшника и пошла впередъ. Становилось темнѣе между частыми стволами дубковъ и сосенъ; зелень какъ будто чернѣла, чѣмъ дальше заходили они отъ дороги; подъ ногой хрустѣла прошлогодняя листва и съ слабымъ трескомъ ломались изсохшіе сучья. Вдругъ вѣтеръ отрывисто и злобно прошумѣлъ по листамъ и тотчасъ стихъ, точно разсыпался.

— Не будетъ ли грозы, съ опасеніемъ промолвилъ Рѣшетиловъ.

Оба посмотрѣли надъ головами: половина неба синѣла сквозь потемнѣвшія верхушки деревьевъ, а другая точно дымилась, и на разорванныхъ краяхъ надвигавшейся тучи вспыхивали, отбѣгая, красноватые лучи. Въ ту же минуту нѣсколько крупныхъ капель шлепнулось о листья и обрызнуло обоихъ.

— Попались мы! съ испуганнымъ смѣхомъ вскрикнула Вѣра Павловна. Вѣтеръ еще разъ злобно пробѣжалъ по лѣсу, хлестая сучьями, и среди наставшей затѣмъ тишины гулко и тяжко упалъ громовой ударъ. Оба невольно вздрогнули и посмотрѣли другъ на друга.

— Sauve qui peut! воскликнула Вѣра Павловна, и подобравъ обѣими руками платье, бросилась между деревьями.

Дождь все усиливался и полилъ ручьями съ отягченныхъ вѣтвей; не было надежды добѣжать до дому.

— Переждемъ здѣсь подъ деревомъ, сказала Вѣра Павловна, запыхавшись и останавливаясь подъ широкимъ старымъ дубомъ. Тутъ было суше, и только мелкія брызги срывались съ листьевъ. Разрѣженный воздухъ холодѣлъ и наполнялся проникающимъ смолистымъ запахомъ, темнота наползала изъ-за стволовъ.

— Какъ хорошо... и страшно немножко... проговорила Вѣра Павловна, отряхая брызги и щурясь въ лѣсную глубину.

Вдругъ близко и ярко вспыхнула молнія; гдѣ-то съ надтреснутымъ стономъ закачалось дерево, и тяжелый, короткій ударъ, точно оборвавшись надъ самой головой, упалъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Дождь полилъ сильнѣе.

— Тебѣ страшно? вполголоса спросилъ Рѣшетиловъ, въ темнотѣ чувствуя пожатіе похолодѣвшихъ пальцевъ.

— Да, милый мой... проговорила Вѣра Павловна, закрывая глаза и прижимаясь къ его плечу.

Дождь все лилъ, не утихая; синеватые огоньки чаще западали въ лѣсную темноту, и высокія верхушки деревьевъ неподвижно и крупно чернѣли; отбѣгавшіе удары грома раздражали остывшій и напоенный лѣснымъ запахомъ воздухъ. Рѣшетиловъ привлекъ къ себѣ Вѣру Павловну.

— Теперь мнѣ не страшно, подлѣ тебя... говорила она, прижимаясь къ нему. Онъ видѣлъ, какъ сквозь

темноту чуть-чуть проступали оттушеванныя полусвѣтомъ черты ея лица, и глаза блистали близко и какъ будто загадочно. — О, мой милый, если бы ты всегда былъ подлѣ меня, и я чувствовала бы твою руку...

Она тихонько просунула пальцы ему въ руку.

— Сожми крѣпче, изо всей силы, такъ, чтобы мнѣ больно было — просила она, подымаясь на ципочкахъ и заглядывая ему въ глаза.

Рѣшетиловъ осторожно сжалъ ей пальцы.

— Нѣтъ, крѣпче, сколько можешь — я хочу знать, сколько у тебя силы — говорила она, мигая въ темнотѣ глазами и опираясь на его плечо свободной рукой. — Ай, больно! вскрикнула она, и подкесла къ губамъ побѣлѣвшіе и склеившіеся пальцы. — У, какой ты сильный, страшный, я бы хотѣла бояться тебя...

— Бояться? удивленно переспросилъ Рѣшетиловъ.

— Да, бояться, до замиранія духа, до слезъ бояться тебя; ты этого не понимаешь?

Она пригнулась къ нему такъ близко, что ея рѣсницы скользнули по его щекѣ, и въ смолистой вечерней сырости почувствовалось тонкое благоуханіе ея волосъ. Она дотронулась до его шляпы и провела рукой по его лицу.

— Какъ ты вымокъ, у тебя лицо мокрое, говорила она, смѣясь и щупая его усы, бороду, пальто.—Какой ты смѣшной теперь, прибавила она, какъ-то забавно покачавъ головой, и принялась оправлять отсырѣвшія

складки своего платья. — Брр... мнѣ сейчасъ за шею капля упала... посмотри — продолжала она, и почти насильно подняла его руку и приложила къ шеѣ. — О, мой милый, вдругъ проговорила она, цѣпко обвившись вокругъ него руками и прижавшись щекой къ его груди.

Рѣшетиловъ молчалъ, цѣлуя ея мокрые волосы...

Сквозь прозрачную листву медленно блѣднѣлъ край неба; дождь пересталъ, и только съ гладкихъ, точно полированныхъ дубовыхъ листьевъ скатывались иногда крупныя брызги.

— Пойдемъ, сказала Вѣра Павловна.

Рѣшетиловъ встрепенулся; что-то дрогнуло въ немъ, какъ будто тонкая золотая нить, привязывшая его къ счастью, внезапно оборвалась.

— Это не повторится, сказалъ онъ.

— Не повторится — что? спросила Вѣра Павловна.

— Все — гроза, воздухъ, разговоръ, счастье... это только разъ бываетъ.

Она вдругъ быстро повернулась къ нему и положила обѣ руки ему на плечо.

— Отчего ты такъ сказалъ? ты почувствовалъ *это*? спросила она, и не мигая, съ какимъ-то накопившимся въ зрачкахъ испугомъ, всматривалась ему въ глаза.

— Вѣра, что у тебя на умѣ? такимъ же испуганнымъ вопросомъ отвѣтилъ ей Рѣшетиловъ.

У нея медленно раздвинулись складки между бровями

— Такъ... я не люблю предчувствій, объяснила она, и пошла дальше.

Они простились въ саду. На узенькихъ аллеяхъ было темно, тѣни сливались въ нѣсколькихъ шагахъ. Высокая фигура Рѣшетилова пропала, точно растаяла въ темнотѣ. Вѣра Павловна остановилась, прищурившись въ ту сторону, куда онъ пошелъ; какое-то внутреннее движеніе шевелило ея тонкія брови.

— Ѳедоръ Петровичъ! крикнула она.

Она постояла съ минуту, напряженно вытянувъ шею и прислушиваясь; ниодинъ звукъ не отвѣтилъ ей; намокшіе листья даже не дали эха.

Страданіе отразилось на ея лицѣ. Та сила, которую она нервически вызвала въ себѣ, внезапно ее оставила; тусклая, холодноватая мгла наползала ей въ душу. Въ сотнѣ шаговъ бѣлѣлъ надъ невысокими акаціями куполъ павильйона; надо было рѣшиться...

И она рѣшилась.

VIII.

Между тѣмъ Рѣшетиловъ тихо брелъ садомъ. Кое-гдѣ на откосахъ вода съ пѣною бѣжала по краямъ размытыхъ дождемъ дорожекъ; нога вязла въ мокромъ пескѣ; набѣгающій вѣтеръ сдувалъ съ листьевъ крупныя капли и хлесталъ въ лицо мокрыми вѣтками. Влажный туманъ стлался по сторонамъ и вдали, никнулъ къ землѣ и

словно дымился. Надъ прудами бѣлѣсоватый столбъ пара подымался къ небу, и въ немъ тускло таялъ свѣтъ мѣсяца; водяная поверхность неподвижнымъ пятномъ бѣлѣла въ разорванныхъ берегахъ. Какая-то внутренняя, тусклая тишина низошла на Рѣшетилова, и сердце невнятно ныло, точно его давила чья-то грубая рука. Тупой шорохъ слышался гдѣ-то близко, точно кто-нибудь тутъ же рядомъ осторожно пробирался между кустами, и въ темнотѣ почудилась чья-то тѣнь. — „Кто тутъ?“ окликнулъ Рѣшетиловъ и остановился, пугливо озираясь. Шорохъ смолкъ, но тѣнь на мгновенье явственно обрисовалось на берегу и пропала, словно разсыпалась. — „Мерещится,“ подумалъ Рѣшетиловъ, и не трогался, съ какимъ-то непонятнымъ любопытствомъ вглядываясь въ темноту, точно что-то невидимое и властительное тянуло его къ тому мѣсту, гдѣ сейчасъ мелькнула и скрылась неясная бѣлая фигура. Въ глазахъ у него въ самомъ дѣлѣ начинало мерещиться, и въ вискахъ стучало. Сухой листъ — откуда было взяться сухому листу? — свалился надъ нимъ и упалъ, непріятно задѣвъ его по рѣсницамъ и по лицу. Онъ все смотрѣлъ на одну точку, надъ прудомъ, и ему начало чудиться, какъ что-то огромное, тусклое, бѣловатое, точно исполинская человѣческая фигура, собралось въ массу, колыхалось и тянулось, безконечно тянулось вверхъ. „Испаренія, туманъ“, догадался онъ, и все

смотрѣлъ, точно стараясь опредѣлить за чѣмъ-то линію, по которой тянулась прозрачно-тусклая масса.

Онъ наконецъ оторвался отъ мѣста и пошелъ скорѣе. Тучи все рѣдѣли на небѣ, и лунный свѣтъ ложился пятнами на тропинкѣ и бѣлѣлъ между стволами. Обломанныя грозою вѣтви попадались подъ ногу; корни, съ которыхъ дождемъ смыло землю, краснѣли въ мокрой травѣ; въ пересохшихъ болотныхъ жилахъ съ весеннимъ шумомъ переливалась вода. Тропинка шла покато къ рѣкѣ, и чѣмъ ниже спускалась къ перевозу, тѣмъ шумнѣе бѣжала вода, и нога глубже вязла въ размытой землѣ.

На берегу неожиданное зрѣлище предстало глазамъ Рѣшетилова: вздутая дождемъ рѣчка крутила пѣну и несла смытые съ берега кусты, обрывая зелень и съ шумомъ прорываясь сквозь спутавшіяся вѣтви; размытая земля осѣла и мѣстами грозила рухнуть; обнаженныя корневища торчали здѣсь и тамъ, изъ-подъ нанесенной лѣсными потоками прошлогодней листвы. Никакихъ признаковъ парома нельзя было различить на той сторонѣ.

„Снесло вѣрно“, со страхомъ за свое положеніе подумалъ Рѣшетиловъ.

Онъ однако окликнулъ паромщика. На берегу что-то зашевелилось, и черезъ минуту онъ убѣдился, что старикъ отчаливаетъ лодку.

— Что у васъ приключилось? обратился къ нему

Рѣшетиловъ, какъ только его сгорбленная фигура близко обрисовалась въ полосѣ луннаго свѣта.

Старикъ по обыкновенію не тотчасъ отвѣтилъ, и только присунувъ лодку бортомъ къ берегу и сложивъ весла, проговорилъ, медленно ворочая челюстями:

— Много горя приключилось.

— Паромъ снесло? спросилъ Рѣшетиловъ.

— Снесло, подтвердилъ тѣмъ же запавшимъ голосомъ старикъ.

Рѣшетиловъ сѣлъ въ лодку, и они медленно отчалили. Грести было трудно—теченье относило ихъ къ-низу и качало изъ стороны въ сторону. На томъ берегу печально торчали изъ-подъ пѣны сваи и колыхались на водѣ уцѣлѣвшіе брусья парома. Снесенный плетень лежалъ кусками на размытыхъ грядахъ; въ другомъ мѣстѣ валялась разорванная тоня, плавали прибитыя къ берегу бревна и какія-то доски.

— Раззоренье у тебя, съ участіемъ проговорилъ Рѣшетиловъ.

— Божья воля, отозвался старикъ.

Въ снесенную бурей дверь видна была внутренность избы; тамъ было пусто.

— А гдѣ же Таня? спросилъ Рѣшетиловъ.

— Нѣту Тани, отвѣтилъ, не подымая головы, паромщикъ.

— Гдѣ жь она?

— Нѣту ея—сыщи, пояснилъ старикъ, и Рѣшетиловъ

тутъ только замѣтилъ выраженіе безконечной, подавленной скорби, лежавшее, какъ мгла, на его лицѣ, и кривившее глубокія морщины по угламъ рта.

— Ушла она? съ смутной тревогой спросилъ Рѣшетиловъ.

— Ушла, подтвердилъ паромщикъ.

Рѣшетиловъ быстро вскочилъ въ лодку.

— Вези меня назадъ, скорѣе! почти закричалъ онъ, чувствуя, какъ какой-то глухой ужасъ леденилъ его и шевелилъ волосы.

Старикъ взглянулъ на него—Рѣшетилову показалось, что цѣлая жизнь вспыхнула и погасла въ этомъ взглядѣ—и не отозвавшись ни словомъ, проворно перешагнулъ въ лодку. Оба молчали: одна и та же насыщенная смутнымъ ужасомъ мысль владѣла ими. На серединѣ теченія Рѣшетиловъ выхватилъ весла изъ дрожавшихъ рукъ паромщика, и нѣсколькими сильными толчками пригналъ лодку къ берегу.

— Ждать, что-ли? какъ-то глухо спросилъ его старикъ.

— Иди со мной, крикнулъ ему Рѣшетиловъ.

Онъ быстрыми шагами подымался по тропинкѣ; сучья хрустѣли у него подъ ногами, вѣтеръ сыпалъ на измокшее пальто крупныя капли. Сквозь порѣдѣвшія деревья блеснулъ прудъ. Рѣшетиловъ оглянулся, отыскивая мѣсто, гдѣ ему мерещилась тѣнь. На мокрой дорожкѣ вода блестѣла во впадинахъ, продавленныхъ чьей-то ногой;

слѣды то пропадали въ травѣ, то опять ясно обозначались на размытомъ пескѣ. Вдругъ онъ остановился, пригнулся, разсматривая что-то, и отскочилъ: у самаго берега краснѣлъ брошенный на кустъ шерстяной платокъ; послѣдній, оборвавшійся слѣдъ пропадалъ въ этомъ мѣстѣ, и за надломленнымъ тростникомъ зловѣще чернѣла вода. Рѣшетиловъ провелъ рукою по похолодѣвшему лбу, что-то ядовитое, гадкое проползло по немъ и заставило содрогнуться. Въ полутьмѣ, за его плечомъ, въ странной неподвижности рисовалась согнутая фигура паромщика, съ устремленнымъ по одному направленію взглядомъ. Свѣтъ мѣсяца падалъ на клочки сѣдыхъ волосъ и блестѣлъ двумя неподвижными точками на зрачкахъ; этихъ именно неподвижныхъ точекъ Рѣшетиловъ не могъ перенести.

— Искать надо, сказалъ онъ какъ-то глухо, и не разбирая дорожекъ, пошелъ по травѣ къ сторожкѣ, въ которой лѣтомъ жили садовники.

Растолкавъ двоихъ изъ нихъ и приказавъ захватить съ собою какую нибудь жердь и веревку, онъ привелъ ихъ къ пруду. Старикъ все стоялъ на томъ же самомъ мѣстѣ, словно въ столбнякѣ, и не шевелился.

— Да полѣзай же! крикнулъ Рѣшетиловъ на одного изъ работниковъ, который съ просонья только таращилъ испуганные до безсмыслія глаза и бормоталъ: „ахти, грѣхъ какой, грѣхъ-то!“ Понукаемый Рѣшетиловымъ, онъ однакожъ раздѣлся на половину и, поднявъ надъ

головой шестъ, полѣзъ въ воду; другой длинной жердью пробовалъ дно у берега.

— Ой, нашелъ никакъ! послышался испуганный окликъ съ пруда.

Среди напряженной тишины, мертвое тѣло вытащили на берегъ.

— Танюшка! Таня моя! прорвался старикъ, какъ-то безпомощно припадая къ трупу.

Текучій свѣтъ мѣсяца обливалъ мертвое лицо дѣвушки; склизкая тина путалась въ ея волосахъ, глаза были открыты, и опять двѣ неподвижныя тусклыя точки блестѣли въ остановившихся зрачкахъ.

— На паромъ снести, что-ли? шушукались работники, съ той боязнью говорить громко, которая рождается въ присутствіи смерти. Четыре дюжія руки подняли трупъ; старикъ приткнулся къ нему безсильнымъ плечемъ и, спотыкаясь, поплелся подлѣ. Рѣшетиловъ подошелъ, чтобъ поддержать ношу; паромщикъ вдругъ злобно отмахнулся рукой.

— Не замай, слышь! прохрипѣлъ онъ, тускло сверкнувъ глазами.

Всѣ медленно направились садомъ. На аллеѣ, которая вела мимо павильйона, вдругъ показались двѣ тѣни и медленно приближались навстрѣчу.

— Кто тутъ? громко окликнулъ издали чей-то голосъ, показавшійся Рѣшетилову знакомымъ.

Въ полусвѣтѣ онъ различилъ фигуры мущины и жен-

щины. Что-то знакомое, близко знакомое почудилось ему и въ походкѣ, и въ ростѣ женщины... Онъ потянулся впередъ, подтолкнутый непреодолимымъ любопытствомъ, и его высокая фигура обрисовалась въ полосѣ луннаго свѣта. Но въ ту же минуту тѣнь, которую онъ хотѣлъ узнать, съ слабымъ крикомъ отшатнулась отъ другой тѣни, и пропала въ темнотѣ. Онъ рванулся впередъ...

— Ни шагу дальше! крикнулъ Косовицынъ, загораживая ему дорогу.

Рѣшетиловъ даже не взглянулъ на него—онъ узналъ его только по голосу—и грубо отпихнувъ, бросился впередъ. Лунныя пятна скользили по немъ и перегоняли его. Бѣлая тѣнь остановилась, прикрытая темнотой, и безпомощно ждала... Сквозь текучій, слабый свѣтъ онъ узналъ ее. Онъ приблизилъ къ ней лицо и медленнымъ, странно-внимательнымъ взглядомъ обвелъ ея глаза, волосы, испуганный изгибъ губъ, голубую жилку около рта, сквозившую подъ безкровно-блѣдной кожей, изящный овалъ лица. Его какъ будто занимало, ему какъ будто весело было медленно, молча скользить взглядомъ по этому лицу и что-то отыскивать въ немъ... Около глазъ и на уголкахъ рта у него слегка подрагивали какіе-то мускулы... Потомъ онъ повернулся и пошелъ прочь.

— Ѳедоръ Петровичъ! обрывающимся голосомъ крикнула Вѣра Павловна, простирая и ломая руки.

Его удаляющаяся фигура пропала въ темномъ пятнѣ.

— Ушелъ! простонала она, припадая плечомъ къ мшистому стволу.

— Дайте мнѣ вашу руку, произнесъ подлѣ нея Косовицынъ, появляясь изъ темноты.

Она обвела его тусклымъ взглядомъ и вдругъ злобно оттолкнула.

— Ушелъ, *онъ* ушелъ! прорыдала она...

А Рѣшетиловъ тихо брелъ между деревьями. Онъ не соображалъ, не волновался, даже не страдалъ; тусклая, тусклая мгла пронизала его, и онъ захлебнулся въ ней. Онъ шагалъ по травѣ, инстинктивно пробираясь къ перевозу. У самаго парома онъ столкнулся съ печальной процессіей. Работники спустили трупъ Тани въ лодку. старикъ сѣлъ подлѣ и поднялъ весла.

— Возьми меня съ собою! робко попросился Рѣшетиловъ.

Паромщикъ не отвѣчалъ; Рѣшетиловъ осторожно перешагнулъ черезъ бортъ, и какъ-то поджимаясь, усѣлся на кормѣ. Его не пугало это сосѣдство смерти: что-то похожее на смерть онъ чувствовалъ въ себѣ самомъ.

Лодка тихо толкнулась о берегъ; Рѣшетиловъ не оглянулся, выходя изъ нея, и вдругъ почувствовалъ, какъ все, что̀ онъ оставлялъ за собою, разомъ, какой-то ѣдкой и нестерпимой укоризной отозвалось въ немъ.

„Утонула... умерла...“ проговорилъ онъ, путая жи-

выхъ и мертвыхъ и чувствуя, что въ груди у него умерло что-то главное и живое, какъ сама жизнь.

Онъ побрелъ домой, почти не разбирая дороги, почти не думая ни о чемъ; какая-то неподвижность, внутренняя, тусклая неподвижность связала его. Онъ прошелъ черезъ кабинетъ, машинально присѣлъ на диванъ, но скоро вскочилъ, и толкнувъ ногою стеклянную дверь, вышелъ въ садъ.

Небо было ясно, безвѣтренный воздухъ сквозилъ и свѣтился, темныя очертанья сада неподвижно и густо спнѣли; мѣсяцъ не сіялъ, а какъ будто только теплился и таялъ въ лучистомъ свѣтѣ; тихо, торжественно тихо, и мирно, и кротко дышала ночь.

Рѣшетиловъ шелъ по неширокой аллеѣ, съ странной пугливостью озираясь на скользящія тѣни: какая-то незримая и сложная жизнь чудилась ему подъ этими насыщенными темнотой кустами и въ мягко-свѣтившемся и спнѣвшемъ воздухѣ. „И здѣсь тоже прошумѣла буря; но какая благодатная буря!“ проговорилъ онъ мысленно. Дождевая капля, чистая и холодная, упала съ вѣтки ему на лицо; онъ не отряхнулъ ее: ему пріятно было чувствовать на щекѣ этотъ мокрый холодъ. Онъ шелъ дальше, то пропадая въ темнотѣ, то вдругъ вступая въ лунное пятно, лучистымъ столбомъ бѣлѣвшее на дорожкѣ; и ему начинало казаться, будто то мертвое, тусклое, что онъ несъ въ себѣ, стало таять, точно тѣнь въ лунномъ свѣтѣ... Онъ снялъ шляпу, поправилъ мок-

рые и холодные волосы и распахнулъ пальто. Ему вдругъ припомнилась друга ночь — когда онъ въ Бѣлогорскѣ возвращался отъ Вѣры Павловны и былъ остановленъ звуками дрянной шарманки; сердце невнятно почувствовало эти звуки, и какая-то жажда пахнула на него — жажда жизни, любви, счастья... „Счастья! но что такое это счастье, какъ не обманъ, не новинка, не искушеніе?“ думалъ онъ, и чувствовалъ, что каждый нервъ у него дрожитъ, и трепещетъ, и плачетъ, и проситъ счастья... „Счастья! этого самаго счастья! обманчиваго, призрачнаго, невѣчнаго, но только счастья, счастья!“— плакалъ онъ самъ, и разгорался, и какого-то подвига искалъ и ждалъ въ себѣ, кругомъ, вездѣ...

Онъ дошелъ до конца сада; дорожка упиралась въ низенькій плетень, за нимъ синѣлъ выгонъ, поля, узкій проселокъ сѣрѣлъ въ полусвѣтѣ. По этому проселку онъ столько разъ ходилъ въ Семиполье... Онъ постоялъ въ какой-то задумчивой нерѣшительности, поглядѣлъ въ даль и перенесъ ногу черезъ плетень; что-то вдругъ подтолкнуло его, точно онъ вспомнилъ что нибудь нужное и забытое тамъ, за этими пустынными и словно таявшими въ полутьмѣ полями. Онъ пошелъ по проселку, свернулъ въ рощу и спустился къ перевозу. На голомъ берегу отчетливо чернѣла изба паромщика; свѣтъ слабой полосой врывался въ открытую дверь и сквозилъ въ щеляхъ ставней. Какое-то неодолимое и жуткое любопытство тянуло Рѣшетилова на огонекъ. Онъ

осторожно подкрался къ избѣ, принагнулся къ низенькому окошку и заглянулъ въ щель. Василисы не было дома; она еще за два дня ушла съ холстомъ на „хутора“ и не знала о случившемся. Рѣшетиловъ сначала не могъ ничего разглядѣть, свѣтъ отъ тонкаго восковаго огарка стоялъ краснымъ пятномъ въ углу комнаты, оставляя большую часть ея неосвѣщенною. Онъ сталъ всматриваться: густое красное пятно какъ-будто прояснѣло, сдѣлалось прозрачнымъ, и сквозь него проступилъ неподвижный мертвый ликъ; и другой ликъ, какъ будто тоже неподвижный и мертвый, неясно очертился надъ нимъ... Съ жаднымъ и жуткимъ вниманіемъ Рѣшетиловъ приникъ къ окну: что-то ядовитое опять проползло по немъ, и сердце съ болью пошевелилось. По медленному движенью губъ старика и раскрытой передъ нимъ книгѣ Рѣшетиловъ догадался, что онъ читаетъ надъ покойницей.

„Умерла... умерли!“ повторилъ онъ съ осиротѣлымъ, увядающимъ чувствомъ.

IX.

Вечеромъ на другой день пріѣхалъ верховой изъ Семиполья и вручилъ Рѣшетилову записку. Въ ней стояли слѣдующія, безпорядочно набросанныя строки:

„Истомленная страданіемъ, я цѣлый день жду васъ и теряю надежду, теряю голову. Все такъ-то дико спута-

лось во мнѣ и застыло; я сѣла написать къ вамъ нѣсколько строкъ, и не знаю, смогу ли—мнѣ кажется, я и сама не въ состояніи понять смысла и связи безтолковыхъ словъ, толпящихся въ головѣ и попадающихъ подъ перо.

„То, что̀ я поняла въ ту проклятую ночь, заставляетъ меня думать, что вы, можетъ быть, считаете даже мою мысль писать къ вамъ — оскорбленіемъ. Можетъ быть, вы все безвозвратно рѣшили и кончили въ умѣ своемъ. Но это невозможно, этого нельзя, нельзя! Вы сами не знаете, какое это будетъ преступленіе! Да этого и не будетъ, потому что не сошли же вы всѣ въ самомъ дѣлѣ съ ума, и не можетъ же это быть! Поймите, что я даже писать не могу—Богъ знаетъ что̀ такое выходитъ!

„И все таки я увѣрена, что еслибъ только я увидѣла васъ, еслибъ вы выслушали меня... Да нѣтъ, къ чему даже выслушивать, когда достаточно видѣть меня, посмотрѣть мнѣ въ глаза, которыми я выплакала всѣ слезы, чтобъ понять, до какой степени преступно то, что̀ вы рѣшаете своимъ близорукимъ и ослѣпленнымъ умомъ. О, мой милый, еслибъ ты не ушелъ такъ безжалостно въ ту ночь, еслибъ ты былъ со мною весь этотъ день, похожій на день преступника, ожидающаго казни, къ которой онъ приговоренъ по какой-то роковой ошибкѣ! Ожидать казни, ощущая внутри себя оправданіе и чувствуя, что не суждено его выговорить, кинуть его тор-

жественно въ глаза слѣпотствующихъ судей — о, какъ это мучительно, нестерпимо! Какое это позорное безсиліе!

„Нѣтъ, ты не допустишь казни; ты придешь сейчасъ, сію минуту. Иначе это будетъ даже не казнь, а убійство. А ты вѣдь не убійца, не правда ли?

„Я издалека цѣлую твои руки, припадаю къ ногамъ твоимъ. Я неотразимо чувствую тебя... Скажи, что ты будешь. Ты скажешь, не правда-ли!

„О, сжалься, сжалься!“

Рѣшетиловъ прочелъ—и чѣмъ-то далекимъ, чуждымъ пахнуло на него отъ этихъ строкъ—точно вся пережитая драма взгромоздилась на театральные подмостки, и оттуда рисовалась передъ нимъ въ своемъ картонномъ трагизмѣ и мишурномъ золотѣ.

— Приказано отвѣта ожидать, доложилъ Осипъ.

Рѣшетиловъ какимъ-то недоумѣвающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на него, точно не вслушался, и пожалъ плечомъ.

— Какой еще отвѣтъ — не будетъ отвѣта! проговорилъ онъ.

Яркое, словно что нибудь торжествующее, солнце рано разбудило его на другой день; онъ даже зажмурился отъ насыщеннаго золотомъ и точно кричащаго блеска, ворвавшагося въ окна. Такое солнце бываетъ только на второй, на третій день послѣ сильной грозы: оно еще съ зари наливается блескомъ, и первые, ко-

сые лучи его уже нестерпимо сверкаютъ въ росѣ и рѣжутъ глазъ.

Рѣшетиловъ распахнулъ окно, спросилъ себѣ чаю и долго сидѣлъ, прихлебывая маленькими глотками изъ стакана и безъ всякой опредѣленной мысли глядя черезъ низкіе кусты вдаль, гдѣ узилась садовая дорожка и зеленѣли, отливая золотистой желтизной, еще не успѣвшія запылиться верхушки яблонь и сливъ. Онъ не наслаждался утромъ, а только смутно почувствовалъ его; и почувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что эти золотые лучи и пахучій, свѣжій росистый воздухъ не тянутъ его въ поле, на работы, и что онъ какъ-то томительно отчужденъ отъ труда, дѣла, отъ самой жизни... Онъ раскурилъ сигару и вышелъ въ садъ. Посыпанныя пескомъ дорожки успѣли просохнуть; кое-гдѣ хрустѣлъ сухой листъ, проснувшіяся и ожившія мошки роились въ солнечныхъ пятнахъ; ощущались трескотня, и блескъ, и радость жизни, и сильнѣе давило душу чувство бездѣятельнаго, вялаго одиночества.

Вдругъ кто-то сзади осторожно дотронулся до его плеча; онъ обернулся и... вскрикнулъ. Передъ нимъ стояла Вѣра Павловна.

Рука, которую она протянула къ нему, упала на смятыя складки ея платья; что-то безпомощное, просящее и страдающее выразилось въ ея взглядѣ.

— Это вы? Вѣра Павловна? у меня? воскликнулъ Рѣше-

тиловъ, теряясь и съ какимъ-то сложнымъ, полувраждебнымъ чувствомъ отступая передъ ней.

— Вы... не пришли, робко объяснила она.

Она остановилась. Она пришла сказать такъ много, объяснить такъ неотразимо все, что такимъ нестерпимымъ гнетомъ лежало на ней, въ чемъ она изнывала съ послѣдней встрѣчи, и даже раньше, съ той несчастной ночи, когда она возвращалась изъ монастыря и столкнулась съ Косовицынымъ. И вотъ, она пришла, и стоитъ передъ нимъ—и не умѣетъ сказать. Какое-то смутное внутреннее противорѣчіе представилось ей между тѣмъ, что она хотѣла сказать, и... Рѣшетиловымъ. Она недовѣрчиво, со страхомъ взглянула ему въ глаза.

— Или, можетъ быть, я отгадала? проговорила она тихо.

— Что̀ отгадала? какъ-то машинально и почти грубо переспросилъ Рѣшетиловъ. — Ахъ, зачѣмъ это! проговорилъ онъ вдругъ съ досадой, и сѣлъ на скамью, закрывъ лицо руками.

Ему вдругъ сдѣлалось жалко, нестерпимо жалко... только не ея. Сиротливое, увядающее чувство опять поднялось въ немъ, и съ какой-то разнѣженной горечью протекло по нервамъ; въ груди у него плавало пережитое и перечувствованное.

Вѣра Павловна придвинулась къ нему и наклонилась надъ его плечомъ. Рука ея робко дотронулась до его

волосъ. Онъ вдругъ быстро поднялъ голову: на рѣсницахъ у него блистали слезы.

— Ѳедоръ Петровичъ! съ радостнымъ, недоумѣвающимъ испугомъ воскликнула Вѣра Павловна: ей такъ неожиданно, и жалко, и страшно немножко, и пріятно было видѣть эти слезы... Рѣшетиловъ отвернулся.

— Зачѣмъ вы пришли? проговорилъ онъ съ той же непроизвольной, механической грубостью въ голосѣ.— Вѣдь всѣ узнаютъ объ этомъ... подвигѣ, и осудятъ— добавилъ онъ съ раздраженной насмѣшкой.

— Не все ли мнѣ равно, *теперь*! возразила Вѣра Павловна. Какой-то лучъ робко и нерѣшительно скользнулъ по ея лицу.

— Théodore, ты безпокоишься объ этомъ? проговорила она, недовѣрчиво вглядываясь въ его глаза, въ которыхъ сверкнула злая искра.

Онъ всталъ и поглядѣлъ на нее равнодушнымъ, далекимъ взглядомъ.

— Неужели вы еще не понимаете? проговорилъ онъ, и машинально пошелъ по аллеѣ,

Странное молчаніе стояло за нимъ... Онъ шелъ, жутко вслушиваясь—ни звука, ни шороха; только песокъ слабо скрипнулъ у него подъ ногами.

— А, я это знала! услышалъ онъ вдругъ.

Эти слова какимъ-то страдающимъ крикомъ вырвались у Вѣры Павловны. Она не шевелилась; тѣнь отъ покачнувшейся вѣтки скользила по ея лицу; мел-

кій желтый листъ упалъ и остановился въ ея волосахъ.

— А я... я не зналъ... проговорилъ Рѣшетиловъ, возвращаясь къ ней.

— Что̀ вы могли знать? вы ничего не знаете! прокричала Вѣра Павловна сквозь сжатыя губы, и невольнымъ движеніемъ руки какъ будто отмахнулась отъ него.

Она оторвала вѣтку акаціи, закрутила ее вокругъ пальца, перепачкавъ въ зелени руки, и отбросила далеко всторону.

— Слушайте... слушай, Théodore — заговорила она тихо, съ мягкимъ шелестомъ измятыхъ складокъ приближаясь къ нему и взмахнувъ на него изъ подъ длинныхъ рѣсницъ прищуренными и не пропускавшими свѣта зрачками—слушай, мой милый, что я тебѣ скажу.—Ты вѣдь подозрѣваешь меня... и даже убѣжденъ, не правда ли? Постой, не перебивай меня, дай мнѣ досказать! Ты вѣдь не оттолкнешь меня безъ оправданія, не осудишь безъ доказательства?...

Они шли рядомъ—онъ смотрѣлъ всторону, она подозрительно, вкрадчиво вглядывалась ему въ лицо, на которое легла какая-то неподвижная тѣнь. При послѣднихъ словахъ ея онъ нетерпѣливо вскинулъ головой.

— Безъ доказательствъ? переспросилъ онъ все также грубо.—Вамъ угодно шутить, Вѣра Павловна!

— О, мой милый, еслибъ я могла шутить! воскликну-

ла Вѣра Павловна, и темный, темный взглядъ ея опять скользнулъ по лицу Рѣшетилова и встрѣтился съ его взглядомъ. — Еслибъ я могла также спокойно и злобно отвернуться отъ тебя, какъ ты отъ меня! Но ты не отвернешься навсегда, совсѣмъ, не выслушавъ того, что я скажу тебѣ? Эта проклятая ночь... этотъ Косовицынъ...

Рѣшетиловъ пошелъ медленнѣе и слушалъ настороженнымъ ухомъ.

— Ну? произнесъ онъ.

— Ахъ, но развѣ ты повѣришь мнѣ, если не вѣришь моимъ глазамъ, моему голосу! воскликнула Вѣра Павловна, слегка хрустнувъ пальцами.

„Глаза... голосъ... все это умѣетъ лгать“, подумалъ Рѣшетиловъ. И вдругъ со всею злобою вспыхнуло въ немъ то неопредѣленное, подозрительное чувство, отъ котораго онъ никогда не могъ совсѣмъ отдѣлаться, съ первой встрѣчи съ Вѣрой Павловной. Онъ съ какимъ-то страннымъ и жуткимъ любопытствомъ оглядѣлъ ея чудесное, немножко разстроенное лицо, ея какъ будто простертую къ нему позу и красивый безпорядокъ ея изящно-смятаго платья; и чѣмъ-то лживымъ, опаснымъ и властительнымъ повѣяло на него... Онъ вдругъ остановился, и смѣривъ ее холоднымъ и уже ничего не выражавшимъ взглядомъ, произнесъ:

— Да, Вѣра Павловна, вы угадали; больше я ничего не могу вамъ сказать.

И онъ пошелъ дальше.

„Господи, да что же это такое!“ простонала Вѣра Павловна, заламывая руки и закидывая голову.

Опять то томительное, безсильное страданіе, подъ вліяніемъ котораго она написала вчерашнее письмо, овладѣло ею и крѣпко, крѣпко сжало ее... Она порывисто бросилась за Рѣшетиловымъ.

— Théodore, выслушай меня! такъ нельзя, невозможно! Этотъ Косовицынъ...

Рѣшетиловъ продолжалъ идти, не оборачиваясь и какъ будто не замѣчая ея.

— Вѣдь я его ненавижу! вѣдь ты не знаешь, какъ я его злобно, мстительно ненавижу! порывисто говорила Вѣра Павловна, и близко подойдя къ нему, потянула его за рукавъ и снизу какимъ-то отуманеннымъ и ищущимъ взглядомъ заглянула ему въ глаза.

Они уже вышли изъ саду и стояли на перекресткѣ, гдѣ большая проѣзжая дорога встрѣчалась съ тропинкой, уходившей въ рощу.

— Остерегитесь, кто-то ѣдетъ сюда, проговорилъ Рѣшетиловъ.

По дорогѣ въ самомъ дѣлѣ слышался близкій лошадиный топотъ. Незнакомый молодой человѣкъ, и дѣвушка, которую Рѣшетиловъ тоже не узналъ издали, оба верхами, появились изъ-за опушки и рысцой приближались къ нимъ, весело и громко разговаривая между собою. Замѣтивъ Рѣшетилова и Вѣру Павловну, они

какъ будто смутились, переглянулись другъ съ другомъ и, сдержавъ лошадей, продолжали шагомъ подвигаться по дорогѣ. Тутъ Рѣшетиловъ узналъ въ молоденькой амазонкѣ Елену Дмитревну Лыжеву, которую видѣлъ въ первый разъ у Авделая Семеныча; но сколько онъ ни приглядывался къ ея спутнику, не могъ припомнить въ его лицѣ и во всей фигурѣ ничего знакомаго.

Молодой человѣкъ, между тѣмъ, отдѣлился отъ Елены Дмитревны и, вѣжливо раскланиваясь, подъѣхалъ къ Рѣшетилову.

— Сергѣй Дмитричъ Лыжевъ, о которомъ вы вѣроятно слышали отъ Авделая Семеныча Методистова—рекомендовался онъ, покачивая въ рукѣ свою легкую полотняную шляпу и мимоходомъ, съ условною вѣжливостью деревенскаго сосѣда откланявшись Вѣрѣ Павловнѣ.— Сестрица очень безпокоилась, что не видѣла васъ до сихъ поръ по извѣстному вамъ дѣлу Авделая Семеныча, и полагая, что вы очень заняты, поручила мнѣ лично заѣхать къ вамъ и увѣдомить, что всѣ рѣшительно обоюдныя претензіи покончены миромъ, и даже всѣ нужныя росписки и документы приготовлены и находятся у насъ въ домѣ.

Онъ проговорилъ все это нѣсколько торопливымъ, дѣловымъ тономъ, съ какимъ обыкновенно обращаются къ незнакомому человѣку по служебному дѣлу. Но его молодое, чистое, свѣжее лицо не выражало этого тона: какая-то своевольная улыбка сорвалась съ губъ, и онъ

самъ какъ будто сконфузился за нее и слегка даже покраснѣлъ. Какъ только онъ заговорилъ, Рѣшетиловъ тотчасъ догадался, что это не можетъ быть никто другой, какъ братъ Елены Дмитревны: столько было поразительнаго сходства — не въ наружности, а въ голосѣ, въ манерѣ смотрѣть, когда говоришь, и въ особенности въ этой непроизвольной улыбкѣ, шевелившей уголки губъ и чуть примѣтный золотисто-русый пушокъ надъ ними, и за которую видимо, но безъ всякаго непріятнаго и натянутаго чувства, конфузился самъ улыбавшійся.

Елена Дмитревна подъѣхала въ это время и отвѣтила короткимъ, веселымъ кивкомъ на поклонъ Рѣшетилова. Ея взглядъ изъ-подъ надвинутой на брови шляпы наблюдательно скользнулъ по Вѣрѣ Павловнѣ, и уголки рта какъ-то чуть-чуть зашевелились, точно она собиралась крикнуть: „ай, какъ же мы неловко попали!“

— Вотъ и отлично, что братъ встрѣтилъ васъ, не безпокоя на дому — проговорила она, сдерживая улыбку, подозрительно прыгавшую у нея на губахъ и въ глазахъ. — Дядя Авделай Семенычъ съ нетерпѣніемъ васъ ждетъ; впрочемъ, я всѣ бумаги отобрала и спрятала у себя, такъ что вы лучше сдѣлаете, если прямо къ намъ заѣдете.

Рѣшетиловъ обѣщалъ быть завтра непремѣнно. Сергѣй Дмитричъ высоко приподнялъ шляпу, Елена Дмитревна опять весело и почти дружески кивнула головой, бросивъ еще разъ изъ-подъ рѣсницъ наблюдательный и

какъ будто лукавый взглядъ на Рѣшетилова и Вѣру Павловну — и оба рысцой поѣхали по дорогѣ. Черезъ минуту уже слышался ихъ громкій смѣхъ и короткій топотъ поднятыхъ въ галопъ лошадей.

Вѣра Павловна проводила ихъ какимъ-то напряженнымъ и горькимъ взглядомъ. Зачѣмъ появилась эта молодая, веселая, счастливая и безъ сомнѣнія глупая чета — въ ту минуту, когда такъ горько болѣла душа, и сердце ныло недугомъ изжитаго чувства? эта молодость и свѣжесть расцвѣта, когда въ ней самой все такъ похоже на увяданіе?

Она натянула на плечи платокъ и спустила вуалетку. Сквозь кружево ея глаза медленно останавливались на Рѣшетиловѣ, она не отводила ихъ; она какъ будто припала къ нему взглядомъ.

— То, что я хотѣла сказать вамъ... начала она, и Рѣшетилову показалось, что это не ея, а чей-то глухой, гортанный голосъ говорилъ ему — я не въ состояніи сказать теперь; не въ состояніи, простите мнѣ. Все какъ-то не такъ и безтолково вышло...

Ея губы задрожали; она попробовала наложить на нихъ улыбку — улыбка вышла какая-то напряженная.

— Я вѣдь не прощаюсь съ вами... продолжала она, все также насильно улыбаясь и крутя пальцами оборку платья — мнѣ кажется, что мы еще увидимся. А если вы не захотите...

Она быстро смигнула слезы, и отвернувшись, черезъ плечо посмотрѣла на него вспыхнувшимъ взглядомъ.

— Прощайте! почти прокричала она, и пропала за стволами. Рѣшетиловъ рванулся за нею — что-то и внутри у него рванулось — и остановился — медленно провелъ рукою по лбу и прислонился къ дереву. Неподвижныя, рѣдкія складки легли на его лицѣ.

Передъ сумерками закутанная женская фигура поспѣшно пробиралась по узкой лѣсной тропинкѣ къ монастырю. Черный шерстяной платокъ закрывалъ ей голову и плечи; большіе, глубокіе, грустные глаза глядѣли изъподъ темныхъ складокъ, падавшихъ на лобъ и бросавшихъ густую тѣнь на половину лица. По неровной походкѣ и пугливымъ взглядамъ, которые эти глаза бросали иногда по сторонамъ, можно было заключить, что какое-то внутреннее волненіе управляло этими мелкими, торопящимися шагами. Узкая маленькая нога, не привыкшая къ лѣснымъ тропинкамъ, оступалась на скользкой хвоѣ и слегка нахрамывала.

Въ монастырской церкви только-что окончилась вечерня, и немногочисленная братія медленно расходилась. Молодая женщина какъ-то нерѣшительно остановилась на паперти, оглянулась, достала изъ кармана крошечный изящный порт-моне и опустила въ кружку серебреную монету; потомъ поправила шерстянной платокъ, запахнула концы и вошла во внутренность храма.

Тамъ было почти пусто; пономарь беззвучной, сколь-

зящей походкой вышелъ изъ алтаря, гася пальцами пучекъ восковыхъ огарковъ; замѣтивъ молельщицу, онъ подошелъ къ ней, вопросительно поглядывая изъ-подъ бѣлыхъ бровей.

— Я хотѣла бы видѣть отца настоятеля... робко проговорила молодая женщина.

— Можно... отвѣтилъ пономарь, и оглянувъ ее опять вопросительнымъ взглядомъ, вернулся въ алтарь.

Оттуда черезъ минуту вышелъ игуменъ. Молодая женщина встрепенулась, спустила съ головы платокъ и быстро пошла ему навстрѣчу.

— Я разъ была уже въ монастырѣ... вы, можетъ быть, помните... несмѣло проговорила она къ нему.

Настоятель ласково и какъ будто проницательно поглядѣлъ на нее.

— Какъ же, помню: изъ Семиполья? Съ мировымъ посредникомъ были у насъ, и еще чаю не хотѣли откушать, припомнилъ онъ.

Вѣра Павловна слабо улыбнулась.

— Я пришла къ вамъ, святой отецъ, за совѣтомъ и утѣшеніемъ... проговорила она. Настоятель опять проницательно, съ ласковой серьёзностью поглядѣлъ на нее.

— Не угодно ли присѣсть, пригласилъ онъ, указывая на два стула въ углу клироса. — Въ совѣтѣ и утѣшеніи никому не отказываемъ; если только вѣра приводитъ жаждущаго — добавилъ онъ.

Вѣра Павловна робко присѣла на стулъ и поправила складки платка.

— Я много страдаю; я несчастлива... я не могу устроить жизнь... проговорила она, поднявъ на настоятеля глаза и потупляя ихъ съ какимъ-то пріятнымъ чувствомъ грѣховности, смиренія и слабости.

Игуменъ тоже потупился, и выраженіе серьезной и ласковой заботы легло на его лицо.

— Жизнь достается трудно, проговорилъ онъ.

— Я хотѣла бы уйти отъ нея... совсѣмъ, навсегда, въ какую нибудь обитель... продолжала Вѣра Павловна.

Что-то строгое отразилось на лицѣ настоятеля. — У васъ семья есть? спросилъ онъ.

— У меня нѣтъ дѣтей, уклонилась молодая женщина.

— Мужъ есть?

Вѣра Павловна пошевелила въ какомъ-то затрудненіи оборками платья и промолчала.

— Союзъ супружескій возлагаетъ серьезныя и строгія обязанности, проговорилъ игуменъ.

— Я разошлась съ своимъ мужемъ, рѣшилась отвѣтить Вѣра Павловна.

Опять какая-то грустная и строгая тѣнь пробѣжала по лицу монаха; онъ проницательно и какъ будто недовѣрчиво взглянулъ на молодую женщину.

— Не подобаетъ разрывать то, что связала церковь, произнесъ онъ.

Вѣра Павловна поднесла къ лицу платокъ и обмах-

нула горѣвшіе глаза. Какая-то фальшивая нота неопредѣленно почувствовалась ей гдѣ-то глубоко въ себѣ самой.

— Ахъ, но у меня нѣтъ силы, нѣтъ умѣнья; я не умѣю жить, и я очень, очень несчастна! воскликнула она, уронивъ на колѣни руки.

Настоятель придвинулся къ ней ближе и заговорилъ о значеніи житейской борьбы, о самопожертвованіи и подвигѣ любви. Вѣра Павловна слушала, не подымая глазъ, и то чувство грѣховности, умиленія, покаянія, которое испыталъ Рѣшетиловъ, когда былъ съ нею въ монастырѣ, съ ласковой болью охватило ее и какъ будто подняло надъ горемъ, надъ страстью, надъ злобою дня... Тихая, мѣрная рѣчь монаха тѣснилась ей въ душу, и ей казалось, что въ овладѣвшемъ ею чувствѣ тонула та фальшивая, смутная нота, которую она принесла съ собою и сознавала въ себѣ...

Она подошла подъ благословеніе; настоятель подалъ ей крестъ и долгимъ, думающимъ и проникающимъ взглядомъ поглядѣлъ на нее.

— Простоты больше надо; въ самомъ подвигѣ больше простоты—какъ-то знаменательно напутствовалъ онъ ее.

X.

Рѣшетиловъ вышелъ на крыльцо, собираясь ѣхать на „хутора“ въ Лыжевку. Это было на другой день послѣ разсказаннаго въ предъидущей главѣ.

Прискакавшій изъ Семиполья верховой подалъ ему письмо. Онъ взглянулъ на адресъ, узналъ знакомый, тонкій, женскій почеркъ, и разорвалъ конвертъ. Изъ него выпало нѣсколько мелко-исписанныхъ листковъ. Онъ вернулся въ комнаты, присѣлъ къ окну и началъ читать. Тамъ стояло слѣдующее:

„Когда вы получите это письмо, меня уже не будетъ ни въ Семипольи, ни въ Бѣлогорскѣ.

„Зачѣмъ я уѣзжаю? зачѣмъ я пишу къ вамъ? На первый изъ этихъ вопросовъ я не умѣю отвѣтить нѣсколькими словами; но вы поймете все, когда дочитаете до конца эти листки. А зачѣмъ я пишу къ вамъ... затѣмъ, что мнѣ не хотѣлось бы оставить ничего невыясненнаго, непонятаго и непочувствованнаго въ нашемъ романѣ, какъ бы ни была испорчена его развязка. Когда безвозвратно прожита безконечно-долгая минута неизвѣстности и сомнѣнія, предшествующая разлукѣ, и тусклая мгла, какъ осадокъ изжитаго чувства, наползаетъ въ душу—является утѣшительная способность отдѣлиться отъ самой себя, и безучастно, пожалуй даже брезгливо потрогать и пощупать все то, что копошилось и жило въ душѣ. Всякое щепетильное и шекотливое чувство къ своему крошечному *я* слабѣетъ, и все грѣховное, страстное и злобное въ себѣ самой кажется такимъ ничтожнымъ, такимъ маленькимъ, такимъ безразличнымъ передъ этою насыщенною мертвымъ холодомъ злобою пустоты, воцарившеюся внутри, что нако-

нецъ спрашиваешь себя: да полно, стоитъ ли лицемѣрить, показывать себя съ лучшей стороны, старательно оправлять складки мишурнаго декорума, въ которыя мы такъ заботливо драпируемся, — стоитъ ли дорожить чѣмъ нибудь вообще?

„Эти мишурные лоскутья внѣшняго приличія и блеска я добросовѣстно носила всю жизнь, пріучаясь къ нимъ, какъ къ своему домашнему платью; и что же? Мнѣ хочется сорвать ихъ и бросить подъ ноги тѣмъ, которые такъ искренно любовались ими. Мнѣ хочется смутить застоявшійся покой этихъ искренно-ничтожныхъ людей наготою нравственнаго безобразія и убожества; и знаете ли? — мнѣ думается, что въ этой изъязвленной наготѣ все таки найдется болѣе человѣческаго и прекраснаго, чѣмъ въ дешевомъ великолѣпіи выходнаго костюма.

„Съ отраднымъ, мирнымъ чувствомъ состраданія и родства возникаетъ передо мной мое прошлое; чудная тайна перспективы овладѣваетъ имъ, накопляются сладкія слезы, и какъ будто таешь въ этихъ слезахъ. Все горькое, жгучее, острое отходитъ и тоже таетъ.

„Помнится, я говорила вамъ о своемъ дѣтствѣ. Странное, жалкое, испорченное дѣтство, не правда ли? Какимъ-то тусклымъ пятномъ представляется оно мнѣ. Ни одного глотка свѣжаго воздуха, ни одного впечатлѣнія, пріобрѣтеннаго непосредственно. Дисциплина большаго барскаго гнѣзда, вялый холодъ отставнаго существова-

нія, безтолковое ученье изъ домашнихъ и губернскихъ рессурсовъ. И m-lle Эрнестинъ для всѣхъ внутреннихъ потребностей!

„А этихъ потребностей чрезвычайно много въ тепличномъ прозябаніи. Вы не думайте, что это размѣренное, пжитое, худосочное прозябаніе въ самомъ дѣлѣ благонамѣренно подсѣкаетъ въ женщинѣ ростки, признаваемые за плевела оратаями великосвѣтской пажити. О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Эти ростки пускаютъ искривленные, жалкіе побѣги, но не замираютъ окончательно. Потребность жизни, прежде чѣмъ оледѣнѣть и застыть, ожесточенно борется за свое существованіе. Я тогда не умѣла ни въ чемъ дать себѣ отчета, но теперь припоминаю, какое упорное внутреннее противодѣйствіе встрѣчали во мнѣ условія, въ которыя старались меня втѣснить. Жизнь и натура обходили поставленныя имъ ограниченія и работали тайно и лживо. Я отъ природы мечтательна; во мнѣ вѣчно дѣйствуетъ эта странная, многимъ совершенно неизвѣстная потребность уйти отъ неряшливыхъ впечатлѣній ежедневности въ міръ, гдѣ нѣтъ ничего фантастическаго, но гдѣ эта самая ежедневность облекается красотою и блескомъ, созданными неутомимою дѣятельностью воображенія. Обстоятельства дѣтства развили во мнѣ эту способность до болѣзненности. Въ пустынныхъ анфиладахъ барскаго дома, въ прочитанной книжкѣ, въ разговорѣ m-lle Эрнестинъ,—вездѣ я находила точку опоры, къ которой привязывалась моя фан-

тазія. Каждую ночь мнѣ видѣлись сны. Помню какъ теперь эти дѣтскія грезы, всегда красивыя и лживыя. Странно: мнѣ никогда не снилось ничего страшнаго, безобразнаго, жуткаго. Мнѣ грезились чаще всего какія-то художественно-созданныя залы, въ мраморной перспективѣ уходившія въ темноту; шаги слабо стучали на мозаичномъ полу, бѣлый лунный свѣтъ скользилъ по колоннамъ, причудливо вызывая и группируя ихъ изящныя очертанья; какіе-то звуки плыли сверху, торжественные или плачущіе; изъ свѣтящагося мрака выступала стыдливая красота изваяній...

„Вотъ съ какими снами я вступила въ дѣйствительную жизнь, открывшуюся мнѣ со смертью дяди. Я говорю „дѣйствительную“, хотя это не вѣрно. Собственно, дѣйствительной жизни я никогда не знала; я только искала ея, ждала, просила... и находила все тѣ же сны и ту же пустоту пробужденія! И прожить такъ много лѣтъ, въ этихъ печальныхъ поискахъ — о, какъ это грустно!

„Я медлю, хитрю, ухожу во фразы; мнѣ тяжело приступить къ тому, что̀ я должна сказать вамъ теперь. Я приблизилась къ событію, отбросившему роковую тѣнь на всю мою жизнь. Но взявшись за это письмо, я рѣшилась высказать вамъ все, все, безъ утайки, безъ лукавства, даже безъ стыда... И правду сказать, въ томъ состояніи нравственнаго безначалія и индифферентизма, въ какомъ я нахожусь теперь, не очень-то много нуж-

но самоотверженія и рѣшимости, чтобъ откинуть всякую щепетильность передъ собственной особой и собственнымъ позоромъ...

„Итакъ, я влюбилась. Влюбилась глупо, дико, какъ глупо и дико было все то, чѣмъ я жила въ это время. Впрочемъ, соображая теперь всѣ обстоятельства моихъ первыхъ шаговъ въ жизни, я убѣждаюсь, что другаго выбора не могла сдѣлать. Не знаю, приходила ли вамъ когда нибудь на умъ догадка, кто былъ героемъ моего перваго романа. Если нѣтъ, то вы не совсѣмъ ясно меня понимаете. Изъ міра моихъ раззолоченныхъ сновъ, изъ-подъ педагогической опеки m-lle Эрнестинъ, съ кѣмъ могла я рука объ руку вступить въ жизнь, какъ не съ Косовицынымъ? Онъ, онъ, конечно, и никто другой явился мнѣ на перепутьи, въ ту опасную и чудную минуту, когда сердце впервые чувствуетъ жажду тревогъ и неясныхъ впечатлѣній...

„Вы не знаете этого человѣка, и мнѣ думается, что никогда бы не узнали его. Вы родились на разныхъ планетахъ, и можете судить другъ о другѣ только ошибочно. Это натура совершенно пустая и вовсе не ничтожная; примиряйте, какъ знаете, это противорѣчіе. Ничего глубокаго, внутренняго, и страшно много мелкосовершеннаго—тѣхъ второстепенныхъ подробностей натуры, которыя не составляютъ человѣка, но сообщаютъ ему блескъ, и не ложный, а настоящій, положительный блескъ. Большой умъ, рѣшительно ни къ чему не спо-

собный внѣ маленькихъ задачъ наслажденія; необыкновенная чуткость къ второстепеннымъ, иногда даже техническимъ вопросамъ искусства, и совершенная неспособность проникнуться идеей прекраснаго; эстетическое чувство мѣры и непониманіе простоты. Однимъ словомъ, множество мелочей, которыя блестятъ и увлекаютъ, и отсутствіе всякаго фона. Прибавьте къ этому немножко чего-то хищнаго, эгоистическаго и жаднаго, и очень много лукавства, доходящаго до подлости.

„Я пала.

„ Вы спросите, какимъ образомъ?—А, это очень легко спросить, Ѳедоръ Петровичъ! Но пусть хоть одна изъ женщинъ, раздѣлившихъ мою участь, отвѣтитъ на подобный вопросъ. Я перебираю десятки стереотипныхъ фразъ, которыми такъ удобно обходятся въ этомъ случаѣ, и не нахожу ниодной, на которой можно было бы остановиться.—Легкомысліе? неопытность? темпераментъ? самолюбіе? самопожертвованіе? расчетъ?—Можетъ быть, можетъ быть; но это не всѐ, увѣряю васъ. Есть что-то постороннее, неуловимое и роковое, гнѣздящееся въ самой природѣ искушенія. И это тоже не все—есть еще какое-то непостижимое давленіе, производимое на насъ превосходствомъ мужской организаціи. О, этого никогда не объясните тѣми ходячими, удобными фразами, на которыхъ съ глупою вѣрою успокоиваются моралисты.

„Когда я останавливаюсь на этой минутѣ моей жиз-

ни, все застилается мглою и какъ-то противно тонетъ въ ней. Противно — это настоящее слово и настоящее ощущеніе. И еще злоба. Ни сожалѣнія, ни раскаянія, ни слезъ, а только злоба—ѣдкая и безсильная.

„Помнится, въ первыя минуты пробужденія у меня явилась страстная, неодолимая потребность разсказать кому нибудь о своемъ позорѣ. Кому бы то ни было, только разсказать. Не правда ли, странное движеніе? И однакожь, я припоминаю его съ такою осязательностью, что у меня шевелятся корни волосъ. Я и теперь иногда просыпаюсь ночью, съ ощущеніемъ безсильнаго розмаха—о, что это за ощущеніе!

„Я пала и меня бросили. Вы простите мнѣ, если я поспѣшу перевернуть эту страницу моей жизни. Слова, которыя я съумѣла бы подобрать для передачи пережитыхъ тогда страданій, слишкомъ притуплены и опошлены ежедневнымъ употребленіемъ; мнѣ вообще кажется, что человѣческій языкъ слишкомъ бѣденъ для выраженія человѣческихъ страданій.

„Сквозь злобу, вызываемую этими воспоминаніями, я готова разсмѣяться, когда подумаю, какой блистательный случай я пропустила, чтобъ сдѣлаться героиней современнаго романа. Не должна ли я была въ моемъ положеніи отрясти отъ ногъ моихъ прахъ общественныхъ условій и... и такъ далѣе? Но увы, я чувствую свою совершенную непригодность ни для какой современной темы. Я не съумѣла выступить, съ гордо-поднятымъ

челомъ, путемъ этихъ новѣйшихъ героинь, а пошла, какъ прежняя русская барышня, искать себѣ мужа. Не правда ли, безнравственно и пошло?

„Мнѣ однакожь удалось найти этого мужа. Вы его знаете; вы знаете почти все, что̀ я могу сказать о немъ и о своемъ супружескомъ счастьи.

„Почти все, но не все. Вы не знаете, напримѣръ, что всматриваясь въ его недостатки, я ощущала что-то, похожее на удовлетвореніе—какое-то чувство равновѣсія и расплаты. Мнѣ казалось, что эти недостатки снимали съ моей совѣсти часть бремени, наложеннаго на нее преступленіемъ и обманомъ; я привыкала смотрѣть на него такъ, какъ будто мы поквитались. Къ сожалѣнію, это нисколько не облегчало моихъ страданій. Въ минуты нравственнаго утомленія пріятно раздраженно тѣшиться подобными игрушками, капризничать съ собою и пить маленькими глотками подслащенную горечь самоуничиженія; но въ минуты дѣйствительнаго, матеріальнаго страданія, когда изъ горячихъ глазъ выжимаются скупыя и ѣдкія слезы, и еще чувствуется рвущая боль брошеннаго въ лицо оскорбленія — не станешь забавляться капризами подстроеннаго раздраженія.

„Вы знаете, какимъ образомъ мнѣ удалось наконецъ избѣгнуть необходимости раздѣлять фантазіи и вкусы моего мужа. Я разсталась съ нимъ и уѣхала въ Петербургъ.

„Благодаря многочисленнымъ связямъ покойнаго отца, моя карточка, съ обозначеніемъ моего дѣвическаго имени, открыла мнѣ двери такъ называемаго „большаго свѣта“. Я вступила въ міръ, который мало знала, но къ которому принадлежала всѣми сторонами своего существованія. Я почувствовала наконецъ себя на свободѣ, хотя непрочной, необезпеченной, но въ данную минуту совершенно полной. Ничья власть, ничья опека не тяготѣла надо мною; я не чувствовала на себѣ давленія никакихъ связывающихъ обстоятельствъ. Въ этомъ мірѣ, живущемъ скоро-преходящими впечатлѣніями сегоднишняго дня, на этой движущейся сценѣ, гдѣ даже память о человѣкѣ ограничивается краткими предѣлами сезона, никому не было надобности и искушенія докапываться до моего прошлаго, до моихъ домашнихъ и внутреннихъ отношеній. Jeune femme d'une très bonne maison, — вотъ титулъ, подъ которымъ каждый зналъ меня въ свѣтѣ.—Jeune et jolie, какъ вы легко можете себѣ дополнить; и этихъ двухъ качествъ оказалось для меня совершенно достаточно, чтобы въ недолгое время перемѣнить почетное званіе „дамы лучшаго общества“ на блестящій титулъ свѣтской львицы.

„Да, я испытала эти неглубокія тревоги и впечатлѣнія свѣтскаго успѣха, одуряющій запахъ лести, прорвавшійся шумъ и робкое безмолвіе поклоненія. Я испытала эту таинственную прелесть силы, полу-презираемой и властвующей... Знаете, ли, какое захватывающее

чувство—скользить на этой зыбкой высотѣ, между позоромъ и властью?

„Я не искала ни того, ни другаго; я осторожно и равнодушно играла чувствомъ опасности, искушенія, риска. Я носила въ себѣ такое тусклое и ничѣмъ не наполнимое ощущеніе пустоты, что всѣ впечатлѣнія новой жизни скользили только по поверхности моего внутренняго *я*, не проникая и не шевеля ниодного сокрытаго нерва. Я поминутно точно оглядывалась, и встрѣчала одни убѣгающіе призраки. Въ этой атмосферѣ являются раздраженные, лживые капризы. Однимъ изъ такихъ капризовъ было желаніе найти точку опоры незанятому чувству и разбросавшимся впечатлѣніямъ. Человѣкъ уже не молодой и ничѣмъ не отличавшійся отъ прочихъ моихъ поклонниковъ, показался мнѣ наиболѣе удобнымъ для этого назначенія. Почему я остановилась именно на немъ, я и сама себѣ не могла бы объяснить; мнѣ, можетъ быть, просто казалось въ то время, что связь съ лицомъ, высоко поставленнымъ на общественной лѣстницѣ, наиболѣе соотвѣтствуетъ мнѣ въ моемъ положеніи. Онъ настойчиво, но съ большимъ тактомъ преслѣдовалъ меня своимъ вниманіемъ; я позволила ему видѣть меня одну, безъ свѣтской толпы, безъ декорацій. Но тутъ вышло что-то странное. Особа, о которой я говорю, просидѣла у меня цѣлый вечеръ, и въ этотъ вечеръ не случилось рѣшительно ничего особеннаго, ничего такого, о чемъ можно было бы разсказать; но...

только я отказалась отъ моего романа. Эта благоприличная и доброкачественная особа, снабженная въ изобилiи тою мелкою ходячею монетой, которая совершенно удовлетворяетъ свѣтскому обиходу, оказалась нищенски-бѣдною въ этотъ несчастный вечеръ, въ моей пустой гостиной. Помню, какъ я, слушая его плоскую и поминутно изсякавшую болтовню, припоминала, что вѣдь встрѣчала я его до тѣхъ поръ только мелькомъ, говорила съ нимъ только урывками... На чемъ я построила свой миражъ? спрашивала я себя.

„Знаете ли вы, умные и наблюдательные люди, что происходитъ въ женщинѣ, когда она чувствуетъ ничтожество мущины?

„Мнѣ опять надолго сдѣлалось грустно. Я рѣшила— сама съ собой рѣшила — что уже прошла пора жить чувствомъ, растрачивать себя изъ-за призрачнаго счастья, что даже искать этого счастья глупо и нерасчетливо; что настоящее, непризрачное, неподстроенное счастье заключается скорѣе въ томъ равнодушномъ, себялюбивомъ, независимомъ полупрезрѣнiи къ людямъ, къ времени, къ самой жизни, котораго женщина такъ рѣдко достигаетъ. Мнѣ захотѣлось пожить немножко на чужой счетъ, питаясь наблюденiями надъ этой самодовольно-ничтожной и тѣшащейся самообманомъ толпой. Эти люди и мелки, и пошлы, и лживы; отчего же, вмѣсто того, чтобъ переходить отъ разочарованiя къ разочарованiю, отыскивая между ними, съ діогеновскимъ фо-

наремъ, человѣка—не пожить въ самомъ дѣлѣ на счетъ этой мелкости, пошлости и лжи? Я взяла свое сердце въ обѣ руки и, неуязвимая, съ улыбкой равнодушнаго привѣта на губахъ и задержаннымъ, недобрымъ смѣхомъ въ груди, заняла наблюдательный уголокъ въ гостиныхъ.

„Но тутъ... тутъ я убѣдилась въ неосновательности своего расчета. Я не нашла пищи, на которую надѣялась. Я не могла наблюдать эту жизнь, потому что жизни тутъ не было, а одно только изломанное отраженіе ея. Интересы, страсти, борьба, тускнѣли здѣсь, какъ въ запыленномъ зеркалѣ; бродячія идеи залетали— и не могли разрѣшиться въ спертомъ воздухѣ. Мнѣ опять сдѣлалось... уже не грустно, а просто скучно. Я уѣхала въ Бѣлогорскъ.

„О, какъ мнѣ хочется, чтобы вы почувствовали то короткое, невозвратное счастье, которое дала мнѣ встрѣча съ вами! Отказаться отъ жизни, и вдругъ зажить всею полнотою и свѣжестью чувства — не правда ли, это много, очень много?

„Помню недовѣріе, съ которымъ я вглядывалась въ васъ. Обманутая столько разъ, я медленно уступала. Но въ вашей натурѣ не было той опасной середины, которая обманываетъ, не разрушая вызванныхъ иллюзій; вы должны были дать или все, или ничего. Послѣ лицемѣрныхъ чувствъ, изломанныхъ страстей и нанесенныхъ вѣтромъ идеекъ, послѣ всего, что я видѣла, слышала и

испытала, встрѣтиться съ вами было счастьемъ. Я вдругъ, однимъ приближеніемъ къ вамъ, измѣрила все ничтожество оставленнаго мною позади. Господи, какъ все во мнѣ спуталось и прояснилось въ то же время, какія точки засверкали впереди! Я почувствовала, какъ вся эта осѣвшая на мнѣ ржавчина растворялась въ вашемъ присутствіи, и что-то хорошее, молодое, чего я не знала въ себѣ, всплывала и поднимала меня всю. И это была не одна только любовь — о, нѣтъ, здѣсь было гораздо больше, увѣряю васъ!

„Какая отравленная мука вспоминать это теперь, переписывать собственной рукой свой приговоръ!

„О, зачѣмъ, отчего все это рушилось? я такъ приготовилась жить!

. . . . . .

„Мнѣ предстоитъ разсказать вамъ то, чего я не въ силахъ была объяснить при нашей послѣдней встрѣчѣ.

„Ахъ, поймете ли вы меня, Ѳедоръ Петровичъ? Поймете ли это цѣломудренное и полное какихъ-то новыхъ чаяній чувство, которое заставило меня лицемѣрить передъ вами, скрывая позоръ моей первой молодости? Во мнѣ, цѣломудренное чувство!! И однакожь, я испытала его — испытала мучительное безсиліе покончить разъ навсегда съ роковою ошибкой, и въ слезахъ, въ умиленіи раскаянія и прощенія, получить забвеніе всего прежняго, гадкаго и позорнаго! Сколько разъ я ждала васъ съ подстроенной рѣшимостью сказать вамъ все,

все, безъ утайки, безъ лицемѣрія... и слова стыли у меня на губахъ, и какимъ-то суровымъ и строгимъ холодомъ чистоты вѣяло отъ вашего приближенія.

„И вотъ, этой запоздалой рѣшимостью я овладѣла тогда, когда уже все кончено неотразимо и безвозвратно, и самая тайна получаетъ колоритъ какой-то тусклой безразличности. Не все ли вамъ равно теперь узнать, виновата ли я?

„Но для меня не все равно. Разставаясь съ вами, и вѣроятно навсегда, я не хотѣла бы унести съ собой невысказанное оправданіе, которое чувствую въ себѣ. Я не хотѣла бы, чтобъ наша краткая встрѣча, наше краткое счастье оставили въ васъ одно только грубое, будничное ощущеніе похмѣлья.

„Я знаю, какое горькое, оскорбительное подозрѣніе закралось вамъ въ душу. О, не вѣрьте тому, что̀ вы безвозвратно и жестоко рѣшили въ своемъ умѣ.

„Вы не знаете, какъ отчаянно я боролась съ этимъ человѣкомъ, сколько ненависти и любви я положила въ эту борьбу! Вы не знаете оружія, которымъ, при извѣстномъ запасѣ настойчивости и подлости, можно поработить женщину...

„Помните тотъ вечеръ, когда мы были вмѣстѣ въ монастырѣ, и я возвращалась домой одна съ половины дороги? Я тогда встрѣтила его, и съ того дня начались мои страданія. О, какъ тяжело видѣть свою тайну въ этихъ хищническихъ рукахъ! Онъ игралъ ею, какъ но-

жемъ, передъ моими глазами, угнетая меня нестерпимой тоской безсилія и зависимости. Онъ далъ мнѣ понять, что не затруднится опозорить меня передъ цѣлымъ міромъ, когда представится удобный случай. Вы не участвовали, недѣлю назадъ, въ нашемъ parti de plaisir, когда у меня были гости; а! онъ сдѣлалъ тогда славное parti de plaisir! У меня до сихъ поръ кровь приливаетъ къ щекамъ, когда я вспомню оскорбленіе, такъ искусно, съ такимъ неподражаемымъ расчетомъ брошенное мнѣ тогда въ лицо!

„Онъ не пряталъ своихъ картъ. Я догадывалась, что его игра расчитана на боязнь огласки, на женское чувство, можетъ быть на страхъ передъ мужемъ. На послѣднемъ обстоятельствѣ я основала свои надежды. Я не боялась мужа, я даже не думала о немъ; все мое существованіе было раздѣлено между вами и этой изнуряющей, хищнической борьбой. Я согласилась видѣться съ нимъ — въ ту проклятую ночь, когда кончилось мое счастье. Я хотѣла бросить ему въ глаза мое послѣднее слово. — „Вы думаете, что я до сихъ поръ обманывала мужа? — такъ идите къ нему и повѣряйте свои тайны!“ сказала я. Онъ усмѣхнулся своими тонкими губами, и въ глазахъ его блеснулъ тотъ недобрый, холодный блескъ, передъ которымъ я всегда роняла душу. — „Кто вамъ говоритъ про мужа?“ возразилъ онъ. — „О мужѣ мало думаютъ, когда заведется любовникъ.“

„Ah, c' ètait trop fort!

„Въ ту минуту странный шумъ привлекъ наше вниманіе: какіе-то голоса и шаги слышались подлѣ пруда, и приближались. Мы вышли посмотрѣть, что̀ это такое.

„Вы знаете, что́ было дальше!

. . . . . .

„Когда все было кончено, и я очутилась въ омерзительной пустотѣ, задавленная горемъ и опять тѣмъ же нестерпимымъ чувствомъ безсильнаго розмаха, которое преслѣдуетъ меня всю жизнь—мысль о мужѣ съ какою-то неотразимою силою представилась мнѣ. Да, пойти къ нему, разсказать ему все, все, и у ногъ его вымолить прощеніе; и потомъ заключиться на всю жизнь въ самоотверженномъ исполненіи долга, и искупить преступленіе.

„Я знала, что передъ моимъ отъѣздомъ въ Семиполье мужъ нанялъ небольшую квартиру въ Бѣлогорскѣ; мнѣ былъ извѣстенъ адресъ этой квартиры. Но жилъ ли онъ еще тамъ? Я тотчасъ велѣла заложить лошадей и поѣхала въ городъ.

„Было уже поздно и темно, когда я подъѣхала къ своей городской квартирѣ. Прямо изъ экипажа, закутавшись въ темную шаль и закрывъ лицо густой вуалью, я торопливо пошла по улицамъ. Фонарей еще не зажикали, и я рада была думать, что въ случаѣ встрѣчи съ гѣмъ нибудь изъ знакомыхъ, меня не узнали бы.

„Я скоро нашла квартиру мужа. Домъ былъ маленькій, въ три окна, съ ходомъ со двора. Я вошла въ

темныя сѣни. Направо я замѣтила полуотворенную дверь, и изъ нея падала узкая полоса свѣта. Мои шаги кто-то услышалъ, потому что едва я дотронулась до ручки двери, какъ изъ полуосвѣщенной комнаты раздался женскій голосъ:

— „Toi, mon petit?

„Я догадалась, что не туда попала.

„Pardon, madame, проговорила я поспѣшно, съ чувствомъ обманутаго ожиданія собираясь уйти. Но почему-то мое появленіе возбудило любопытство окликнувшей меня женщины.

— „Hè, qui est donc là? проговорила она громко, и я услышала приближавшіеся изъ глубины шаги. Черезъ секунду дверь быстро распахнулась, и на порогѣ появилась женская фигура.

„Въ сѣняхъ, какъ я упоминала, было темно. Свѣтъ падалъ изъ комнаты, и освѣщалъ эту фигуру сзади. Несмотря на темноту, несмотря на разстояніе нѣсколькихъ лѣтъ, я узнала ее.

„Да, это была Эрнестина. Она постарѣла, подурнѣла, сдѣлалась слишкомъ полна, но все еще была красива. Все то же лживое, играющее лицо, интригующій изломъ бровей, и эта полуулыбка, qui avait toujours je ne sais quoi de provocant.

„Я отступила въ темнотѣ, на что-то наткнулась. Сердце у меня сильно, сильно застучало и вдругъ замерло.

— „Pardon, m-me; est-ce que par hasard m-r Танищевъ ne demeure pas ici? проговорила я чуть слышно.

— „Mais certainement... отвѣтила Эрнестина, и подозрительно и какъ-то особенно безцеремонно высунулась въ сѣни, очевидно желая разглядѣть меня въ темнотѣ. Я вспомнила, что лицо мое, къ счастью, было плотно закрыто вуалью.

— „Et que diable voulez vous de lui? спросила она съ грубымъ любопытствомъ.

„Я взялась за ручку наружной двери.

— „Excusez-moi, m-me; probablement pour le moment il n'est pas chez-lui, проговорила я, и выскользнула изъ сѣней.

„Крикливое и похожее на брань восклицаніе послышалось мнѣ вслѣдъ. Я почти бѣгомъ бросилась по тротуару.

. . . . . .

„Пора кончить. Лучъ свѣта, вспыхнувшій во мракѣ, погасъ, и я опять погружаюсь въ холодную и темную глубину. Я опять одна, и ниодной близкой души подлѣ меня. Я стою на какомъ-то пустынномъ и грустномъ распутьи, безъ цѣли, безъ ожиданія. Мнѣ подаютъ карету; я слышу унылое позвякиванье бубенчиковъ и скрипъ песка подъ колесами. Григорій совсѣмъ упалъ духомъ и какъ-то одичало смотритъ кругомъ: и для него тоже все кончено съ моимъ отъѣздомъ — и для его маленькаго міросозерцанія, пережившаго свой вѣкъ. За то вашъ пріятель Тихонъ Петровичъ положительно радуется.

„Я ѣду, сама хорошенько не зная, куда. То-есть, конечно, я знаю маршрутъ, означенный въ моей подорожной. Я ѣду въ Петербургъ, а оттуда постараюсь пробраться за-границу, чтобъ черезъ полгода, черезъ годъ, опять вернуться въ Петербургъ и... и занять свое прежнее мѣсто въ гостиной большаго свѣта.

„Знаете ли вы эти гостиныя? Тамъ какой-то мудрый геній съ глубокимъ искусствомъ соразмѣрилъ и приспособилъ все для той внутренней пустоты и притупленной горечи изжитаго чувства, которыя я уношу съ собою. Тамъ властвуетъ какая-то спасительная боязнь свѣта и звука. Немнущіяся портьеры, поднятыя на изогнутые карнизы, скупо пропускаютъ мерцаніе петербургскаго дня. Рука времени осторожно, ласково тронула рытый бархатъ; онъ не полинялъ, а только сбросилъ съ себя мѣщанскій отпечатокъ новизны, такъ же неумѣстный здѣсь, какъ свѣжій лакъ на картинѣ. Даже зеркала какъ будто нарочно смягчаютъ яркость и силу отраженія; даже позолота не поражаетъ зрѣнія, а ласкаетъ его мягкимъ, сдержаннымъ блескомъ. И не только свѣтъ, но и звукъ, кажется, подчиненъ здѣсь закону сдержанности и мѣры: шаги тонутъ въ коврѣ, отодвигаемое кресло беззвучно скользитъ по немъ; въ самомъ воздухѣ, застывшемъ и слегка чемъ-то пахнущемъ, чувствуется какое-то сопротивленіе звуку. Жизнь, будничная, ежедневная, съ ея простыми страстями и насущными интересами, не дерзаетъ проникнуть въ этотъ зачарован-

ный покой. Все это гдѣ-то тамъ, за стѣной, за кулисой, а сюда вы являетесь созерцать только величавое mise-en-scéne одной и той же, всѣмъ надоѣвшей и почему-то для всѣхъ необходимой пьесы...

„Если я, уѣзжая отъ васъ, не изглаживаюсь совершенно и окончательно изъ вашего воспоминанія, если добрая мысль ваша будетъ иногда рисовать вамъ мой образъ—представляйте меня себѣ не иначе, какъ въ такой гостиной, и вы почувствуете успокоительное сознаніе, что для меня все кончено, и не предстоитъ другой развязки, кромѣ той, которая, въ концѣ концовъ, ожидаетъ всѣхъ насъ.

„Страшно, можетъ быть?

„Полноте!

. . . . . .

„Прощайте, Ѳедоръ Петровичъ. Благодарю васъ искренно, съ блаженными слезами на сердцѣ, за то краткое счастье. которое вы мнѣ дали. Пора, давно пора кончить. Жизнь шевелится и встаетъ внутри въ запоздаломъ содроганіи; надо поскорѣе уложить это и прихлопнуть.

„Прощайте!“

XI.

Листки выпали изъ рукъ Рѣшетилова; онъ прикрылъ ладонью глаза и прислушивался, какъ стучало сердце,

и какая-то безпокойная возня колотилась въ груди. Много, страшно много, и внезапно вспыхнуло въ немъ. О, какая искаженная жизнь! какое искаженное чувство! Какая въѣвшаяся и похожая на правду ложь!

Онъ всталъ и принялся въ какомъ-то смятеніи шагать изъ угла въ уголъ; на ходу онъ вздрагивалъ и двигалъ руками, какъ будто усиливался разорвать невидимые путы. Чувство нестерпимой жалости, неясно обращенное куда-то, проникло его, и въ этомъ чувствѣ таяло и плакало обманутое и уходящее счастье. Грустно-красивый образъ неотступно стоялъ предъ нимъ, и болѣлъ, и онъ раздѣлялъ эту боль...

Да нѣтъ, развѣ это такъ безвозвратно и безжалостно рѣшено?

Онъ вдругъ разгорѣлся какимъ-то упорнымъ чувствомъ сопротивленія и надежды. Онъ сбѣжалъ съ крылечка, сѣлъ въ ожидавшую его давно одноколку, и погналъ лошадь.

На паромѣ его встрѣтилъ незнакомый мужикъ.

— А гдѣ жь Лаврентій? машинально спросилъ Рѣшетиловъ.

— Яму копаетъ; дочку сегодня хоронить будетъ, отвѣтилъ работникъ.

Рѣшетиловъ даже не разслышалъ; слова какъ-то тупо коснулись его уха. Онъ нетерпѣливо ѣхалъ дальше. Бѣлый семипольскій домъ выглянулъ изъ-за невысокой зелени. Онъ завернулъ во дворъ и подъѣхалъ къ кры-

лечку, всполошивъ разбѣжавшихся съ кудахтаньемъ куръ, за которыми гнался босоногій мальчишка. Дверь была незатворена, сѣдая голова выглянула въ окно, и черезъ минуту Григорій появился на порогѣ.

— Уѣхала? съ жуткимъ нетерпѣніемъ спросилъ Рѣшетиловъ.

Сердце у него стучало короткими и сильными ударами.

Григорій какъ-то старчески взмахнулъ руками.

— Уѣхали, подтвердилъ онъ — и Рѣшетиловъ тутъ ролько замѣтилъ, что заслуженный камердинеръ былъ уже не во фракѣ, а въ томъ самомъ ветхомъ нанковомъ балахонѣ, въ которомъ онъ увидѣлъ его въ первый разъ.

Сердце перестало стучать и заныло съ дергающей болью.

— Давно? машинально спросилъ Рѣшетиловъ.

— Часа три будетъ, отвѣчалъ Григорій.

Рѣшетиловъ тупо посмотрѣлъ на него и вспомнилъ относящееся къ нему мѣсто въ письмѣ Вѣры Павловны: старый камердинеръ въ самомъ дѣлѣ смотрѣлъ одичало и злобно, и отъ всей фигуры его разило какою-то ветошью.

— А Тихонъ Петровичъ дома? спросилъ Рѣшетиловъ.

— Гдѣ ему еще быть-то? небось на квартирѣ чаемъ парится—отвѣтилъ Григорій, которымъ, съ отъѣздомъ

Вѣры Павловны, овладѣло прежнее ожесточеніе противъ „конторскихъ“. — Лафа тоже, добавилъ онъ—и вдругъ, высунувшись въ дверь, озлобленно напустился на босоногаго мальчишку, который прыгалъ передъ крыльцомъ около куръ, присвистывая и помахивая хворостинкой.

— Чего, постреленокъ, къ барскому крыльцу загналъ? чернаго двора не знаешь? я-те вихры надеру, помнить будешь! раскричался и закашлялся Григорій.

Мальчишка продолжалъ прыгать на одной ногѣ и визгливо поддразнивалъ старика.

— Не надерешь, врешь, барыня-то уѣхала, у-у-у!

— Я-те покажу, уѣхала! Нынче уѣхала, завтра пріѣхала. Будетъ вамъ уже предѣлъ, хамы! грозилъ и огрызался Григорій.

Рѣшетиловъ перешелъ дворъ и взбѣжалъ на крылечко прикащичьяго флигелька. Тихонъ Петровичъ дѣйствительно „парился“: его совершенно-красное и какъ будто чѣмъ-то замасленное лицо выглянуло изъ за самовара, наполнившаго уже теплымъ и тусклымъ паромъ всю комнату. Жена его, тоже вся красная, увидѣвъ Рѣшетилова, только всплеснула руками и вылетѣла изъ комнаты.

— Не прикажете ли стаканчикъ? пригласилъ Тихонъ Петровичъ, засасывая оставшійся на языкѣ кусочекъ сахару.

— Добрѣйшій Тихонъ Петровичъ, лошадей до города дайте мнѣ сейчасъ! попросилъ, вмѣсто отвѣта, Рѣше-

тиловъ.—Экстренное очень дѣло есть, минуты ждать не могу! добавилъ онъ въ поясненіе вопросительному и удивленному взгляду Тихона Петровича.

Прикащикъ охотно распорядился.

— Не по заводу ли что приспичило? догадался онъ, и по его плутовато-спокойному лицу нельзя было понять, дурачитъ ли онъ Рѣшетилова, или въ самомъ дѣлѣ не заботится вникать въ барскія отношенія.

— Да, по заводу, на дорогѣ извѣстіе получилъ — солгалъ Рѣшетиловъ.—Послѣ все вамъ разскажу.

— Все бы чайку-то откушали бы, уговаривалъ Тихонъ Петровичъ, подставляя подъ кранъ стаканчикъ.

Рѣшетиловъ отказался и въ волненіи подошелъ къ окну.

— Скоро ли запрягутъ-то? проговорилъ онъ.

— Не задержимъ; успокоилъ его прикащикъ.—Вѣрато Павловна какъ вдругъ уѣхали! продолжалъ онъ, разомъ потянувъ цѣлое блюдечко чаю. — Думалъ въ городъ зачѣмъ нибудь понадобилось, спрашиваю: къ вечеру ждать прикажете? А онѣ этакъ усмѣхнулись невесело, да и говорятъ: нѣтъ, Тихонъ Петровичъ, я отъ васъ совсѣмъ уѣзжаю, и буду ли когда назадъ, ничего не могу сказать вамъ. А ждите отъ меня только извѣстія, куда деньги высылать. Ну, и то понимать надо, господамъ въ деревнѣ скучно—высказалъ онъ собственное заключеніе.

Рѣшетиловъ, стоя къ нему спиной, барабанилъ пальцами по стеклу.

— Мало оченно пожили, продождалъ прикащикъ, съ замѣтнымъ удовольствіемъ вращаясь все около одной и той же темы. — Въ хозяйство по-первоначальному вникать хотѣли, да какъ-то не собрались. Лѣсокъ только понапрасну крестьянамъ отдали.

Рѣшетиловъ машинально къ нему обернулся.

— Тихонъ Петровичъ, вѣдь вы рады, что Вѣра Павловна уѣхала? спросилъ онъ, вспомнивъ опять замѣчаніе помѣщицы.

Прикащикъ плутовато потупился и расправилъ бороду.

— Намъ что же радоваться... это дѣло ихнее... проговорилъ онъ.

Рѣшетиловъ въ нетерпѣніи вышелъ на дворъ и понукалъ кучеровъ. Наконецъ тарантасъ былъ заложенъ и, погромыхивая, выѣхалъ изъ сарая.

— Благодарствуйте, Тихонъ Петровичъ, не забуду вашей услуги—говорилъ Рѣшетиловъ, усаживаясь коекакъ на заботливо взгроможденное для него и обложенное подушками сидѣнье.

Сытыя лошадки отмахали сорокъ верстъ меньше чѣмъ въ три часа. Рѣшетиловъ подъѣхалъ къ своей городской квартирѣ, и велѣвъ кучеру накормить лошадей и самому пообѣдать, пошелъ пѣшкомъ по улицамъ. Сердце опять застучало у него короткими и частыми ударами; онъ шелъ, сосредоточенно глядя передъ собой и не замѣчая рѣдкихъ прохожихъ. Вдругъ кто-то столк-

нулся съ нимъ плечомъ къ плечу, и въ ту же минуту онъ почувствовалъ себя въ чьихъ-то объятіяхъ.

— Ѳедоръ Петровичъ! достойнѣйшій! вотъ встрѣча-то! Только что, можно сказать, вылѣзъ изъ кареты, и перваго васъ встрѣчаю!

Опомнившись отъ внезапнаго натиска, Рѣшетиловъ узналъ Рыбоѣдова. Губернскій тузъ былъ облеченъ въ изящный лѣтній костюмъ петербургскаго покроя и выражалъ всей своей наружностью совершеннѣйшее благополучіе и даже какое-то благоуханіе.

„Какому чорту онъ тутъ обрадовался“? подумалъ Рѣшетиловъ.

Рыбоѣдовъ, между тѣмъ, все жалъ ему руку въ своихъ теплыхъ и пухлыхъ ладоняхъ, и съ несходящей улыбкой глядѣлъ ему въ лицо.

— Поздравляемъ съ желѣзной дорожкой, да-съ! Пущена въ ходъ и не встрѣчаетъ болѣе сопротивленія— объявилъ онъ, многозначительно приподнявъ свои узкія брови.—Въ трехъ верстахъ отъ васъ пройдетъ, да-съ!

— Ну, и какое мнѣ до этого дѣло“? чуть не сказалъ Рѣшетиловъ. Онъ торопливо сжалъ ему руку и исчезъ, оставивъ Михайла Ильича въ нѣсколько озадаченномъ и неудовлетворенномъ состояніи духа.

„Вѣрно пронюхалъ, что станція въ моей усадьбѣ предполагается“, подумалъ онъ.

А Рѣшетиловъ быстро, не оглядываясь, шелъ дальше. Онъ повернулъ за-уголъ въ улицу, гдѣ жила Вѣ-

ра Павловна, и почувствовалъ, какъ все сильнѣе и чаще стучало у него сердце; онъ долженъ былъ даже пріостановиться на минуту, чтобы перевести духъ. Шаговъ на полтораста впереди уже видѣнъ былъ знакомый бѣлый домъ; Рѣшетиловъ выпрямился, чтобы заглянуть черезъ голову шедшаго передъ нимъ мужика, и увидѣлъ у крыльца дорожную карету. Онъ опять схатился рукою за грудь и пошелъ скорѣе. Вдругъ наружная дверь дома отворилась, закутанная подорожному женщина перешла троттуаръ, бросила по улицѣ скользящій, быстрый взглядъ, и скрылась въ каретѣ. Лакей захлопнулъ дверку, ловко вскочилъ на козла, и нагруженный экипажъ, раскачиваясь, тронулся по мостовой...

Рѣшетиловъ стоялъ, тупо слѣдя за нимъ глазами. Стукъ колесъ остановился и застылъ у него въ ушахъ. Мелькнувшее на мгновенье блѣдное и печальное лицо все плыло и плыло передъ нимъ... Проѣхали мимо какія-то дрожки, проскрипѣла несмазанная телега, пѣшеходы прошли, обративъ на него скучающее провинціальное вниманіе — а онъ все стоялъ, неподвижно и тупо глядя вдоль улицы.

Потомъ онъ побрелъ домой. Что-то рвалось и плакало въ груди; что-то невозвратно утраченное застилало чувство. Минутами ему какъ будто весело дѣлалось: „кончено“... говорилъ онъ себѣ, и пугался этого ощущенія.

Вдругъ его глаза встрѣтились съ чьимъ-то уверты-

вающимся, сѣренькимъ взглядомъ. Онъ точно вспомнилъ что-то, остановился и обернулся.

— Э, господинъ Косовицынъ! прокричалъ онъ, и какъ-то механически махнулъ рукой.

Косовицынъ тоже остановился и прищуренно поглядѣлъ на него.

— Ахъ, m-r Рѣшетиловъ, проговорилъ онъ, какъ будто тутъ только узналъ его, и вѣжливо приподнялъ шляпу.

Рѣшетиловъ близко подошелъ къ нему, не подавая руки. Онъ дѣйствовалъ по какому-то почти безсознательному побужденію.

— Мнѣ вамъ пару словъ сказать надо... проговорилъ онъ. Косовицынъ опять приподнялъ шляпу.

— Нѣтъ-съ, здѣсь нельзя; а не угодно ли вамъ зайти на минутку на мою квартиру? предложилъ Рѣшетиловъ.

— Съ удовольствіемъ... я давно искалъ случая... тотчасъ согласился Косовицынъ.

Они повернули за-уголъ и вошли въ маленькую пріемную Рѣшетилова.

— Вотъ-съ, не угодно-ли сѣсть, пригласилъ хозяинъ.

Онъ прошелся по комнатѣ, стараясь объяснить себѣ, зачѣмъ это онъ зазвалъ Косовицына, и что ему съ нимъ дѣлать?—„Побить его, что ли?“ подумалъ онъ.

Онъ повернулся на каблукахъ и остановился передъ нимъ.

— Вы мнѣ сказали дерзость, когда мы встрѣтились въ послѣдній разъ, ночью, въ саду у Вѣры Павловны, помните? проговорилъ онъ.

— А, вамъ угодно *объ этомъ* переговорить? произнесъ Косовицынъ, проведя рукою по дрогнувшимъ усамъ.--Какую же это дерзость я вамъ сказалъ?

— Вы мнѣ загородили дорогу и сказали: „ни шагу дальше". — Не угодно ли вамъ объяснить, по какому праву это было сдѣлано и сказано?

Косовицынъ всталъ съ кресла.

— По праву, принадлежащему каждому мущинѣ, когда онъ желаетъ защитить женщину — произнесъ онъ спокойно, сдержано блеснувъ своими сѣрыми глазами.

— А, вы хотѣли защитить женщину? хрипло прокричалъ Рѣшетиловъ, потянувшись къ нему и чувствуя, что внутри у него клокочетъ и душитъ.

Какіе-то мускулы дрогнули на поблѣднѣвшемъ лицѣ Косовицына.

— Господинъ Рѣшетиловъ, мы можемъ прекратить этотъ разговоръ, отчетливо произнесъ онъ. — Я угадываю ваше желаніе; оно можетъ быть удовлетворено безъ дальнѣйшихъ объясненій.—Я васъ вызываю.

— Что-о? прокричалъ Рѣшетиловъ. Злой смѣхъ подергивалъ его потемнѣвшее лицо.

— Я васъ вызываю, сдержанно повторилъ Косовицынъ.

— На дуэль?

Косовицынъ молча наклонивъ голову. Рѣшетиловъ машинально взялся за подсвѣчникъ и покачалъ его въ рукѣ.

— На палкахъ? спросилъ онъ.

Блѣдныя щеки Косовицына вспыхнули. Онъ растерянно оглянулся.

— Надѣюсь, вы не для того заманили меня въ это логовище—потому что это очень похоже на логовище—чтобы выместить на мнѣ кулаками свои неудачи? проговорилъ онъ, усиливаясь удержать покидавшее его самообладаніе.

Рѣшетиловъ посмотрѣлъ на него опомнившимся взглядомъ и разжалъ руку: подсвѣчникъ со стукомъ упалъ на полъ.

— Ступайте, проговорилъ онъ, и посторонился.

Косовицынъ стиснулъ зубы.

— Я не уйду, пока не получу отвѣта на мой вызовъ, произнесъ онъ, и остановился, красиво скрестивъ руки и закинувъ голову.

— Ахъ, вздоръ какой, проговорилъ Рѣшетиловъ, устало опускаясь въ кресло.

— Вздоръ, или нѣтъ, объ этомъ мы не будетъ спорить, такъ какъ вѣроятно никогда не сойдемся въ понятіяхъ на этотъ счетъ—продолжалъ Косовицынъ, чувствуя, что объясненіе стало на ту почву, на которой онъ сознавалъ свое превосходство предъ Рѣшетиловымъ.—Я васъ спрашиваю ясно и категорически: угодно вамъ стрѣляться со мной?

— Нѣтъ, не угодно, угрюмо отвѣтилъ Рѣшетиловъ.

— Почему такъ?

— Потому, что это глупо.

Косовицынъ не пошевелился, и только до крови укусилъ губу.

— Гораздо умнѣе нахально оскорбить человѣка, и когда тотъ потребуетъ удовлетворенія, отвѣчать: вздоръ, это глупо?

Рѣшетиловъ разсѣянно поднялся съ кресла.

— Вамъ очень хочется стрѣляться? — Ну, извольте, я доставлю вамъ это удовольствіе. Я согласенъ—проговорилъ онъ.—Да уйдете ли вы наконецъ отсюда? вдругъ закричалъ онъ, поднявъ потемнѣвшее лицо.

Косовицынъ уже держалъ шляпу въ рукѣ.

— Когда можно прислать къ вамъ секунданта? спросилъ онъ.

— На какого еще чорта мнѣ вашъ секундантъ? развѣ мы не можемъ сами условиться? возразилъ онъ.

— Какъ вамъ угодно. Относительно оружія выборъ уже сдѣланъ; остается опредѣлить мѣсто и время. Что касается перваго, то я считаю наиболѣе удобною казенную рощу, находящуюся почти въ равномъ разстояніи отъ вашей и моей усадебъ.—Вы не имѣете ли чего противъ этого?

— Ровно ничего.

— Итакъ мы можемъ ожидать тамъ другъ друга, каждый имѣя при себѣ одного секунданта, около межеваго столба.—Что же касается времени, то я свободенъ завтра утромъ, часовъ въ шесть.

— И я также.

— Слѣдовательно мы во всемъ согласны—заключилъ Косовицынъ, и поклонившись Рѣшетилову съ какою-то позирующей граціей, вышелъ изъ комнаты.

— Только ужь пожалуйста пистолеты съ собой принесите, потому что у меня нѣтъ — прокричалъ ему вслѣдъ Рѣшетиловъ.

„О, какъ это глупо“! простоналъ онъ, оставшись одинъ.

Онъ тотчасъ собрался въ путь. Въ Семипольи, пока онъ пересаживался изъ тарантаса въ свою одноколку, Тихонъ Петровичъ успѣлъ завидѣть его изъ окна и вышелъ къ нему.

— Вѣры Павловны-то не застали уже въ городѣ? спросилъ онъ.

— Не засталъ, угрюмо отвѣтилъ Рѣшетиловъ.

— Такъ-съ, подтвердилъ прикащикъ.

XII.

Рѣшетиловъ погналъ лошадь. Куда ему было ѣхать? Необходимо было сегодня пріискать себѣ секунданта; но гдѣ? кого? „Эхъ, досадно, что Чакольскаго нѣтъ; самый подходящій былъ бы человѣкъ“ — подумалъ онъ. — „И какъ это у нихъ все красиво выходитъ... тьфу ты, гадость какая!“ добавилъ онъ злобно.

Онъ вспомнилъ о единственномъ сосѣдѣ, съ которымъ былъ близокъ, и взялъ влѣво. Сосѣдъ этотъ, пожилой

холостякъ, очень неглупый и не лишенный какой-то лѣнивой своебытности, жилъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рѣшетилова и недавно былъ выбранъ мировымъ судьей. Это послѣднее обстоятельство нѣсколько смущало Рѣшетилова: предложить мировому судьѣ быть секундантомъ въ какой-то глупой дуэли, походило на безсмыслицу. Онъ однакожь не остановился передъ этимъ соображеніемъ; онъ разсчитывалъ на оригинальные и нѣсколько недисциплинированные взгляды сосѣда, а еще больше ему хотѣлось просто заѣхать къ нему и потолковать: все накопившееся внутри, вся сосредоточенная на одной страсти жизнь слишкомъ уже тяготили его и какъ-то изнуряли.

Сосѣда звали Михайломъ Алексѣевичемъ Щуринымъ. Рѣшетиловъ засталъ его въ спальной, безъ сюртука, распростертымъ на чрезвычайно высокой и рыхлой постели. Онъ несомнѣнно дремалъ, хотя, разбуженный приходомъ Рѣшетилова, уткнулся въ схваченный со столика листъ съ такимъ видомъ, какъ будто былъ давно и сосредоточенно погруженъ въ него.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, привѣтствовалъ онъ его, протягивая руку, а другой лѣниво застегивая рубашку обросшей волосами груди.—Что совсѣмъ глазъ не кажете?

— А вы-то когда у меня были? упрекнулъ Рѣшетиловъ.— Некогда вамъ, что-ли?

— Ну, разумѣется, некогда. Прошеньями оброс совсѣмъ; вотъ и сейчасъ читалъ...

— Это вверхъ ногами-то? засмѣялся Рѣшетиловъ, заглянувъ въ бумагу, которую Щуринъ держалъ заголовкомъ внизъ.—Ну, да полноте, не конфузьтесь, вѣдь я знаю, что дѣло у васъ не стоитъ отъ этого, и что лучше васъ нѣтъ мироваго судьи, потому что человѣкъ вы отличный!

На широкомъ лицѣ Щурина выразилось смущенное удовольствіе.

— Окошечко бы вы раскрыли; жарко очень, проговорилъ онъ.

Рѣшетиловъ распахнулъ окно, отыскалъ на забросанномъ всякою всячиной столѣ мѣстечко для шляпы, и присѣлъ подлѣ кровати.

— А я къ вамъ съ просьбой, добрѣйшій Михайло Алексѣичъ—заговорилъ онъ, и посмотрѣвъ на тучное и лѣниво-распростертое тѣло своего пріятеля, подумалъ: „да не смѣшно ли въ самомъ дѣлѣ просить его объ этомъ?“ Но опять ему захотѣлось хоть безъ цѣли, хоть просто *такъ*, передать въ эту отверстую душу все, что бременило и изнуряло его... Онъ въ короткихъ словахъ разсказалъ свое приключеніе съ Косовицынымъ, тщательно опустивъ все, относившееся къ Вѣрѣ Павловнѣ, и въ заключеніе пояснилъ цѣль своего посѣщенія. Мировой судья даже приподнялся на постели и устремилъ на него въ упоръ широко-раскрытый взглядъ.

— Да вы, батенька, не съ ума-ли сошли? произнесъ онъ съ неподдѣльнымъ изумленіемъ.

— Это ужь рѣшайте себѣ, какъ знаете, а только помогите мнѣ, просилъ Рѣшетиловъ.

— Щуринъ опять молча и какъ будто съ сожалѣніемъ прошелся взглядомъ по его лицу.

— Умный вы человѣкъ, а въ какія дѣлишки попались? проговорилъ онъ.—Младенцемъ этакимъ по бѣлусвѣту бродите...

— Мало ли какія столкновенія въ жизни бываютъ? оправдывался Рѣшетиловъ.

— Столкновенія столкновеніямъ рознь, замѣтилъ мировой судья. — Съ инымъ человѣкомъ я и бутылочку раздавлю охотно, и поругаюсь съ удовольствіемъ; а это что-жь? это не наши люди.

— Какіе люди?..

— Да эти вотъ... Косовицынъ вашъ, да барынька эта... Вы что-жь это глаза-то дѣлаете? развѣ я не знаю?

Рѣшетиловъ потупился и помолчалъ.

— Это не наши люди, повторилъ въ раздумьи мировой судья; это хищники.

Рѣшетиловъ прошелся по комнатѣ и опять присѣлъ на кровать.

— Можетъ быть вы и правы, Михайло Алексѣичъ, мнѣ теперь не разсуждать объ этомъ—говорилъ онъ;— а вы все таки помогите мнѣ въ моемъ положеніи.

Щуринъ приподнялъ съ подушки свою огромную курчавую голову.

— Это на счетъ дуэли-то? да не рехнулись ли вы, извините за повтореніе! воскликнулъ онъ, ёрзая по кровати своими тучными членами. — Меня-то, мироваго судью, въ секунданты пришли звать! Бога вы не боитесь!

— Да что же мнѣ-то дѣлать? вѣдь надо же найти кого нибудь? жаловался Рѣшетиловъ.

— Ну, и ищите кого нибудь.—Да что я вамъ, нянька, что ли, нашлась? Страстишки розыгрались тоже... тьфу! смотрѣть на васъ не хочу послѣ этакой глупости.

— Вы-то, Михайло Алексѣичъ, будто никогда глупостей не дѣлали!

— И не дѣлалъ.

— Повѣрю я вамъ! не были бы вы такимъ хорошимъ человѣкомъ, если бы прожили безъ глупостей.

Щуринъ снова нетерпѣливо заерзалъ на постели.

— Что же это опять, вы меня комплиментами доѣхать хотите? проговорилъ онъ.—Жить не умѣете, да потомъ волосы на себѣ рвете. Вотъ я вамъ помогу — господину исправнику сейчасъ цыдулочку пошлю...

— Ну полноте!

— Право пошлю: въ предупрежденіе.

Рѣшетиловъ зналъ, что мировой судья не исполнитъ своей угрозы; тѣмъ не менѣе, дѣлать у него больше

было нечего. Онъ простился и въ раздумьи выѣхалъ на перекрестокъ—„Надо однакожь найти себѣ секунданта; Господи, какъ это глупо!“ повторилъ онъ мысленно въ сотый разъ. Ему пришелъ на память Методистовъ. — „Попытаться развѣ этого чудака подбить? подумалъ онъ.—Право, попытаюсь...“

И онъ повернулъ на „хутора“. Но Методистова, какъ на грѣхъ, не оказалось дома. Лохматый Ядоръ, посаженный вмѣсто прежняго наблюдательнаго поста на стулъ въ крошечной передней, и не взирая на такую перемѣну не утратившій нисколько своей одичалой наружности, объяснилъ, что Авделай Семенычъ находится у барышни Елены Дмитревны, и вызвался проводить туда мироваго посредника, увѣряя, что тутъ даже и версты не будетъ. Рѣшетиловъ, подумавъ, согласился: ему все равно надо было быть въ Лыжевкѣ. Онъ сѣлъ опять въ одноколку, приглашая примоститься тутъ же и Ядора, но сподвижникъ Авделая Семеныча на отрѣзъ отказался отъ такой чести и побѣжалъ рысцой сбоку, обгоняя сильно приставшую лошаденку и никакъ не рѣшаясь надѣть шапку, которую мялъ въ рукахъ.

Въ Лыжевкѣ всѣ оказались на лицо—и Елена Дмитревна, и братецъ, и Авделай Семенычъ. Послѣдній почему-то Богъ знаетъ какъ обрадовался Рѣшетилову и такъ засеменилъ своими коротенькими ножками, бросаясь изъ стороны въ сторону, что нѣкоторое время въ комнатѣ только и слышенъ былъ его странный топотъ.

Восторгу его не было границъ, когда онъ узналъ, что Рѣшетиловъ предварительно былъ у него.

— Плетень замѣтили? плетень новый? присталъ онъ къ нему.—Огородился неприступно, и всѣ пролазы задѣланы на-глухо!

Рѣшетиловъ, между тѣмъ, съ любопытствомъ оглядывался: комнаты у Лыжевыхъ были маленькія, чистенькія, обставленныя удобной и недурной мѣбелью; букетъ свѣжихъ цвѣтовъ, вѣроятно только-что поднесенный Авделаемъ Семенычемъ, пышно красовался передъ диваномъ. Въ смежной комнатѣ собирали на чай, и самоваръ шипѣлъ и бурлилъ на камчатной скатерти.

— Сережа, принеси сюда дядины бумаги, онѣ у меня въ столикѣ, обратилась Елена Дмитревна къ брату, и когда тотъ вернулся, выхватила у него изъ рукъ портфейль и принялась сама извлекать оттуда сѣренькіе листки, испещренные какими-то крючковатыми и расползающимися буквами.

— Вотъ, тутъ все, что надо, говорила она, подавая ихъ по порядку Рѣшетилову и объясняя содержаніе каждой бумаги. — Вотъ это по дѣлу съ Ивановымъ — тутъ они оба росписались въ прекращеніи взаимныхъ претензій; это по жалобамъ Пелопонесова — онъ далъ отзывъ, что удовлетворенъ вполнѣ; вотъ...

— Очень хорошо, я возьму все это домой и разсмотрю, сказалъ Рѣшетиловъ, собирая листы въ пачку и пряча въ карманъ.

— А дядя всѣ свои дурачества бросилъ, и далъ мнѣ честное слово не затѣвать ничего впередъ, продолжала Елена Дмитревна, и сквозь улыбку строго и ласково посмотрѣла на Авделая Семеныча, который за всѣмъ предъидущимъ слѣдилъ съ такимъ счастливымъ выраженіемъ, какъ будто собравшіеся здѣсь нарочно сошлись полюбоваться на какое нибудь художественное произведеніе его рукъ. — Не будете, дядя?

— Ни-ни! совсѣмъ другой человѣкъ сталъ! воскликнулъ Авделай Семенычъ. — Да вѣдь они были! они видѣли! прибавилъ онъ, указывая на мироваго посредника. — Плетень починилъ, и Ядора сдѣлалъ камердинеромъ — совершенно другимъ человѣкомъ сталъ!

— А теперь, не хотите ли съ нами чаю напиться? пригласила Елена Дмитревна и повела всѣхъ въ угольную комнату.

Рѣшетиловъ вспомнилъ, что весь этотъ день ничего еще не ѣлъ, и охотно присѣлъ къ столу, заваленному домашними крендельками, булками, чашками съ творогомъ и сливками и огромнымъ блюдомъ малины, которую Елена Дмитревна только что собрала, и душистый запахъ которой слышался еще при входѣ въ домъ. Было часовъ семь вечера. Изъ открытыхъ оконъ налеталъ теплый, мягкій вѣтеръ, и щекоталъ лицо; дремотный запахъ листвы, смѣшанный съ благоуханіемъ лѣзшей въ окна черемухи, наполнялъ комнату и вѣялъ свѣжестью и какой-то простотой деревенскаго лѣта. Елена

Дмитревна сама разливала чай, звеня тоненькими, заострившимися ложечками, и изъ-за самовара какъ-то наблюдательно и весело посматривала на Рѣшетилова, переглядываясь съ братомъ и чему-то посмѣиваясь однимъ уголкомъ губъ. Прислуга въ комнатахъ все была женская; какая-то старушка съ пухлымъ и пріятнымъ лицомъ подошла къ столу, получила изъ рукъ Елены Дмитревны чашку и горсть крендельковъ, и пошла-было въ другую комнату.

— Няня, зачѣмъ? остановила ее Елена Дмитревна, и обратившись къ Рѣшетилову, пояснила по-французски:— Она всегда съ нами чай пьетъ; вы позволите? Она насъ обоихъ выняньчила.

Старушка стыдливо поклонилась и присѣла съ чашкой къ окну.

— Мы живемъ просто, прибавила Елена Дмитревна.

Разговоръ понемногу завязался — не спѣшный и не ломанный, не такой, какой обыкновенно ведется при мало-знакомомъ и постороннемъ лицѣ. Рѣшетиловъ замѣтилъ, что имъ занимаются, не давая однакожь этого чувствовать, и не испытывая въ сущности никакого стѣсненія отъ его присутствія. Говорили большею частью о своемъ житьѣ, останавливаясь впрочемъ только на томъ, что могло интересовать посторонняго, и сохраняя за разговоромъ тотъ оттѣнокъ простоты и интимности, который заставляетъ думать, что все это-говорится *такъ-себѣ*, между собою, и что посторонній никому и

ни въ чемъ тутъ не мѣшаетъ и мѣшать не можетъ. Чѣмъ-то семейнымъ, мирнымъ, какою-то не хлопотливою и не жадною занятостью вѣяло и отъ самихъ Лыжевыхъ, и отъ ихъ разговоровъ, и отъ этого домика, и даже отъ чайнаго стола—и чужой неотразимо чувствовалъ это вѣяніе, точно показывала себя при первомъ приближеніи во весь свой невысокій ростъ вся эта жизнь, затерявшаяся и счастливая...

— И не скучаете вы? спросилъ Рѣшетиловъ, внутренними глазами всматриваясь въ эту жизнь.

Елена Дмитревна весело переглянулась съ братомъ.

— Отчего же скучать? возразила она. — Намъ просто некогда цѣлое лѣто: мы вѣдь сами все хозяйство ведемъ. Земли мы не отдаемъ, вся запашка наша. А потомъ пасѣка, прудъ, мельница; со всѣхъ „хуторовъ“ къ намъ возятъ муку молоть. Въ прудѣ дядя карасей ловитъ... Лѣсокъ есть, только мы его не трогаемъ: пусть себѣ ростетъ. Потомъ, тутъ у насъ ферма — съ нею представить себѣ не можете, сколько возни на каждый день. Все крошечное, а всего вмѣстѣ много выходитъ. — Вотъ, когда братъ въ университетъ уѣзжаетъ — продолжала дѣвушка, и на мгновенье ея взглядъ ушелъ куда-то въ глубину — тогда дѣйствительно скучно дѣлается; но это вѣдь я *по немъ* скучаю — объяснила она, и ласковымъ, любящимъ и уже опять веселымъ взглядомъ посмотрѣла на брата.—Тогда я книги читаю, добавила она.

— Завидно васъ слушать, проговорилъ съ какою-то задумчивостью Рѣшетиловъ.

Елена Дмитревна подняла глаза, и изъ ея большихъ сѣрыхъ зрачковъ брызнули цѣлые снопы золотыхъ лучей.

— Со стороны чему тутъ завидовать? возразила она.— Это *для насъ* хорошо, потому что вѣдь мы другъ-друга ужасъ какъ любимъ!

И ея рука подтолкнула подъ локоть брата, заставивъ его просыпать на скатерть цѣлое блюдечко малины.

— Леня! неугомонная! упрекнулъ тотъ съ нѣсколько-забавною солидностью.

Послѣ чаю всѣ вышли въ садъ. Узкія неметенныя дорожки ползли во всѣ стороны безъ всякаго плана, и на ихъ сѣренькомъ пескѣ бѣлѣлъ летучій пухъ одуванчиковъ; залетныя степныя птицы голосисто кричали вверху и въ листвѣ; воробьи пронырливо шныряли около черешней; едва начавшій остывать воздухъ вѣялъ въ лицо смѣшаннымъ благоуханіемъ резеды, черемухи и тѣмъ страннымъ, слабымъ запахомъ, какой даетъ нагрѣтое солнцемъ недозрѣлое яблоко; издалека, съ огородовъ, тянуло конопляй и канупером.

— Здѣсь мои исключительныя и спеціальныя владѣнія! Сергѣй Дмитричъ допускается сюда только какъ гость, и никакія его распоряженія не имѣютъ здѣсь силы! говорила Елена Дмитревна, всело обгоняя всѣхъ по кривымъ дорожкамъ.

— Кш! кш! закричала она, и захлопала въ ладоши. Голосистая стая поднялась надъ садомъ и разсыпалась, пронзительно перекликаясь.

— Какой у меня цвѣтникъ здѣсь, еслибъ вы знали! продолжала Елена Дмитревна, ведя за собою всѣхъ въ отдѣльный уголокъ сада, откуда еще издали тянуло сильнымъ, смѣшаннымъ ароматомъ.

— Братъ смѣется надо мной, что я скупая — сама не рву, а заставляю дядю носить букеты изъ собственнаго цвѣтника. Ну, чтожь, и пусть скупая!

Вѣтка повилики запуталась у нея въ волосахъ, и она не замѣчала ее, скользя по травѣ между выросшими въ ростъ человѣка стеблями растенія, называемаго „собачьей розой“, и поминутно наклонялась къ клумбамъ, на которыхъ пестрѣли левкои, чернушка, астры, а подальше, въ густой и темной зелени георгинъ, пышно рдѣли ихъ темнокрасныя и желтыя головки.

— Сколько ихъ тутъ! а мнѣ рвать жалко... И на что я ихъ берегу?.. говорила она, и въ ея молодомъ, немножко звенящемъ голосѣ на мгновенье какъ будто прозвучала какая-то грустная нота.

Рѣшетиловъ вспомнилъ наконецъ, что онъ еще ничего не сдѣлалъ для главной цѣли своего посѣщенія. Воспользовавшись удобной минутой, онъ отвелъ Методистова всторону.

— У меня къ вамъ просьба, Авделай Семенычъ... началъ онъ.

Методистовъ радостно подтянулся.

— Просьба чрезвычайно важная и... какъ бы вамъ сказать... щекотливая, такъ что я заранѣе долженъ просить васъ, чтобы этотъ разговоръ во всякомъ случаѣ остался въ совершенной тайнѣ — такъ, какъ будто бы его совсѣмъ и не было.

Лицо Методистова выразило безграничное напряженіе и озабоченность. Рѣшетиловъ прошелся нѣсколько шаговъ и взялъ его за пуговицу.

— Видите ли, въ чемъ дѣло... Имѣете ли вы какое нибудь понятіе о дуэли?

— О дуэли? переспросилъ озадаченный хуторянинъ.

— Ну да, о дуэли, о поединкѣ... Короче сказать, мнѣ предстоитъ завтра дуэль съ однимъ господиномъ...

Методистовъ началъ слегка дрожать въ колѣнкахъ.

— Дуэль? на шпагахъ? переспросилъ онъ, шевеля блѣдными губами.

— Какія тамъ шпаги, стрѣляться будемъ— пояснилъ Рѣшетиловъ и, чтобъ разомъ кончить, прибавилъ: — такъ вотъ, я хочу просить васъ быть моимъ секундантомъ...

Методистовъ затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Простите, не могу! никакъ не могу! не виноватъ! проговорилъ онъ, испуганно бѣгая глазами и какъ-то весь понижаясь.—Отроду не случалось быть ни при одной дуэли!

— Ну, да полноте, чтожь тутъ особеннаго? мнѣ боль-

ше некого пригласить. Вы мнѣ окажете огромную услугу... упрашивалъ Рѣшетиловъ.

Методистовъ жалобно смотрѣлъ на него и какъ-то метался руками и плечами.

— Не могу; ей-Богу не могу! отъ одной Елены Дмитревны чего только достанется; все другое, хоть головы моей требуйте, а этого не могу—почти всхлипывалъ онъ.

— Да вѣдь ни Елена Дмитревна, и никто ничего не узнаютъ, убѣждалъ его Рѣшетиловъ. — Понимаете ли, это одна формальность; мы будемъ стрѣлять на воздухъ.

— На воздухъ? нѣтъ, не могу, ей-Богу не могу! уперся Методистовъ.— И лучше вы, голубчикъ родной, этому подлецу, котораго хотите застрѣлить, рожу поколотите, ей-Богу!

Рѣшетиловъ съ досадой отъ него отвернулся. „Надо же было влопаться въ эту чушь!“ еще разъ мысленно выругался онъ.

Онъ рѣшился однакожь испробовать послѣднее усиліе.

— Авделай Семенычъ, вы поймите, какую важность имѣетъ для меня эта услуга! обратился онъ опять къ Методистову. — Въ какое положеніе вашъ отказъ меня ставитъ! вѣдь я обезчещенъ буду, если не явлюсь на условленное мѣсто съ секундантомъ.

На широкомъ лицѣ Методистова отразилось болѣзненное смятеніе; жалко было смотрѣть на него.

— Да неужели кромѣ меня... никого... у кого напримѣръ хотя бы племянницы не было... бормоталъ онъ.

— Да никого, рѣшительно никого! Отъ васъ однихъ, понимаете ли, зависитъ моя честь — прижималъ Рѣшетиловъ.

Методистовъ въ безпредѣльномъ отчаяніи развелъ руками.

— Я не могу отказать... если вы такъ выражаетесь... Я дворянинъ, проговорилъ онъ.

Рѣшетиловъ едва не бросился ему на шею.

— Такъ завтра, къ шести часамъ, будьте у меня непремѣнно; оттуда вмѣстѣ поѣдемъ. Да ни Еленѣ Дмитревнѣ, никому ни пол-слова, слышите?

Методистовъ только кивалъ головой.

— Ваше честное слово?

— Ч-ч-естное слово, да... бормоталъ несчастный хуторянинъ.

Рѣшетиловъ отыскалъ Елену Дмитревну съ братцомъ и простился; онъ, по крайней мѣрѣ, успокоился въ главномъ.

— Да не дѣлайте такихъ глазъ, ради Бога! по вашему лицу сейчасъ догадаются—предостерегъ онъ, уходя, Методистова.

XIII.

Часовая стрѣлка быстро приближалась къ шести, а Методистовъ не появлялся. Рѣшетиловъ въ волненіи

ходилъ изъ угла въ уголъ, выглядывалъ въ окно, прислушивался къ каждому стуку, даже посылалъ Осипа на дорогу посмотрѣть, не видно ли кого-нибудь; запряженая одноколка давно ждала его у крыльца—а Методистова все не было.

Старинные стѣнные часы хрипло пробили шесть; Рѣшетиловъ взглянулъ на карманные—пять минутъ седьмаго. „Что, если Косовицынъ ждетъ уже?“ подумалъ онъ, и кровь бросилась ему въ лицо.

Мучительное нетерпѣніе и досада овладѣли имъ. — „Пожалуй, совсѣмъ не пріѣдетъ эта скотина“, выругалъ онъ несчастнаго Методистова; „слѣдовало еще часъ назадъ поѣхать за нимъ“. Мысль объ опасности изрѣдка, короткими ударами стучала ему въ голову. Ему пришло на умъ, что онъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій. „Вѣдь могутъ убить“, подумалъ онъ.—„Ну, и что же? сестра наслѣдуетъ все по закону; спорить будетъ некому и не о чемъ; да и во всякомъ случаѣ теперь уже поздно“. Грустно-красивый образъ Вѣры Павловны проплылъ передъ нимъ... „Она узнаетъ; о, какъ это глупо, нелѣпо и противно!“ Онъ не въ силахъ былъ овладѣть раздиравшимъ его безпокойствомъ и рѣшился ѣхать навстрѣчу своему неисправному секунданту.

Въ ту минуту, какъ онъ готовился выйти на крыльцо, чтобъ сѣсть въ телѣжку, тучная фигура Методистова кубаремъ вкатилась въ комнату. Несчастный хуторянинъ былъ во вчерашнемъ бѣломъ балахонѣ, безъ

шапки, и тяжело дышалъ. Ворвавшись, онъ прямо бухнулся на стулъ, причемъ его коротенькія ножки подскочили кверху, и онъ едва не перевернулся на спину вмѣстѣ со стуломъ.

— К-квасу... пробормоталъ онъ запекшимися губами.

— Да что съ вами? неужели вы пѣшкомъ прибѣжали? спросилъ обрадованный и вмѣстѣ съ тѣмъ озадаченный Рѣшетиловъ.

Методистовъ припалъ къ поданной ему квасной кружкѣ, и только тогда, когда въ ней не осталось ни одной капли, вздохнулъ полною грудью и провелъ платкомъ по потному и горѣвшему лицу.

— Пѣшкомъ, да... шесть верстъ! бормоталъ онъ. — Убѣжалъ изъ-подъ замка, тайнымъ образомъ... яко тать въ нощи... въ окно... Опоздалъ?

— Да чтожь это вы со мной сдѣлали! воскликнулъ въ отчаяніи Рѣшетиловъ.—Вѣдь вы разсказали всѣмъ!

Методистовъ только моргалъ глазами.

— Вѣдь васъ хватятся, вѣдь насъ искать будутъ! вѣдь подумаютъ, что я нарочно, изъ трусости все это подвелъ! кричалъ Рѣшетиловъ, взявшись за голову. — Да говорите же, что вы тамъ надѣлали!

Методистовъ испуганно смотрѣлъ на него.

— Простите, не виноватъ! не хотѣлъ измѣнить слову дворянина; но племянница моя Елена Дмитревна и братецъ ихъ Сергѣй Дмитричъ...

— Ну?

— Извлекли! изъ глубины души извлекли! воскликнулъ въ неподдѣльномъ отчаяніи Методистовъ.

— Да говорите же толкомъ, чортъ васъ побери совсѣмъ! кричалъ на него Рѣшетиловъ.

— ...Ужаснѣйшее произошло пререканіе; думалъ даже, что навѣки утрачу довѣріе — объяснялъ Методистовъ.—И можете себѣ представить, откуда все пошло...

— Откуда? мудрено очень! вѣдь я вамъ говорилъ, чтобы вы глазъ такихъ не дѣлали!

— Нѣтъ, совсѣмъ даже не отъ глазъ; а отъ пистолетовъ.

— Отъ какихъ еще пистолетовъ?

— А что у Сергѣя Дмитрича въ шкатулкѣ лежатъ...

— Ну?

Методистовъ жалостливо улыбнулся.

— Я и попросилъ ихъ у Сергѣя Дмитрича. — Дайте мнѣ, говорю, племянничекъ, вашихъ пистолетовъ, хочу у себя воробьевъ пострѣлять. Съ этого и пошло, и пошло. И Елена Дмитревна тоже.—Что́ это, говорятъ, дяденька, вы выдумали такое? да отчего это у васъ лицо такое перекошенное?

— Да на какого дьявола вамъ пистолеты понадобились? воскликнулъ Рѣшетиловъ.

— А какже... дуэль... пробормоталъ Методистовъ.

Рѣшетиловъ опять взялся за голову.

„О, Господи, что это за несчастіе такое!“ простоналъ онъ.

— Не пустили меня домой — продолжалъ, воодушевляясь, Методистовъ — и приказали ночевать въ столовой; а дверь заперли на ключъ, и собаку въ залѣ положили. Вотъ это лежу я на диванѣ, и всю ночь заснуть не могу; думаю: какъ я вамъ теперь на глаза покажусь? Поутру мнѣ мысль пришла: дай-ка въ окошко выпрыгну... Окно очень не высокое.

— Э-эхъ, Авделай Семенычъ, надо было мнѣ васъ вчера съ собой увезти, да тутъ запереть; у меня вы бы въ окно не выпрыгнули! проговорилъ Рѣшетиловъ— Ну, да что сдѣлано, того не воротишь. Ѣдемте скорѣй, живо!

— Живо! живо! подхватилъ засуетившійся Методистовъ.

Оба усѣлись въ телѣжку, причемъ Авделай Семенычъ занялъ три-четверти мѣста, и поѣхали. Дорога не пылила; роса крупно блестѣла на ниткахъ травы; стаи птицъ съ крикомъ носились надъ полями; утренній холодокъ вѣялъ обоимъ въ лицо и заставлялъ подрагивать плечами. Рѣшетилову сдѣлалось грустно и какъ-то хорошо вмѣстѣ съ тѣмъ. Все, что поглощало и мучило его, представлялось ему—и не тяготило; онъ испытывалъ какое-то странное удовлетвореніе борьбы. „Я вѣдь не подставляю себя апатично обрушивающимся на меня ударамъ; я борюсь, я дѣйствую въ этой хищной драмѣ

жизни.“ И черезъ минуту эта самая дѣйствующая роль чѣмъ-то смѣшнымъ и глупымъ казалась ему, и онъ чувствовалъ краску стыда на лицѣ... Мысль объ опасности какъ-то ускользала отъ него; страннымъ представлялось это ему, и онъ почти насильно призывалъ ее. „Вѣдь могутъ убить“, настойчиво старался онъ думать; но въ головѣ бродило другое. Походило на то, будто совсѣмъ не онъ, а кто-то другой, посторонній долженъ былъ стрѣляться.—„Какъ это однакожъ странно“, замѣтилъ онъ.

Онъ больше думалъ о Вѣрѣ Павловнѣ, но и тутъ какъ-то ничего не могъ сообразить и объяснить себѣ. Еслибъ онъ былъ одинъ, онъ началъ бы думать вслухъ.— „А вѣдь уже скоро пріѣдемъ“, сверкало у него по временамъ въ головѣ. Онъ присматривался къ дорогѣ и старался зачѣмъ-то припомнить, когда и по какому дѣлу ѣздилъ по ней прежде. Разныя, ничего не значущія подробности приходили ему на память; вспоминались какія-то совершенно не интересныя лица и цѣлые разговоры. „Да развѣ объ этомъ слѣдуетъ думать“, останавливалъ онъ себя съ досадой, и усиливался подстроить мысли и повернуть ихъ на ту точку, которая казалась ему наиболѣе соотвѣтствующею обстоятельствамъ; но все это тотчасъ обрывалось.

„А вѣдь это вздоръ было все, съ Вѣрой Павловной“, какъ-то назойливо повторилъ онъ нѣсколько разъ, и съ этимъ подъѣхалъ къ условленному мѣсту у казенной рощи.

— Слава Богу, никого еще нѣтъ, проговорилъ онъ, оглядываясь по обѣ стороны безлюднаго проселка. — Ну, вылезайте, Авделай Семенычъ.

Методистовъ, покряхтывая, соскочилъ на дорогу. Рѣшетиловъ замоталъ возжи кругомъ дерева, и посвистывая вполголоса, принялся ходить взадъ и впередъ мимо межеваго столба.

Черезъ нѣсколько минутъ нетерпѣливое безпокойство опять овладѣло имъ. Онъ вынулъ часы—они показывали три-четверти седьмаго.

— Наши противники не очень-то торопятся, проговорилъ онъ вслухъ.

Методистовъ тоже пошарилъ у себя на боку—но оказалось, что не только часовъ, но и жилетки на немъ не было.

— Забылъ! у Елены Дмитревны забылъ! спохватился онъ.

Рѣшетилову вдругъ ужасно смѣшно стало. — „Какъ это онъ прыгалъ въ окно—туша этакая!“ подумалъ онъ, и вся эта картина живо и до крайности забавно представилась ему. Онъ захохоталъ и даже сдѣлалъ рукою какой-то смѣшной, подрагивающій жестъ.

Методистовъ съ безпокойной улыбкой и на ципочкахъ подошелъ къ нему.

— Чего вы? спросилъ Рѣшетиловъ.

— Какъ это вы... вдругъ смѣетесь — проговорилъ Авделай Семенычъ.

„Ахъ, какой онъ уморительный,“ подумалъ Рѣшетиловъ.

Онъ опять началъ ходить взадъ и впередъ мимо столба. Кривая старая береза шагахъ въ пятидесяти отъ него выдавалась на дорогу и вся была видна издали.— „Буду вотъ ходить до этой березы и назадъ; когда дойду, на поворотѣ покажется Косовицынъ, “думалъ Рѣшетиловъ.—„Разъ, два, три, четыре“, считалъ онъ шаги.

— Я полагаю, они не пріѣдутъ, сказалъ вдругъ Методистовъ.

— Кто? спросилъ разсѣянно Рѣшетиловъ.

— Да *они*, объяснилъ Методистовъ.

— Ахъ, я думалъ, вы про Елену Дмитревну!

„Гдѣ это мы будемъ стрѣляться? Я думаю, вонъ тамъ за деревьями; отойдемъ шаговъ на сто отъ дороги, выберемъ пространство между стволами, и... А вѣдь мы не условились насчетъ разстоянія?

„Какъ это все похоже на романъ, однакожъ“!

Онъ вспомнилъ письмо Вѣры Павловны. — „Да неужели это такъ было“?

„Такъ вотъ,—начиналъ онъ опять — отмѣримъ тридцать шаговъ, и кто нибудь скомандуетъ... я думаю Методистовъ скомандуетъ. Разъ, два, три... Я поднимаю пистолетъ, и...

„Неужели я его въ самомъ дѣлѣ ненавижу?

„Нѣтъ; мнѣ кажется, что *теперь* — нѣтъ. Есть однакоже смыслъ въ этихъ дуэляхъ: вотъ, я его придушить

хотѣлъ, а какъ знаю, что черезъ нѣсколько минутъ или я ему, или онъ мнѣ всадитъ пулю въ лобъ — мнѣ стало все равно. А безъ этого я бы мучился, ненавидѣлъ“...

Методистовъ высмотрѣлъ въ кустахъ длинную и гибкую хворостину, и вытащивъ изъ кармана складной ножикъ, срѣзалъ ее и принялся очищать отъ листьевъ.

— Вотъ никогда бы не вышелъ на эту дуэль... пробурчалъ онъ.

Рѣшетиловъ разслышалъ и спросилъ:

— Отчего?

— Не хорошо.

— Струсили бы?

— Чортъ его знаетъ; должно быть, что струсилъ бы.

Онъ помахалъ хвористиной по воздуху.

— Это вѣдь французы выдумали дуэль? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣмцы.

— Нѣмцы-ы? недовѣрчиво отозвался Методистовъ.

Вдругъ близко послышался топотъ и стукъ колесъ.— Ѣдутъ! прошепталъ Авделай Семенычъ, внезапно блѣднѣя и выпячиваясь на дорогу.

Маленькій щегольской кабріолетъ быстро приближался изъ-за поворота.

— Одинъ! прошепталъ опять Методистовъ.

Въ кабріолетѣ, дѣйствительно, ѣхалъ одинъ Косовицынъ.

— Я заставилъ васъ ждать? Извините, никакими силами не могъ раньше пріѣхать. У меня такое несчастье... заговорилъ онъ, соскакивая на дорогу и бросивъ какъ попало возжи.

— Мой секундантъ, сказалъ Рѣшетиловъ, указывая на Методистова. Косовицынъ поклонился.

— Вижу, что вы счастливѣе меня, проговорилъ онъ;— а со мною случилось такое обстоятельство, что я на себѣ волосы рвалъ. Мой секундантъ не явился: вдругъ получаю записку, что онъ внезапно заболѣлъ. Это такая подлость! Оттого я и опоздалъ на мѣсто.

Рѣшетиловъ переглянулся съ Методистовымъ.

— Я былъ поставленъ въ такое положеніе, что хотѣлъ себѣ пулю въ лобъ пустить... продолжалъ Косовицынъ, скользя своимъ увертывающимся взглядомъ.— Я понимаю, какую это тѣнь можетъ на меня бросить; но что же я могъ сдѣлать? въ деревнѣ я никого не имѣю: будь это въ городѣ...

Рѣшетиловъ чувствовалъ, какъ Косовицынъ жался и терялся подъ его взглядомъ, и не сводилъ съ него глазъ.

— Такъ какже будетъ? спросилъ онъ наконецъ.

— Да боюсь, что на сегодня наша дуэль не состоится... проговорилъ Косовицынъ. — Если вы позволите отложить на день, или на два...

Рѣшетиловъ нахмурился. Ему до крайности непріятно стало смотрѣть на Косовицына.

— Я тоже съ большимъ трудомъ нашелъ себѣ секунданта; и этому секунданту нельзя располагать собою для дуэли ни завтра, ни послѣзавтра, ни вообще въ другой разъ—произнесъ онъ сухо.

— Совершенно невозможно! подтвердилъ оживившійся Методистовъ.

Косовицынъ опять смущенно забѣгалъ глазами.

— Я рѣшительно не знаю, что мнѣ дѣлать, проговорилъ онъ. Мое положеніе самое ужасное; еслибъ вы указали какой-нибудь выходъ...

— Вѣдь вы меня вызвали, такъ вы и ищите выхода, возразилъ Рѣшетиловъ.

— Я совершенно теряю голову; тѣмъ болѣе, что въ самомъ непродолжительномъ времени мнѣ необходимо будетъ уѣхать по дѣламъ моего к—скаго имѣнія...

Рѣшетиловъ молчалъ, заложивъ руки въ карманы.

— Пожалуй, придется — чего бы мнѣ вовсе не хотѣлось—отложить дуэль на неопредѣленное время...

Рѣшетиловъ все молчалъ; положеніе Косовицына становилось невыносимымъ.

— Со стороны моего секунданта это такая подлость, что я готовъ отдать его имя на жертву общественному презрѣнію... проговорилъ онъ.

„Вретъ все“, съ чувствомъ гадливости подумалъ Рѣшетиловъ.

— Я раздѣляю ваше мнѣніе; любопытно узнать имя вашего секунданта, сказалъ онъ.

Сѣренькіе глаза Косовицына забѣгали пуще прежняго.

— Къ сожалѣнію, этотъ недостойный человѣкъ еще такъ молодъ, что было бы жаль губить его... у него родные, очень почтенные люди... уклонялся онъ.

Теперь Рѣшетиловъ вполнѣ убѣдился, что Косовицынъ лгалъ; чувство гадливости еще сильнѣе охватило его.

— Поѣдемте, Авделай Семенычъ, обратился онъ къ Методистову, и пошелъ къ своей телѣжкѣ. Косовицынъ безпокойно слѣдилъ за нимъ.

— Такъ какже?.. проговорилъ онъ.

— Да такж е, отвѣтилъ Рѣшетиловъ.—Вы вчера не совсѣмъ удачно угадали мое желаніе; полагаю, что мнѣ сегодня удалось лучше угадать ваше...

И онъ сѣлъ въ одноколку.

— А! мы еще встрѣтимся съ вами! воскликнулъ блѣдный Косовицынъ.

— Нѣтъ, не встрѣтимся, отвѣтилъ Рѣшетиловъ.—И одно только могу сказать вамъ въ утѣшеніе, добавилъ онъ—что все происходившее между нами я готовъ оставить въ тайнѣ.

И онъ погналъ лошадь. Когда они отъѣхали съ четверть версты, Методистовъ вдругъ залился невозможнымъ, какимъ-то рыгочущимъ смѣхомъ. Тучное тѣло

его все вздымалось и трепетало въ телѣжкѣ; Рѣшетиловъ боялся, что или онъ задохнется, или его выброситъ на дорогу.

— Да что съ вами, съ ума вы сошли! воскликнулъ онъ, подтолкнувъ его локтемъ.

Методистовъ все хохоталъ, давясь и какъ-то странно подбрасывая ногами.

— Да какже... тотъ-то! ффф... ффан...

Онъ захлебывался и фыркалъ, тщетно стараясь выговорить какое-то слово.

— Фффанфаронъ!! выдавилъ онъ наконецъ изъ своей всколыхавшейся груди.

— Слава Богу! вотъ вы гдѣ! вдругъ произнесъ надъ ними Сергѣй Дмитричъ, внезапно появляясь въ эту минуту изъ-за поворота, верхомъ на малорослой лошадкѣ.

Методистовъ мгновенно пересталъ смѣяться.

— А Елена Дмитревна? прошепталъ онъ.

— Очень безпокоится, и хотѣла со мной ѣхать; я едва уговорилъ ее остаться дома и ждать, пока я отыщу васъ и приведу—отвѣтилъ Сергѣй Дмитричъ.

— Мнѣ очень жаль, что я причинилъ безпокойство вашей сестрицѣ, проговорилъ Рѣшетиловъ.

— Сестрица поручила мнѣ просить васъ къ ней, продолжалъ Сергѣй Дмитричъ, заѣзжая рысцой то съ одной, то съ другой стороны одноколки.

— Я непремѣнно заѣду просить извиненія у Елены Дмитревны, сказалъ Рѣшетиловъ.

— Нѣтъ-съ, сейчасъ, прямо отсюда, возразилъ Лыжевъ;—и если вамъ угодно, то поѣдемте скорѣе, потому что сестрица очень тревожится.

Дѣлать было нечего; Рѣшетиловъ хлопнулъ возжами и, конвоируемый сбоку Сергѣемъ Дмитричемъ, поѣхалъ вмѣстѣ съ Методистовымъ въ Лыжевку.

Елена Дмитревна увидѣла ихъ еще изъ окна и выбѣжала на крыльцо.

— Отлично! чудесно! этого только недоставало! восклицала она, встревоженно и неласково глядя на обоихъ.—Ѳедоръ Петровичъ, я отъ васъ никакъ этого не ожидала!

— Не было! не было! не состоялось! кричалъ Методистовъ.

— Что не состоялось?

— Дуэль! струсилъ тотъ... ффанфаронъ! объяснялъ Авделай Семенычъ, заливаясь снова похожимъ на ржаніе смѣхомъ.

Рѣшетиловъ усердно извинялся передъ Еленой Дмитревной: ему въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно досадно на себя за всѣ эти безпокойства и суматоху. Елена Дмитревна слушала, покачивая головой, и мѣрила его какимъ-то любопытнымъ и недовѣрчивымъ взглядомъ, точно хотѣла сказать: „да съ чего это вамъ вздумалось, и къ лицу ли это вамъ“?

— Да раскажите же, какъ все это было, и дѣйствительно ли все у васъ кончено? обратилась она къ Ме-

тодистову.—Или, вотъ что; вѣдь изъ васъ вѣрно никто еще и чаю не успѣлъ напиться? самоваръ готовъ, усядемся за столъ, и извольте разсказать все подробно и обстоятельно.

— Еще и чаю намъ дадите! умилился Методистовъ.

— Вы-то, дядя, въ окно выдумали прыгать! Ну, даповинную голову и мечъ не сѣчетъ—промолвила Елена Дмитревна.

Всѣ усѣлись вокругъ стола; Методистовъ долженъ былъ разсказать подробности несостоявшейся дуэли, что и исполнилъ не совсѣмъ удачно, такъ какъ нѣсколько разъ принимался фыркать и подбрасывать ногами подъ столомъ. Рѣшетиловъ опять чувствовалъ на себѣ любопытный и недовѣрчивый взглядъ Елены Дмитревны—какъ будто она и стыдила его, и понимала, что въ разсказѣ пропущено главное—самое главное, безъ чего она не можетъ и судить о всемъ этомъ приключеніи.

— Могу ли я надѣяться, что вы простите меня? сказалъ Рѣшетиловъ, когда всѣ встали изъ-за стола, и Методистовъ съ Сергѣемъ Дмитричемъ ушли на мельницу, гдѣ надо было присмотрѣть за какою-то починкой.

Елена Дмитревна протянула ему руку.

— Я дѣйствительно очень тревожилась за дядю; у меня такой мнительный характеръ, особенно, когда дѣло касается моихъ близкихъ. — Но вѣдь вамъ-то было тяжелѣе, чѣмъ мнѣ... добавила она, и ласково, безъ упрека поглядѣла на Рѣшетилова.

— Да, мнѣ дѣйствительно тяжело было... проговорилъ тотъ.—Не теперь, а... раньше.

„Для чего это онъ говорилъ“? пришло ему тутъ же въ голову. Но взглядъ Елены Дмитревны, съ ласковой внимательностью остановившійся на немъ, выразилъ столько искренняго участія, что всякое чувство неловкости и недовѣрія исчезло въ немъ.

— Васъ вызвали? спросила Елена Дмитревна.

— Да; впрочемъ, я во всемъ самъ виноватъ—поправился Рѣшетиловъ.—Я оскорбилъ его.

— Вѣроятно, вы имѣли достаточную причину на то? продолжала Елена Дмитревна.

Они стояли другъ противъ друга, въ маленькой гостиной. Рѣшетиловъ держалъ шляпу въ рукѣ; Елена Дмитревна, положивъ пальцы на спинку стула, покачивала его и не сводила съ Рѣшетилова внимательнаго и ласковаго взгляда.

— Присядьте, Ѳедоръ Петровичъ, пригласила она.

— Мнѣ не хотѣлось бы больше надоѣдать вамъ своимъ присутствіемъ... отнѣкивался Рѣшетиловъ; ему въ самомъ дѣлѣ все еще совѣстно было передъ Еленой Дмитревной.

— Съ моей стороны можетъ показаться большою нескромностью, если я стану распрашивать васъ... продолжала Елена Дмитревна; — но если для васъ имѣетъ какую нибудь цѣну искренее участіе...

— Ахъ, вы очень добры, проговорилъ Рѣшетиловъ,

и поставилъ на столъ свою шляпу.—Дѣйствительно, я можетъ быть больше всего нуждаюсь въ участіи.

Елена Дмитревна все также внимательно и ласково смотрѣла на него.

— Я кое-что слышала о вашемъ... романѣ; здѣсь вѣдь любятъ посплетничать. У насъ — когда я говорю *у насъ*, я подразумѣваю наши „хутора“—у насъ знаютъ даже то, что m-me Танищева уѣхала...

Рѣшетиловъ наклонилъ голову.

— Ахъ, не думайте о ней дурно! воскликнулъ онъ вдругъ, и съ какимъ-то ласковымъ чувствомъ довѣрія и грусти взглянулъ на Елену Дмитревну. И ему показалось, что ея серьезные и внимательные глаза говорили въ ту минуту: полноте, откуда вы взяли, что я должна думать о ней дурно? я ни о комъ, ни о комъ не думаю дурно, и для самаго дурнаго человѣка умѣю найти хоть немножко оправданія...

Онъ вдругъ досталъ изъ кармана скомканные листки.

— Вотъ ея письмо ко мнѣ; какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы вы прочитали его! сказалъ онъ.

Елена Дмитревна съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Развѣ вамъ разрѣшено показывать кому нибудь это письмо? спросила она.

— Нѣтъ... проговорилъ Рѣшетиловъ.

— Такъ какое же право вы имѣете предлагать его

мнѣ? возразила дѣвушка, отстраняя листки рукою.— Нѣтъ, я не буду читать его... Нѣтъ, нѣтъ! повторила она, вдругъ какъ-то смущенно вспыхнувъ—я не имѣю права на такое довѣріе.

— Ахъ, вы имѣете его, Елена Дмитревна! возразилъ Рѣшетиловъ.—Ея ужь нѣтъ здѣсь, и не все ли ей равно, одинъ ли, двое ли будутъ понимать ее? А мнѣ кажется, что еслибы вы прочитали эти листки, у нея было бы однимъ другомъ больше... А друзей такъ мало у нея!

— Нѣтъ, нѣтъ! повторила Елена Дмитревна, все съ тѣмъ же смущеніемъ отстраняя письмо рукою. — Когда нибудь, послѣ, вы мнѣ дадите прочесть его; послѣ... когда вы сами многое позабудете и простите.

XIV.

Прошло болѣе мѣсяца со времени разсказанныхъ въ предъидущихъ главахъ приключеній. Дни становились короче, росистая свѣжесть раньше ложилась на землю; ночи стояли долгія, синія и звѣздныя...

Разъ Рѣшетиловъ поздно вечеромъ сидѣлъ въ Лыжевкѣ. Свѣча неровно горѣла въ высокомъ подсвѣчникѣ, и ея непріятный, какъ будто полинялый свѣтъ расплывался по низенькой комнатѣ. Дверь въ садъ была отворена, и налетавшій повременамъ вѣтеръ колебалъ крошечное пламя, и тогда неясныя, прозрачныя тѣни бы-

стро, какъ круги на водѣ, расплывались по освѣщенной стѣнѣ; и низенькая комнатка казалась еще ниже, и темные обои еще темнѣе. А за окномъ было тихо и свѣтло—ночь синѣла, и на каждомъ листкѣ, на каждой песчинкѣ лежалъ лучистый блескъ. Когда вдали смутно и мягко шелестѣли листы—насыщенный запахомъ зелени воздухъ врывался въ дверь, крошечный золотой язычекъ трепеталъ и какъ будто хотѣлъ оторваться отъ свѣчки, и вѣтеръ вздувалъ раскрытую страницу книги.

Рѣшетиловъ сидѣлъ подлѣ *нея*, и странную завлекательность представляла для него фантастическая игра свѣта на ея наклоненномъ лицѣ, полузакрытомъ падавшей отъ рѣсницъ тѣнью, и какъ будто болѣе обыкновеннаго блѣдномъ въ тотъ вечеръ. Онъ всматривался въ эти дорогія черты и старался понять, что говорятъ эти сжатыя губы безъ улыбки, эта круглая бровь съ чуть-чуть обозначившейся надъ нею складкой, этотъ неопредѣленный поворотъ головки, стыдливый и нерѣшительный, эти опущенныя руки съ тонкими, сжатыми пальцами, которыя онъ усиливался разглядѣть въ темнотѣ, и опять эта безпокойная складка надъ приподнятой бровью, за которой трепетала какая-то мысль... Онъ понималъ, что въ этой мысли заключалось все его счастье, и боялся разгадать ее...

Онъ молчалъ; онъ сказалъ такъ много, что ему оставалось только безмолвно ждать ея отвѣта.

Она подняла голову, и отвернувшись отъ него, долго глядѣла въ синюю, теплую глубину, надъ которой слабо вспыхивали звѣзды.

— А Вѣра Павловна? произнесла она тихо, и складка опять безпокойно зашевелилась надъ приподнятой бровью.

— Ахъ, не вспоминайте объ этомъ обманѣ! воскликнулъ Рѣшетиловъ.—Я его пережилъ и... забылъ.

— И простили?

— Да...

— Простили — значитъ поняли, проговорила Елена Дмитревна, и ея глаза, медленно обращенные на Рѣшетилова, остановились на немъ съ выраженіемъ окрѣпшаго и ласковаго довѣрія. Она встала и подошла къ открытой двери, за которой ночь, распростертая надъ садомъ, трепетала синими крылами. Рѣшетиловъ поднялся за нею, и оба стали на порогѣ, всматриваясь въ полутемную глубину, въ которой дрожали и дробились звѣздные лучи. Имъ и мечталось, и грезилось, и что-то близкое и еще нерѣшенное, какое-то подошедшее счастье, носилось и рѣяло надъ ними и вокругъ ихъ.

Я долго стоялъ неподвижно,
Въ далекія звѣзды вглядясь...

началъ Рѣшетиловъ и остановился, и его взглядъ льнулъ къ ея мягко-проступавшему сквозь полусвѣтъ

профилю и развившемуся локону, медленно скользившему съ плеча. Она молчала.

Межь тѣми звѣздами и мною
Какая-то связь родилась...

продолжалъ онъ негромко, вслушиваясь съ какимъ-то благоговѣніемъ въ полную звуковъ тишину ночи и созвучную музыку словъ.

— А дальше? проговорила тихо Елена Дмитревна.

Я думалъ... не помню, что думалъ.
Я слушалъ таинственный хоръ,
И звѣзды тихонько дрожали,
И звѣзды люблю я съ тѣхъ поръ—

кончилъ Рѣшетиловъ. Послѣдній стихъ еще медленно таялъ въ неподвижномъ и пахучемъ воздухѣ, а рука Елены Дмитревны проскользнула въ его руку, и лицо ея смущенно отвернулось.

— Да?... прошепталъ Рѣшетиловъ.

— И навсегда! подтвердили ея раскрывшіяся губы.

. . . . . .

На этомъ мы кончимъ. То, что ожидаетъ ихъ впереди, еще находится во времени—въ томъ неизвѣстномъ будущемъ, на которое оба они смотрятъ теперь сквозь розовую призму.

Но прежде, чѣмъ поставить послѣднюю точку, скажемъ нѣсколько словъ объ остальныхъ лицахъ нашего

разсказа — за исключеніемъ Вѣры Павловны, которая сама сказала о себѣ послѣднее слово.

Танищевъ въ настоящее время сильно хлопочетъ получить одно скромное мѣсто при полиціи, но его довольно сухо принимаютъ у губернатора, и кажется, что старанія его не увѣнчаются успѣхомъ, къ великой досадѣ m-lle Эрнестинъ, сильно желающей доставить себѣ une position. Она сердится и вымещаетъ его неудачи на немъ же, изъ-подъ руки развѣдывая, нельзя ли пристроить себя иначе Объ отъѣздѣ Вѣры Павловны изъ Семиполья Танищевъ еще ничего не знаетъ — и тѣмъ лучше для него, потому что всякій разъ, какъ онъ замѣчаетъ быстрое отощаніе своего кошелька, ему улыбается надежда на великодушіе жены. Впрочемъ, деньги поглощаетъ одна Эрнестинъ, такъ какъ супругъ Вѣры Павловны отказался на время отъ спиртныхъ напитковъ, находя, что пристрастіе къ нимъ вредитъ успѣхамъ при исканіи мѣста; но получивъ отказъ, онъ конечно возвратится къ прежнимъ привычкамъ.

Косовицынъ уѣхалъ по дѣламъ своего к—скаго имѣнія, и въ бѣлогорскомъ уѣздѣ полагаютъ, что онъ нескоро возвратится. Основываютъ же такое предположеніе на томъ, что въ послѣднее время о немъ прошли слухи, разомъ уронившіе его репутацію въ мѣстномъ обществѣ. Слухи эти, какъ оказалось, исходили отъ Авделая Семеновича Методистова, испытывавшаго въ распространеніи ихъ какое-то злобное удовольствіе. Рѣ-

шетиловъ пробовалъ удержать его, напомнивъ данное Косовицыну обѣщаніе, что все происшедшее между ними останется втайнѣ, но Авделай Семенычъ съ несвойственной ему запальчивостью возразилъ:—„это вы обѣщали, а я не обѣщалъ; замѣтьте это!“ Кстати о Методистовѣ: онъ сильно скучаетъ съ тѣхъ поръ, какъ Елена Дмитревна переѣхала къ мужу, а Сергѣй Дмитричъ возвратился къ началу лекцій въ свой университетскій городъ. Отъ скуки онъ даже едва не принялся за свои прежнія затѣи; помѣшало только то, что Елена Дмитревна взяла Ядора къ себѣ, а тутъ и хлѣба сняли. Пріѣзжая къ Рѣшетиловымъ, онъ гоститъ тамъ по нѣскольку недѣль, и начинаетъ сильно жаловаться на одышку.

М-lle Песчаная... но о ней трудно что нибудь сказать. Она застыла на той точкѣ, на которой мы ее видѣли въ теченіе этого повѣствованія. За нее никто не сватается, и она укрѣпляется въ отрицаніи брака; впрочемъ, она попрежнему работаетъ надъ собою и изрѣдка заходитъ къ Рѣшетиловымъ за журналами, въ которыхъ жадно отыскиваетъ имя Чакольскаго.

Послѣдній чувствуетъ себя несомнѣнно лучше всѣхъ. Онъ пристроился къ одному литературному журналу, и его повѣсти имѣютъ значительный успѣхъ... Онъ нашелъ наконецъ точку, на которой сосредоточилъ всю свою желчь и все свое раздраженіе. Эта точка — русская жизнь. Онъ бранитъ ее не только въ повѣстяхъ,

но и въ письмахъ, которыми обмѣнивается изрѣдка съ своими бѣлогорскими знакомыми. На дняхъ Рѣшетиловъ получилъ одно изъ такихъ писемъ:

„Покинувъ ваши прѣсныя страны — писалъ въ немъ между прочимъ Чакольскій — я отрясъ прахъ отъ ногъ моихъ и вступилъ въ міръ безконечнаго саморазвитія и строгой умственной дисциплины. Съ какимъ злорадным смѣхомъ взираю я теперь изъ моего прекраснаго далека на вашу рыхлую среду, въ которой я вращался! Какое глупое и дѣтское то было время! Помнишь, я вѣдь спорилъ съ тобою, старался разобрать, что такое эта внутренняя жизнь, которою ты, бѣдненькій мой, такъ гордился въ простотѣ сердечной—фу, стыдно даже вспомнить! Какъ трезво, и ясно, и строго смотрю я на васъ теперь отсюда! Какимъ мелкимъ и пошлымъ представляется мнѣ ваше ограниченное міросозерцаніе! Ваше заключенное въ изжитыхъ формахъ прозябаніе, ваши надсиженныя усилія вызвать искру свѣта во мракѣ, ваше тупое поклоненіе какой-то придуманной простотѣ русской жизни—понимаете ли вы, до какой степени все это проникнуто гнилью? знаете ли вы, что мнѣ даже здѣсь въ Петербургѣ чихается отъ этой гнили?“

Елена Дмитревна изъ-за плеча Рѣшетилова бѣгала глазами по строчкамъ. Дочитавъ письмо, она въ недоумѣніи взглянула на мужа.

— Что это такое? спросила она.—Я ничего не поня-

ла. За что это онъ бранится? и что все это значитъ?

— Это значитъ, объяснилъ Рѣшетиловъ, что мой пріятель еще стоитъ на распутьи, съ котораго мы съ тобой сошли и къ которому не вернемся.

КОНЕЦЪ.

LE Ap '09

Вед

ИСТОРІЯ ТРУДА, ПРИРОДА И ЧЕЛОВѢКЪ.

Сочиненіе **Феликса Фуку**, переводъ съ французскаго. Спб. 187
Ц. 1 р. 75 коп., съ пер 2 р.

Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ, продающимся въ к
номъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова. Составленъ **В. И. Межевымъ**
указаніемъ на рецензіи, извлеченныя изъ всѣхъ періодическихъ из
и сборниковъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1825 до 1869 года. (
Ц. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

ПЕРВОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ къ систематическому каталогу русс
книгъ, за 1869 годъ, Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВТОРОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ къ систематическому каталогу русс
книгъ за 1870 годъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ **Д. В. Григоровича**, въ семи то
Спб. 1872 г. Ц. 12 р., пер. за 15 ф.

Сочиненія **Генриха Гейне** въ переводѣ русскихъ писателей,
редакціею **Петра Вейнберга**, 11 томовъ. Спб. Ц. 10 р. 50 к.,
за 5 ф.

ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ и военныя поселенія 1809 — 1831, разс
очевидцевъ о бунтѣ военныхъ поселянъ. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 5
пер. за 2 ф.

ЗАПИСКИ ГАВРИЛА ИВАНОВИЧА ДОБРЫНИНА 1762 — 1
Описаніе внутренняго быта высшаго и низшаго духовенства, н
ствія французовъ на Россію и проч Спб., 1872 года, Ц. 2 р. 5
пер. за 2 ф.

ЗАПИСКИ АНДРЕЯ ТИМОФѢЕВИЧА БОЛОТОВА 1738 — 17
I ч. I—VII. Спб., 1871 г. Ц. 3 р., пер. за 3 ф.

ЦѢНА 1 РУБ. 50 КОП.

С 91

Въ книжномъ магазинѣ

А. Ѳ. БАЗУНОВА

(Спб. Невскій проспектъ № 30)

между прочимъ, находятся въ продажѣ слѣдующія книги:

„*Библіотека современныхъ русскихъ писателей*“.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО. Содержаніе: Будка. — Зимній вечеръ. — Тише воды ниже травы. — Нужда пѣсенки поетъ. — Тяжкое обязательство. — Примѣрная семья. — Задача. — Перепутье. — Спустя рукава. Спб. 1871 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

РАЗОРЕНІЕ. Старьевщикъ. — Идиллія. — Зарокъ не пить. Соч. Глѣба Успенскаго. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 50 к.

НРАВЫ РАСТЕРЯЕВОЙ УЛИЦЫ Изъ біографіи искателя теплыхъ мѣстъ. — Прогулка. — Бойцы. — Извощикъ. Соч. Глѣба Успенскаго. Ц. 1 р. 25 к., съ пер 1 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ ВОЛЬФГАНГА ГЕТЕ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

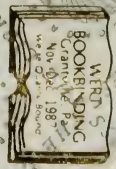
Подъ редакціею **Петра Вейнберга.**

Содержаніе ихъ: Клавиго, перев. **А. Н. Струговщикова**, — Оттилія, перев. **А. И. Кронеберга.** — Двадцать мелкихъ стихотвореній. Торквато Тассо, перев. **А. Н. Яхонтова.** — Эгмонтъ, перев **В. Я. Смирнова.** — Гёцъ фонъ-Берлихингенъ, перев. **М. П. Погодина.** — Ученическіе годы Вильгельма Мейстера, перев. подъ ред. **Полеваго.**

Цѣна первыхъ четырехъ томовъ по 1 р. 25 к., пятаго тома 1 р. 75 к., шестого 1 руб. 25 к.; за пересылку прилагается по 35 к. за каждый томъ.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111


WERT S.
BOOKBINDING
Cranford, N.J.
Nov. Dec. 19

LIBRARY OF CONGRESS
00023296445